

Виктор Сапарин
Забытый
Полдень

2014

**ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ
САПАРИН**

**ЗАБЫТЫЙ
ПОЛДЕНЬ**

Паровая типолитографія А.А.Лапудева
Москва
Георгіевскій переулочъ, домъ 19
2014

Виктор Степанович Сапарин. Забытый Полдень. – Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2014 – 462 с., илл.

Впервые под одной обложкой собраны рассказы Виктора Сапарина (1905–1970), показывающие панораму ХХІ века. В издании сохранены оригинальные иллюстрации.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п. Все материалы получены из открытых источников.

© Виктор Степанович Сапарин, 1949–1973

© Паровая типолитография А.А.Лапудева,
состав, редактирование, 2014

В. САПАРИН

«Почему» и «для чего»

Человек начинает задавать свои «сто тысяч почему» ещё в детском возрасте и продолжает ставить вопросы окружающему миру в течение всей жизни. Жажда познания — чувство непреодолимое. Смешно вспоминать, как в юности я устроил химическую лабораторию в углу комнаты и часами производил реакции превращения, удивляясь бесконечному разнообразию материи и вызывая законное возмущение соседей по коммунальной квартире (в «лаборатории» ведь не было вытяжного шкафа!). Студентом, зачарованный тайной полёта человека, я прослушал необязательный курс авиации. На публичных лекциях Луначарского о борьбе материализма с идеализмом вместе с другими слушателями я дивился пытливости человеческой мысли, её настойчивости в поиске верного ключа к многообразным явлениям мира и поразительной способности материализма объяснять мир и указывать пути к его преобразованию. Разумеется, мы приходили в восхищение от исключительной эрудированности докладчика. Он представлялся нам живым энциклопедистом революционного времени.

Нас было четверо друзей на студенческой скамье, жаждавших познать всё. Потом мы поняли, что познать всё одному человеку не под силу, но на пути к недостижимым целям один из трёх моих товарищей стал академиком, другой — членом-корреспондентом Академии наук, третий — писателем и литературоведом, знатоком Жюль Верна и Герберта Уэллса.

В ту пору мы увлекались теорией относительности Эйнштейна, разбирали схемы электронных ламп, о которых ещё не упоминалось в учебниках, и считали возвышенной наукой астрономию. Нас очень манил космос, тогдашний, необжитый космос, который начинался чуть ли не от московских крыш. Простой, наивный космос, совсем не похожий на сегодняшние космические окрестности планеты с их очень

сложной структурой. Чтобы быть поближе к звёздам, мы залезали на крышу восьмизэтажного дома (выше домов не было) и, гордо вознесясь над булыжными мостовыми, направляли во Вселенную подзорную трубу примерно той же силы, что первый телескоп Галилея. И, как перед Галилеем, перед нами открывались волнующие картины мироздания. Спускаться на землю приходилось кружными путями, разыскивая пожарную лестницу, потому что на прямых путях к науке нас подстерегали жильцы дома, встревоженные топотом ног по железной крыше и готовящие засаду, чтобы накрыть шайку предполагаемых похитителей белья с чердака.

Первоначальные «почему» выросли, становились всё более серьёзными, неутомимо размножались, подобно некоему вирусу беспокойства.

Работая в отделе науки «Правды», я стремился внимательно следить за событиями в научном мире, знал в лицо всех академиков того времени и чем каждый из них знаменит — истории во многих отношениях более увлекательные, чем даже биографии кинозвёзд. Наука настойчиво стучалась в дверь, нет, не стучалась, а входила в рабочую комнату как хозяин, как друг, критик и помощник в послевоенные годы, когда мне довелось редактировать научно-популярные книги.

Мог ли я не попытаться возвратить ей каким-то образом свой долг? Рассказы и повести, вошедшие в книжки «Удивительное путешествие», «Новая планета», «Однорогая жирафа», были первыми такими платежами — попытками показать возможности наук и возможности людей.

Природа сама подсказывает иногда ключ к своим секретам. Известно, что медуза и морская блоха «узнают» о приближении шторма и заблаговременно покидают опасные для них места, — старая рыбацкая примета, подтверждающаяся с точностью, которой ещё не достигли синоптики. Случайный разговор с рыбаком заставил писателя заинтересоваться физикой моря. Оказалось, что медузы и морские блохи улавливают инфразвуковые волны, распространяющиеся в воде и в воздухе от района шторма. Говоря современным языком, кибернетическое устройство в их организме действует таким образом, что, поймав сигнал, медузы уплывают от берега, где

галька может перемолоть их хрупкие тела, а сухопутные блохи уходят подальше от воды.

Так родилась тема рассказа «Голос моря». В рассказе человек, столкнувшись с загадкой, сначала стремится разгадать её, а затем создаёт прибор лучше того, что вышел из мастерской природы после миллионов лет эволюции. В рассказе действуют советские люди, и они подходят к решению проблемы, как и ко всем своим делам, по-советски. Это рассказ о нравственном долге учёного, о творческом поиске и недопустимости равнодушия, о том, что даёт взаимопомощь в науке. Конец традиционно благополучный: оснащённый новейшим прибором океанский лайнер уверенно прокладывает безопасную тропу среди водяных сопок.

О втором конце мне сообщил один товарищ, собиравший факты о сбывшихся предвидениях в научной фантастике. Он сказал, что кто-то, прочтя рассказ, решил создать такой прибор,— и прибор создан. Если это так, то моя роль сходна с ролью медузы, натолкнувшей меня на тему. Рассказ привлёк внимание к проблеме.

Критики, да и сами писатели-фантасты часто спорят о том, много ли науки должно быть в научно-фантастическом произведении. Мне кажется, дело совсем не в том, сколько её, а в том, для чего она существует в рассказе. Писатель-фантаст — не популяризатор, а агитатор и борец за развитие науки для блага людей. И в зависимости от конкретной цели, которую он преследует в том или ином произведении, он берёт столько кирпичей, сколько ему в данном случае нужно.

Когда мы думаем о будущем, о роли науки, которая уже в наши дни всё больше способствует развитию производительных сил общества, о месте и значении науки в жизни людей, мы, конечно, встречаемся и с социальными и с психологическими проблемами. Эти проблемы занимали автора в первую очередь, когда он работал над книгой «Суд над Танталусом». Распространено мнение, что человечество уничтожит начисто всех возбудителей болезней, все зловредные микробы, сотрёт их с лица Земли и планет, которые оно будет осваивать. Ошибка! — восклицает герой заглавного рассказа. Нет вредных и безвредных бактерий, есть уровень наших

знаний о них. «Вредные» бактерии обладают свойствами, которые могут пригодиться человеку, если он использует их действие направленно и целесообразно для нужных ему производственных процессов. И возбудители чумы не уничтожаются, их запирают в непроницаемую «тюрьму микробов», единственную тюрьму, которая существует на Земле, где уже давно не судят людей. В надёжно изолированных лабораториях ведутся смелые и порой рискованные опыты, и, возможно, чуму выпускают — мирную, преображённую, активную, нужную людям.

Рассказ вошёл в сборник, выпущенный издательством литературы на иностранных языках, а затем переизданный во Франции и в США. Американский писатель-фантаст Исаак Азимов в предисловии к сборнику, разбирая «Сердце змеи» И. Ефремова, «Шесть спичек» А. Стругацкого и Б. Стругацкого и «Суд над Тантабусом», поражался тому, что советские писатели в своих построениях исходят из предпосылки: «Если коммунистическое общество будет существовать, то благородство и доброта человека будут свободно развиваться и люди — жить в любви и согласии». Это так непохоже на творения многих западных фантастов, герои которых стремятся перегрызть друг другу горло и на Земле и в космосе. Отвечая Азимову, литературные критики Е. Брандис и В. Дмитриевский совершенно справедливо говорят, что высокий гуманизм является неотъемлемым признаком советской научной фантастики, как и всей советской художественной литературы в целом.

Высокие цели советской художественной литературы накладывают большие обязанности на всех, кто работает в различных её жанрах.

Ныне история развивается не как стихийный, неосознанный человеком процесс. Человек познал законы развития. Организованные усилия людей становятся всё более эффективными движущими силами истории. Наше будущее создаётся на научной основе. Способствовать сегодня всеми силами быстрейшему наступлению коммунистического завтра — общая наша задача, смысл и цель всей деятельности советских литераторов.

Научная фантастика стремится в художественных образах показывать черты будущего, но каких бы проблем она ни касалась — технических, социальных, психологических, моральных, — выполнить свою роль она может, только опираясь на марксистско-ленинскую науку.

Сейчас я работаю над циклом рассказов, в которых пытаюсь показать отношения людей в сравнительно не очень далёком будущем (лет через сто). Там читатель найдёт фантастическую технику, приключения, немного юмора, а главное (как по крайней мере думает автор) — некоторых героев, которые, возможно, запомнятся ему. Два рассказа серии — «Чудовище подводного каньона» и «Лунная рапсодия» — опубликованы в этом году.

Рассказы конца 1950-х, действие которых происходит не только на Земле, но и на Венере, где земляне «контактируют» с венерианскими «первыми людьми», собранные в сборнике «Суд над Танталусом» (1962), представляли сорок лет назад несомненный интерес. Рассказы цикла были первой в советской НФ «мозаичной» картиной Утопии!

НОВАЯ ПЛАНЕТА

В. САПАРИН

Рис. Ю. Коровина

Научно-фантастический рассказ

Сергей держал в руках большой чёрный пакет, в каких обычно хранят фотобумагу.

Вид у моего племянника был необычайно торжественный.

— Ну, дядя, — сказал он, — посмотри на эти снимки. — И высыпал на письменный стол несколько цветных фотографий.

Я не спеша надел очки и взял в руки один из снимков. Он походил на кусок карты, но краски на карте были размыты и очертания не имели резких контуров. Всё было в какой-то дымке, которая в верхней части фотографии переходила в плотную белую пелену.

На других снимках можно было различить отдельные части сферической поверхности, испещрённой линиями и жилками.

Что можно было сказать про эти картинки?

Всякий, кто имел когда-нибудь дело с фотографией, знает, как обманчивы бывают снимки. Горошина, сфотографированная вблизи и отпечатанная с увеличением, покажется незнакомой планетой с таинственными каналами и морщинистыми складками гор. И наоборот, снимок настоящей планеты может выглядеть, как пятнышко на фотопластинке.

— Что это, по-твоему? — спросил Сергей, крутясь во вращающемся кресле — мальчишеская привычка, сохранившаяся в нём, несмотря на возраст.

Я разложил снимки веером, как игральные карты.

— Ну, дядя, — торопил меня Сергей, — отвечай!

— Планета?

Сергей утвердительно кивнул головой.

— Какая? — спросил он. — В этом весь вопрос!

В голосе его прозвучали торжествующие нотки.

— Что это по-твоему? — спросил Сергей

Я ещё раз посмотрел на снимки. Какая же это планета? Венера? Известно, что она закрыта толстым слоем облаков, сквозь которые ещё не проникал человеческий глаз. Впрочем, современная техника фотографирования в инфракрасных лучах даёт возможность фотоглазу видеть и сквозь облака. Но для этого надо фотографировать Венеру не с Земли, а с более близкого расстояния.

Может быть, Марс? Он изучен уже давно. В земные телескопы астрономы рассмотрели много деталей его поверхности и ещё больше засняли своими фотоаппаратами. Карты Марса по своей точности уступают только лунным. Но, конечно, совершенствование аппаратуры и увеличение чувствительности фотоплёнки будут приводить ко всё новым открытиям.

На снимках, которые я держал в руках, были видны тонкие линии довольно правильной формы, проведённые по поверхности планеты в разных направлениях.

Что же это? Знаменитые каналы Марса, о которых было столько споров? Должен сказать, что я не следил последнее время за астрономической литературой, но помню: многие сомневались в существовании этих каналов.

В самом деле, гипотеза была слишком смелой: будто бы на этой планете, где мало влаги, сооружены огромные каналы; вода, образующаяся каждое лето в результате таяния полярных ледяных шапок, течёт по каналам в центральные пу-

стыни Марса, порождая в этих красноватых песках на короткий период жизнь.

На Марсе действительно есть растительность, то расцветающая, то увядающая, в зависимости от смены времён года, — это подтвердили наблюдения советских астрономов ещё в сороковых годах нашего века. Но какое отношение имеют к этому разумные обитатели планеты, вопрос о существовании которых на Марсе, вообще спорен? Возможно ли вообще, чтобы такая исполинская работа оказалась под силу каким бы то ни было обитателям какой бы то ни было планеты?

Однако каналы на снимках были заметны совершенно явственно. Сетка правильных линий покрывала выпуклую поверхность планеты — вернее, её часть на огромном протяжении!

Ну что ж!.. Очень приятно, что наука разрешила, наконец, этот спорный вопрос.

Восторг Сергея вполне оправдан. Особенно, если учесть, что мой племянник работает в институте межпланетных сообщений. Конечно, первым людям, высадившимся на Марсе, очень интересно будет встретиться с марсианами.

Правда, пока сообщений ни с какой планетой ещё не связано. Институт Сергея только изучает возможности таких сообщений в будущем и ищет пути для осуществления этого. Но тем не менее, открытие сотрудников института имеет выдающийся интерес.

— В какой обсерватории снято? — спросил я, кивая на снимки.

Сергей усмехнулся.

— В ракете мало места: обсерватория там не разместится. Портативный телескоп сумели приспособить, и то хорошо!

— Постой, постой! Значит, снимки сделаны...

— С борта космической ракеты, — спокойно подтвердил Сергей. — Без людей, конечно. Пока ещё не было космического полёта человека. Но управляемые с Земли ракеты отправляются нашим институтом в межпланетное пространство

с регулярностью радиозондов, с помощью которых изучается земная атмосфера.

— Зачем же столько полётов? Проверяете работу двигателей?

— Не только. В космическом пространстве ракету подстерегают два главных врага: метеориты — пылинки, несущиеся с огромными скоростями и приобретающие от этого свойства бронебойных пуль, и космические лучи. Эти уж совсем ничтожные частицы обладают такой энергией, что пронизывают насквозь все препятствия. На Земле мы защищены от их опасного действия надёжной бронёй атмосферы. Для ракет тоже пришлось создать подобную броню. В подробности, сам понимаешь, я тебя посвящать не буду. Скажу только одно: всё больше и больше наших опытных ракет возвращается теперь благополучно на Землю. И недалёк, может быть, тот час, когда человек сможет отправиться в первый космический рейс.

— Судя по снимкам, — сказал я, — ракета подошла к этому небесному телу почти вплотную.

— Пять тысяч километров, — сообщил Сергей. — Снято в телескоп с сильным увеличением. К сожалению, не всё ладно получилось с наводкой на фокус. Видишь: есть совсем размытые фотографии.

— А как вы это делаете? Наводите на фокус? — Во мне заговорила жилка фотолюбителя.

— Штука нехитрая, — объяснил Сергей. — Радиолокатор на борту ракеты определяет расстояние до объекта, и фокус устанавливается автоматически. Однако мы отвлеклись. Я задал тебе вопрос. Какая же это планета?

В самом деле, я до сих пор не ответил на вопрос Сергея.

Проще всего, конечно, было бы сказать наугад: «Марс» или «Венера» (речь могла идти¹ только о них) и тут же узнать от Сергея правду. Но мне хотелось угадать самому.

— Ну что ж, — начал я издали, — из большой семьи планет нашей солнечной системы ближе всего к Земле распо-

¹ В книге сохранена орфография источника. Не удивляйтесь словам, которые сейчас пишутся иначе. Например, ИТТИ вместо ИДТИ.

ложены Венера и Марс. Трудно ожидать, чтобы вы послали ракету сразу в самую даль, куда-нибудь за Юпитер, к Нептуну или Урану, не говоря уже о Плутоне. Очевидно, первому обследованию, хотя бы и с некоторого ещё расстояния, подвергнется самая ближайшая к нам планета.

Я остановился. Сергей терпеливо ждал.

— До сих пор ты рассуждал совершенно правильно, — сказал, наконец, Сергей. — Особенно последняя твоя мысль...

Это замечание меня ободрило.

— Такой планетой, — уже уверенно объявил я, — как всем давно известно, является Венера.

Восхищённый своей догадкой и снимками, которые держал в руках, я несколько взволнованно продолжал:

— Эти снимки впервые открывают человеку, как выглядит скрывавшаяся так долго от наших взоров планета. Это...

— Вот тут ты ошибся, — перебил меня Сергей. — То есть насчёт того, что снимки впервые показывают... и так далее, ты прав. Ну, а насчёт того, что это Венера, тут чистейшее заблуждение.

Такого промаха я не ожидал.

Что же ещё может быть близким к Земле? Ах, да!.. Как же я забыл? Астероиды! Эти крошечные планетки целым роём кружатся вокруг Солнца между орбитами Марса и Юпитера. Возможно, что какой-нибудь новый, ещё не известный земным астрономам астероид обнаружился между Марсом и Землёй и космическая ракета, пролетая мимо этой планетки, сфотографировала её с близкого расстояния.

Я поделился своими соображениями с Сергеем, но он только пожал плечами.

— Интересно всё же, насколько я близок к истине?

— По астрономическим масштабам сущий пустяк: тебя отделяют от неё какие-то доли астрономической единицы². Ну, а по нашим земным представлениям порядочно: десятки миллионов километров.

² Астрономическая единица равна расстоянию от Земли до Солнца, что составляет в среднем 149 миллионов километров.

— Да, это промах большой. Тут не скажешь «горячо», как в детской игре.

— А между тем ты почти угадал. Уже многое ты сказал правильно. Планету, которую, ты видишь на снимках, не наблюдал до сих пор ни один астроном, а линии на снимках — оливковая сетка, покрывающая огромные пространства в поле зрения телескопа, это искусственные сооружения, созданные руками её обитателей. Это совершенно бесспорно.

— Как же выглядят эти циклопы? — воскликнул я.

Сергей посмотрел на меня с жалостью.

— Да я думаю, они не особенно отличаются от нас с тобой, — сказал он. — Уж если мы могли послать свои глаза в космической ракете в межпланетное пространство и наблюдать всё окружающее ракету, как если бы сами находились в ней, почему бы этим обитателям неизвестной тебе планеты не применить каких-нибудь изобретений для облегчения своего труда?

— Так ты считаешь, что они по своему развитию...

— О да, стоят на очень высоком уровне!

Сознаюсь: всё это было для меня большой новостью. Сергей смотрел на меня с чувством глубокого удовлетворения.

— Ну, — сказал он, вдосталь насладившись моим замешательством, — в этой папке, — он взял со стола красивую синюю папку, — маршрут ракеты, вычерченный по показаниям приборов, земных и космических, то есть ракетных. Короче: здесь отгадка.

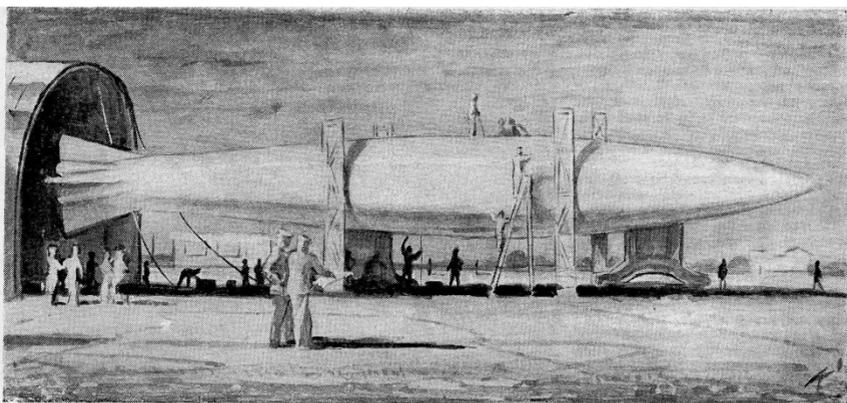
— Ну и что же? — Я протянул руку к синей папке. — В чём же дело?

— Э, нет, — возразил Сергей, отнимая папку. Он убрал её в ящик стола и повернул два раза ключ в замке. — Давай заключим пари. Условие такое: тебе даётся срок — три дня. В течение этого срока ты должен дать ответ. Коротко, в двух-трёх словах. Можно в нескольких вариантах, чтобы тебе легче было угадать. И если хоть один из этих вариантов окажется правильным, ты выиграл. Спорю, что ты не угадаешь.

* * *

Мне не пришлось увидеться с Сергеем ни через три, ни через тридцать три дня. На другой день после нашего разговора он уехал, не сообщив куда. На мои звонки в институт мне отвечали, что мой племянник занят какой-то важной и неотложной работой.

Я не знал тогда, что на другой день после моей встречи с Сергеем было получено разрешение на первый в истории Земли вылет людей в межпланетное пространство: среди трёх человек экипажа был и мой племянник. Он выехал на опытную станцию института, где все космонавты проходили длительную подготовку.

Сама история полёта теперь хорошо всем известна.

Газеты, журналы, книги и кино рассказали о ней во всех деталях.

Но в то время, когда дерзновенный «прыжок» в пространство только совершался, наши смелые товарищи, штурмовавшие небеса, заставили нас немало пережить.

Ракета, стартовавшая с ракетодрома, сооружённого в одном из малонаселённых районов страны, соскользнула, с поверхности Земли и, как управляемый метеор, устремилась к Луне. Бледный диск Луны разрастался, приобретал выпуклость, наконец занял почти половину чёрного неба, видимого космическим путешественникам в иллюминаторы ракеты. Ракета обогнала Луну, описав огромную петлю, и люди впервые увидели и сфотографировали тыльную сторону спутника

Земли, который, как известно, всегда повёрнут к нам одной и той же стороной.

После этого путешественники легли на обратный курс — к большому светилу, красовавшемуся в чёрном небе, на родную Землю.

Тут-то и произошёл знаменитый просчёт, по поводу которого учёные спорят до сих пор. Ошибка в работе одного из приборов на борту ракеты или недостаточно точные теоретические расчёты силы тяги реактивных моторов в меняющихся условиях полёта (заранее всё до тонкости предвидеть трудно) привели к тому, что ракета, вместо того чтобы сесть «тютелька в тютельку» на подготовленную площадку в районе ракетодрома, «промахнулась», правда, немного — километров на пятьдесят. Космонавты решили не разворачивать ракету и, продолжая полёт, приземлиться в одной из запасных зон. Так небесные путешественники очутились в Заволжье.

Жертв не было: конструкция ракеты была весьма совершенной.

Но тут космонавтов ожидало новое «испытание», «самое трудное», как уверял меня впоследствии Сергей.

Люди, столько перенёвшие во время путешествия в космосе, поступили в распоряжение врачей, и те предписали всем пациентам строгий постельный режим в течение недели, запретив на это время почти все сношения с внешним миром.

Вот по истечении этой недели я и получил телеграмму от Сергея:

«Лежу, скучаю, разговаривать разрешают только десять минут в день. В ближайшее воскресенье этот запрет обещают снять. Приезжай, поболтаем».

* * *

В субботу у нас в школе был учительский совет, и пришлось задержаться. Но я позвонил на аэровокзал и заказал билет.

Замечательная это штука — ночной авиаэкспресс: в двенадцать ночи садишься в кабину «воздушной стрелы», устраиваешься в спальном кресле, закрываешь глаза, а просыпаешься на другом конце страны.

...Проснулся я слишком рано. Все пассажиры ещё спали. Самолёт шёл, низко — на высоте двух километров. Я взглянул в окно: бесконечная равнина расстилалась внизу.

В груди моей вдруг что-то толкнулось, словно пушистый котёнок пробежал по коленям и ткнулся мордочкой в подбородок. Ведь я родился в этих местах! И здесь провёл свои детские годы...

Раздвинулись стенки самолёта, всё исчезло, и я, преподаватель истории в средней школе, пожилой, начинающий стареть человек, увидел мальчика, шагающего босиком по укатанной дороге, прислушивающегося к гудению проводов, которые тянутся на столбах за горизонт. Вокруг степь, ровная, необъятная, с неба пышет жаром, и чувствуешь себя, как в огромной русской печи.

Сухие кучки земли, суслики на каждом шагу, сторожащие норки и не очень поспешно скрывающиеся при приближении человека. В воздухе тонкое посвистывание зверьков. Точно сама звенящая трава, жёсткая и ломкая, сухо трещат цикады.

Приложив ухо к телеграфному столбу, долго слушаешь, и кажется, что там, внутри, натянуты струны, по которым пробегает всё тот же жаркий и злой ветер — суховей.

Иногда его опаляющее дыхание окутывает всё дымным маревом, и тогда кажется, что степь горит. Земля тлеет и обжигает ступни, как горячая зола.

Страшна стихийная сила природы! Обыкновенный ветер, лишённый влаги, в несколько недель или дней истреблял урожай, как саранча. Он высасывал влагу из миллионов растений, и, лишённые жизненных соков, они погибали. О, я помню голодный, засушливый 1921 год!..

Кто управляет ветрами на земном шаре? Во все времена существования человечества этим беспрепятственно занималось Солнце. Оно приводит в действие стихийные силы природы во всей подвластной ему солнечной системе.

И никто не думал никогда о том, что можно вырвать у этой звезды хотя бы частицу её власти над судьбами человеческими.

Какая-то воздушная «колдобина» встряхнула наш экипаж. Я взглянул вниз.

Широкая многоводная река блестела и искрилась на солнце; с высоты она казалась застывшей вместе со всеми её струями. Могучая Волга! Зелёные берега её кудрявились. Лес покрывал и высокий и низкий её берега. Казалось, рядом с голубой рекой текут две зелёные реки, сверху представляющиеся такими же неподвижными.

От этих зелёных рек отходили зелёные ручьи и ручейки, местами впадавшие в зелёные озёра — рощи, откуда они снова текли дальше. В зелёной сетке тут и там мелькали голубые пятна настоящих озёр и прудов. В зелёных лесных клетках виднелась зелень другого тона, вернее — других оттенков: от яркой цыплячье-желтоватой до матово-сизой. То были поля.

Степь тянулась без конца, разнообразная, зелёная, с тенью от деревьев, насыщенная жизнью и влагой. Ничего похожего на степь моего детства.

Черепичные крыши проглядывали в зелени садов, кирпичные стены выделялись среди полей густой пшеницы. Высокие здания в два-три этажа, некоторые с колоннами и фронтонами. Может быть, этот городок или посёлок и есть сельцо Степное, по улицам которого я бегал когда-то мальчишкой? А может быть, вот оно показалось в окружении прудов и лесов, которых здесь никогда не было?

Это было похоже на какой-то чудесный сон!

Бывает, что попадешь в город, где ты жил в дни твоего детства. Найдешь улицу, где стоял дом, во дворе которого играл со сверстниками. Но самый дом найти не можешь. Нет его. Большая многоэтажная громадина на целый квартал стоит там, где лепились тесные дворики. И улица — не та улица, как запомнилась она с детства. Всё новое: ширина её, палисадники, дома, деревья, мостовая, и идёт она даже в другом направлении.

Да и город, если уж на то пошло, совсем не тот. Кажется, что попал в новый, чудесный мир, где бродишь с интересом, ко всему приглядываешься, всё для тебя новое, и только вдруг скверик на углу или старое сохранившееся здание апте-

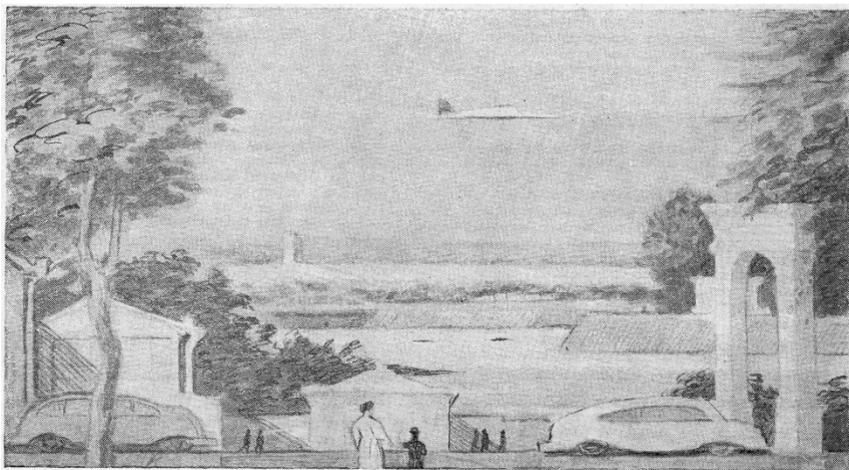
ки напомним остро тебе, что мимо них ты ходил когда-то в школу.

Но построить новый дом, расширить улицу, переделать город — это всё в возможностях человека, к этому мы привыкли.

То же, что было передо мной, опрокидывало все установившиеся представления.

Переделать степь. Да не одну степь, а огромные степные пространства. Обуздать солнце, покорить стихию...

Я вспомнил волнующие дни 1948 года, когда был опубликован сталинский план преобразования природы на огромной территории нашей родины. И годы, последовавшие затем. Я сам участвовал в первых посадках. Миллионы людей ежегодно выходили на рубежи, где создавались тысячекилометровые лесные заслоны против суховеев, истреблявших урожай. Как радовались мы сообщениям о повсеместном перевыполнении великих предначертаний сталинского плана!

А потом... Потом стали осуществляться новые планы, ещё более грандиозные. Невиданно быстрое строительство крупнейших в мире Куйбышевской и Сталинградской электростанций на Волге. Поворот вспять сибирских рек и использование их водных богатств для орошения пустынь солнечного юга. Ангарский каскад с его гидростанциями, преоб-

разующий всю жизнь глухого когда-то края! И другие дела, не менее замечательные.

Посадка же и охрана деревьев стала буднями, естественным, само собой подразумевающимся, привычным делом.

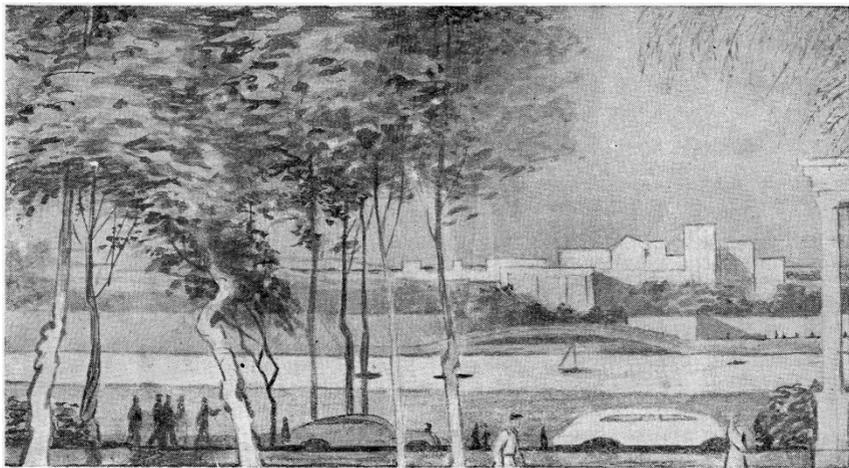
Лично я не то что забыл, а как-то свыкся с мыслью о том, что вот в степях проводится грандиозная систематическая работа, но сами степи представлял себе всё ещё такими, какими они, запечатлелись в моём мозгу ещё с детства.

Мысли эти пронеслись у меня в голове, пока самолёт шёл на посадку. Через минуту он стоял на степном аэродроме — ровной площадке, покрытой травой, как футбольное поле.

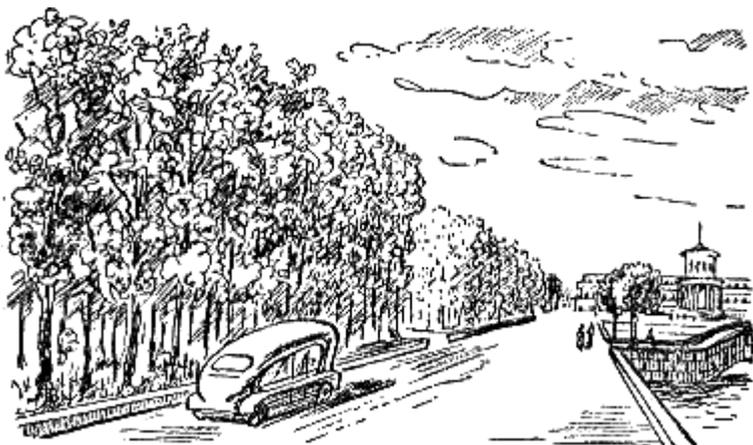
А ещё через минуту санаторный вечемобиль³ вёз нас по гладкой степной дороге.

Показались дубовая роща, огромный пруд или озеро с купальнями и лодками для катанья и даже с небольшим водопадом, широкое здание с массой открытых и застеклённых веранд и балконов и густой парк за ним.

Вечемобиль въехал в ворота и остановился у веранды степного санатория.

³ Вечемобиль — экипаж,двигающийся с помощью электроэнергии, передаваемой без проводов.

* * *

Сергей лежал на кровати и со скучающим видом держал в руках какую-то книгу.

Он очень обрадовался, увидев меня.

— А ты всё такой же, — сказал он, любовно вглядываясь в меня, пока я пересекал огромную комнату. — Ничуть не изменился. Ну, как твои дела? Как успехи у твоих учеников?

— Какие у меня дела! — возмутился я. — Ты Расскажи. Ведь ты побывал там, где...

— Ещё никогда ни один человек... и так далее, — перебил меня Сергей. — Ты что же, пришёл цитировать, что пишут в газетах?

Сергей был в отличном настроении. Он шутил, смеялся.

Рассказ его изобилует множеством интересных подробностей. Но они теперь всем известны, и я не буду их повторять.

Упомяну только деталь, о которой, по-моему, нигде не сообщалось.

Когда ракета на обратном пути подлетала к Земле и космонавты отыскивали на обращённой к ним поверхности земного шара свою посадочную площадку («Мало, знаешь, у нас ещё космодромов», — пошутил Сергей), пришлось сделать небольшой, но довольно резкий поворот, чтобы выправить курс. В этот момент в ракете, рассчитанной на более плавные повороты, возникли такие напряжения, что явствен-

но раздался треск оболочки, а люди были втиснуты со страшной силой в свои поворачивающиеся на специальных подвесках кресла-диваны.

Под влиянием центробежной силы кровь отлила от головы к ногам.

Рассказ его изобилдовал множеством интересных подробностей,

Штурман на минуту потерял сознание. Сергей, по его словам, так обессилел, что не мог шевельнуться.

— Нет, мы советские люди, — упрямо прошептал пилот, не снимая пальцев ослабевших рук с кнопок управления.

— Понимаешь, — рассказывал мне Сергей, — нацелил всё-таки ракету и посадил здесь, в степях.

Мы болтали о том, о сём и не заметили, как прошёл целый час.

Я собрался уже прощаться, как вдруг вспомнил про ту диковинную планету, насчёт которой морочил мне голову перед отлётом Сергей.

— Ну, а встретили вы ту планету, — спросил я. — снимки которой ты мне показывал?

— Разумеется. Мы пролетали очень близко и даже селились на неё. Правда, не особенно удачно.

— Что же это за планета? — воскликнул я. — Поблизости от Луны нет никаких планет. Ты шутишь?

— Дядя, ты очень недогадлив. Ты живёшь на этой планете уже шестьдесят лет.

— Как?

— Это та самая Земля, на которой мы с тобой сейчас находимся.

— Какая же это новая планета? — возмутился я. — Э-э... милый, не ожидал от тебя такой штуки! Ты предлагал пари, а теперь выкручиваешься.

— Дядя, — Сергей посмотрел на меня с искренним состраданием, — Ну как ты не понимаешь? Это самая настоящая новая планета.

— Ну, знаешь... — продолжал я возмущаться. — Смотря, с какой точки зрения.

— Ну, давай взглянем, так сказать, из мирового пространства... Хочешь? Поставь себя на место астронома Марса или, допустим, Венеры. Правда, там нет разумных обитателей, — это теперь доказано. Но предположим, что они есть!

— Если эти астрономы так же внимательно изучают нашу Землю, как мы соседние планеты, они уже давно имеют точное представление о земном шаре.

— Вот именно. И вдруг открывают новую планету!

— Не понимаю.

— Ты только представь себе. На планете, которую марсиане и жители Венеры разглядывают в свои телескопы и фотографируют, может быть, уже не одну сотню лет, появляется вдруг неизвестно откуда новое озеро. На марсианских картах Земли его никогда не было. Марсианские астрономы протирают глаза, но факт остаётся фактом: появилось озеро. «Узбекское море», называем мы это искусственное водохранилище. Оно создано руками советских людей, чтобы изменить природу Земли так, как это нам нужно. Марсиане назовут его, конечно, по-своему и скрупулёзно отметят на своих картах Земли. Марсианские учёные начнут высказывать разные предположения о причинах появления озера. Пойдут споры. А в это время на хорошо изученной ими поверхности планеты обнаруживается ещё одна новость: в телескопы видны какие-то слабые линии. Эти линии с каждым годом делаются всё заметнее. Огромная территория заштриховывается зелёными чёрточками, словно нанесёнными рукой какого-то космического гиганта. Для нас это лесные полосы, изменяющие

природу степей. А для марсиан это предмет новых споров и толков. Марсианские учёные не успевают выступать с гипотезами. Открытия сыплются одно за другим: не существовавшие прежде каналы, искусственные озёра, другая окраска планеты на значительной части её поверхности — и всё это за каких-нибудь три десятка лет, тогда как до этого ничего не менялось. Конечно, с точки зрения жителей Марса и Венеры, это равносильно открытию новой планеты. Во всех марсианских книгах, если бы они там были, Земля описывалась бы до сих пор совсем другой.

— Ну, хорошо, — согласился я. Я был наполовину покорён логикой доводов Сергея. — А с земной точки зрения?

— А с земной — тем более. Ведь мы не только изменяем облик планеты, на которой живём, но и самую жизнь человеческую на Земле. Человек же — самое важное во всей истории Земли. Тебе, как историку это отлично известно.

А если уж говорить о физическом мире планеты, то возьми любой учебник прошлых лет, даже не очень старый, и посмотри хотя бы описание климата в различных зонах в нашей стране. Есть что-нибудь похожее? А распространение растительности по зонам и поясам, северные границы, южные границы — что-нибудь осталось от этих границ? Нет, мы живём на новой Земле. На Земле, во многом переделанной руками советского человека. И знаешь, что я тебе скажу, дядя?

— Что?

— Наш космический полёт был первым. Будут ещё полёты. Всё дальше и дальше. Человек побывает и на Марсе и на Венере. Что он там увидит, нам трудно даже сказать. Но что касается меня, то самой интересной из планет я считаю Землю. Особенно с тех пор, как деятельность человека на ней приобрела космические масштабы. Я имею в виду то преобразование Земли, которое осуществляется советскими людьми. Оно началось на шестой части планеты и разливается всё шире.

— Ну, хорошо, — сказал я. — будем считать, что я проиграл пари.

Сергей засмеялся.

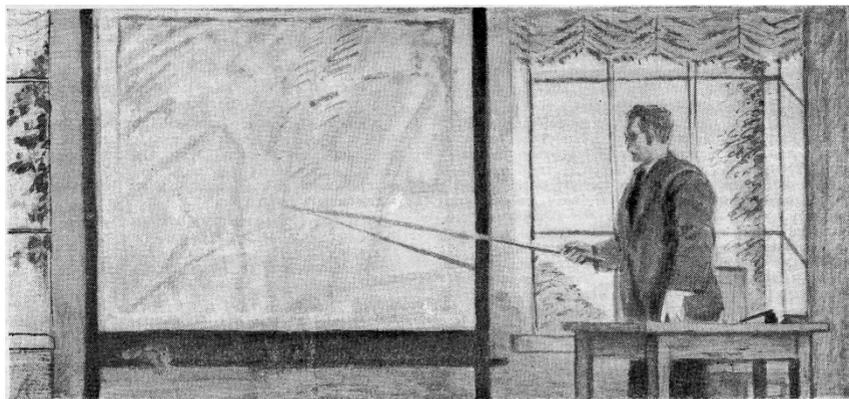
— Ладно, — сказал он. — Я не буду требовать с тебя расплаты.

— Дай мне на память те фотографии, что ты показывал мне тогда, — попросил я.

— Снимки новой планеты? Пожалуйста!

Он прислал впоследствии мне их — только не те, а новые, сделанные во время космического путешествия. Я увеличил фотографии и использую их как пособие при преподавании истории.

По-моему, эти снимки весьма поучительны именно с точки зрения истории человечества.

Я увеличил фотографии и использую их как пособие при преподавании истории

Чудовище подводного каньона

*Научно-фантастический
рассказ*

В. САПАРИН
Рисунки П. Павлинова

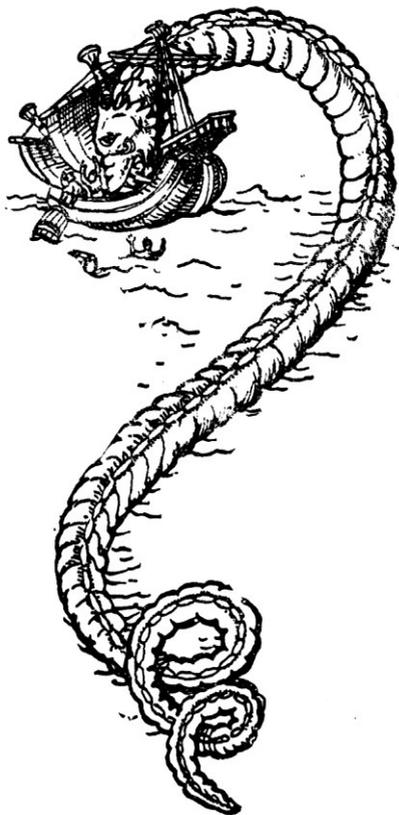
1

Агапов уверял, что, если бы он не находился тогда на Луне, Калабушева не отправили бы в самый глубокий каньон на дне Индийского океана.

— Это один из величайших упрямец в солнечной системе! — говорил он горячо. — Если бы вы дали себе труд обратиться во Всемирное справочное бюро и попросили перечислить наименее подходящих людей для столь ответственной экспедиции, то Калабушева назвали бы в первом десятке.

Те, кто готовил экспедицию, пожимали плечами: Калабушев был не только самым знающим, но просто единственным специалистом по морским змеям на нашей планете. Никто, кроме него, не интересовался полуфантастическими видениями, которые представлялись глазам пьяных или перепуганных матросов в далёкую эпоху парусного флота. А он, как ярый коллекционер, собирал на протяжении всей жизни эти легендарные истории, выкапывая их из старинных книг и газет, изучая давно забытые архивы. Вряд ли Всемирная кибернетическая библиотека с её миллиардами отсеков, в электронную память которых вот уже третий год вводились все основные сведения, добытые человечеством за предыдущие века, располагала хотя бы тысячной долей тех данных, кото-

рые находились в распоряжении Калабушева. И только он один мог сказать, что в его шкафах, набитых фотокопиями собранных со всего света документов, представляло хоть видимость научной ценности, а что следовало отнести к чистой фантазии. Но и он мог ошибаться. Этот упрямец верил в существование морских змеев, несмотря ни на что.

Изображение морского змея, взятое из старинных книг.

Конечно, если бы налицо имелся ещё хотя бы один знаток морских змеев, комиссия могла думать, кого из них посылать. Но выбора не было. Не послать же Калабушева в экспедицию, право на участие в которой он заслужил более чем кто-либо другой на свете, было бы слишком жестоко и несправедливо.

Но так или иначе, а сейчас уже поздно было рассуждать, почему в экспедицию отправили именно Калабушева.

Когда споры, поутихли, председательствующий академик Лавров перешёл к главному:

— Сейчас мы должны решить, собственно, не менее важный вопрос: кого послать на розыски Калабушева?

Все почему-то посмотрели в мою сторону. До этого момента я полагал, что меня пригласили в качестве эксперта-глубоководника. И действительно, в ходе прений мне было задано несколько специальных вопросов.

Но теперь от меня ждали чего-то другого.

— Что скажете, капитан? — подбодрил меня Лавров.

— Экспедиция более ответственная, — сказал я, — чем та, первая. Калабушев мог не найти своего морского змея — особой трагедии не произошло бы. Не найти Калабушева — совсем другое дело.

— Мы это понимаем, капитан, — прищурил глаз Лавров.

— Я не отказываюсь, — сказал я. Меня немного раздражал его прищуренный глаз. — Вопрос в том, кто лучше подготовлен для такого дела. Его и надо отправить. Мы не должны повторить ошибки с Калабушевым.

— Какие у вас отводы?

По традиции человек, получающий ответственное задание, обязан назвать недостатки, если они у него есть, которые могут помешать выполнению задания.

— Отводов нет, — возразил я, — но соображения есть. Прежде всего, я не верю в существование вашего знаменитого чудовища. Я облазил едва ли не все самые глубокие дыры Мирового океана и, могу вас заверить, ни разу не встречал ни морского змея, ни «Летучего голландца».

— Но в существовании Калабушева вы не сомневаетесь?

Глаз Лаврова оставался прищуренным, и это действовало мне на нервы.

— А вам предстоит искать именно Калабушева, а не змея, — закончил Лавров. Он отвечал мне на моего «Летучего голландца».

— Насколько я понимаю, Калабушев и змей должны быть где-то вместе, — пробормотал я. — Повадок же змея я не представляю.

— Никто из глубоководников не верит в морского змея, так же как и вы. Но вы один из опытейших глубоководных асов. Это же спасательная экспедиция.

— Тогда, — сказал я, — переведём разговор на деловую основу. Если вы поручаете операцию мне, я берусь в течение двух часов подобрать экипаж, на который...

— Экипаж? — перебил меня Лавров. — Ни о каком экипаже не может быть и речи. Вы пойдёте один.

Я внимательно оглядел лица сидевших в креслах. Нет, это не та компания, которая собирается, чтобы разыгрывать на досуге бывалых капитанов.

— Вопреки всем правилам?! — поразился я. Я покачал головой. Только что во всех деталях обсудили, к чему привело отступление от правил при организации экспедиции Калабушева, как тут же планируют новое крупнейшее нарушение! Было чему удивляться.

— Всё очень просто, капитан, — сказал Агапов. — Калабушев пошёл на «Скате». Никто не знает, в какую он забился щель, от него никаких сигналов. Значит, разыскивать его надо тоже на корабле-малютке. Скажем прямо: вам придётся, может быть, путешествовать не только под водой, но и под землёй.

Да, я уже слышал, конечно, о лабиринтах Тумберлинка. И версию о том, что это катакомбы, опустившиеся под воду. Может быть, там, где-нибудь в двадцать пятом колене, и обитает морской змей. Вполне возможно. Никто не побывал ещё в странных норах, словно пробуравленных кем-то в подводных скалах. Кроме разве Калабушева. Тот, конечно, мог наплевать на все запреты.

— Но ведь «Скат» двухместный, — сказал я. Не то чтобы я боялся. Но соблюдение некоторых элементарных правил входит в кровь и плоть старых глубоководников. Мы не мальчишки.

— Второе место может понадобиться кому-то из спасаемых, — просто сказал Лавров.

Я понял теперь их мысль. Они считали, что «Скат» Калабушева застрял в подводно-подземной ловушке. Вытащить судно на буксире, вероятно, не удастся. Значит, видимо, придётся осуществлять «пересадку» пассажиров.

— Кто напарником с Калабушевым? — спросил я.

— Титов.

Титова я знал. Абсолютно уравновешенный человек. Спокойный до флегматичности. Отличный «компенсатор», если можно так выразиться, для Калабушева. Данную ему инструкцию ни за что не нарушит, ни против одного пункта не пойдёт, хоть взорвись всё вокруг.

— Кто начальником из них?

— Калабушев.

Положительно мне суждено сегодня без конца удивляться странностям комплектования этой экспедиции.

— Калабушев не имел морального права соглашаться! — сказал я горячо.

— Почему? — удивился Лавров. — Ведь он действительно своего рода специалист.

— Но вы-то, вы! — настаивал я. Теперь я разделял возмущение Агапова. Вы как могли согласиться на назначение Калабушева?

— А надо было начальником экспедиции назначить Титова? — Лавров смотрел на меня холодно и испытующе. Сейчас он начнёт припирать меня к стенке. Я уже слышал, что он владеет искусством доказательств не хуже, чем чемпион мира по классической борьбе всеми её приёмами. — Первый раз, — в голосе Лаврова послышался оттенок удивления, — первый раз я отправил бы экспедицию, начальник которой не верит в её цели, совершенно к ним равнодушен и не знает ни на грань предмет исследования. Вот это уж действительно было бы отступлением от всех правил!

Я промолчал.

Титов, конечно, хороший глубоководник. Но его специальность гидроакустика. Резон в рассуждениях Лаврова есть.

— Известные биологи-глубоководники оказались занятыми. — Лавров угадал мою мысль. — Из свободных ни один

не подходил ни по характеру, ни тем более по технической квалификации.

Да, уж Титов мастер глубокого плавания, ничего не скажешь. Конечно, если уж начали с Калабушева, остальное вытекало одно из другого. Всё сходилось к Калабушеву, точнее, к морскому змею, в существование которого он упрямо верил.

— Ведь путешествие не считалось опасным, — заметил Лавров. — Никто не поручал им обследовать Тумберлинк. Просто крейсирование вдоль каньона — и всё. Что произошло, никто не знает.

— Скажите, — спросил я Лаврова напрямик, — а вы сами верите в этого...

Лавров улыбнулся.

— Я понимаю ваше недоумение. В двадцать первом веке — и вдруг старые матросские сказки. Но, видите ли, сказки это или нет, может окончательно выясниться именно в нашем веке. Парадокс? Никакого парадокса. Зоологи до сих пор спорят о некоторых представителях даже сухопутной фауны, были они или нет. А когда в прошлом веке учёные обнаружили кистепёрую рыбу, они не хотели верить своим глазам. Считалось, что последние латимерии вымерли несколько десятков миллионов лет назад, уступив место другим видам. А потом поймали ещё несколько латимерий. Что же, вы думаете, ископаемые рыбы стали возрождаться? Ничего подобного. Наука расширяла поиск — и больше латимерии стало попадаться на глаза учёным. Вспомните, что океаны во всей их толще начали обследовать сравнительно не так давно, а объединить свои усилия так, как это теперь делают учёные всей Земли, раньше они тоже не могли.

— Но морских змеев что-то до сих пор не попадалось, — заметил я.

— Их, этих змеев, может быть, всего один или два, — серьёзно сказал Лавров. — И вот где-то в последнем убежище их нашли.

— Раньше они почему-то чаще попадались на глаза, — сказал я. — И не стеснялись людей. Если верить сочинениям, которыми набиты шкафы Калабушева.

— Калабушев считает, что морские змеи — глубоководные существа, — всё так же серьёзно разъяснял Лавров. — А на поверхность выносились их трупы. Волнение, ветер и воображение людей придавали им облик живых. Потом их съедали птицы и рыбы. Существа вымирали, и поэтому их перестали встречать. Но, возможно, одна пара осталась.

— Я лично...

— Я учёный, — сухо прервал меня Лавров. — Мне нужны факты. А всякие «верю» или «не верю» не область науки.

— Я просто хотел сказать, — с ходу парировал я, — что Калабушев, возможно, как раз сейчас берёт интервью у последнего из последних змеев. И что я лично сделаю всё, что от меня зависит, чтобы это интервью не пропало для науки. Не гарантирую, что доставлю вам сюда морского змея, но Калабушева разыскать постараюсь.

Моя задиристость не очень их удивила. Они, должно быть, уже знали кое-что обо мне.

— Отлично, — сказал Агапов. — Я всегда считал, что правильный выбор состава экспедиции — половина её успеха. Когда вы собираетесь отправиться, капитан?

— Через пятнадцать минут после того, как вы ответите мне на последний вопрос.

— Говорите.

— Что вам известно о характере Калабушева? Ведь вы его как будто хорошо знаете.

— Понимаю. Я должен сказать то, что может облегчить ваши поиски.

— Вот именно. Я должен представить себе, как бы поступил в том или ином случае Калабушев. Как поступил бы человек моего склада, я представляю. Как поступит Титов, я знаю точно. Про его действия я могу рассказать точнее, чем про свои. Таким образом, в уравнении одно неизвестное, от которого зависит всё. Я не психолог, но мне придётся заняться психологией.

— Трудно сказать, как поступит человек в неожиданных обстоятельствах, — в раздумье сказал Агапов. — Известно одно: он очень упрям. К змеям у него страсть коллекционера.

Представляете, на что способен такой человек, если ему представится реальная возможность пополнить свою коллекцию, допустим, самое маленькое — фотографией настоящего змея! Или хотя бы чего-то неизвестного нам, что принимали за змея. Что сказать ещё? Он бесстрашен. Не знаю, не является ли это в данном случае осложняющим обстоятельством. По профессии он спелеолог.

— Спелеолог! — Я потёр лоб. Этого ещё не доставало!.. Я вспомнил опубликованную недавно статистику Контроля безопасности. Из неё вытекало, что по количеству несчастных случаев спелеологи занимают одно из первых мест среди других исследователей природы. Они залезают в такие тараканьи щели, где ничтожный сдвиг глубинной породы может привести к опасным последствиям. Основная причина, пояснил представитель Контроля безопасности, большинства происшествий — в нежелании исследователей укреплять пещеры и подземные ходы до первого проникновения туда людей. Те, с кем что-то случалось, как правило, хотели сначала изучить открытую ими полость земли в нетронутом виде, в каком её создала природа. А потом уже они собирались пробивать запасные выходы, оборудовать комфортабельные штольни, ставить подпорки и защитные сетки. Далее, помнится, излагались советы Контроля безопасности, как сочетать требования науки и условия безопасного пребывания людей под землёй. Дошли ли только эти здравые рекомендации до Калабушева?

— Всё ясно, — сказал я. — Я отправлюсь немедленно.

— На аэродроме ждут, — сказал академик Лавров.

2

В эпоху парусного флота, когда морские змеи встречались так же часто, как непредугаданные штормы и штили, всякое порядочное описание морского путешествия начиналось с характеристики судна.

«17 июня 1741 года я ступил на палубу «Сидонии», — читал я в одной из фотокопий, пачкой которых снабдили меня на дорогу. — «Сидония» представляла собой прелестную трёхмачтовую шхуну водоизмещением в 500 тонн, с такими

искусными обводами носовой части, что они вызывали восхищение у каждого настоящего моряка».

Я решил, что не стоит нарушать эту традицию. Тем более что некий юный герой, ступивший на палубу прелестной «Сидонии», спустя некоторое время получил возможность собственными глазами разглядывать морского змея, что, возможно, предстоит и мне.

На «палубу» «Ската» я ступил на суше. Неспециалисты-глубоководники, возможно, не знают, как выглядит и что представляет собой «Скат». Ничего похожего на известные всем автоматические драги — огромные машины, ползающие по дну океанов и подбирающие руду, похожую на рассыпанную картошку. Мало сходства и с глубоководными исследовательскими или тем более туристскими суднами, изображениями которых пестрят страницы журналов. Ни подавляющих воображение размеров, ни могучих горизонтальных и вертикальных винтов, ни струйных аппаратов, действующих по принципу реактивного движения. Ни, замечу тут же, комфорта внутри.

Представьте себе геометрически правильный шар из прозрачного материала диаметром около двух метров. Шар, как планета Сатурн, опоясан плоским кольцом, вытянутым в одном направлении таким эллиптическим блином. Блин толще там, где он примыкает к шару и совсем тонкий по краям.

Вот, в сущности, и всё. Если не считать, конечно, тысячи дополнительных устройств. Не всякий заметит, что прозрачный шар двойной, то есть внутри наружного шара находится внутренний. Внутренний шар и есть та гондола, в которой я сижу. Он так сбалансирован по центру тяжести, что моё сиденье и пустующее кресло напарника, все приборы и рукоятки управления занимают одно и то же положение в пространстве независимо от того, как ведёт себя наружная оболочка со своим блином. «Скат» может плыть хоть «вверх животом», я этого даже не замечу. Что касается того, что я назвал «блином», то это и обводы судна, и его двигатель, и движитель, и осязающее устройство. Гибкое, словно мускулистое, «туловище» может принимать самую различную

форму, изгибаться, совершать колебательные движения частично или целиком — словом, плыть естественно и непринуждённо.

С точки зрения манёвренности лучшего глубоководного аппарата свет ещё не видел. Предназначенный для детальных обследований горных хребтов и долин, узких каньонов и кратеров подводных вулканов, он по безопасности не имеет себе равных. Сколько я ни плавал в глубинах, я ни разу не видел, чтобы какая-нибудь живая рыбина, пусть самая крупная и неуклюжая, застряла бы где-нибудь в каменной подводной ловушке. А «Скат» последней модели по своей чувствительности к окружающей среде и техническому оснащению превосходит любую самую ловкую и сильную владычицу подводного царства. Для Калабушева избрали правильное судно. «Скат» может легко удрать от любого морского змея или парализовать его электрическим зарядом, если бы это понадобилось.

Итак, я сидел в кабине, а «Скат» был подвешен к вертолёту, который мчал нас в отдалённейший район Индийского океана. Я предпочёл занять место в кабине ещё на аэродроме. Конечно, самозадраивающиеся устройства срабатывают и в воздухе и в воде, но посадка «всухую», во-первых, отнимает меньше времени, и, во-вторых, что там ни говори, более надёжна. Я не хотел рисковать тем, что какой-нибудь винт не займёт нужного положения из-за пустячной причины вроде тряски и автоматы откажутся погружать «Скат». Мне это ничем не грозило, но Калабушеву и Титову пришлось бы дожидаться меня гораздо дольше. Опыт выдавших виды глубоководников в том и заключается, что они учитывают тысячи мелочей, до которых не всегда доходят «мозги» приборов.

Я подумал о Титове и Калабушеве. Калабушев бесстрашен. Но мне представлялось, что его бесстрашие или его мужество, не знаю, как лучше назвать, — бесстрашие одержимого. Вывести же Титова из состояния душевного равновесия почти невозможно.

Почти?.. Гм... Меня стали одолевать сомнения. В самом деле. Титов всегда находился в окружении глубоководников, людей, владеющих собой и не фантазёров. С партнёром типа

Калабушева он встретился впервые. И вот они заперты вдвоём в тесной кабине. Что произойдёт, если «кремень» Титов будет подвергаться в этих условиях воздействию «огнива» Калабушева? Какие искры высекутся? Мне приходилось видеть людей, которые уже в пожилом возрасте впервые принимали участие в охоте. Иные с иронической улыбкой брали в руки ружьё, но после первого же выстрела вдруг совершенно преображались. Не мог ли азарт коллекционера или охотника овладеть и Титовым?

Прямо на меня смотрела морда какого-то чудовища.

Перебирая вручённую мне пачку фотографий, я стал пристально разглядывать ту, из-за которой, собственно, и разгорелся весь сыр-бор. Её передала телекамера, спущенная на длинном тросе с борта надводного исследовательского судна. Прямо на меня, то есть прямо на камеру, смотрела морда какого-то чудовища. Три глаза на лбу сверкали холодно и бездумно. Взгляд существа, стоящего на низкой ступени развития, действующего без всякого проблеска сознания, рефлекторно, словно автомат. Страшный взгляд, от которого мороз продирает по коже. Широко раскрытая пасть, свидетельствующая о развитой функции хватания, могучий капкан с неров-

ными, грубо выделанными зубьями. О размерах пасти судить трудно, так как неизвестно, с какого расстояния сделан снимок.

От такого зверя можно прийти в ажиотаж, даже не будучи заражённым одержимостью Калабушева. Легко представить, что ощутили бы разведчики, если бы они встретились с подобным чудищем лицом к лицу.

Я перевернул фото. На обороте краткая выписка из научного протокола. Телекамера передала снимок. Затем — это наблюдали на экране на борту судна — раскрытая пасть вдруг резко придвинулась к камере, мелькнул сверкнувший в луче света зуб, наблюдатели увидели что-то похожее на глотку, и наступил мрак. Трос, к которому была привязана камера, натянулся, как леса, когда попадает крупная рыба. Попытки вытянуть добычу ни к чему не привели. После десятиминутной борьбы, во время которой трос то наматывали на барабан лебёдки, то спускали, чтобы ослабить натяжение, он оборвался, и чудовище, заглотившее камеру, исчезло. Судя по размерам камеры, существо, с такой лёгкостью расправившееся с ней, должно быть не маленьким.

Биологи ничего похожего не выдвигали и не описывали в своих трудах. Разгорелись споры, в которые неожиданно вмешался Калабушев. Увидев фото, которое передавали по земному телевидению, он «опознал» в незнакомом чудовище морского змея. В доказательство он привёл несколько тысяч письменных, запротоколированных свидетельств и рисунки художников прошлых веков.

Одно из «доказательств» находилось в моих руках, в той же пачке фотокопий. Трёхглазое чудище с раскрытой пастью гналось за утлым судёнышком, удиравшим на всех парусах. На корме один из матросов стоял на коленях и простирал руки к небу. Туловище змея скрывалось в воде, над поверхностью выступали только похожие на горбы верхушки толстых колец. Это не совсем сходилось с версией Калабушева насчёт того, что морские змеи на поверхность поднимались только мёртвыми, зато «портретное сходство» почти полное.

— Капитан, вы не заснули? — окликнули меня.

С экрана на меня смотрел улыбающийся Агапов.

— Всё в порядке. Пытаюсь построить какую-нибудь правдоподобную версию. Не вести же поиски наобум!

— Попробуйте, — ободрил меня Агапов. — Я специально прилетел с Луны, чтобы участвовать в разгадке. И выслушал уже по крайней мере десятков гипотез. Ваши соображения особенно интересны.

— Я исхожу из самого крайнего предположения, — сказал я. — Случилось что-то такое, что заставило забыть даже такого человека, как Титов. Командиром судна оставался всё же Титов, и по инструкции он мог не подчиниться Калабушеву, если бы тот потребовал от него, допустим, неразумных действий. С другой стороны, Титов, если бы он и предпринял что-то выходящее за обычные рамки, непременно информировал бы заранее о своём решении судно, крейсирующее на поверхности. Вывод один: он не успел этого сделать. Произошло внезапно что-то такое, что разом вывело из строя Титова.

— Например, «Скат» налетел на подводную скалу из-за ошибки локатора?

— Тогда бы автоматы передали на поверхность сигнал бедствия.

— Значит...

— Логически рассуждая, — вздохнул я, — приходим к выводу, что Титова вывело из строя не какое-то физическое препятствие, а чисто психологический фактор.

— Не хотите ли вы сказать, что Титов мог, попросту говоря, психануть?

— Нет. Просто Титов мог чему-нибудь очень сильно удивиться. На миг. А секунду спустя, когда он вполне овладел собой, действовать оказалось поздно.

— То есть они встретились со змеем?

— С чем-то глубоко поразившим Титова.

— И это «что-то» реагировало первым и первым напало на «Скат».

— Не так просто, — сказал я. — Автоматы сработали бы. И, уж во всяком случае, картина того, что произошло, лежала бы сейчас у нас в руках в виде катушки с магнитной записью. А мы не получили даже фото.

Разговор оборвался.

Сквозь нижнюю часть кабины я видел поверхность океана. В полосе, ограниченной плавучими радиомаяками, шли огромные грузовые корабли плавных, обтекаемых форм, один за другим, словно в кильватерном строю, не оставляя ни полоски дыма. Картина, мало похожая на фотокопии, которые я продолжал держать в руках. Мы пересекали Великую транс-океанскую дорогу, связывающую порты — конечные станции трансконтинентальных железных дорог. Товарные составы продолжали путешествовать морем, чтобы потом снова стать на рельсы.

Потом внизу снова распростёрлась водная пустыня. Мы приближались к району, лежащему в стороне от морских шоссе.

Прямо под нами прошло стадо китов. Его пасли пять крошечных корабликов, которые могли нырять и даже плыть под водой не хуже своих подопечных. Четыре кораблика-пастуха шли по бокам стада, а пятый замыкал шествие. Я знал, что они создают в воде электрическое поле, которое не даёт китам выйти за пределы ограждения.

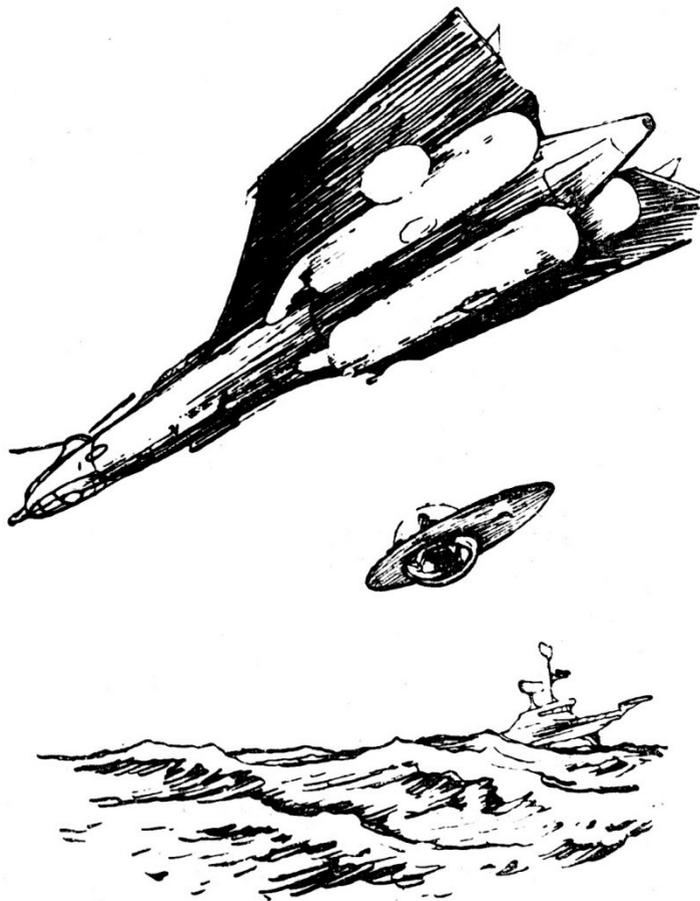
Впереди плыли «вожаки» — механизированные макеты животных, за которыми тянулось всё стадо. Сколько я ни смотрел, я не мог отличить настоящих китов от имитации. Головные киты, настоящие или искусственные, спокойно рассекали воду, ударяя мощными хвостами, иногда играя, показывали широкую спину или уходили под воду, выбрасывая по возвращении на поверхность высокий фонтан, — и всё это совершенно одинаково. Остальные, обыкновенные киты, шли за ними.

Китам, наверно, казалось, что они просто плывут. На самом же деле стадо перегоняли на пастбище, богатое планктоном.

И вот, наконец, небольшое судно, стоящее на месте. Исследовательский корабль «Искатель».

— Приготовиться! — говорит Агапов.

Меня сбрасывают аккуратно, по всем правилам. Я падаю, как семя вяза, чуть планирую, касаюсь поверхности воды почти горизонтально и тону. Через минуту включаю двигатели. Тело «Ската» начинает шевелиться, и тут же появляется акула.

Меня сбрасывали в океан по всем правилам.

Такой красоты я не встречал ещё ни разу. Когда она делала первое кольцо и проходила перед моими глазами, мне показалось, что её туловище будет тянуться без конца. Не думайте, что я не имел дела с акулами. Но о таких экземплярах ходят только легенды. Акула, видимо, основательно про-

голодалась — нападать на китов, защищённых электрическим током, не так-то просто, и «Скат» заинтересовал её отнюдь не с точки зрения чистой любознательности. За кого она приняла плывущее в воде, работающее всем туловищем «существо», не берусь судить, но, едва описав второй круг, бросилась на мой корабль.

Акула впилась в самый край «Ската», словно собиралась отхватить от него кусок. Но совсем тонкая кромка плавника «Ската» прочнее стали. Я включил ток. Серповидная пасть разжалась, длинное туловище перевернулось вверх брюхом, и «тигр глубин» стал всплывать, как бревно.

— Примите трофей, — сообщил я наверх. — Сгодится для музея.

— Держите корпус под током, — посоветовал Агапов.

Он уже высадился с вертолёта и находился на борту «Искателя». Моё местопребывание автоматически отмечалось там на экране, снабжённом шкалой глубины. Я подумал о том, как же надводные наблюдатели ухитрились потерять след Калабушева и Титова? Ведь на экране виден не только мой «Скат», но и контур дна, вычерчиваемый локатором.

«Скат» опускался на дно, делая колебательные движения то в одну, то в другую сторону. Потом я перевёл корабль на снижение по крутой спирали. Само собой разумеется, что моё кресло находилось всё время в горизонтальном положении, и я мог спокойно наблюдать за окружающей обстановкой. «Блин», окаймляющий кабину, постепенно сплющивался, уменьшая объём с повышением глубины. Это тоже была одна из хитростей его устройства.

Вода темнела и темнела, и я, наконец, включил свет. Длинная и тощая рыбина с выпученными глазами подошла почти вплотную и уставилась на огонь.

Последние километры я странствовал в полном одиночестве. Время от времени я проверял связь. И на ультразвуке и на тех радиоволнах, что проходят через воду, аппаратура действовала безотказно. Я видел на экране лицо Агапова почти без искажений. Он смотрел на меня внимательно и настойчиво.

Что же всё-таки подстерегло Титова? Я снова подумал о Титове, потому что он управлял «Скатом». Внезапный приступ болезни? Он был абсолютно здоров — его проверяли перед спуском. Потом приборы сообщили бы о любых существенных изменениях в его организме. Я сижу, откинувшись в кресле, всматриваюсь в мерцающий туман, за которым начинается стена мрака, мурлычу что-то под нос, а наверху, на палубе «Искателя», знают, как бьётся у меня пульс, слышат моё дыхание и исследуют меня всё время так, словно я нахожусь в клинике у докторов.

Локаторы запищали: на всех экранах появились скалы; они окружили кабину, словно собирались её раздавить. В тот же миг донный локатор сообщил, что мой «Скат» сейчас ляжет на грунт. Очевидно, я попал в яму, углубление среди скал. Не очутился ли в таком же колодце «Скат-1»? Нет, приборы доложили бы об этом.

Осторожно маневрируя, я выбрался из ловушки.

— Что там? — спросил Агапов. Он наблюдал за мной непрерывно. На его экране неразличимы те детали дна, которые вижу я.

— Порядок, — отвечаю я, ведя «Скат» между почти отвесными стенками.

— Не спешите, — советует Агапов. — Исследуйте каждый метр.

На миг мне приходит в голову почти фантастическая мысль. А что, если где-нибудь на дне лежит корабль, затонувший в стародавние времена? И «Скат-1» проскользнул в открытый люк, а потом застрял в полуразрушенном трюме. Металлическая обшивка корабля не пропускает радиоволн, отсюда перерыв связи. Но нет! Эта версия отпадает: Титов не полез бы в трюм, не поставив в известность «Искатель» и не получив согласия. А Калабушеву незачем было толкать Титова на столь рискованные действия. Разве только что змееведу померещился в зияющей дыре затонувшего корабля хвост морского змея.

Я выбрался на относительный простор. Передо мной лежал каньон, узкий и глубокий. Я решил идти над самым дном. Локатор рисовал на переднем экране картину ущелья

до его поворота. Прожектор, который я включил, пронизывал толщу воды на несколько десятков метров. Я различал далёкие и близкие тени.

Слева лежала густая тень. Я приблизился и, посветив, увидел, что стенка каньона здесь как бы подмыта: внизу образовалось что-то вроде жёлоба.

— Поищу в щели! — сказал я Агапову.

Тот не ответил. Я взглянул на экран: изображение исчезло. Приборы, контролирующие связь, показали: связь не действует.

Аппаратура не могла выйти из строя. Приборы, следящие за её состоянием, докладывали: всё в исправности. Будь иначе, они давно подняли бы панику.

Машинально поднял я глаза вверх. В затруднительных случаях мы иногда ищем почему-то решение на потолке. И увидел ответ. Скалы, нависшие над моим «Скатом», отсекали его от внешнего мира. Ни ультразвук, ни радиоволны прямого распространения не доходили до «Искателя». Для наблюдателей там, на борту, я исчез — с экрана и из всех каналов связи. «Искатель» должен был подвинуться правее от моего курса вдоль каньона, и связь моментально восстановилась бы. Прежде чем лезть сюда, мне следовало договориться о манёвре связи с «Искателем». Сейчас я должен немедленно выйти из жёлоба, и меня тотчас же увидят и услышат.

Не ту же ли ошибку совершил Титов? Я сделал непростительный мелкий промах, но он помог мне разгадать причину возможного неожиданного перерыва связи со «Скатом-1». Объяснение оказалось на редкость простое. К сожалению, подобные элементарные глупости случаются и с опытными глубоководниками.

Я протянул руку к рычагу управления «Скатом» и... замер. Впереди, в самой глубине каньона, шевелилось и изгибалось какое-то длинное тело. Во всяком деле я люблю точность, но сколько я ни старался как можно хладнокровнее прикинуть на глаз размеры чудовищного существа, почти заполнившего каньон, у меня никак не получалось меньше ста метров. Я бы не поверил никому, кто попытался бы расска-

зять мне о чём-то подобном, но не верить своим глазам я не мог.

Я тотчас снял руку с рычага. Прежде чем выводить «Скат» из жёлоба-укрытия, следовало кое-что обдумать. Я попробовал смерить расстояние до «змея» — буду называть его так — с помощью локатора, а заодно поточнее определить его размеры. Но луч локатора упирался в нависшие скалы: я ведь всё ещё находился в жёлобе.

Я протянул руку к рычагу управления «Скатом» и... замер.

Со своего бокового кресла, только сильно наклонившись вправо и прижав лицо к прозрачной стенке кабины, я мог с полной отчётливостью видеть лениво шевелившееся чудовище.

Я невольно подумал: хватит ли у моего «Ската» тока, чтобы оглушить такую могучую тварь? А если змей сам заряжен электричеством, как это бывает у обитателей морских глубин, тогда что? Какой силы разряд способен обрушить он на «Скат»? Ведь это должна быть настоящая электростанция, по сравнению с которой электрохозяйство «Ската» — сущие пустяки.

Взглянув ещё раз на змея, я увидел нечто такое, отчего кровь застыла у меня в жилах. Змей изогнулся, и я заметил странное утолщение почти в самой середине его туловища. Случалось ли вам видеть, как змея заглатывает лягушку? Пресмыкающееся, захватив жертву в пасть, которая у него шире туловища, натягивается на заглоченную добычу, словно чулок. При взгляде на змею видно, где находится сейчас несчастная лягушка и как она в результате судорожных толчков туловища подвигается всё ближе к желудку змеи.

Вот такая же картина была сейчас передо мной. Исполинский змей, видимо, заглотал что-то с трудом поместившееся в его туловище. Самое страшное заключалось в том, что это «что-то» имело овальную форму и размеры «Ската».

Я раздумывал всего одну минуту. Надо немедленно атаковать и взрезать любым путём его брюхо, пусть меня потом, проклянут все биологи за то, что я не позаботился сохранить никем не виданную диковину в живых. Подкрасться к чудовищу как можно ближе и напасть на него, прежде чем оно заметит меня! Ведь оно может и просто удрать...

Осторожно я стал подвигаться вперёд. В каньоне действовало течение, как это бывает на глубинах, и оно несколько затрудняло мои манёвры. Во время одного из таких манёвров я потерял змея из поля зрения.

Каньон делал изгиб. Я осторожно подвигался к повороту. Только я просунул нос «Ската» в закоулок, как увидел прямо перед собой огромную открытую пасть.

Как ни коротко длилось мгновение, я успел различить три холодных глаза, глядевших на меня, не моргая, неровные зубы, вспыхнувшие в свете прожектора... Затем пасть бросилась на меня.

Я успел нажать кнопку электрозащиты. Это не вызвало никакой ответной реакции. Локаторы жалобно пищали, крича об опасности со всех сторон, о замкнутости пространства, в котором я очутился. Я дал резкий и сильный задний ход. Пройдя не больше трёх метров, «Скат» упёрся гибким и упругим плавником в какое-то препятствие. Оно не поддавалось нажиму. Ещё два толчка с разгону — и тот же результат.

Я увидел прямо перед собой огромную открытую пасть.

Тогда я выключил двигатель. Что мне ещё оставалось делать? «Скат» тотчас же понесло вперёд, или, вернее сказать, внутрь хода, в котором я находился. Локаторы показывали близкие стены со всех сторон, а в свете фонаря я разли-

чал неясные пятна на тёмном фоне. Пятна двигались, а корпус «Ската» вздрагивал от непрерывных толчков. Толчки напоминали мне глотательные движения. Как только это «что-то» проглотившее моё судно не подавится мною и моим «Скатом»! Во всяком случае, пока что «внутри» было не так уж тесно.

Не успел я это подумать, как ход, по которому судорожными толчками продвигался «Скат», вдруг сузился. Стенки теперь почти обжимали кабину. Но мелкими рывками судно пропихивалось дальше. Мне показалось, что мой путь не прямой, а с поворотами или изгибами. «Может быть, эта бестия выписывает своим туловищем сейчас восьмёрки», — подумал я.

Я не испытывал страха. Если даже меня на самом деле проглотил змей, я всегда успею взрезать «его» изнутри с помощью ультразвукового ножа. И тогда он может глотать меня снова, пока ему не надоест или до его тупой башки не дойдёт, в чём тут фокус. Хватательные движения у него, конечно, чисто рефлекторные, он набрасывается на любое движущееся тело, подобно пружине, сорвавшейся с замка. Непонятно только, почему на «Скате-1» не воспользовались ножом? Может быть, с Титовым что-то приключилось, а Калабушев не знает, как управлять инструментом? Или этот упрямец решил поселиться в морском змее, лишь бы тот не погиб для науки? А возможно, ему пришла в голову мысль дожидаться, пока змея не поймает и не прооперируют по всем правилам хирургии, под наркозом, наложив акуратненькие швы!

Ну нет, на такую жертву я не способен. Я брался отыскать Калабушева, а не пополнять рацион морского змея, каких бы размеров тот ни достигал и какую бы ценность для науки ни представлял. Но, может быть, эта первобытная бестия бронирована и не разрезается ни изнутри, ни снаружи слабым лучиком ультразвука? В конце концов «Скат» не конструировался для борьбы с таким противником.

Серия мелких толчков заставила «Скат» неприятно завибрировать. Во время одного из толчков я нечаянно выключил свет. В следующее мгновение «Скат» проскочил узость, а я увидел впереди...

Мне захотелось ущипнуть себя. Впереди я увидел светящееся пятно. Оно было довольно правильной круглой формы. Пятно быстро приближалось. Я узнал... «Скат-1».

Да, «Скат-1», зажатый чем-то похожим не то на мускулы, не то на ткани, почти наполовину утопленный в чём-то, высовывался краем диска мне навстречу. Кабина светилась. Внутри, словно в фантастическом аквариуме, виднелись две движущиеся тени.

Так состоялась наша встреча. Я немедленно включил свет, и меня тотчас же заметили.

Я не мог подвести свою кабину вплотную к кабине Ка-лабушева–Титова, и очень жаль.

Я узнал «Скат-1».

Вверху и внизу у каждой кабины имелись люки, закрытые крышками, небольшие, но достаточные, чтобы пролез человек. Если бы я мог расположить свою кабину прямо над кабиной «Ската-1» или под ней, они закрепились бы наглухо и образовали один корабль с двухэтажной рубкой. Мы свободно общались бы и могли даже плыть, не разъединяясь: движители-плавники работали бы в такт, в общем ритме. Правда, в тесном помещении, где мы находились, такая «двойка» не обладала бы хорошей проходимостью, но в нашем положении, может быть, лучше как раз увеличение масштабов. А объединение усилий существенно сыграло бы в нашу пользу.

Вообще, когда ты не один, это уже в сто раз лучше. Я подогнал свой «Скат» вплотную к ребятам. Мы отрегулировали освещение, чтобы хорошо видеть друг друга. Титов, коренастый и низкорослый, сидел в кресле, чуть вобрав голову, с обычным своим спокойным видом. Калабушев приветствовал меня восторженно, подняв обе руки. Это был блондин с очень светлыми волосами и какой-то плоский в телосложении. Идеальная фигура для спелеолога. Проскользнёт там, где мы с Титовым застрянем, словно пробка, запихнутая в бутылку.

— Как дела? — спросил я.

Связь между нами действовала отлично.

— Мы тебя ждали, — сказал Титов. — Я всё гадал, кто придёт к нам.

Достаточно было на него взглянуть, чтобы понять: он ни минуты не сомневался, что помощь придёт, и просто ждал её. С ним всё было ясно.

— А вам как нравится обстановка? — поинтересовался я у Калабушева.

— Изумительно! — воскликнул он. — Можно только мечтать.

По лицу его расплылась блаженная улыбка.

«Так, — подумал я. — Тут тоже ясно».

— Ну, а что вы скажете насчёт змея? — задал я третий вопрос.

Титов молча пожал плечами.

Калабушев безнадежно махнул рукой.

Я помолчал немного. Мне не очень хотелось выглядеть дураком в их глазах. Но не померещилось же мне всё то, что произошло!

— Как же будем выбираться? — спросил я.

Титов снова пожал плечами.

— Тем же способом, — заметил он спокойно, — ты вытащишь нас за хвост и всё.

— Даже жалко расставаться, — с огорчением произнёс Калабушев. — Но мы ещё сюда вернёмся, — утешил он себя.

— Ну что ж, за хвост так за хвост, — сказал я. Мне нужны были какие-то решительные действия. — Не будем откладывать.

Я развернул свой «Скат» таким образом, что его «нос» лёг на «хвост» «Ската-1» (вообще-то понятия «нос» и «хвост» для «Скатов» довольно относительны). Мы включили присосы, и наши корабли образовали одно целое. Хвост моего «Ската» заработал вовсю. Но «Скат-1» засел крепко. Мой «Скат» вертелся и изгибался, как ёрш на крючке, а «Скат-1» стоял, как на мёртвом якорю.

— Действуй и ты, — бросил я Титову.

Он включил свою машину. Теперь поднялась такая возня в таинственных, тёмных недрах, что любое существо, если бы мы находились внутри него, почувствовало бы толчки.

Однако всё вокруг оставалось непоколебимым, как гора. Я впервые совершенно отчётливо ощутил, что мы находимся в подземном ходе внутри подводной горы. «Скат-1» от совместных усилий двух машин начал выскальзывать из своих зажимов и, наконец, вышел на свободу.

Мы решили плыть, не расцепляясь. Опыт показал, что это надёжнее, чем действовать поврозь. А конструкторы предусмотрели и такой вариант: два или даже три «Ската» могли идти цепочкой. Более продуманной и безопасной конструкции подводного судна я ещё не видел.

— Пошли к выходу, — оживился Титов.

Но тут гидрофоны донесли какой-то странный шум. Потом нас качнуло. Затем всё успокоилось. Но что-то вокруг изменилось.

— Нет течения, — сказал Калабушев.

Действительно, течение, всё время тянувшее «Скаты» куда-то вглубь хода, приостановилось.

— Обрушились своды, — сказал Калабушев. Он показал в направлении входа.

— Надо разведать, — предложил Титов.

Больше ничего не оставалось делать. Мы двинулись осторожно, готовые отскочить назад в случае внезапной опасности.

— Как вас занесло сюда? — спросил я Титова.

— Именно занесло, — сказал он сокрушённо. — Понимаешь, мы шли вдоль каньона, а в стенке — с правой стороны — всё попадались какие-то отверстия. Одно из них показалось нам похожим на голову змея, вернее, на пасть, как она была сфотографирована телекамерой. Мы остановились, чтобы разглядеть получше. Я даже выключил двигатель. В этом и была ошибка. Течением нас затянуло, словно проглотило. Так неожиданно, что я со всего размаха треснулся головой о стенку кабины. Когда пришёл в себя, вижу: сидим в какой-то щели, как клин в дереве.

— Я попытался включить двигатель, — пояснил Калабушев, — и дал передний ход. Ну и вогнал «Скат» в ловушку.

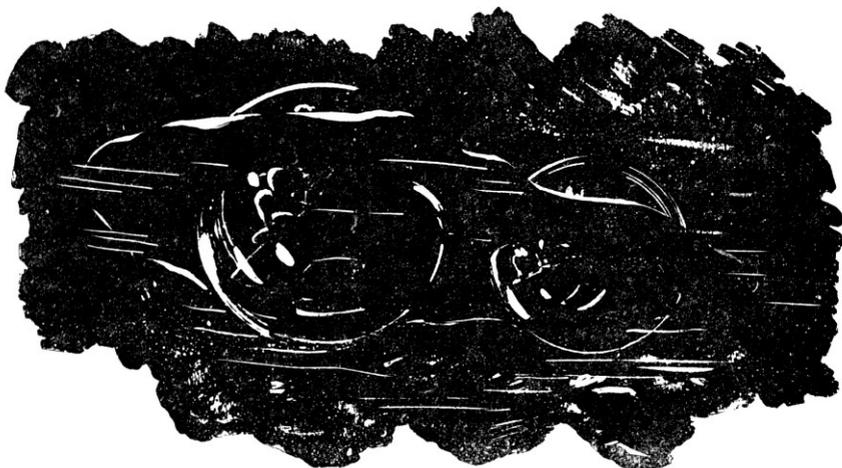
Мы продвигались почти беспрепятственно. Только два раза совсем ненадолго застревали в узостях. Прошлый раз их вроде не было. Но вот нос моего «Ската» упёрся во что-то.

— Мы у самого выхода, — сообщил Калабушев. Он помнил все повороты и ориентировался в почти полном мраке вполне уверенно.

— Выключим свет, — предложил Калабушев, — посмотримся.

Мы погасили огни. Первые две или три минуты я ничего не видел. Полный мрак. Потом начали выступать неясные очертания каких-то выступов и впадин. Вспыхнули и налились светом несколько ярких точек и, словно глаза неведомых хищников, уставились на нас. Возникли слабо мерцающие пятна. Всё вместе напоминало картину Млечного Пути где-то в районе Угольного Мешка.

— Это мы зажгли иллюминацию, — пояснил Калабушев. — Вон как зафосфоресцировало.

«Скаты» продвигались почти беспрепятственно.

Во время движения «Ската» я из своей освещённой кабины различал только отдельные пятна и словно протягивающиеся ко мне толстые щупальца. Сейчас я мог ориентироваться лучше. Мы находились в пещере, наполненной водой. Минут через шесть-семь, когда глаза привыкли к темноте, она обрисовалась бледными контурами.

Мне всё стало ясно. Я попался на ту же приманку, что и Калабушев с Титовым. «Скат-2» так быстро втянуло в подземный ход, что моё воображение, раздражённое только что виденной картиной гигантского змея, создало впечатление, что тот же или новый змей набросился на меня. Я не думал, что у бывалых глубоководников могут так расшалиться нервы!

Сейчас, когда нас захлопнуло, словно в мышеловке, казалось по-настоящему опасное положение. Инструкция недаром решительно запрещала и Титову и мне без особого разрешения входить в лабиринт Тумберлинка. Для меня основанием для входа в лабиринт могло служить лишь очевидное доказательство того, что именно в данном месте «Скат-1» проник внутрь подводной горы. Но я должен был получить

подтверждение, что мне позволено идти в подземную разведку. Мы оба нарушили инструкцию, и оба ненамеренно. Правда, благодаря этим совпадающим обстоятельствам я, собственно, и нашёл так быстро «Скат-1». В общем всё обошлось бы хорошо, если бы мы вышли из владений Плутона во владения Нептуна. Но нас отделяла от океана каменная стена. Наши ультразвуковые ножи против неё, разумеется, бессильны. Конструкторы «Скатов» готовили ведь подводные суда, а не горнопроходческие комбайны.

— У тебя нет взрывчатки? — спросил Титов.

— Увы, — развёл я руками.

— Ваше счастье, — прокомментировал Калабушев. — Сводам может надоест держать тяжесть горы, и она оседет: лёгкая дрожь — и камеры нет. Вас тоже. Вы что, не знаете капризов пещер?

— Это похуже, чем если бы нас проглотил гигантский змей, — подумал я вслух.

— Какой же должен быть змей, чтобы нас проглотить! — пожал плечами Титов.

— Змей должен быть метров шестьдесят, если не больше, — задумчиво сказал Калабушев. — Тот, о котором вы говорили, — пояснил он. О змеях он, вероятно, мог разговаривать в любой обстановке.

Титов не из тех людей, что тратят много времени на сожаления о случившихся неприятностях. По выражению его лица я догадывался, о чём он думал. Все мы, глубоководники, воспитаны на аксиоме: нет безвыходных положений. Правда, сейчас практического подтверждения обнадёживающей аксиомы я пока не видел.

— Закрыт главный вход, — сформулировал я задачу в самом общем виде, — но, может быть, есть запасный?

— Течение, — сказал Титов.

— Куда-то течение вело, — согласился Калабушев. — Ветер в пещере значит, есть второй выход. Течение — то же самое.

В той же связке, но только мой «Скат» стал задним, мы двинулись обратно. Сиденья, кресла и приборы в «Скатах» перемещались вместе с внутренней сферой и могли принять

любое положение. Мы просто перевернулись внутри «Ска-тов».

Снова перед нами уости. Снова расширения. Я не очень хорошо разбирался в этих выступах и провалах. Но спелеолог Калабушев всё узнавал. Думаю, что если бы не он, мы с Титовым застряли бы ещё не один раз. Там, где ход расширялся, в пещерах оказывались какие-то узкие щели, углубления, которые можно было принять за ходы, попадались и тупики. Течения, которое помогло бы ориентироваться, сейчас не было.

Вот мы попали, наконец, в то место, где я нашёл «Скат-1».

Мы сделали остановку.

Титов включил светоискатель — тонкий луч обжегал рваное отверстие по контуру, выхватывая зубцы и выступы. Несколько зубцов Титов спилил ультразвуковой пилой. Потом осторожно повёл «двойку» в отверстие. Первую кабину даже не царапнуло. Титов включил передний плавник и вытянул через «горлышко» мой «Скат».

Мы очутились в довольно просторной полости в недрах земли. Широкая, а главное, высокая, она тянулась метров на сто пятьдесят. Не меньше часа мы потратили на тщательное её обследование, пока не убедились, что выхода нет.

— Но ведь течение входило сюда! — сказал Титов.

— Для воды есть и выход, — возразил Калабушев. — Нет выхода для нас.

— Посмотрим все дыры, через которые вода выходила, — предложил я. — Может быть, какую-нибудь удастся расширить.

Конечно, течение помогло бы нам отыскать все дырочки в подземном сите. Но Калабушев не зря имел специальность спелеолога. В конце концов, он нашёл под самым потолком узкую горизонтальную щель. Мы промерили её ультразвуковыми локаторами: она шла, всё время сужаясь, метров тридцать. О том, чтобы расширить эту глубокую трещину в толще пород, не могло быть и речи. Проскользнуть в неё не сумел бы человек даже в лёгком водолазном костюме. Сло-

вом, мы оказались закупоренными прочно и основательно — с обоих концов подземного хода.

— Самое скверное, — сказал Титов, — то, что нас не найдут: ведь вход завален.

— Да, разумеется, — спокойно подтвердил Калабушев. — Нет главного признака — скалы в форме развёрнутой пасти.

Упоминание о пасти змея вызвало в моём воображении вихрь картин.

— А я видел змея, — сказал я. — Перед тем, как попал в эту дыру.

Мы сидели сейчас лицом друг к другу. Титов и Калабушев повернули свою кабину. Получилось как бы маленькое совещание.

Калабушев взглянул на меня чуть испытующе. Он хотел уяснить: решил ли я вдруг разыгрывать товарищей в такой неподходящей обстановке? Или в моих словах заключался упрёк ему: ведь мы очутились здесь в конечном счёте из-за его убеждённости в существовании змея.

Титов воспринял мои слова иначе. Он, видимо, решил, что я хочу приободрить их. Какая-то разрядка для нервов, отвлечение мыслей на короткое время были действительно необходимы. Он охотно включился в «игру».

— И здоровый он был? — произнёс он, откидываясь в кресле и приготавливаясь слушать занятные байки.

— Да метров сто, — сказал я, понимая, что получается в общем-то ужасно глупо. Мне не верят. И кто не верит? Те, кто, собственно, и разыскивали змея!

— Ну, что это за змей! — усмехнулся Титов. — Вот однажды...

— Должен вас предупредить, — вмешался вдруг Калабушев. — Что бы вы сейчас ни придумывали, вряд ли вам удастся превзойти «очевидцев», чьи рассказы занимают особый, отдельный шкаф в моей коллекции. Собирая материалы о морском змее и сортируя их, я выделял самые несолидные «свидетельства», самые бесшабашные истории, рассказанный пьяными матросами, в особый раздел под наименованием «Чистый бред».

Меня разобрала досада. «Ты всю жизнь мечтал о встрече с морским змеем, — подумал я, — ты единственный человек, который верил в его существование, ты отправился специально на его поиски — и безрезультатно. И ты же высмеиваешь меня, единственного человека, который его видел». Но что я мог сделать? Мне оставалось подождать с рассказом о змее до более благоприятного момента. Но будет ли такой момент?

Я посмотрел на узкое лицо Калабушева. Он сосредоточенно думал. Теперь я понял секрет его мужества. Он просто привык к опасным ситуациям. И всё. Спелеологи тоже понимают, почём фунт лиха. Сейчас он находился в привычной для него обстановке и привычно обдумывал положение.

— Есть какой-нибудь способ связаться с поверхностью? — спросил Калабушев. — Или с глубоководными судами, которые, конечно же, рыщут сейчас по каньону?

— Ультразвук не пробьёт скалу, — сказал Титов.

— Радиоволны не пройдут сквозь гору, — заявил я. — Там пласты металлических руд. Кроме того, у нас направленный луч. Мы поддерживаем связь, так сказать, в пределах прямой видимости. Нащупать корабль вслепую почти безнадежно.

— Мы, спелеологи, пользуемся проволоочной связью, — сказал Калабушев. Под землёй это надёжнее.

— «Скат» не для спелеологических исследований, — заметил я.

— Но вы же отправились вглубь лабиринта, — возразил Калабушев. Значит, должны были выбросить буй и сматывать с катушки кабель элементарное правило.

Я не стал объяснять, что в тоннеле очутился нечаянно. Сейчас было не до того.

— Значит, нужен провод, — рассуждал между тем Калабушев. — Кабельная связь. По крайней мере до каньона.

Он помолчал.

— Выходит, нужно искать, — заключил он. — Ну что ж, за работу. — И деловитым тоном добавил: — Я думаю, нам лучше расцепиться.

— Где вы думаете искать кабель? — оторопело спросил я.

— Да здесь же, где же ему ещё быть!

Титов пристально посмотрел на Калабушева.

— Вы думаете, что кто-то оставил его здесь?

— Не кто, а что, — возразил Калабушев.

— Что же? — спросил я. Калабушев не переставал меня удивлять.

— Течение, конечно, — сказал Калабушев. — И, увидев наши недоумевающие физиономии, добавил чуть нетерпеливо: — Куда же, по-вашему, девалась телевизионная камера, которая сфотографировала «пасть змея»? Пасть поглотила её, то есть течение втянуло её в тот самый проход, где находимся мы. Камера в яйцевидном корпусе. Значит, течение может катить её до тех пор, пока не встретится слишком высокий порог или слишком узкая щель. И то и другое — в этом зале. Следовательно, здесь и нужно искать.

Нет, что там ни говори, а спелеологи — толковые люди. Мы нашли камеру через полчаса. Я нащупал её локатором. Металл отозвался пронзительным писком в наушниках, едва я коснулся его невидимым лучом.

От камеры тянулся тонкий трос. Но самое для нас важное: в каком месте он оборвался? По теории вероятностей скорее на более длинном отрезке, чем коротком. Тогда конец его должен выходить из-под земли. Теперь оставалось проверить теорию.

Я присосал камеру плавником. Затем включил внутренние проводники, по которым в плавник передавались электрические заряды. Эти проводники я, в свою очередь, подсоединил к антенне «Ската». У меня дрожали руки, но я старался не спешить. Внимательно глядя на стрелки, отрегулировал ёмкость. И вот он, решающий момент!

Едва я произнёс: «Говорят «Скат-1» и «Скат-2». Перехожу на приём», как гул голосов, усиленных бортовой аппаратурой, ворвался в обе кабины: «Где вы? Слышим хорошо. Что с вами? Отвечайте! Сообщите обстановку! Слушаем вас!»

На правах старшего в группе я коротко обрисовал ваше положение. Постарался как можно точнее описать место, где должен находиться вход в коридор. Уж тут я показал, на что способен бывалый глубоководник! Я перечислил столько примет, что Калабушев буквально раскрыл рот.

— Однако вы наблюдательны, — произнёс он, взглянув на меня серьёзно. Видимо, до сих пор он полагал, что я умею только управлять «Скатом». Возможно также, что мои «шутки» насчёт морского змея подорвали авторитет глубоководников в его глазах.

Вот тут-то я и решил поразить его окончательно. Описав во всех деталях подводную обстановку, я счёл нужным предупредить спасателей о морском змее. Я доложил — сухо, кратко, деловито — о внешнем виде и примерных размерах морского змея. При этом я скосил глаз на Калабушева. Лицо его выражало крайнее удивление. Титов же смотрел на меня просто как на сумасшедшего. Он столько плавал в глубинах Индийского океана, что верил в морского змея не больше, чем в Змея-Горыныча из детских сказок. Титова я понимал отлично, но тем большее удовольствие доставило мне изумление Калабушева.

На борту «Искателя» после моего сообщения наступила пауза.

— Ладно, капитан, — сказал, наконец, Агапов. — Держитесь! Сейчас вас вызовим.

Он передал ещё несколько деловых указаний, но о змее даже не упомянул.

«Так, — сказал я сам себе, — там тебе тоже не верят».

На миг я ощутил положение Калабушева, который один на протяжении двадцати лет верил в существование морского змея, а остальные, слушая его, только пожимали плечами. Вот что значит быть упрямым! Упрямото Калабушева вызвало у меня уважение.

«Хорошо, — решил я. — Тем сильнее будет эффект, когда я покажу снимки, зафиксированные в магнитной записи. В моих руках документальное доказательство».

Я вдруг испугался, что, может быть, аппаратура записи не сработала и я так и останусь в глазах Калабушева, Титова

и всех людей величайшим лгуном на свете. Обуреваемый нетерпением, я тут же включил маленький контрольный экран для проверки качества записи и, приложив ладони к лицу, чтобы не мешал посторонний свет, прокрутил катушку. На экране возник в миниатюре каньон, а через несколько секунд в него вползло сверху длинное извивающееся тело. Ещё несколько кадров — и огромный морской змей с утолщением посередине туловища заплясал на фоне каньона. Я даже невольно отодвинулся: настолько сильное впечатление производила картина.

— Отлично! — воскликнул я громко, выключив катушку. Я повеселел. А глядя на меня, повеселел и Титов.

— А здорово ты их! — подмигнул он мне. — Вот это розыгрыш! Я бы так не посмел...

Ему снова всё стало ясно. Он был хороший товарищ.

Мы услышали звуки работающего бура, которые хорошо передавались по воде, затем что-то вроде серии слабых взрывов. И весёлый голос в динамике произнёс:

— Ну, вылезайте из норы.

Сцепившись в «двойку», мы направились к выходу.

По дороге я не утерпел и спросил Калабушева, что он думает о змее, которого я видел. Он отвечал уклончиво и, между прочим, сообщил, что при длительном пребывании в пещерах у людей, впервые очутившихся в подземном мире, иногда возникают не то чтобы видения, а как бы картины в мозгу, которые в первый момент трудно отличить от действительности. Я возразил, что наблюдал змея до того, как очутился в подземном мире. Он в тех же осторожных выражениях заметил, что даже у него, излазившего самые дикие щели планеты, иногда во время пребывания под землёй спутывается хронология впечатлений.

«Ну ладно, — подумал я. — Осталось немного ждать».

Когда мы со всеми мерами предосторожности подтянулись к выходу, то увидели широкое рваное отверстие.

Признаться, я вздохнул свободнее, когда мой «Скат» очутился в глубоководных просторах океана. Нет, пещеры не для меня. От этого ощущения многих тонн земли над собой можно заболеть и галлюцинациями.

Прожекторы устремились в ту сторону, куда показывала моя рука.

С наслаждением расправлял я мышцы рук и ног, точно гора давила меня там, внутри, своим весом. Мы расцепились и собирались всплывать на поверхность рядышком друг с другом. Метрах в пятидесяти глубоководный «Краб», освободивший нас из плена, подсвечивал нам лучами своих прожекторов. Я в порядке, так сказать, праздничной иллюминации тоже включил полный свет. С удовольствием оглядывал я теснину каньона и окружающую местность.

Оглянувшись назад, я вдруг увидел... Я трижды ущипнул себя. Потом отвёл глаза и посмотрел снова... Огромный длинный змей, извиваясь, плыл прямо на меня. Может быть,

его привлёк свет? Отливающий серебристыми боками, он отчётливо был виден на фоне тёмной горы.

— Змей! — закричал я. — Змей!

Меня услышали и на «Скате-1» и на «Крабе». Все прожекторы устремились в ту сторону, куда показывала моя рука. Света было брошено столько, что змей сразу утонул в сияющем тумане. Но вот он повернулся и стал виден ещё лучше, чем минуту назад.

— Бросьте, капитан! — сказал недовольным тоном Агапов. — Это уже не остроумно...

Титов покачал головой. Калабушев посмотрел на меня, как доктор на пациента. «С такими нервами нечего лезть в подземелья», — говорил его вид.

Происходило что-то ужасное! Никто не видел змея, кроме меня. Я же различал его отлично. Во всех деталях. Он плавно скользил вдоль склона горы и сейчас как-то особенно живо шевельнул хвостом. Я включил камеру. Надо думать, современная съёмочная аппаратура не страдает галлюцинациями!

Пока я возился со съёмкой, «Скат-1» приблизился ко мне вплотную и взял меня на буксир.

После этого я получил приказание — да, приказание! — передать управление «Скату-1». А когда я это выполнил — дисциплина у глубоководников в крови, — «Скат-1» потащил меня наверх.

На борту «Искателя» мне предложили переодеться, напоили горячим молоком и уложили в постель. Агапов минут через десять навестил меня и внимательно выслушал рассказ о змее. Сказал, что просмотрит магнитную запись.

— Отдохните, — сказал он. — Через час у нас будет со вещание по первым итогам. Вы в состоянии принять участие?

— Конечно, — сказал я. — Никаким особым лишениям не подвергался. Час покоя — чисто формальный. Я могу идти сейчас на любую глубину.

— Хорошо, хорошо...

Я лежал и старался не думать о недавних происшествиях. Полагается давать полный отдых всему организму в час

покоя. Поэтому я думал о разных пустяках. Незаметно я заснул.

4

Когда спустя час я вошёл в кают-компанию, все были уже в сборе. Человек пятнадцать столпились вокруг стола и рассматривали что-то лежавшее на обыкновенной тарелке. Агапов держал в руке лупу.

— Ага! — сказал он, увидев меня.

— Что это? — полюбопытствовал я.

— Ваш змей, — сказал Агапов.

Меня пропустили к столу.

На тарелке лежала какая-то ниточка. Что-то похожее на волос. Волос был изогнут в форме вопросительного знака.

— Не узнаете? — Агапов протянул мне лупу.

Все рассматривали что-то, лежавшее на тарелке.

Я поднёс её к волосу и узнал... змея — серебрищиеся бока и вздутие посредине туловища. Хвост шевельнулся от качки, и мне показалось, что змей ожил.

— Водоросль. Прилепилась к наружной сфере вашего «Ската», — сказал Агапов.

Кто-то привёл латинское название.

— Свободный конец колыхался от течения, — обернулся ко мне Титов. Мельтешил у тебя перед глазами. Ну и перед объективом камеры, конечно. Проектировалась же эта bestia на дальний фон горы. Смещение масштабов.

— Типичный случай, — разъяснил Калабушев. — В моей коллекции насчитывается сотни две клятвенных, данных под присягой заявлений людей, которые стали жертвой такого же оптического обмана.

Я стоял словно оглушённый. Типичный случай! Обыкновенный оптический обман!

— Что ж, капитан, — сказал Агапов, открывая или продолжая совещание, вы своё дело сделали. Задание — разыскать «Скат-1», — можно считать, выполнено.

— Конечно, — сказал я, — если не считать, что находка сделана против моей воли, что я способствовал, вероятно, обвалу у входа своими неосторожными действиями и что если бы не находчивость Калабушева...

— Хватит! — решительно перебил меня Агапов. — Только что мы слушали, как сокрушался ваш коллега Титов, который считает себя виновным в том, что «Скат-1» попал в ловушку. Разумеется, вы проанализируете ваши действия и, надо думать, в следующее погружение пойдёте обогащёнными опытом. Но не надо забывать, — добавил он, — что и мы не сказали ещё последнего слова в поисках. Мы облазили бы все норы, прослушали бы всю гору и распилили бы её хоть пополам, чтобы извлечь вас за те две недели, на которые рассчитаны аварийные запасы кислорода и продовольствия на борту «Скатов». То, что вы, капитан, исчезли в теле горы, мы определили по характеру обрыва связи с вами.

— История, — покрутил головой Титов. — А что, — обратился он к Калабушеву, — вы по-прежнему верите в морского змея?

— А почему я должен не верить? — спокойно возразил узколицый спелеолог. — Прибавилось ещё одно ложное свидетельство к сотням старых. Нет научного доказательства, но нет и научного опровержения.

— Ну, вы действительно упрямец!

— Что собираетесь подделывать, капитан? — обратился ко мне Агапов. — Мы тут собираемся предпринять одно...

— Знаете, — сказал я, — мне бы давно пора в отпуск. Я всё откладывал, но вот...

— Отлично, — перебил меня Агапов. — Блестящая идея! Куда вы хотите?

— Вы говорили, что на Луне очень интересно? — спросил я Агапова. — Вы, кажется, были на обратной стороне?

— Да, но там плохая связь с Землёй. Порой по целым неделям...

— Отлично, — сказал я. — Меня вполне устраивает. Сейчас соберу свой походный чемоданчик, и если вы подкинете меня к ближайшему космодрому...

Я вовсе не хотел слушать, как вся планета будет смеяться надо мной.

Конечно, никто не станет злорадствовать или хотя бы подтрунивать над бывалым капитаном-глубоководником, которому в силу чисто оптического обмана померещился морской змей в нашем просвещённом веке. Но ведь чувство юмора у людей есть. Я уж лучше пережду немного на обратной стороне Луны, а через неделю человечество наверняка будут занимать другие темы.

Уже находясь на Луне, я узнал, что Калабушев нашёл своего морского змея. Два дня спустя они с Титовым совершили новый спуск в каньон и в соседней подводной пещере обнаружили целый выводок гигантских глубинных рептилиеподобных существ. Им разрешили — с соблюдением всех предосторожностей — заход в пещеру и даже отлов парочки змеев с помощью специальных сетей. Остальных решили не трогать, только оградили решётками все выходы из пещеры и наставили туда телекамеры, чтобы наблюдать чудовищ в естественной для них обстановке. Змеи оказались не такими уж огромными, как тот, что померещился мне, но всё же до-

стигали метров тридцати в длину — достаточно, чтобы наводить ужас на матросов какого-нибудь утлого парусника. Плавали они, извиваясь, как пиявки. На спине выделялся зубчатый вырост, и подобия плавников выдавались около головы — не то недоразвитая форма, не то, наоборот, рудиментарные остатки прежних органов. Самое удивительное, что у змея было действительно три глаза.

Я узнал об этом из «Лунной газеты», которую забросили на обратную сторону планеты-спутника ракетной почтой. Газета посвятила событию две полосы пухлого номера, снабдив репортажи большущими фото. В общем это и оказалось то событие, что отодвинуло в тень приключения некоего капитана-глубоководника. Я мог возвращаться к выполнению своих обязанностей.

Нет, но всё-таки каково?!

НИЧЬ-НАЯ КУЛУ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Рисунки Н. Гришина

1

От страха Лоо опустился на четвереньки.

Он хорошо знал, что наказанием за это служило изгнание из стада. Но когда прямо с неба показался нестерпимо яркий луч и, выйдя из облаков, упёрся в высокий холм, Лоо забыл все запреты, ноги его подкосились, и он упал на руки.

Грохот разнёсся по окрестностям, более сильный, чем любой гром, который Лоо слышал когда-либо. Когда Лоо, борясь с отчаянным страхом, приподнял голову, он увидел, что из облаков прямо на сухую верхушку холма спустилось что-то большое, блестящее и мечущее пламя.

Больше Лоо ничего не видел. Он полз задом, пока страшную картину не скрыли заросли. Он полз, забыв, что умеет ходить и что передвигаться на двух ногах легче и быстрее.

Он опомнился, только когда поскользнулся на косогоре, влажном от дождя, и скатился в воду.

Фыркая, он поплыл к далёкому мысу. Все сородичи Лоо плавали не хуже, чем ходили по суше. Иначе им трудно было бы передвигаться в родных местах, где вода, льющаяся сверху, и вода, чавкающая под ногами, образовала как бы основную стихию. Густые, непролазные заросли, тянувшиеся без конца, представляли такое труднопроходимое препятствие, что, когда надо было передвигаться быстро и далеко, Лоо, как все, избирал водный путь. Переплыв озеро, он вылез на берег и затряс телом так, что с густой шерсти во все стороны полетели брызги. До Больших Пещер пришлось идти долго, кружным путём, и пока Лоо пробирался среди зарослей, он несколько успокоился. Трудно сказать, что больше всего ошеломило его в картине, которую он видел недавно. Пугающим в этом зрелище была его непонятность. Конечно, гром

страшен, и молнии страшны, но тут всё объяснимо. Это небесные коу сердятся и перебраниваются друг с другом, не поделив добычу. Важно только не попадаться под руку разгневанному коу. Обычно старейший из них вмешивается и наводит порядок, и они, поворчав, успокаиваются. Но небесные коу невидимы, говорит старый Хц. Они живут высоко за облаками и никогда не спускаются на сушу.

Только иногда они швыряют вниз остатки своей пищи. Эти объедки подбирались народом Лоо и бережно хранились в Священной Пещере — тяжёлые, жёсткие куски. То, что не разгрызли зубы небесных коу, крепче камня. Только один камень — талаху — может сравниться по твёрдости с объедками небесных коу. Из талаху лучшие охотники делают накопники для «летающих жал».

Но никогда ещё небесные коу не покидали своих жилищ в облаках и не спускались к двуногим.

Старый Хц говорил, что этого никогда не было.

А если бы они решили это сделать, это выглядело бы примерно так, как то, что видел Лоо.

Лоо даже подпрыгнул на месте, так поразила его эта мысль. О, Лоо недаром считается одним из умнейших в своём племени.

Он побежал, торопясь сообщить об открытии.

2

Нгарроба в голубом скафандре бежал, широко расставляя ноги, чтобы не упасть в жидкую грязь, но расстояние между ним и тавтолоном сокращалось.

Неуклюжее животное, переваливавшееся, как утка, на задних ногах, выглядело бы смешным, происходи дело в другой обстановке.

Размерами и очертаниями оно отдалённо напоминало кран для сборки трёх-четырёхэтажного здания, если бы тот вздумал вдруг скакать. Увесистый корпус опирался на могучие лапы и хвост толщиной в ствол хорошего дерева. Дальше кверху туловище постепенно утончалось и почти без всяких плеч переходило в длинную сужающуюся шею. Шея заканчивалась смехотворно маленькой — похожей на змеиную —

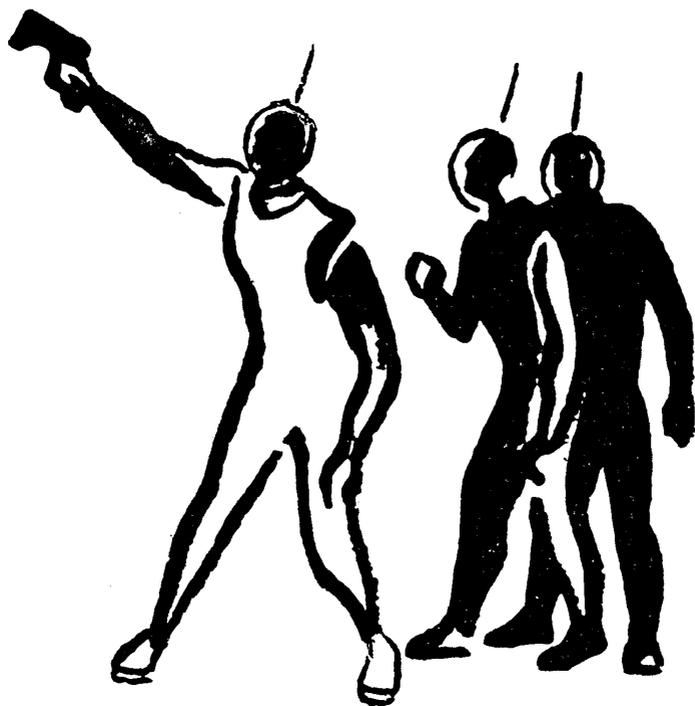
головой. Наверху у туловища свисали слабые передние лапы, беспомощно болтавшиеся в такт прыжкам.

Коробов порывисто отдернул пневматический клапан кармана. Конечно, было непростительным легкомыслием захватить один пистолет на четверых. Но ведь предыдущая

экспедиция на Венеру, как известно, вовсе обошлась без оружия. А сейчас Коробов с острым беспокойством думал, успеет ли он достать пистолет, прежде чем тавтолон нагонит вице-президента Африканской академии наук, и что произойдёт, если он опоздает.

Нгарроба упал в тот самый момент, когда Коробов нажал спусковой крючок. Синяя молния сверкнула, коснувшись рыжего туловища с гладкой, словно резиновой, кожей. Тавтолон упал: зад его вместе с опорными ногами и хвостом, словно парализованный, остался на месте, а часть туловища с шеей и головой рухнула наземь.

Теперь в дело вмешались Гарги и Сун-лин. Гарги, тонкий и изящный даже в своём жёлтом скафандре, быстро пробежал к Нгарробе. Сун-лин помог ему приподнять голову африканца. Сквозь прозрачный шлем было видно посеревшее лицо Нгарробы. Он шевелил губами, но нельзя было разо-

братъ, что он говорит. Кто-то догадался, наконец, выпрямить погнутую антенну на шлеме Нгарробы.

Пылкий африканец обрёл дар речи.

— Что случилось с этой скотиной? — воскликнул он, озираясь по сторонам. — Взбесилась она, что ли?

— Да что, собственно, произошло? — спросил Сун-лин. — Вы появились из зарослей так внезапно. И сразу выскочило это чудо и погналось за вами. Вы раздразнили его чем-нибудь?

— Очень мне нужно дразнить такую дурацкую тварь, — проворчал Нгарроба. Рукой в перчатке он повернул краник внизу шлема и, поймав губами выдвинувшуюся трубку, хлебнул глоток коньяку. — Вы же знаете, что у этой махины мозга на самую крошку. Но, с другой стороны, всему миру известно и это напечатано в трудах всех семи предыдущих экспедиций на Венеру, — что тавтолоны никогда не нападают на человека.

— Возможно, этот тавтолон не читал научных трудов земных экспедиций, заметил Гарги. — Они ему просто не попадались.

— Что же всё-таки произошло? — мягко, но настойчиво напомнил Сун-лин.

Нгарроба встал и сделал машинальное движение рукой, как если бы хотел вытереть пот на лбу. Он бросил взгляд на неподвижное тело рыжего чудовища.

— Подхожу я к озеру, — начал он. — Самое обыкновенное озеро. И вижу картину, типичную для этой планеты, во всяком случае для той её части, которая исследована. Из воды на разных расстояниях от берега торчат бутоны знаменитой гигантской лилии Венеры и среди них две или три головы этих тварей (положительно, африканец не в состоянии был произнести биологическое название тавтолона). Вы же знаете, что эти шагающие экскаваторы свободно шляются по болотам, а любимое их занятие сидеть на дне озера, высунув наружу свою глупую башку. Такие, можно сказать, громадины, а питаются всякой мелочью — ракушками, жуками и прочей дрянью.

— Говорите спасибо, что они не едят путешественников, — заметил Коробов. — И вообще не так уж плохо, что здесь не водятся ни гигантских крокодилов, ни саблезубых тигров, ни других крупных хищников.

— Да, конечно. Но оказывается, что и пожиратели ракушек могут быть опасны. Так же как, например, сошедший с ума трактор.

— Дальше, — терпеливо заметил Сун-лин.

— Я спокойно смотрю на эту картину. Вдруг вижу, прямо надо мной возникает голова этой милой крошки, кусты начинают раздвигаться под напором её туловища. Я-то читал труды всех семи экспедиций на Венеру и отлично знал, что тавлоны, — учёный впервые выговорил это слово, — самые безобидные существа на свете. Поэтому я, не задумываясь, отошёл шагов на двадцать в сторону — как раз подвернулось чистое место — и продолжал вести наблюдения. Но тут красавица, — Нгарроба окончательно успокоился, — соблаговолила взглянуть вниз со своей четырёхэтажной вышины и бросилась на меня, словно я червяк или улитка.

— Эта пасть, — покачал головой Коробов, — не способна схватить такого мужчину, как вы, даже если бы таволон и принял вас за подходящую закуску.

— Кто знает, что ему взбрело в голову. Он мог меня просто-напросто раздавить, даже не заметив этого. Вы слышали когда-нибудь, чтобы тавлоны бегали так быстро? Вы ведь знаете, что я считаюсь неплохим бегуном на средние дистанции. А сегодня я поставил рекорд — правда, здесь притяжение несколько меньше земного, так что его не засчитали бы. Но этот тихход, — он пнул тавлолона в бок, — оказывается, бегаёт ещё быстрее.

— Он один знает, что с ним стряслось, — сказал задумчиво Гарги. — Когда он очнётся?

Коробов посмотрел на часы, вделанные в рукав оранжевого скафандра.

— Я вкатил в него весь заряд. Хватило бы и на троих таких зверюг. Но, думаю, минут через десять шок пройдёт, и вы можете брать у него интервью.

— Может быть, лучше переговариваться знаками и отойти подальше? — предложил Гарги. — Одного приключения на сегодня хватит. Ведь наша экспедиция только начинается... Смешная всё-таки это была картина, — засмеялся он вдруг. — Огромная зверюга несётся сломя голову, вытянув шею и переваливаясь, точно улепётывая от палки. А наш друг Нгарроба впереди.

— Улепётывая? — медленно повторил Сун-лин. — А вы знаете, это мысль. Может быть, на самом деле он вовсе и не думал ни на кого нападать.

— Но он бросился в мою сторону! — запальчиво сказал африканец. — Хотя я не стоял у него на дороге.

— Вы сказали, что отошли на свободное место? Туда же бросился и таволон. Он убегал от чего-то, прятавшегося в зарослях. Ага, он приходит в себя!

Дрожь пробежала по всему телу распростёршегося в грязи животного. Потом маленькая головка приподнялась и сделала несколько качающихся движений из стороны в сторону. Шея конвульсивно дёрнулась раза два-три и вдруг напряглась, точно в неё накачали воздух. Похожее на смятый аэроостат тело оживало и приобретало утерянную упругость.

Четверо людей в скафандрах внимательно следили за животным.

— Кто же его напугал? — в раздумье произнёс Коробов. — Ведь хищников, как утверждают предыдущие экспедиции, на Венере нет. Что ещё могло нагнать страху на такую машину?

Гарги пожал плечами.

— Мы находимся на совершенно не исследованном материке. Но что он делает? Нгарроба!

— Куда вы? Стойте! — закричал и Коробов.

Но африканец уже бежал со всех ног к таволону.

Животное покачивалось на задних лапах, могучих и пружинистых, как рессоры стотонного вагона. Сейчас оно прыгнет!

— Ну, такая пылкость уже ни к чему! — Гарги поблел.

Коробов быстро сунул руку в карман, отыскивая запасной патрон. За разговорами он забыл, что пистолет полностью разряжен.

Но сделать никто ничего не успел.

Фигура в голубом скафандре вскочила прямо на хвост ожившей махины, у самого его основания, где он был толщиной с бочку. Рука Нгарробы протянулась вверх, словно он хотел потрепать или ударять животное по спине. В следующее мгновение тавтолон так подкинул задом, что Нгарроба отлетел шагов на пятнадцать и шлёпнулся спиной в глубокую лужу.

Переваливаясь с боку на бок, гигант затрусил к воде, тускло отсвечивающей поодаль под густым пологом облаков.

— Теперь я понимаю, почему тавтолон погнался за вами, — говорил индеец, зайдя в лужу по колено и протягивая руку африканцу. — Вы первым напали на беднягу! Да обобритесь на эту палку, откуда вы её взяли? Вот так! Мне не под силу вытащить вас.

— Вытрите ему шлем, — сказал Коробов.

Когда протёрли замазанный грязью прозрачный шар, венчающий скафандр, в глубине шлема засверкали белые зубы, а затем стало видно лицо вице-президента Африканской академии наук. На нём сияла такая широкая и торжествующая улыбка, какой его друзья ещё ни разу не видели.

Перепачканный с ног до головы, он продолжал держать в руке «палку» тонкий, длиной метра в полтора прут, похожий на камышину или тростинку.

— Если бы я не вытащил эту штуку в самый последний момент из спины моей приятельницы, она утащила бы её с собой. Вот что заставило её бежать из зарослей.

— Похоже на иглу, — сказал Гарги. — Вы встречали когда-либо шипы таких размеров?

— Нет, — возразил Сун-лин, — ничего похожего не найдёшь ни в одном описании флоры Венеры.

— Значит, ещё одно открытие?

— Да ещё какое! — воскликнул вдруг Коробов. Он казался крайне взволнованным. — Посмотрите внимательно!

— Не понимаю, — пожал плечами Гарги.

— Возьмите в руки!

Гарги взял «палку», которую ему передал Нгарроба, и провёл двумя пальцами по всей её длине. В конце пальцы упёрлись в небольшой выступ. Затем «палка» сужалась, заканчиваясь очень твёрдым остриём.

— Это... это... — возбуждённо забормотал он.

— Дротик, — сказал Сун-лин. Глаза его остро блестели под прозрачным колпаком шлема.

— Вот это открытие! — закричал Нгарроба, чуть не приплясывая на месте. — Не зря я два раза шлёпался в грязь... Какая удача, что я очутился на пути у этой скотины!

— Да, друзья, — торжественно сказал Коробов, — наша экспедиция, вероятно, нашла первое доказательство существования разумных обитателей Венеры.

— Находящихся на такой степени развития, что они уже умеют изготавливать простейшее оружие, — докончил Гарги.

— Будем надеяться, для охоты. — Сун-лин взял дротик из рук Гарги и внимательно оглядел наконечник.

Путешественники переглянулись.

— Зарядите же, наконец, ваш пистолет! — сказал Гарги.

— Электropистолет, как вы знаете, — заметил Коробов, — средство самозащиты и потому действует только на очень коротком расстоянии.

Тем не менее он достал небольшой цилиндр и вложил его в пистолет.

Нгарроба протянул руку к дротику.

— Дайте-ка его сюда!

Он подержал дротик в руке, словно примериваясь метнуть.

— Думаю, друзья, что с помощью этой игрушки никому из нас не удалось бы пробить такую броню, как кожа тавтолона.

— А наш скафандр она проколет шутя, — подтвердил Сун-лин. — Конечно, эта лёгкая ткань защищает от укусов всякой жалящей мелкой твари не хуже, чем тавтолона его толстая кожа. И мы отлично укрыты от главного врага бактерий. Но перед дротиком...

Нгарроба пошевелил плечами, точно ощутил прикосновение к коже между лопатками.

Коробов почувствовал желание обернуться. Позади никого не было. Только в зарослях, шагах в пятидесяти, шевельнулись два-три тонких ствола.

Гарги подошёл к дереву, похожему на гигантский укроп. На нём не было листьев, ствол покрывала густая короткая хвоя.

— Никак не могу привыкнуть к здешней флоре, — сказал индеец, — хотя и понимаю, что растительность развивается так быстро от избытка углекислоты в атмосфере. Хотел бы я знать, из чего они делают свои дротики? Вряд ли из этого дерева. Хотя, если срезать прутья с верхушки...

— Из чего сделано древко, мы в своё время определим, — возразил Сун-лин. — Важнее узнать, что за камень идёт для наконечников. Порода мне неизвестна.

— Здесь вообще нет гор или выходящих на поверхность скал. Посмотрите!

Вокруг тянулась плоская равнина с озёрами, налитыми водой вровень с берегами. С запада картину обрамлял густой лес, похожий издали на сплетение колючей проволоки. Над сплошной синей чащей вздымались отдельные гиганты с ветвями, расходящимися как растопыренные пальцы. Каждый «палец» заканчивался новым пучком ветвей.

На востоке виднелось несколько невысоких холмов с мягкими, размытыми очертаниями.

Произведя фотосъёмку, путешественники направились к ракете.

Разговор вертелся вокруг дротика и возможной встречи с людьми Венеры. Чем она кончится?

— Собственно говоря, — сказал Нгарроба, — у нас тоже есть оружие, — он сжал дротик в руке, — такое же, как у них.

— Во-первых, оно в единственном числе, — возразил Гарги.

— А во-вторых, вы его не примените, — заметил Сун-лин.

— Да, действительно, — согласился вице-президент Африканской академии наук. — Разве уж в самом крайнем случае.

Коробов вынул заряженный пистолет и стал передвигать рычажок.

— Убавляете разряд?

— Не собираюсь же я их убивать, — пожал плечами Коробов. — Как вы полагаете, двадцатой доли того, что получил таволон, достаточно?

— Это порция для быка.

— Неизвестно, может быть, человек Венеры сильнее.

— Надо поскорее обследовать эту часть планеты! Ведь до сих пор экспедиции высаживались главным образом в экваториальной зоне и у полюсов. А средние широты посещались только дважды. И то шестая экспедиция была неудачной. Заболел Томпсон — и всем пришлось вернуться.

— Отдохнём на базе — и в путь!

— Один из нас, — объявил Коробов, — должен находиться всё время в ракете.

— Только не я, — быстро сказал Нгарроба.

— Кому повезёт. Я согласен на жребий.

— Да уж, действительно, кому повезёт, — рассмеялся Сун-лин. — Тому, кто пойдёт в патруль, или тому, кто, может быть, повезёт на Землю сообщение, что патруль пропал.

— Ракету надо будет подготовить к старту. Так, чтобы отправить её мог один человек, — заметил Коробов.

— Интересная, чёрт возьми, восьмая экспедиция! — лицо Нгарробы сияло. — Вы знаете, я чуть было не попал в седьмую. Но задержался на Марсе, и мне оставили место в восьмой. А я тогда так огорчился: у нас вышла из строя ракета. Пока пригнали запасную, экспедиция на Венеру уже ушла. Всё-таки мы ещё сильно зависим от астрономов с их расчётами.

— Да, регулярного сообщения с планетами пока нет.

— На Луну, положим, ракетный мост работает.

— Ну, Луна...

Переговариваясь, они шагали по скользкой, разъезжавшейся под ногами почве, обходя озёра, озёрца и бесконечные

языки заливов. Мелкие лужи кишели всякой тварью, напоминавшей то живые булавки, то плавающую дробь, то зелёные снежинки.

Часов через шесть они вышли к подножию холма, на котором на выдвинутых из туловища ногах стояла горизонтально ракета.

— Отдых, — скомандовал Коробов.

В ракете было сухо и уютно. Путешественники с удовольствием сняли скафандры и улеглись в мягких креслах, легко превратившихся в постели.

«Утром» — по земным часам, измерявшим время в ракете, — после завтрака пришло время решать, кому идти в патруль.

Нгарроба так волновался, что на него жалко было смотреть.

— Ваш темперамент, — заметил Гарги, — какой-то пережиток прошлого.

— А я думаю, — быстро возразил африканский учёный, — что и через тысячу лет люди будут волноваться. Иначе не стоит жить. Я не верю в бесстрастных людей.

— Вы, Гарги, тоже нервничаете, — заметил Коробов.

— Ну, а спокойствие Сун-лина — обыкновенная выдержка, — возразил индеец. — Кто же не волнуется? Вы?

— Я первый раз встречаюсь с разумными существами на другой планете, — парировал Коробов. — Простительно и поволноваться. Итак, кто наберёт больше очков, тот идёт в патруль. Я начинаю.

Он вынул пожелтевший кубик, игральную кость времён Древнего Рима — музейную вещицу, которую ему дала на память дочь.

— Четыре, — объявил Сун-лин, глядя на подкатившуюся к нему кость.

Нгарроба долго тряс кубик в ладони, наконец бросил на гладкий стол.

— Пять! — закричал он. — Пять!

Китаец кинул кость. Вышла тройка.

— Ну что ж, — протянул руку Гарги, — у меня всё же два шанса из трёх. По крайней мере так говорит теория вероятности. Эх!..

— Двойка, — спокойно констатировал Сун-лин. — Теория вероятности оправдывается лишь при большом числе бросаний.

— Инструкции? — покорно спросил Гарги.

— Не отходите от ракеты дальше десяти шагов.

— Не украдут же её!

— Её — нет. А вас могут. При малейшем подозрительном явлении скрываетесь в ракете и ведёте наблюдение. Локатор вышел из строя, так что придётся пользоваться иллюминатором. Наша посадка, честно говоря, была не слишком блестящей. Время работы патруля — двадцать четыре часа. Если мы не вернёмся, ракету не покидайте. Ждёте ещё двенадцать часов. Будьте тогда особенно осторожны. Ещё через двенадцать часов стартуете на Землю.

В течение нескольких часов участники экспедиции готовили ракету к старту. Нгарроба включал и выключал домкраты, управляющие «ногами», пока ракета не приняла наклонное положение. Гарги работал с вычислительной машиной, Сун-лин задавал программу управляющему устройству.

— Кнопку нажмёте по этим часам, — сказал он. — Включите за пять минут. Старт будет автоматический. Так надёжнее. Ничего не трогайте, пока не станут поступать сигналы с Земли. Это будет только на третьей сутки. Тогда начнёте передавать сообщения на Землю. Раньше радиосвязи всё равно не будет: мешает Солнце и...

— Я знаю...

— Я обязан проинструктировать. Нажмёте эту кнопку — и всё, что я сказал, будет повторено сколько угодно раз.

— И это знаю.

— Ну и отлично! Желаю спокойного дежурства!

— Начало работы патруля — через полчаса, — предупредил Коробов, взглянув на часы в стене. — Надеть скафандры!

По одному участники экспедиции проходили в тамбур, надевали скафандры и через люк по выдвигному трапу выбирались наружу.

— Сверим часы, — предложил Коробов, — по стартовым.

— В путь!

Короткое рукопожатие, и три фигуры в скафандрах зашлёпали по грязи. Четвёртая осталась у задранного вверх туловища ракеты.

3

— Небесные коу, небесные коу! — кричал Лоо, подбегая к Большим Пещерам. — Небесные коу спустились рядом с Большой Водой!

Но тут он увидел, что все молчат и со страхом смотрят на старого Хц. Племя было в сборе. Только двое-трое повернули головы в сторону кричавшего Лоо, но затем снова обратили лица к вождю. Потрясая руками, он говорил:

— Это были двуногие! С круглыми головами и кожей гладкой, как у кулу. Небольшой, слабый народ, только один был настоящего роста, и то меньше многих из нашего племени.

Хц показал, какого роста были круглоголовые. Он поднял с земли круглый зелёный плод тагу и объяснил, что такая голова была у странных существ. Вряд ли они могут хорошо плавать. Ноги у них с маленькими, совсем маленькими ступнями, прямые и толстые, как брёвна.

Хц дал понять собравшимся, что существа, которых он видел, стоят на очень низкой ступени развития, гораздо ниже, чем двуногие из стада Хо, которые не умеют делать «летающих жал» и не могут поэтому охотиться на кулу, а живут тем, что собирают в лесу.

— Они плохо ходят, — сказал Хц.

Он видел, как они падали на ровном месте. Они даже (в голосе Хц послышалось глубочайшее презрение) становятся на четвереньки и ползают так, словно не двуногие. Он сам видел. Но всё-таки это, пожалуй, двуногие, только очень дикие. Они стащили «летающее жало», выдернув его из туло-

вища кулу. Они так крутили своими головами (Хц изобразил действия странных существ), что, хотя Хц не мог знать, о чём они говорят, он понял, что они страшно удивлены. Значит, они не умеют делать «летающие жала».

— Ха! — раздался крик презрения из толпы.

— Вы знаете, что наш народ — самый сильный, — продолжал ободрённый Хц, — самый мужественный, самый хитрый.

Он жестикулировал, бил себя в грудь, принимал позы, показывал силу, мужество, хитрость.

— Никто не знает, откуда появились эти дикие круглоголовые.

Тут какая-то сила толкнула Лоо, и он выбежал вперёд. Ещё когда старый Хц рассказывал о странных пришельцах, Лоо переминался с ноги на ногу. Столько событий сразу! Когда вождь с негодованием сказал, что круглоголовые ползают на четвереньках, Лоо спрятался за спинами собратьев: он вспомнил, что нарушил запрет. Но дальнейшее заставило его забыть об этом. Когда вождь сказал, что он не знает, откуда взялись пришельцы, Лоо выбежал вперёд.

— Небесные коу, — забормотал он. — Небесные коу.

Он, Лоо, видел, как что-то спускалось из облаков.

Лоо плохо говорил — не то, что старый Хц, знавший много слов и умевший показывать то, что трудно выразить словами.

Голову Лоо распирало от мыслей. Никогда ещё он так много не думал. Он хотел сказать... Что он хотел сказать? Он сам не знал, что он хотел сказать.

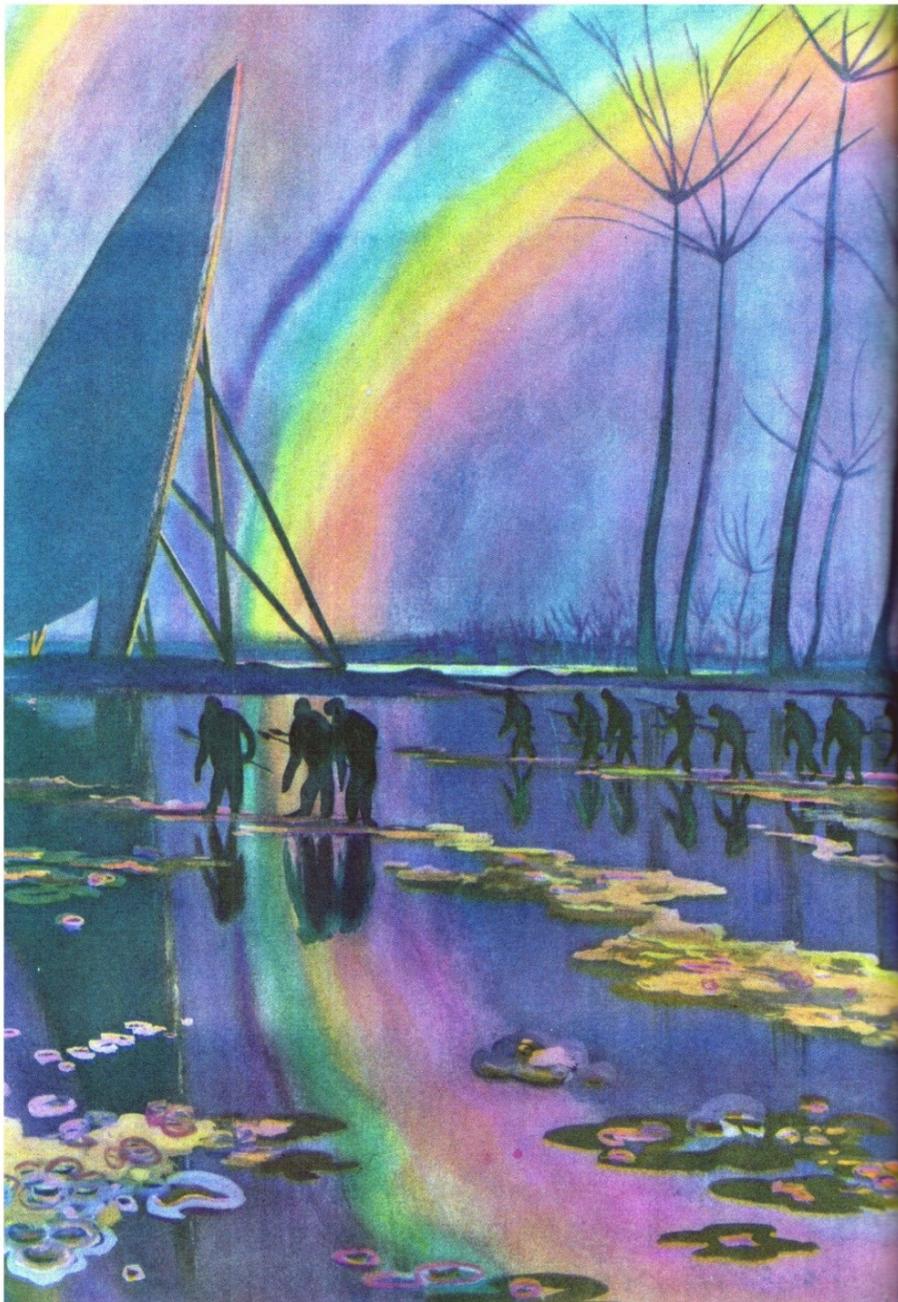
Он махал руками и бормотал:

— Небесные коу.

Он топтался на месте, обводя соплеменников горящими и умоляющими глазами.

Сначала все молча ждали, что он скажет. Но затем вождь поднял руку и стал бить себя в грудь.

— Хц знает, что надо делать! — кричал он. — Хц знает! Слушайте Хц!

Передвигаться в стоящей наклонно ракете было неудобно, хотя мебель и часть пола автоматически заняли горизонтальное положение. Приходилось перелезать через пороги, образовавшиеся внутри помещения.

На горизонте — слабоволнистой линии с небольшими выпуклостями холмов — Гарги никого не заметил. Самое скверное заключалось в том, что ушедший патруль нельзя было предупредить по радио. Стены ракеты не пропускали радиоволн, а антенна, выведенная наружу, была уже подключена к устройству для приёма сигналов с Земли. Инструкция запрещала касаться этих устройств и что-либо переналаживать в подготовленной к старту ракете. Конечно, инструкция предполагала, что экипаж в это время находится уже в ракете и не покидает её. Но очевидно, что-то устарело в инструкции или в конструкции ракеты.

Посмотрев минут десять на знакомую, уже надоевшую линию горизонта, Гарги вернулся к своему главному наблюдательному пункту. Сидя в кресле, он сквозь иллюминатор видел бурый скат холма, усеянный двумя или тремя десятками дротиков. Можно было бы собрать хорошую коллекцию для музея, если бы только Гарги мог позволить себе выйти наружу. Осада продолжалась уже добрых два часа.

Вероятно, эти существа, прятавшиеся в зарослях, окружавших площадку, на которой стояла ракета, принимали её за какого-нибудь тавтолона невиданной породы. Людей Венеры не очень-то испугаешь размерами — они привыкли иметь дело с гигантами растительного и животного мира. И они умели справляться с тавтолонами, забрасывая их тучами дротиков.

Конечно, ракету не прошибёшь каменными наконечниками. Дротики отскакивают от неё, удивляя, вероятно, охотников. Но... Гарги взглянул на часы. Патруль должен был вернуться ещё час назад. Гарги снова перешёл к окну в противоположной стене. Как ни важны для науки наблюдения, которые он вёл со своего рабочего кресла, он не мог забывать: главное — сторожевой пост.

Склон холма с этой стороны был совсем голый, и до горизонта тянулась такая же открытая местность. Да, незаметно тут к ракете не подойдёшь.

— А может быть, люди Венеры уже встретили патруль, и пришли сюда после схватки с ним? — подумал Гарги.

Он сказал это вслух. Все последние часы он говорил вслух, комментируя каждый свой шаг, выговаривая каждую мысль, — звукозапись должна всё зафиксировать в дневнике.

Гарги вздрогнул. На горизонте появилась тёмная фигура. Гарги изменил фокусировку иллюминатора. Фигура приблизилась, но разглядеть её было невозможно. Минут десять она маячила вдаль, а затем вдруг исчезла. Что случилось с этим человеком? Провалился в какую-нибудь трещину? Или скатился по скользкому склону в овраг? Он ждал, но человек не появлялся. Он не успел даже различить цвет фигуры.

Зато на горизонте возник новый силуэт. Голубой скафандр! Нгарроба? Значит, первый был Сун-лин? Он в чёрном. Где же Коробов?

Нгарроба в одиночестве брёл по усеянной невысокими буграми местности. Гарги видел, как он обходил небольшие озёрца. Он различил даже дротик, который африканец, уходя, захватил с собой. Вдруг Нгарроба исчез.

Куда они пропадают? Гарги старался разглядеть, что там, на пути патрульных. Но тут в поле его зрения вновь очутился тот, первый человек. Он появился в том месте, где недавно исчез, и сейчас продолжал двигаться по направлению к ракете.

Беспокойство индийского учёного возросло, когда чёрный скафандр Сун-лина вдруг опять исчез и местность за иллюминатором стала совсем пустынной.

Прошла минута, другая, третья... Человеческая фигура снова появилась, но это не Сун-лин, а Нгарроба — в том месте, где он исчезал. Теперь к ракете шёл один Нгарроба.

Гарги уже не удивился, когда Нгарроба, пройдя с полкилометра, пропал. Он ждал, что перед его глазами возникнет Сун-лин. И он появился.

Индиец всё понял. Патруль возвращался рассредоточение, по одному, чтобы не нарваться неожиданно на засаду, если она окажется на пути.

Но где же третий? Куда девался начальник экспедиции?

И что следует предпринять? Патруль на глазах у Гарги шёл прямо навстречу той опасности, которой хотел избежать!

И тут Гарги понял, что ничего предпринимать не надо. Люди Венеры находятся по другую сторону холма, на вершине которого стоит ракета, и не видят того, что видно ему в окно иллюминатора. Нужно только, чтобы возвращавшиеся собрались у подножия холма или даже ближе, у самой ракеты, и затем одним махом вскочили в люк в то короткое мгновение, на которое его можно без опаски открыть. Хорошо бы на это время как-нибудь отвлечь внимание осаждающих.

Но прежде всего нужно немедленно сообщить обо всём возвращающемуся патрулю. Придётся открыть люк, ничего не поделаешь.

Гарги подошёл к выходной двери, снял предохранитель и нажал кнопки. Бесшумно выдвинулись замки, тяжёлая

дверь оторвалась от герметических зажимов и медленно раскрывала свой зев.

Дверные механизмы не были рассчитаны на особую поспешность. Гарги еле дождался, пока дверь раскрылась настолько, что он смог протиснуться в тамбур. Теперь надо ждать, пока дверь закроется. Только тогда можно вынуть скафандр из герметического шкафа.

Натягивая скафандр, Гарги оглядывал тамбур. Рассчитанный на одного человека, он мог в случае нужды вместить и двух. Но трёх? Он представил могучую фигуру Нгарробы и покачал головой. Но будет ли их трое? Пока он видел только двоих!

Скафандр надет. Теперь последнее — выходной люк. Он отваливается сразу.

Крышка ещё качается на массивной петле, а Гарги уже высунул голову. Люк находится в нижней части ракеты, его видно с обоих склонов холма.

Гарги быстро выпаливает заготовленные фразы, смотря больше в сторону, откуда прилетали дротики, чем на голый скат. Однако он успевает заметить, что Сун-лин уже почти подошёл к подножию холма. Сун-лин бросается наземь при слове «внимание» и слушает лёжа. Нгарроба, разумеется, тоже слушает. Может быть, и Коробов, если только...

Крышка люка, за которую держится Гарги, вздрагивает, и вниз, на бурую почву, падает дротик со сломанным остриём.

Он невольно ускоряет речь, стараясь всё же говорить внятно. Обучение дикции, которое производится во всех школах Земли, теперь очень выручает.

Второй дротик задевает плечо Гарги. Разрыв в ткани тотчас же затянется сам собой, но хотелось бы знать, пробило каменное остриё обе оболочки скафандра или только верхнюю? Гарги почти явственно ощущает, как в дыру в короткий миг её существования хлынули полчища микробов, более опасных для жителей Земли, чем люди, мечущие дротики. Он втягивает голову в люк, оставляя снаружи одну антенну.

Третий дротик проносится под самым его носом; причём он не знает, вышли те, кто их метал, из зарослей или остаются ещё там на положении невидимок.

Всё! Гарги отпрянул назад. Он получил ответ только от Сун-лина. Нажим рычага — и крышка захлопнулась. Тридцать два самозавинчивающихся болта делают своё дело. Когда люк автоматически задрался, Гарги включил распылительные устройства. Теперь в течение целых десяти минут он будет обрызгиваться и обдуваться системой пересекающихся струй и сменяющихся душей. Время замечать не нужно: всё выключится само, когда процедура закончится. Ускорять операцию тоже, к сожалению, нельзя. Пока контрольные приборы не установят, что всё в порядке, дверь из тамбура внутрь ракеты не откроется.

Но вот всё стихло. Гарги снимает обезвреженный от бактерий и осушённый скафандр и кладёт его в шкафчик. Дверь из тамбура медленно открывается, и он, наконец, в салоне.

За дело! Надо включить сигнальный красный фонарик в головном конце ракеты. Но для этого необходимо разложить кресло, улечься в нём, застегнуться толстыми, с надувными подушками ремнями — только тогда кнопка включения фонаря сработает. Это стартовый огонь: он означает, что экипаж готов к вылету. С одной стороны, конечно, хорошо, что для экспедиции на Венеру выбрали испытанную, облётанную модель, но, с другой стороны, эта старомодная система сигнализации и обеспечения безопасности довольно смешна. Гарги лежит в кресле связанный, как кассир, на которого напали бандиты, — если верить старым фильмам, которые демонстрируют иногда по телевидению. Кнопка под указательным пальцем правой руки.

Он нажимает. Раз, два, три! Пусть рубиновый огонёк наверху ракеты, яркий и заметный даже при рассеянном свете длинного дня Венеры, мигает. Так он скорее привлечёт внимание людей Венеры. Ведь им из их убежища в зарослях видна вся ракета. Пусть они поднимут взоры от «земли» выше, к небу.

Гарги выключил запирающее устройство входного люка. Чтобы открыть люк, сейчас достаточно тронуть кнопку у крышки. Это очень рискованно: ведь до кнопки могут добраться и люди Венеры.

Со своего лежачего места он не видит иллюминаторов. Перед ним только большие часы. На прямоугольном циферблате горят цифры: красные — часы, зелёные — минуты, жёлтые — секунды. Если всё идёт так, как положено, Нгарроба и Сун-лин подбегают сейчас к люку.

Гарги отбивает дробь на кнопке. Он старается не думать о том, как три (хорошо бы — три!) человека втиснутся в тамбур. Первый влезет легко. Втянет второго за руку. Третий... Кто будет третьим? На минуту Гарги отчётливо представил себе, как ноги третьего болтаются из люка в «сапогах», самой толстой и прочной части скафандра. К дёргающимся сапогам подбегают голые, обросшие волосами существа, хватают руками, могучими, как клещи, тянут, лезут в люк...

Большой циферблат равнодушно светит яркими цифрами. Собственно, кнопку можно уже не нажимать, но Гарги продолжает лежать и сигналить. Как знать, может быть, мигающий огонёк окажет магическое воздействие на обитателей Венеры.

Время вышло. Зелёные цифры безжалостно и неумолимо сменяются одна другой. Ещё минута. Ещё, ещё и ещё...

Гарги почувствовал, что лоб его покрывается испариной.

Вдруг дверь сдвинулась с места. С поразительной ясностью индеец представил себе, как сейчас в щель просунется волосатая рука.

Он принялся лихорадочно отстёгивать ремень, державший его в кресле.

Тёмная голая рука мелькнула из-за двери.

— Уф! — фыркнул кто-то.

Гарги вскочил.

В иллюминатор он увидел увеличенную линзой голову, лохматую, с выдающимися надбровными дугами, с нависшими волосами, маленькими глазами почти без век, как у животного, зорко глядящими прямо на него.

— Камера! — крикнул индеец почти машинально.

Киноаппарат, установленный против иллюминатора, тотчас же заработал. Абсолютно бесшумный, как и все современные аппараты, он только вращением диска со стрелкой выдавал, что ведёт съёмку.

Дверь открылась уже на треть, но никто не появлялся. Только отчаянное сопенье доносилось из тамбура.

Гарги сделал два шага к двери и услышал прозвучавшее в его ушах как музыка:

— Чёрт, какая давка!

Это был, конечно, Нгарроба!

Гарги кинулся к двери. Его глазам представилось мезиво шевелящихся рук и ног. Не сразу сообразил он, что здесь налицо все участники патруля. Гарги принялся считать руки и ноги. Дойдя до пятой, он облегчённо вздохнул. Все! Первым выпутался из кучи и ввалился в салон Нгарроба. Он попал прямо в объятия Гарги.

— Уф! — фыркнул Нгарроба. — Ещё минута — и я бы погиб. Как только мы ухитрились снять скафандры! Теперь я понимаю, что должны чувствовать финики, спрессованные в пачке.

— И это говорит человек, занимавший три четверти тамбура, — сказал Сун-лин, появившийся вторым. — Вы знаете, — обратился он к Гарги, — Коробову пришлось всё-таки пустить в ход свой пистолет. Он прикрывал нашу посадку. Правда, он стрелял в воздух... Но позвольте, что это с ним?!

Теперь, когда Нгарроба и Сун-лин освободили тамбур, в открытую дверь стала видна распростёртая на полу фигура. Одна рука Коробова протянулась в салон, в стиснутых пальцах был зажат клоч рыжих волос, другая подвернулась под туловище. Бледное до синевы лицо казалось безжизненным.

— Скорее! — крикнул Сун-лин.

Хладнокровие в первый раз покинуло китайского учёного.

Нгарроба схватил тело Коробова в охапку и уложил в раздвинутое кресло, с которого давал сигналы Гарги. Тот трясушимися руками доставал шприц.

Сун-лин быстро раздел Коробова, работая электрическим ножом и отбрасывая лоскуты одежды.

Тело начальника экспедиции было испещрено огромными синяками и кровоподтёками. Особенно много багровых пятен покрывало руки и ноги. На левой руке, на бицепсе, отпечатался синий след четырёх огромных пальцев. Тёмное пятно виднелось около шеи.

— Вот это самое опасное, — сквозь стиснутые зубы выдавил Сун-лин. — Укол!

Гарги уже нажимал кнопку шприца.

— Электродуш!

Нгарроба подтащил блестящий рефлектор, вытянув его вместе с кабелем из стенного шкафчика. Надев шлем на голову Коробова, он включил ток.

— Электродыхание!.. Электросердце!.. — раздавалось в полной тишине.

Окутанный проводами и приборами, Коробов лежал безжизненный.

— Ну, этого я не прощу! — проворчал Нгарроба с сокрушением и гневом, поднося запасной баллон с кислородом к аппарату искусственного дыхания.

Только на шестнадцатой минуте веки Коробова чуть дрогнули.

— Спасён, — с облегчением сказал Сун-лин. — Была бы лишь капля жизни... Теперь максимум осторожности!

Он выключил электродуш. Гарги переводил электродыхание и электросердце на более спокойный режим.

Ещё четверть часа Коробов лежал неподвижно. Затем открыл глаза.

— Все целы? — спросил он, обводя взглядом лица товарищей.

Щёки его порозовели. Он поднял голову.

— Здорово вас отделали, — сказал счастливый Гарги.

— Это Нгарроба, — пошутил Коробов, с трудом двигая бледными губами. — Он так спрессовал меня, что объём моего тела сейчас в два раза меньше нормального, но зато я уместился в тамбуре. Спасибо, Нгарроба!

— Нет, это не моя работа, — возразил Нгарроба, смазывая кровоподтёки на теле Коробова белой пахучей массой, которую выдавливал из большого тюбика.

Синие и багровые пятна сразу стали бледнеть.

Коробов потянулся всем телом. Попробовал сесть.

— Кости целы — и за то спасибо! Ну, такой силищи я в жизни не видывал...

— А где ваш пистолет?

— Гм...

Ни в тамбуре, ни в скафандре его не оказалось.

— Не помню... Как во сне было! Страшные существа окружили вплотную, какие-то звериные морды с клапанами, закрывающими ноздри, руки четырёхпалые, с перепонками у самого основания пальцев, пальцы длинные... Тянутся со всех сторон, хватают. А тут Нгарроба втягивает меня по лесенке! Кажется, они оторвали трап... Больше ничего не помню.

— Ну вот, — покачал головой Гарги. — Мы, кажется, вооружили наших противников.

— Я бы не хотел считать их противниками, — вяло произнёс Коробов. Он откинулся снова на постель.

— Попробуйте разъясните это им, — Нгарроба кивнул на иллюминатор.

Там по-прежнему была видна лохматая голова с круглыми глазами.

Ещё несколько людей Венеры бродили поодаль. Охотники на тавтолонов, видимо, поняли, что ракета не в состоянии ни брыкнуть, ни вообще сдвинуться с места, хотя и стоит на множестве ног. Может быть, исчезновение в туловище ракеты трёх патрульных, за которыми они гнались до самого люка, навело их на какие-то мысли. Словом, они стали смелее.

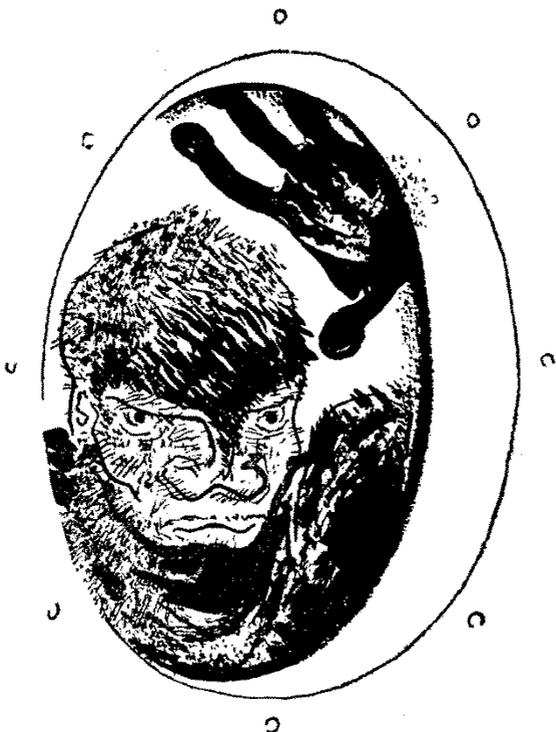
— Не спугните его, — предупредил Сун-лин.

Но что-то оттолкнуло глядевшего, и он отскочил прочь. Может быть, то был его собственный страх.

Киноаппарат издал короткий гудок.

Гарги кинулся менять кассету.

— Досадно упустить такой объект!

Человек Венеры стоял теперь в десяти шагах от иллюминатора и был виден во весь рост. Высокий, с очень выпуклой грудной клеткой, с огромными ступнями, с длинными руками, поросший рыжей шерстью, он производил впечатление первобытной силы и дикости.

— Не очень красив, — заметил Гарги. — По нашим, конечно, представлениям. Но, видимо, здорово силён.

— Обратите внимание на череп, — сказал Суя Лин. — Какая-то смесь неандертальца с... честное слово, мне кажется, такой или почти такой череп я встречал в музеях на Земле. Вероятно, мозг у него развит больше, чем это кажется по общему внешнему виду. А могучая грудная клетка тут, конечно, просто необходима. Ведь у него нет скафандра, и ему приходится прогонять через лёгкие много воздуха, бедного кислородом. Посмотрите, она по объёму чуть не в половину туловища.

— Во всяком случае, эти люди давно забыли о том времени, когда ходили на четвереньках, — вставил Нгарроба. — Походка неуклюжая, но это за счёт строения тела. Зато какая уверенная!

Он вдруг засмеялся.

— Вы что? — спросил Гарги.

— Очень забавно получилось. Битых двадцать четыре часа мы выслеживали эти существа и ни одного из них в глаза не видели. А вы, неудачник, оставшийся караулить ракету, были первым, кто с ними встретился.

— Так никого и не нашли?

— Видели тавтолона, утыканного дротиками, как подушка для булавок. После этого у нас пропало желание беседовать с владельцами этих дротиков без переводчика.

— Охота, видимо, была внезапно прервана, — добавил Сун-лин.

— Мы поняли, что ракета обнаружена. Что ещё могло бы их так сильно удивить или напугать? И мы решили вернуться. А чтобы не угодить к ним в руки, приняли некоторые меры предосторожности. Из-за этого мы, собственно, и опоздали.

— А где ваш дротик? — спросил Гарги.

— Я бросил его, — объявил Нгарроба. — При посадке было не до того... Около ракеты валялось множество, и я решил, что вы уже сделали достаточный запас.

— Не успел, — с сожалением сказал Гарги. — Они появились внезапно. Я быстро вскочил по трапу в ракету. А потом уже посыпались дротики. Может быть, они меня даже не заметили. Они атаковали ракету.

— У меня создалось впечатление, что они хотели взять нас живьём, — заявил Нгарроба. — Ведь мы для них ещё более непонятные существа, чем они для нас. Может быть, они решили изучить нас поближе?

— Похоже, что они собираются уходить, — заметил Гарги, глядя в иллюминатор.

— Скорее, прячутся снова в зарослях, — возразил Сун-лин. — Думаю, они не снимут осады.

Люди Венеры один за другим покидали площадку около ракеты. Некоторые подбирали валявшиеся дротики.

— Они уносят последние вещественные доказательства! — воскликнул Гарги. — У нас на руках ничего не осталось, кроме киноплёнки. Мы даже не узнали, что это за порода, из которой они делают наконечники.

— Несколько штук ещё валяется там.

— Но их караулит этот малый.

Действительно, человек Венеры, заглядывавший внутрь ракеты, не собирался, видимо, уходить. Он бродил поблизости.

— И пусть караулит! — вдруг решительно заявил Нгарроба. — Это нам не помеха!

— Вы хотите предпринять вылазку? За дротиками?

— Дротики? — Нгарроба встал с места. Он вытянул свои руки атлета и напряг мускулы. — Я... Конечно, этот парень сильнее меня. — Нгарроба кивнул в сторону иллюминатора. — Но вряд ли он знает все приёмы вольной борьбы, которой я увлекался в его возрасте.

— Вы считаете, что это юноша?

— Конечно. Среди нападавших был один совсем морщинистый, по-видимому вождь, он стоял в стороне и только размахивал своими длинными ручищами. По сравнению с ним этот малый совсем сосунок.

— Позвольте, что вы задумали? Вы хотите его...

— А вы нет?

— Да, привезти такой научный трофей... — мечтательно сказал Гарги.

Коробов поднял руку, словно собираясь что-то сказать, но выражение лица Сун-лина остановило его.

— Вы с ним не справитесь, — спокойно заметил китайский учёный.

— Положитесь на меня. — Нгарроба выпрямился во весь рост.

— Он по крайней мере в три раза сильнее вас, — настаивал Сун-лин. Посмотрите на его мускулатуру. Тут есть мышцы, которых у вас просто нет.

Наклонив голову, мохнатый человек ходил по усеянному следами скату холма, изредка бросая из-под нависших волос взгляды в сторону ракеты. На его спине, широкой и согнутой, ходили толстые бугры рельефно выделявшихся при каждом движении мышц.

— Не отговаривайте меня, — сказал африканец. — В конце концов нас четверо. И у нас восемь рук, а это тоже имеет значение. И если отказаться от спортивных правил, — а они здесь ни к чему, — и навалиться на него вчетвером, мы его одолеем.

Сун-лин взглянул на Нгарробу с улыбкой, как на ребёнка.

— Случай более чем соблазнительный, — начал соглашаться и Гарги. — Что он там делает?

— У него в руках наш пистолет!

— Вы не помните, там оставался ещё заряд?

Коробов не успел ответить.

Короткая синяя молния блеснула из дула пистолета. Лохматый человек рухнул наземь. Его огромная выпуклая грудь почти не двигалась.

— Хороший случай проверить сопротивляемость организма человека Венеры, — спокойно произнёс Сун-лин. — Интересно, через сколько минут он очнётся.

— Наружу! — крикнул Нгарроба, кидаясь к двери.

— Стойте! — резко возразил Коробов, делая попытку сесть. Он побледнел от волнения.

— Надо внести его сюда, пока он не очнулся, — нетерпеливо передёрнул плечами африканец.

— А что будет, когда он очнётся? — многозначительно спросил Коробов.

— Он всё здесь разнесёт, — сказал Гарги.

— Придётся его... усыпить!

Нгарроба сразу угас, сел в кресло и стал нервно барабанить по подлокотнику. Потом обвёл взглядом внутренность ракеты. Тончайшие приборы, продукт самой высокой техники, окружали путешественников. Нервные стрелки, циферблаты, горящие лампочки, автоматические перья, тянущие на бумажных лентах бесконечную нить, непрерывно действу-

ющие анализаторы воздуха, управляющие устройства... Ракета представляла собой сложный искусственный организм, живущий как бы своей собственной жизнью. И этот организм подчинялся нажиму стартовой кнопки.

Нгарроба глубоко вздохнул и подошёл к иллюминатору. Юноша с Венеры, дикое существо, не знающее даже одежды, лежал на бурой мягкой почве родной планеты.

— Ведь это человек, — сказал Сун-лин то, о чём все думали.

— Ну вас, Нгарроба! — смущённо вздохнул Гарги. — С вашим темпераментом вы способны увлечь кого угодно.

— Мужественный, храбрый человек, — добавил китайский учёный. — Всё его поведение говорит об этом.

— Этот человек, столь похожий ещё на зверя, не знал в своей жизни оков, — произнёс после паузы Коробов. — В здешней, всегда тёплой зоне, на планете, где почти нет смены времён года, он, может быть, уже тысячи лет ходит голый, обросший шерстью, которая, вероятно, служит ему и матрасом. Но, дорогие друзья, он изобрёл дротик, он имеет разум. Он хозяин, да, да, он хозяин Венеры. Пусть он этого не понимает и не знает даже толком мира, в котором он живёт...

— И вот прилетают люди с другой планеты, — с мягкой усмешкой закончил Сун Лия, — люди, стоящие на неизмеримо более высокой ступени развития, и первое, что они делают, — хватают свободного, по-своему свободного человека Венеры и как пленника везут на Землю.

— Что же вы предлагаете? — спросил Нгарроба. Ему стало страшно неловко за свой спортивный азарт.

Киноаппарат издал короткий гудок.

— Кассету! — крикнул Нгарроба. — Сейчас он очнётся. В голосе его ещё слышалась лёгкая нотка сожаления.

Гарги сменил кассету.

Все столпились у иллюминатора.

Грудь человека Венеры начала вздыматься.

— Что же вы предлагаете? — повторил Нгарроба.

— Мы, люди Земли, — оказал Коробов, — находимся в положении богов, от разума и воли которых отныне зависит судьба жителей Венеры. Не знаю, есть ли у них мифология?

Но мы больше, чем их боги. Более всемогущи. От нас зависит оказать правильное влияние на развитие людей Венеры и сделать его столь ускоренным, как это только возможно. И на какой-то ступени, когда будет уже существовать длительный контакт и удастся дать населению Венеры какое-то представление о Земле, мы пригласим людей Венеры посетить нашу планету.

— Мы — это человечество?

— Да.

— Мы должны представить этот проект на обсуждение населения Земли, — сказал Сун-лин.

— Притом немедленно, — добавил Коробов.

— Собственно, ракета уже настроена и может вылететь в час, для которого произведены все расчёты, — напомнил Гарги. — Остаётся совсем немного подождать и нажать кнопку.

— А жаль всё-таки, что ни говорите, — сказал Нгарроба, — расставаться с планетой так сразу. Я ведь первый раз на Венере... Так стремился в эту экспедицию! Смотрите, он встаёт...

Судорога прошла по телу рыжего юноши. Он открыл круглые зоркие глаза и несколько мгновений напряжённо вглядывался в иллюминатор. Видел ли он людей? Он вдруг вскочил и бросился бежать. Но затем остановился и пошёл, не торопясь, раскачиваясь всем телом и поминутно оглядываясь. Ещё мгновение — и исчез в густых зарослях...

— А симпатичный парень! — засмеялся Нгарроба. — К тому же, кажется, с характером...

5

Лоо выбежал вперёд, к странной кулу, сидевшей на множестве ног, сам не зная, зачем он это делает. Что-то тянуло его к этой огромной фигуре, увенчивающей вершину холма. Страх, который обуял его при появлении луча из облаков, куда-то исчез. Лоо не мог с уверенностью сказать, что предмет, появившийся из облаков и напугавший его, и эта наклонённая, словно для прыжка, фигура — одно и то же. Но им овладело волнение, похожее на то, которое он испытывал,

когда хотел на глазах у всего племени рассказать о небесных коу.

Лоо не должен был выходить из зарослей. По плану вождя, вместе с двумя десятками других людей ему следовало сидеть в засаде.

Но он выбежал, словно его толкнули в спину. Он увидел огромный глаз у стоящей наклонно кулу, и в этом глазу мелькнуло что-то. Все твари, которых встречал в своей жизни Лоо, имели выпуклые глаза без всякого выражения, и в них никогда не проносилось ничего, даже отдалённо похожего на тень. Только двуногие обладали глазами, которые могли смотреть по-разному.

Лоо подбежал ближе и стал смотреть на глаз кулу, такой огромный, как вход в Пещеру Огня.

То, что он увидел, поразило его. Внутри глаза были двуногие! Да, да, двуногие! Хц всегда говорил, что существа, ходящие не на четвереньках и не скачущие, как рассерженные кулу, — это коу, двуногие. Только коу ходят прямо. Коу, которых увидел Лоо, не были похожи на двуногих его племени и на двуногих из племени Хо. Но — Лоо смотрел во все глаза — они ходили на двух ногах, а руками размахивали почти так, как это делают коу из племени Лоо, когда говорят. Кожа у них была со складками, без шерсти, ноги слишком длинные, вообще выглядели они безобразно. Но Лоо чувствовал умом и ещё чем-то: эти существа — коу.

Хц раздражённо позвал его. После неудачного нападения на круглоголовых все уже вернулись в заросли. Один Лоо оставался около большой кулу. Он никак не мог уйти. Куда девались круглоголовые? Кулу проглотила их ртом, который расположен у неё на брюхе. Коу в глазу кулу не походила на круглоголовых. Было от чего пойти кругом голове Лоо.

Тут Лоо увидел под ногами блестящую кость, он чуть не наступил на неё. Он поднял её и стал ощупывать. Удар в голову свалил его с ног.

Когда он открыл глаза, перед ним плясала на своих ногах большая кулу. Он посмотрел пристальнее — и кулу успокоилась. Страх вдруг охватил Лоо. Такой страх, как тогда. Он вскочил и бросился бежать. Но страх тут же прошёл. И он

пошёл спокойно, оглядываясь, — кулу глядела на него своим глазом, в нём опять что-то мелькало.

Хц приказал всем спрятаться в зарослях и не высовывать даже носа. Вождь думал, что круглоголовые снова выйдут наружу. Тогда охотники схватят их. Вождь не знал, что это за существа, — таких не было в окрестности.

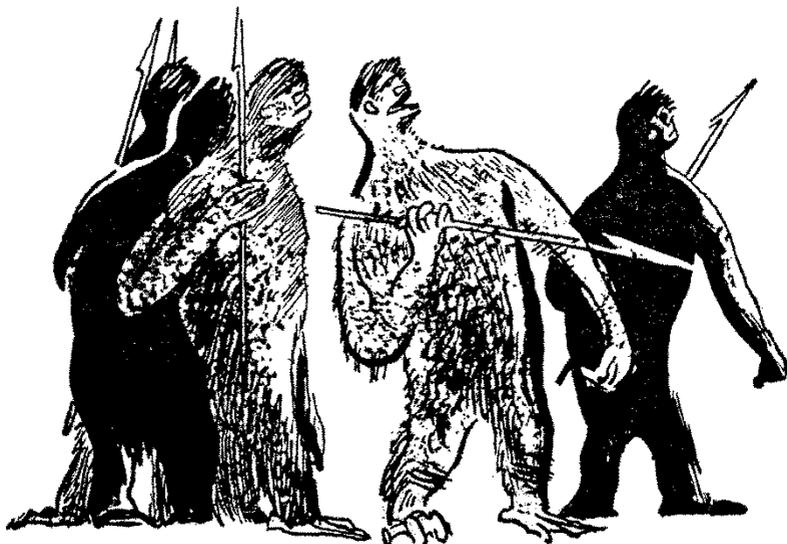
Древний смутный инстинкт заставлял его беспокоиться. Если бы он мог выразить испытываемое чувство словами, он сказал бы, что незнакомое почти всегда несёт с собой и какую-то опасность. Оттопырив клапаны ноздрей, Хц жадно втягивал воздух.

Лоо из укрытия следил за большой кулу. Она стояла или сидела — трудно было понять — не шевелясь. Только глаз её временами оживал и начинал светиться, как это бывает у некоторых зверей ночью.

Так прошло много времени. Ничего не происходило.

Вдруг яркий луч вырвался из туловища кулу и протянулся вниз, вдоль ската холма.

У Лоо подкосились ноги.

Кулу зарычала так громко, что Лоо стало ясно, что это небесная кулу. Только небесные существа гремят на весь мир, когда разговаривают друг с другом. Кулу кричала кому-то на небо.

Затем она стала поднимать морду кверху, и ноги её исчезали — она их подбирала или втягивала, как это делают кичи, ползающие в лужах.

Кулу ревела и стояла теперь прямо, как ствол дерева, уже не касаясь холма. Она поднималась. Ну, конечно, она сейчас уйдёт в небо — ведь это Небесная Кулу. И коу, которых он видел в глазу кулу, — это небесные коу. Кулу медленно, совсем медленно стала подниматься к небу. Грохот разносился вокруг такой, что ничего нельзя было слышать. Кулу вдруг быстро понеслась вверх и исчезла в густых облаках. Только луч, как прозрачный хвост, оставался некоторое время, но он всё слабел, слабел и исчез.

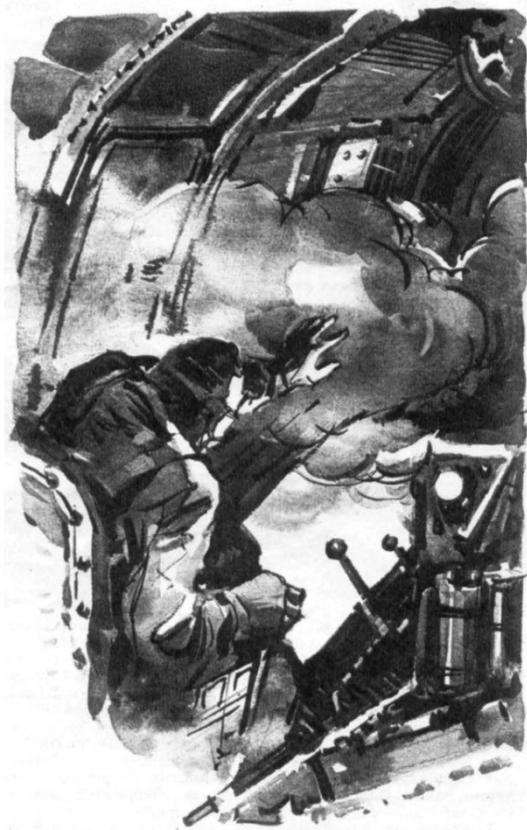
Лоо стоял, запрокинув голову и глядя в небо.

Он не знал, что там, в небе Венеры, куда улетели небесные коу, на далёкой планете, невидимой отсюда за толстым слоем облаков, будет решена его судьба и судьба всех его сородичей. Никогда не придётся Лоо и всем поколениям после него узнать неволю, войну, угнетение в любых его видах. Небесный коу протянет руку своему дикому брату и поведёт его в мир разума и свободы, минуя все ступени, которые он преодолел сам.

Лоо ничего этого не знал. Он смотрел в небо, пока не погас последний луч Небесной Кулу.

СД

НАД

ТАНТАЛУСОМ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В. САПАРИН

Рисунки И. УЩАКОВА

Варгаш летел над Тихим океаном, когда его машина вдруг сообщила: «Иду на вынужденную посадку». Поскольку в действие пришла противопожарная система, он понял, что где-то что-то горит.

В иллюминатор он увидел, как левый бортовой огнетушитель пустил струю в носовую часть. Оттуда повалил густой дым, потом вырвался язык пламени. Огнетушитель сбил пламя, и дым снова пополз жирными клубами. Прошла минута-другая, и тонкая струя пламени вновь потянулась вдоль борта.

Вокруг, сколько ни смотрел Варгаш, он не различал ничего, кроме глади океана. Но машина, видимо, отыскала на карте какой-то клочок суши и тянула к нему из последних своих механических сил.

Наконец и Варгаш разглядел, что разыскала машина: вулканический островок, сверху удивительно похожий на одно из тех пятнышек, что покрывали листья заражённого танталусом тростника. Вблизи он оказался нагромождением скал, небрежно брошенных посреди океана.

Дым валил из машины так, что временами Варгаш ничего не видел. Он сообразил только, что она раза два прошла над обнаруженным ею островком. Но сесть на эти торчащие, как шипы, скалы не могла даже машина «Скорой помощи».

Когда машина пошла на третий заход, Варгаш вдруг почувствовал, что пол под ним проваливается и он вместе с креслом, в котором сидел, летит вниз.

Вися под куполом парашюта, он видел, как его аппарат, оставляя дымный след, падал всё ниже и ниже, приближаясь к поверхности океана.

Дальше всё произошло, как в дурном сне. Скалы внезапно угрожающе выросли и, казалось, нацелились на него зубастыми пастями. Он больно стукнулся коленкой об острый выступ и почти одновременно грудью о вертикальную стенку. У ремня отскочила пряжка, и Варгаш вывалился из кресла — к счастью, с небольшой высоты.

Кресло, висевшее на стропах, полетело дальше и исчезло вместе с запасом продовольствия и медикаментами, уложенными в герметические карманы под сиденьем.

Прошло несколько минут. Первым, почти машинальным движением Варгаш достал из нагрудного кармана блок-универсал. Упругая пластмасса корпуса осталась цела, но аппарат был повреждён. Сколько Варгаш ни нажимал на кнопки — сигнальная лампочка не загоралась. Он лишился главного — связи с окружающим миром.

Стиснув зубы и волоча ушибленную ногу, Варгаш взобрался по пологому склону на скалистый гребень, чтобы оглядеться.

Вокруг расстилался океан, синий, казавшийся бездонным. Волны равнодушно бежали из-за горизонта, тыкались в скалы, составлявшие островок, словно удивляясь, зачем он здесь.

Этот безвестный островок, веснушка на лице океана, скорее всего не имел даже названия.

Варгаш повернулся на спину. Лёжа на камнях и глядя на кусок неба, словно обгрызенный по краям силуэтами скал, он принялся восстанавливать в памяти недавние события.

Первым перед его мысленным взором предстал тюремщик Свенсен.

...Тюрьма выглядела так, как и представлял её себе Варгаш по многочисленным фотографиям: десятка четыре зданий, целый научный городок без единого кустика или травинки на гладкой пластмассовой мостовой, и всё это покрыто огромным прозрачным колпаком.

— Убежать отсюда невозможно, — говорил убеждённо Свенсен. — Его чуть запавшие глаза и жёсткие складки у рта придавали ему вид пророка. — Сюда есть только вход. Как в дантов ад. Обратное? Ха! В этой стене вы не найдёте даже шва.

— А трещины?

Свенсен ударил кулаком по прозрачной стене. Кулак отлетел, как от тугой резины.

— Она многослойная. Все слои самозатягивающиеся. Масса гибкая, нетрескающаяся... Её не прошибает даже пуля!

— Но ведь есть вход! — настаивал Варгаш.

— Вы хотите сказать: тем самым и выход? Человек может выйти. Микроб же — нет.

— Один всё-таки вышел?

— Среди наших заключённых нет того, кого вы ищете.

— Охотно верю. Но ведь не с Марса же он свалился!

— И это совершенно исключено. Ракеты обеззараживаются с полной гарантией. За этим следит Контроль безопасности.

— Но ведь есть бактерии, которые специально доставляются с других планет. Они тоже поступают к вам?

— В специальных сосудах и прямо в особый корпус. Вон, видите, тот дальний, как бы в дымке. Там ещё два таких колпака, как этот. Дополнительная изоляция.

— А вы не думаете, что на Луне могли уничтожить не всех микробов? — спросил Варгаш. — Ведь ракеты с Луны не обеззараживаются.

— К сожалению, это исключено, — сказал Свенсен сурово. — И вы отлично знаете, что на Луне были только анаэробные бактерии. Подумать только, — воскликнул он, — уничтожить все микроорганизмы на целом небесном теле! Это была трагическая ошибка! Просто не верится, что такая

же судьба угрожала и Земле. Помните, как начали уничтожать все вирусы гриппа, возбудителей дизентерии, холеры? Некоторых так вывели начисто. Теперь их ищут на Марсе. Пойдёмте, — добавил он другим тоном.

— Куда? Ведь здесь нет входа.

— Он перед нами.

Только приглядевшись, Варгаш увидел на простирившемся перед ним участке стены тонкий, как волос, стык и почти совсем прозрачные петли.

— Это единственное место на земном шаре, — пояснил Свенсен, — где существуют ещё сторожа. Конечно, никто не подумает войти сюда без спроса. Но Контроль безопасности настаивает... Откройте! — произнёс он громко.

Часть стены отошла. Открылся проход, такой узкий, что им пришлось входить по одному. Вытянув руку в сторону, Варгаш почувствовал, что она упирается во что-то твёрдое. Они очутились не прямо под куполом, как он думал, а в коридоре.

— Обработка уже началась, — сказал Свенсен, указывая на пол, усеянный пупырышками с крохотными отверстиями. — На ногах ведь приносится больше всего бактерий.

— А им запрещён и выход?

— Разумеется. Нелегальный — я имею в виду. И ваш танталус не смог бы проникнуть к нам, даже если бы хотел. Понимаете теперь, почему я так твёрдо заявляю, что его у нас нет?

— Однако не для того же, чтобы я в этом убедился, вы пригласили меня сюда?

Свенсен промолчал.

Коридор упирался в глухую стенку большого корпуса. Минута ожидания — и пупырчатый пол стал медленно опускаться. Когда он остановился, отверстие наверху закрылось глухой шторой. Теперь им предстояло удивительное путешествие.

Свенсен и Варгаш разделись догола, а одежду сложили в какие-то герметические ящики. Потом они стали переходить из одного помещения в другое через тамбуры с двойными дверями. Их обрызгивали и обдували, мыли и тёрли стру-

ями растворов разного состава и температуры. Варгаш, зажмурив глаза, шёл за Свенсеном, держась за протянутую руку. После обмываний начался цикл облучений; и они как бы превратились привидения: шли то в оранжевом, то в голубом, то в зелёном свете, который излучали просвечивающие стены, то в полной темноте.

Наконец было получено разрешение надеть новенькие комбинезоны. Лёгкие костюмы висели в герметических шкафчиках с цифрами размеров и роста на дверцах. Глухие, словно для полёта на планеты, молочно-белые комбинезоны на пневматических застёжках, они оставляли открытыми лишь лицо и руки. Ещё один контрольный осмотр — и вот двор тюрьмы.

Свенсен указал на длинный корпус.

— Тут гриппы. Все, сколько их ни есть. Сто с чем-то. А этот корпус чумной. Тоже, как видите, не маленький... Чистый анахронизм, — поспешил добавить он, заметив, что Варгаш поёжился при слове «чумной». — Один из парадоксов медицины заключается в том, что чума за то время, пока она находится здесь, под замком, так изучена и против неё найдены такие сильные и быстродействующие средства, что, вырвись она сейчас на свободу, это причинило бы только некоторые лишние хлопоты — и всё. Если бы человечество располагало этими средствами прежде, чума считалась бы невинной болезнью, гораздо более безобидной, чем хронический насморк. Я имею в виду обыкновенную чуму, конечно.

— А есть и особые?

— О, в последнее время открыто много видов, которых прежде не знали. Их не различали потому, что они встречались в виде ничтожных примесей к обыкновенной бубонной чуме. Недавно открыта бацилла, — в голосе Свенсена зазвучал оттенок гордости, — по сравнению с которой всё, что знало человечество, — ничто. Против неё не действуют сыворотки.

— Я вижу, вы в настоящем восторге от неё. Так, чего доброго, вы станете приветствовать и танталуса?

— А почему бы и нет? — немедленно откликнулся Свенсен. — Вспомните историю с возбудителем возвратного

тифа, — сказал он, останавливаясь и придерживая Варгаша за локоть. — Медики единодушно приговорили его к уничтожению. И его уничтожили. Что произошло дальше? Через десять лет после того, как был убит последний экземпляр, один микробиолог, изучая возбудитель уже по книгам, установил, что этот жизнедеятельный организм мог быть чрезвычайно полезен — в соответственно трансформированном виде, конечно, — для многих процессов, которые нужны человеку. Его спирохеты, попав в кровь человека, вызывали образование очень ценных веществ, уничтожающих бактерии. В укрощённом виде эти спирохеты можно было бы использовать и сейчас как очень эффективный лечебный препарат. Попробуйте поищите теперь возбудителя возвратного тифа по всей Вселенной!

Свенсен сжал руку Варгаша с силой, которую трудно было ожидать в человеке столь щуплого телосложения. Варгаш посмотрел на собеседника. Его предупредили о «коньке» знаменитого тюремщика.

— Нет микробов только вредных, — торжественно, словно с кафедры, произнёс Свенсен, — как нет и микробов только полезных. Взгляды на микробов меняются и будут меняться, но микробы — все, какие только существуют на Земле и других планетах, — должны быть под рукой у исследователя. Вот почему тюрьму микробов или санаторий микробов, называйте, как хотите, я считаю гениальной идеей, надо отдать должное её автору, Коробову.

Варгаш с интересом выслушал эту тираду, хотя слово «одержимый» приходило ему раза два на ум.

— У нас немного бывает посторонних посетителей, — заговорил Свенсен совсем другим тоном. — Поэтому каждый, кто проникает за эту стену, становится как бы экскурсантом. Если вы хотите...

— Разумеется, — оживился Варгаш.

— А именно?

— Чумной корпус, — сказал Варгаш твёрдо.

В чумной корпус их пустили без особых церемоний. Видимо, считалось, что под куполом никаких микробов уже нет.

Широкий коридор вёл вглубь здания. По обеим его сторонам виднелись узкие двери с надписями — чёрными буквами по жёлтому полю — названия разных видов чумы.

Свенсен остановился у одной из дверей.

— Вот, — сказал он. — *Pestis mortis*. Та самая.

Глубоко заинтересованный Варгаш переступил порог. К его удивлению, их выдерживали в промежуточной камере довольно долго, пока, наконец, лампочка на потолке не вспыхнула зелёным светом.

— Чего же вы опасаетесь? — удивился он. — Заноса бактерий из коридора? Но что можно занести сюда более опасного?

— Мы вообще против смешения бактерий, — возразил Свенсен. — Это искажает картину. Ведь, собственно, из-за этого и нашу героиню долгое время не могли обнаружить.

Лаборатория имела самый обыденный вид. Простой стол с колбами и пробирками. Ряды термостатов у стены.

«Тут она», — подумал Варгаш, покосившись на аккуратные шкафчики.

Двое людей в таких же комбинезонах, как на Варгаше и Свенсене, но в белых масках, закрывающих лица, и в белых же перчатках работали за длинным столом.

Варгашу вдруг захотелось, чтобы и у него на руках очутились перчатки, а лицо закрыла маска. Он взглянул вопросительно на Свенсена. Но этот энтузиаст микробиологии, видимо, пренебрегал мерами предосторожности.

— Хотите взглянуть?

Свенсен подвёл его к микроскопу, стоявшему на столе. Варгаш приблизил глаза к окулярам и вздрогнул: на светло-жёлтом фоне бульонной жидкости ворочалась огромная змея — правда, без головы и без утончающегося хвоста. Тёмное её тело конвульсивно дёргалось.

Свенсен тронул рычажок манипулятора, и Варгаш увидел, как к вытянутому туловищу приблизилось тончайшее остриё ножа. Змея дёрнулась и подпрыгнула, но нож улучил момент и отрубил от змеи кусок. Затем быстрым, совсем неумовимым движением он рассёк змею вдоль.

Автомат–оператор продолжал оперировать бациллу. Варгаш почувствовал что-то вроде тошноты. Ему приходилось иметь дело с чудовищами, невидимыми невооружённым глазом, и наблюдать картины их страшного разрушительного действия, — он не был трусом. Но эта увеличенная бацилла, словно готовая схватить охотящийся за нею нож, производила неприятное впечатление.

Должно быть, мужественные люди работали в этой лаборатории, вырабатывая средства защиты против болезни, которые пригодятся, может быть, когда-нибудь — кто знает! — при посещении другой планеты. Молчаливые люди в масках спокойно передавали друг другу пробирки с самой страшной смертью из всех существовавших когда-либо на Земле.

Свенсен вдруг спохватился.

— Пойдёмте! — сказал он поспешно. — Наши временные маски на лицах и руках скоро выдохнутся.

Так, значит, пока они стояли в промежуточной камере, открытые части их тела были подвергнуты какой-то обработке! Варгашу стало немного легче.

«Ну, всё», — с облегчением подумал он, когда лампочка на потолке выходной камеры загорелась зелёным светом.

Но радость его оказалась преждевременной. Выходная дверь оставалась закрытой. Прошла минута, и пол в камере тихо пошёл вниз. Затем повторилось почти всё то, что уже было при входе в тюрьму: обмывания, облучения, и, наконец, контрольные приборы объявили, что выход разрешается.

— Ну, а если бы? — спросил Варгаш.

— Карантин, — пожал плечами Свенсен. — Уколы! И всё прочее.

— Но ведь сыворотка бесполезна?

Свенсен ничего не ответил. С таким же успехом можно было говорить с солдатом на войне об опасности, которую несут с собой пули.

— В отдел вирусов? — предложил он.

В отделе вирусов Свенсен долго водил Варгаша по всем лабораториям. Варгаш уже не надеялся найти здесь ни танталуса, ни какого-либо отдалённого его родственника. Тем не

менее вирусы, заключённые в тюрьму, завладели его вниманием: многое из того, что делалось тут, нельзя было наблюдать в обычных земных лабораториях, где работали лишь с безвредными существами.

В одном месте он долго смотрел, как делились и размножались крохотные существа, похожие на пружинки. Форма «пружинок» без конца менялась. Это был какой-то фейерверк формообразования. Как объяснили сотрудники лаборатории, процесс был вызван искусственно.

— Мы уже создали около шестисот новых форм, — сказали они.

Варгаш достал блок-универсал и запечатлел и «пружинки» и рассказ сотрудников.

— Я очень благодарен за предоставленную возможность посетить тюрьму, — сказал Варгаш, расставаясь со Свенсеном. — Мне кажется, я не зря провёл здесь время.

— Я на это и рассчитывал, — ответил тот несколько загадочно.

Сейчас Варгашу, томящемуся на заброшенном вулканическом острове, кажется, что у Свенсена была какая-то тайная мысль, которую он так и не высказал. Зачем он уговорил осмотреть тюрьму? Для чего водил по всем вирусным лабораториям?

Варгаш снова оглядел торчащие вокруг скалы. Большая нога не давала покоя. Колено распухло и посинело, острая боль пронизывала тело при малейшем движении. Он оторвал рукав от рубашки и сделал повязку. Если бы была еда и он мог развести огонь! Тогда всё выглядело бы иначе.

Ищут ли его? Конечно! Но попробуй найти на просторах Тихого океана человека, который не может дать вести о себе.

Ему надо как-то устроиться получше. Лежать дальше на этих похожих на наждак камнях просто невозможно. Как ни трудно было волочить больную ногу, Варгаш решил перебраться в более удобное место — впадину, поросшую чем-то вроде мха. Здесь было мягче.

И вдруг он увидел воду. По ложбинке в камне, похожей на линию ладони, струилась прозрачная, тонкая, как папиросная бумага, ленточка влаги. Вода! Он приложил язык к шершавой поверхности скалы и минут пятнадцать впитывал каплю за каплей.

Заходящее солнце коснулось горизонта. Светило тонуло так быстро, точно соскочило с какого-то гвоздика на небе. Набежал ветерок.

Варгаш решил попробовать заснуть. Но мысль не хотела успокаиваться. В сознании возникали всё новые картины недавнего прошлого.

3

...Он увидел себя как бы со стороны, стоящего на веранде, прямо перед ним поля сахарного тростника. Они в ужасном виде. Остролистые, обычно зелёные растения словно опалены солнцем, покрыты какими-то пятнами, кое-где изъедены невидимыми грызунами.

Варгаш только что вернулся из облёта. На всей Ямайке сохранилось не больше трети плантаций сахарного тростника, не тронутых танталусом. Откуда появился этот злосчастный вирус? Даже Клара, хранящая в своей памяти все сведения по биологии, известные человечеству, ничего не может сказать о нём. Никогда и никто не видел и не описывал вируса, похожего на танталуса. Казалось бы, в XXI веке подобные неожиданные открытия вообще исключены!

Варгашу, испытанному следопыту, ветерану Биологической защиты, поручили трудное дело — выяснить тайну происхождения танталуса. Но пока он получает со всех сторон лишь одно «нет».

Мягкое гудение в воздухе заставило Варгаша, продолжавшего сидеть на веранде, поднять голову. С полсотни воздушных опрыскивателей, похожих на гигантские зонтики, шли в шахматном порядке низко над полями, оставляя за собой пелену лимонно-жёлтого тумана. Химики и биологи Центральной лаборатории, сменяя друг друга, работали круглые сутки, пытаясь найти эффективное средство против опаснейшего вредителя. Судя по цвету — это было что-то новое.

Уже поговаривали о том, что придётся объявить на Ямайке карантин, закрыть остров для въезда и выезда.

Воздушные опылители, которые маячили на горизонте, как фантастические подсолнухи, стали один за другим исчезать: пошли на посадку.

Варгаш всё ещё смотрел на поля, когда его блок-универсал подал сигнал: «Вас вызывают».

На экране, едва Варгаш нажал кнопку «приём», появилось лицо Кэрри, начальника Биологической защиты.

— Послушайте, Варгаш, — заорал Кэрри, улыбаясь, как человек, пробуя консервированный компот на рекламе в журнале прошлого века. — Вы всё возитесь с вашим танталусом? Отвлекитесь немного. Забудьте о нём. Ну, на два или три дня. Послушайте меня. В Центральной Африке разразилась какая-то болезнь среди слонов. Что-то новое, совсем неизвестное. Честное слово! Нужно действовать быстро и решительно, пока она не распространилась. Предлагаю вам отправиться туда. А потом вернётесь к вашему танталусу, и, уверяю вас, вы найдёте тот ход, которого сейчас не видите. Я всегда так поступаю. Согласны?

Варгашу как раз не доставало самого необходимого сейчас для него — возможности приложить руки к чему-то осязаемому, практическому.

— Да, Кэрри, — сказал он, — с удовольствием.

— Зденек и Чарли уже вылетели, — сообщил Кэрри. — Один из Ирландии, другой из Никарагуа. Вы будете третьим. Держите связь со мной.

Он назвал координаты и исчез с экрана.

Через пять минут Варгаш был уже в воздухе... О, тот полёт прошёл без сучка и без задоринки! Его машина со свистом резала воздух, направляясь к точке, которую он указал ей на карте.

Прошло два часа, и впереди показалось озеро с зарослями тростника на берегу, а внизу промелькнул домик и большая лужайка. Это был слоновый заповедник, в котором ставил свои опыты Нгарроба, вице-президент Африканской академии наук, находящийся сейчас на Венере. Варгаш нажал кнопку «спуск». Машина принялась выбирать место для по-

садки. Она прошлась раза два над лужайкой, опускаясь всё ниже; наконец, придя, видимо к решению, что лучше места не найти, стремительно понеслась к земле. Там стоял уже самолёт «Скорой помощи». Машина Варгаша подкатила к нему. Не успел он поздороваться с Чарли, как в воздухе показалась машина Зденека.

Не теряя времени, все трое отправились к озеру.

Слонов они застали на песчаном берегу, истоптанном их могучими ногами. Менее красивые, чем их индийские собратья, с непропорционально большой головой, животные стояли или лежали, не выказывая признаков обычного оживления. Огромные уши свешивались, как тряпки, а хоботы, увядшие, бессильные, касались земли или лежали на ней наподобие обрывков толстого каната.

Банди, помощник Нгарробы, ходил среди слонов, словно это были не живые существа, а серые скалы, принявшие форму животных. И слоны обращали на него не больше внимания, чем на птиц, прыгавших на песке.

— Скверно, — сказал Зденек, наблюдая эту картину.

Чёрное лицо Банди от волнения и усталости казалось серым.

— Это началось вчера, — сказал он. — И вот видите...

— Что они ели? — поинтересовался Чарли.

— То же, что и всегда, — пожал плечами Банди. — Вот, — он кивнул в сторону зарослей тростника, — их любимое лакомство.

Предоставив Чарли и Зденеку вместе с Банди заниматься больными слонами, Варгаш направился к зарослям.

Он срезал несколько растений и внимательно осмотрел их. Ничего подозрительного. Тогда он прошёл по берегу километра два — тростник всюду был одинаковый. Взяв из разных мест образцы для анализа, Варгаш направился к стоянке машин «Скорой помощи».

Зденек и Чарли были уже там.

— Похоже на анемию, — сообщил Зденек. — В какой-то незнакомой форме. А может быть, ещё что-нибудь.

— Взял кровь, — добавил Чарли.

Внутри его машины светились лампочки, что-то тихо булькало, цветные жидкости переливались по трубочкам: автомат-анализатор делал своё дело.

Варгаш поднялся в свою машину. Принесённый тростник он нарезал на куски и роздал лаборантам-автоматам, а сам, чтобы не терять времени, уселся за микроскоп. В срезах на предметном столике он не замечал ничего особенного и вдруг...

Перед его глазами очутился лист, повёрнутый тыльной стороной кверху. На нежно-зелёном фоне пестрели мелкие, еле различимые крапинки.

Варгаш вырезал крошечный кусочек с одной крапинкой и прибавил увеличение. Теперь крапинка выглядела как маленький вулканчик с кратером посередине.

Два лаборанта-автомата прогудели, что их работа закончена. Не вставая с места, Варгаш протянул руку и взял голубые бланки. Первый содержал анализ золы: всё в норме, кроме неизвестно откуда взявшегося марганца. Другой бланк перечислял состав протоплазмы — тут были отклонения, правда, небольшие, в них следовало ещё разобраться.

Зато Варгаш прямо вздрогнул, когда взял в руки бланк, подготовленный третьим лаборантом. То были увеличенные фотографии микробов, обнаруженных в тростнике, и среди них — Варгашу захотелось протереть глаза — столь знакомые ему очертания танталуса. Положительно он начал ему мерещиться!

Варгаш взял лупу и не спеша, как можно спокойнее рассматривал снимки. Нет, эта похожая на знак параграфа фигура не оставляла никаких сомнений. Танталус, самый настоящий танталус!

Четвёртый, пятый, шестой лаборанты гудели, докладывая, что порученная им работа выполнена, но Варгаш, не глядя, откладывал их рапорты в сторону — он вызывал «Клару».

Когда она, наконец, ответила, стол Варгаша был буквально завален ворохом сводок. Перебирая их и бегло просматривая, он задавал «Кларе» вопрос за вопросом. Та выдавала всё, что хранилось в её электронной памяти.

На вопрос о крапинках «Клара» дала неожиданный ответ: она назвала вирус, открытый в бассейне Амазонки полстолетия назад.

Амазонский вирус, информировала «Клара», был безобидным существом, ничем особенным не отличавшимся, настолько бесцветным, что все сведения о нём заняли едва пять строк в Полной Энциклопедии Микробов. Влияния на жизнь растения, в котором обитал, он, по-видимому, не оказывал. Открытый случайно, он существовал в неизвестности, пока им сегодня не заинтересовался Варгаш.

Варгаш вызвал Кэрри. Ямайка ответила тотчас же.

— Попробуйте дать тростник, заражённый танталусом, слонам. Желательно — африканским.

— Хорошо. А что случилось?

Варгаш рассказал. Широкое лицо Кэрри стало ещё шире.

— Вот это оборот!

Он сиял. Про Кэрри недаром говорили, что, если когда-нибудь у Биологической защиты не останется больше никаких дел, он зачахнет и умрёт от неизвестной человечеству болезни.

Начальник Биологической защиты попросил передать ему все материалы, полученные Варгашем от лаборантов. Варгаш нажал кнопку «Передача информации» и вышел из машины.

Зденек и Чарли тоже передавали первые сведения в Центр.

— Заболевание, связанное с питанием, — сказал Зденек.

— В крови повышенное содержание марганца, — констатировал Чарли. — А у вас что?

— Похоже на танталус. — Варгаш пожал плечами. — И в то же время совсем непохоже. Марганца много и в тростнике.

— Он, вероятно, в почве.

— Остаётся ещё проверить инсектарий, — сказал Зденек. — Вот ещё одна из проблем нашего времени! Оставляя нетронутыми заповедные уголки природы, человек сам сохраняет очаги заразы. Вопрос: что лучше — сохранить или уничтожить? Другими словами: от чего человечество больше потеряет, а от чего больше приобретёт? Может быть, на самом деле зараза идёт оттуда?

...Зелёная сетка, накинутая над тропическим лесом, тонкая и мелкая, как вуаль, была незаметна даже вблизи. Банди нашёл вход и, отстегнув клапан, пропустил вперёд остальных. Они прошли сквозь три ряда сеток, а Банди застёгивал позади себя невесомые двери. Он настоял, чтобы все надели индивидуальные предохранительные сетки.

Они вступили на территорию инсектария.

Мир существовал здесь в своей первозданной дикости. Крылатые твари, одного укуса которых было достаточно, чтобы человек заболел тяжело и неизлечимо, плодились и размножались беспрепятственно в этой влажной, словно жирной, атмосфере. Это был лес, который в прошлые времена приводил в ужас самых отчаянных смельчаков.

Варгаш был солдатом Биологической защиты. И, как солдат, он шагал уверенно, соблюдая разумные меры предосторожности. Крылатые пули свистели у него над ушами, тыкались в сетку, вились над головой.

Он любил работу в «Скорой помощи» вот за эту калейдоскопическую смену обстановки, за опасности, которыми она почти всегда сопровождалась, за то, что работать приходилось, не считаясь со временем. Варгаш поймал себя на том, что лицо у него стало расплываться от удовольствия, совсем как у Кэрри.

Нет, он не мог бы провести всю жизнь за глухой прозрачной стеной, как этот Свенсен. Хотя, если говорить честно, работа в лабораториях тюрьмы микробов не менее опасна и увлекательна, чем работа Варгаша. Но ей недоставало разных непредвиденных случаев, перемены мест, то есть всего того, что называют приключениями.

Банди наклонился к земле и показал на большие вмятины.

— Здесь проходили слоны.

Зденек с минуту внимательно рассматривал следы.

— Животные здоровы, — заключил он.

— Кровь взять не удастся? — поинтересовался Чарли.

Банди покачал головой.

— Со здоровыми слонами это проделать невозможно.

— Значит, и не нужно, — резюмировал Зденек. — Здоровые слоны — неподходящий объект для нас. Наше дело — больные животные.

— Посмотрим, что покажет тростник.

Нарубив стеблей и сложив добычу в герметические мешки, исследователи с теми же предосторожностями отправились в обратный путь. Выведя их за тройную сетку, Банди долго щёлкал спрятанными в кустах выключателями.

— Она под током, — пояснил он. — Чтобы не порвали крупные животные.

...Лаборантам-автоматам задали новую порцию работы.

— Ну что? — спросил Зденек, просовывая голову в дверь лаборатории Варгаша.

— Пятен нет.

— Анализы?

В это время подал сигнал первый лаборант-автомат.

— Марганец? — спросил подошедший Чарли.

— Марганца нет, — ответил Варгаш, просмотрев бланк.

— Гм, — лицо Чарли приняло озабоченное выражение. — Может быть, весь секрет в марганце?

Варгаш снова вызвал Кэрри. Тот сообщил, что на двух африканских слонов, которых накормили ямайским тростником, заражённым танталусом, это не произвело никакого впечатления.

— Надо взять ещё слонов, — предложил Чарли. — И попробовать кормить тем же тростником, только предварительно обработанным марганцем.

— Ладно, — проворчал Кэрри. — На вас слонов не напасёшься. Если получим сыворотку, мы вам пришлём. Спасайте хоть тех, которые у вас.

— Надо перебазировать слонов, — сказал Зденек после окончания разговора. — На здоровый участок.

— Вероятно, подойдёт любой, где нет марганца в почве, — высказал предположение Чарли.

Варгаш сел в машину и отправился выбирать место.

Остальные занялись слонами. Животные так ослабели, что многих не удавалось поднять па ноги. Банди вызвал транспортные вертолёты. Прошло около часа, и огромные

вагоны один за другим начали садиться на лужайке. Слонов грузили краном, опуская обмякшие тела в вагон и задвигая затем крышку.

Некоторых, совсем обессилевших, с трудом заставили приподняться хотя бы настолько, чтобы продеть лямки.

— Это как раз те, с которыми делал опыты Нгарроба, — сказал Банди. — Будет очень досадно, если они погибнут.

Чарли, Зденек и Банди провозились всю ночь, пока, наконец, не переправили слонов на новое место. Уже светало, когда Банди отослал вертолеты.

— Ну что ж, — сказал Зденек, оглядев слонов, бессильно лежавших на траве. — В сущности, мы можем позволить себе отдых. Один спит, двое работают — так, что ли?

Варгашу выпало спать первым. Он плотно закрыл дверь кабины, поставил стрелки приборов на привычные для него температуру и влажность воздуха, нажал кнопку «постель». Из стены выдвинулся матрац конструкции Института сна, тот, что держит вас словно в воздухе, так что вы не отлежите ни руки, ни ноги, даже если захотите. Включив электросон на «естественное пробуждение», Варгаш разделся. Какое это всё-таки удовольствие спать, принимая воздушную ванну! Сколько веков человечество куталось в звериные шкуры и одеяла, пока не сумело, наконец, расстаться с этим первобытным способом согревания! Ещё какая-то мысль пришла было Варгашу на ум, но он уже коснулся головой подушки, тотчас же его мозг стал мягко и по частям выключаться, и он заснул.

4

Сейчас звериная шкура представляется Варгашу верхом блаженства, о котором можно только мечтать. Он отлежал руку, бок и плечо, а ночью чуть не замёрз.

Заснуть в этой первобытной обстановке так и не удалось.

Солнце снова накаляет воздух. Вокруг всё тот же пустынный океан, над которым опрокинулось безжизненное небо. Коленка распухла ещё больше, и он не может сдвинуть ногу с места.

От жары и утомления мысли Варгаша начинают путаться. Он пробует привести их в порядок.

Что, собственно, произошло там, после того, как он тогда заснул?

Он проспал три с половиной часа, больше обычного на целых полчаса.

Тут же, после пробуждения, его вызвал Кэрри.

— Послушайте, — сказал он, — вам, собственно, здесь больше делать нечего. Ведь ваша стихия не животный, а растительный мир. Пусть Зденек и Чарли занимаются слонами. А вас я прошу всё отложить и слетать на острова Туамоту, там обнаружен вирус, стремительно ускоряющий рост бамбука. Положительно, с нашей планетой что-то стряслось! Или действительно принесло какую-то живую пыль из космических глубин? Последнее поручение, а потом вернётесь к танталусу!

...Что произошло дальше? Варгаша подстерегло то самое приключение, которого так жаждала его романтическая душа. И вот он уже вторые сутки на этом безвестном островке. Он снова восстанавливает всю цепь событий, тщательно перебирает каждое звено. О, у него сколько угодно времени для обдумывания! Времени, которого так не хватало в предыдущие суматошные дни.

И вдруг Варгаш вздрагивает как ужаленный. Он даже делает попытку приподняться, но острая боль в ноге заставляет его снова повалиться на камни.

Словно в каком-то откровении, Варгаш вдруг совершенно ясно и отчётливо представил себе, откуда взялся танталус на нашей планете. Ну, как же он этого не понимал раньше? Ведь Свенсен подводил его к этой идее вплотную, только что не ткнул в неё пальцем. Для этого-то он и показывал ему тюрьму микробов, так долго держал в отделе вирусов!

Ну конечно, танталус возник в результате быстрой и многократной смены форм какого-нибудь давно существовавшего на Земле вируса. Сейчас Варгашу кажется, что эта мысль в смутной форме пришла ему в голову ещё тогда, когда он рассматривал бесчисленные вариации «пружинок». Он

вспоминает, что Свенсен очень внимательно наблюдал за ним всё то время, что они находились в лаборатории.

Свенсен не захотел почему-то высказать Варгашу своей догадки. Почему? Может быть, думал проверить самого себя? Или боялся, что, навязывая своё мнение, собьёт Варгаша с другой, возможно более правильной гипотезы? Свенсен, как учёный, очень осторожен в своих выводах. Ведь в науке нет простых путей: ничего нельзя отбрасывать, всё надо учитывать.

Варгашу сейчас ясно одно: все новые вирусы, которые наделали столько шума, явились результатом изменения формы одного какого-нибудь вида.

А началось, конечно, всё с того тихого и скромного вируса, что существовал, может быть, тысячи лет безвестно в тропических джунглях Южной Америки. Он-то и есть родоначальник танталуса и вируса, поразившего тростник в Африке. Видимо, в тростнике произошли какие-то изменения, которые сделали его непригодным в пищу слонам. И скорее всего он предок и того вируса, который ускоряет рост бамбука. И марганцем надо было действовать не на танталус, а всё на тот же «родительский» вирус, что нашли в бассейне Амазонки полвека назад. Тогда бы наверняка получили форму вируса, поразившего африканский тростник и тем самым вызвавшего заболевание слонов!

Ах, как жаль, что эти мысли пришли так поздно! Проклятый блок-универсал! Как бы он пригодился сейчас... И вдруг — Варгаш подумал, что ослышался! — блок-универсал издал явственный сигнал: «Срочное сообщение».

Варгаш хватает блок и лихорадочно крутит ручку настройки. Увы, лампочка зажигается только при переводе стрелки на волну срочных сообщений. Ну конечно: ведь для приёма этой волны в блоке имеется отдельное устройство! Очевидно, оно-то и уцелело.

Пока он, растерянный, сообщает всё это, диктор произносит:

— «Венера-8» возвращается на Землю.

В первый момент Варгаш не может полностью оценить смысл сообщения.

«Хорошо, что Коробов скоро будет на Земле! — мелькает как-то механически у него в голове. — Он поможет разобраться в этой истории с танталусом». Но тут же всё существо Варгаша как бы пронзает электрическая молния. Что случилось с «Восьмой»? Ведь срок её пребывания на Венере истекает только через два месяца!

Диктор сообщает только одно: корабль летит к Земле. Это установлено астрономическими наблюдениями. Но связи с кораблём ещё нет.

Её и не будет, вспоминает Варгаш, пока корабль не подойдёт к Земле ближе. Это из-за воздействия Солнца. Он прислонил блок-универсал к скале так, что мог видеть экран, не поворачивая головы, а кнопку поставил в положение «приём».

Ночь прошла спокойно. Утром он услышал, как диктор, чуть волнуясь, произнёс:

— Восьмая обнаружила на Венере следы пребывания разумных существ.

Варгаш чуть не подпрыгнул на месте. Так вот почему они возвращаются! Нужно же было ему очутиться здесь как раз в момент, когда происходят такие события!

Диктор умолк и молчал чуть ли не целые сутки. Лишь после того он сообщил первые сведения о «людях» Венеры. Они обросли густой шерстью, напоминающей шерсть бобра, не знают никакой одежды, но имеют оружие для охоты — дротики с каменными наконечниками.

Потом были ещё какие-то сообщения. Но Варгаш находился в полузабытьи. Слова доходили до его слуха, но не до сознания. Сколько прошло времени? Очевидно, немало. Потом он явственно услышал голос Зденека:

— Алло, Варгаш! Где вы? Что с вами случилось?

На экране возникло лицо Зденека, бледное, с прядью чёрных волос, свешивающихся на лоб; он всматривался напряжённо в Варгаша, словно пытаясь его увидеть.

— Почему молчите?

Зденек исчез, а Варгаш в каком-то тумане долго думал, показалось ему это или он на самом деле видел Зденека. Один раз резкий голос вернул его к действительности. На экране виднелось смутное пятно, оно ползло по диагонали, словно мокрица. Это корабль входил в зону космических маяков, и его изображение передавалось по телевидению.

Варгаш снова опустил веки... Очнулся он от шума, который раздавался где-то совсем близко. Открыв глаза, увидел на экране блок-универсала толпу народа, заполнившую огромный стадион. Варгаш узнал Мельбурнский восьмьярусный стадион на полмиллиона мест.

На экране показался открытый вихрелёт. Ухватившись за поручни, на площадке стоял Коробов. Знакомое энергичное лицо с голубыми глазами, в которых всегда таилась скрытая улыбка. Рядом Нгарроба, огромный, сияющий, размахивающий рукой. Тут же сдержанно-спокойный Сун-лин и маленький изящный Гарги, которого Варгаш знал только по

портретам. Четверо участников экспедиции неторопливо сошли на помост.

Потом Коробов говорил, а автоматические телевизионные камеры передавали изображения участников экспедиции и снятые ими на Венере кинокадры.

Ещё раз на экране появился Зденек. Лицо его выглядело растерянным.

— Куда же вы запропастились, Варгаш? — вопрошал он, озираясь по сторонам. — Передайте хоть координаты! Мы с ног сбились...

Зденек снова исчез.

Усилием воли Варгаш отогнал все лишние мысли и попробовал забытья. Он должен продержаться как можно дольше — его ищут.

...Зденека он увидел как в тумане. Тот так внимательно вглядывался в Варгаша, словно на этот раз видел его. Потом Зденек сделал шаг вперёд, и Варгаш понял, что это живой Зденек, а не изображение на экране.

— Наконец-таки! — сказал Зденек. — Что у вас с ногой?

В ответ Варгаш только пошевелил губами.

— Я обшарил весь Тихий океан, — продолжал Зденек. — Больше всего мы боялись, что вас пронесло мимо островка. Машина не подтвердила приземления. Она только радировала, что сбросила вас на парашюте, и дала неверные координаты. Она уже горела в воздухе...

Варгаш подождал, пока туманное изображение Зденека не прояснилось, а голос его зазвучал в ушах более явственно.

— Танталус, — закричал он, напрягая все силы, — и африканский слоновый вирус — одно и то же! И тот, с Амазонки...

5

Традиция требовала, чтобы участники суда лично присутствовали в зале. По тем же неписаным законам и защитники, и обвинители всегда являлись в чёрном. Историки утверждали, что обычай идёт ещё с тех давних времён, когда судили людей и судьи надевали специальные чёрные мантии.

И вот день суда наступил.

Доклада по обыкновению не было. Присутствующим просто напомнили вкратце суть дела.

Святящийся купол круглого зала погас, стены исчезли, и собравшиеся как бы очутились в девственном лесу на берегу Амазонки. Деревья росли по сторонам, их ветви местами сплетались, образуя зелёный свод. Птицы перелетали с ветки на ветку, прямо над головами притихшей аудитории, оглашая воздух резкими звуками. Зал, вернее — его пол, напоминал теперь островок, заброшенный вглубь зелёного океана. Вот этот остров двинулся, деревья обтекали его по краям, смыкаясь позади в непроходимую чащу. Впереди посветлело, мелькнула полоса воды и исчезла, заслонённая зарослями бамбука. Остров остановился, превратившись как бы в полянку, застланную паркетом, на котором были расставлены кресла со зрителями. Но вокруг, касаясь друг друга, шуршали стебли бамбука, метёлки его кивали налетевшему ветерку. Раздался треск, какие-то удары, заросли в одном месте раздвинулись (все повернулись в креслах в эту сторону), и из сплетения стеблей показалась фигура человека. Высокий, с загорелым лицом, он срубил обыкновенным мачете несколько зелёных стеблей, отделявших его от зала, и протянул стебли в зал.

Огромная рука появилась в воздухе и взяла стебли. Тотчас же лес исчез, а собравшиеся очутились в лаборатории, заставленной множеством лаборантов-автоматов. Приглядевшись, можно было заметить, что это не одна, а шесть совершенно одинаковых лабораторий, вплотную примыкавших к залу.

Для удобства зрителей картина создавалась одновременно в нескольких местах зала. Шесть огромных кругов вспыхнули высоко над головами, и в них появились увеличенные изображения танталуса-I, как теперь называли родоначальника всех танталусов. Все шесть танталусов-I подёргивались и шевелились одинаково и в такт, словно проделывали гимнастические упражнения в фантастическом физкультурном параде. Это и был своеобразный парад. Один танталус сменялся другим, вплоть до последнего, десятого, открытого недавно на Соломоновых островах.

Затем были продемонстрированы преступные деяния обвиняемого.

Зрители увидели поникшие растения на сахарных плантациях Ямайки, африканских слонов, беспомощно распростёршихся на земле.

— Дело не только в слонах, — сказал диктор, — но и в опыте Нгарробы.

Варгаш, конечно, знал про этот опыт, о котором было так много разговоров. Найдя тушу мамонта в слое вечной мерзлоты в Сибири, Нгарроба сумел оживить некоторые его клетки, в том числе производительные. Он ввёл их двадцати слонихам из Африканского заповедника. Нгарроба рассчитывал, что, если эксперимент удастся, он получит помесь мамонта со слоном. Тогда во втором поколении тем же искусственным путём, используя новую порцию размороженных клеток мамонта из оставленного запаса, можно будет вывести животных, которые уже на три четверти станут мамонтами. Четвёртое потомство, если бы удалось довести опыт до конца, дало бы «чистокровных» мамонтов с ничтожной «чужой» примесью в 1/16, с которой можно было бы и не считаться.

Мамонтами Нгарроба предлагал населить Антарктиду, единственную часть света, где животный мир был всё ещё беден.

И вот танталус сорвал самый первый опыт. Если его и начать снова, одним поколением мамонтов будет меньше.

— За одно это, — сказал сосед Варгаша, — танталус заслуживает сурового осуждения.

Но не только это числилось на преступном счету танталуса. Плановое бюро огласило цифры. Тысячи тонн загубленного сахарного тростника и другого сырья, осложнения в поездках людей, связанные с карантином, который пришлось ввести во многих районах, — бесчинства многоликого вируса дорого обошлись человечеству.

— Танталус, оказывается, может не только вредить, — сказал диктор. — Есть одно смягчающее вину обстоятельство. Установлено одновременно, что танталус способствует росту растений. Даже сахарный тростник в первый период заболевания делал быстрый скачок в росте, а потом развитие останавливалось и растение погибало. На рост же бамбука один из танталусов, известный под номером четвёртым, оказывает удивительное воздействие. Бамбук, как известно, и так растёт быстро, но тут он вытягивается прямо на глазах. Кроме того, улучшается структура тканей — бамбук становится

прочнее и гибче. Для всех художественных работ «танталусский бамбук», как его назвали, считается теперь самым лучшим.

Варгаш с нетерпением ждал, когда диктор перейдёт к тому вопросу, разрешению которого Варгаш отдал столько сил.

И диктор сказал наконец:

— Танталус-I жил в верховьях Амазонки тихо и мирно, пока человек, охвативший своей деятельностью всю планету, не добрался и до этих глухих мест. Прорубленные просеки открыли дорогу в лес солнечным лучам. Сооружение плотин, городов, заводов способствовало занесению в растительные дебри разных химических веществ, с которыми танталус-I прежде не сталкивался. Он оказался повышенно чувствительным к некоторым из них — не только к марганцу, породившему танталус-III, но и к обыкновенной извёстке или бетонной пыли. Началось бурное формообразование с изменением свойств.

И вот теперь нужно решить, как с ним поступить.

— Заключение в тюрьму, — сказал сосед Варгаша, первый попросивший слова. — И немедленно. Как изолируют сумасшедшего. Ведь о сумасшедшем никто не может сказать, что он сделает в следующий момент. Так же обстоит дело и с танталусом.

— Подвергнуть заключению вирус со столькими положительными свойствами? — удивился Свенсен. — Такого не бывало за всю историю существования тюрьмы микробов!

— Отказаться от возможности ускорять рост растений? От сверхпрочного бамбука? — поддержал его ещё кто-то из защитников танталуса.

— И от гибели сахарного тростника и от заболевания слонов, — иронически добавил голос с противоположного конца зала.

— Против танталуса-II и танталуса-III сейчас найдены эффективные средства!

— А кто знает, что принесёт танталус-X? — Как и всегда, почти всякий сидевший в зале стремился высказать своё мнение.

Больше всех горячился Свенсен:

— Если мы оборвём стихийный эксперимент, поставленный природой, — говорил он, — мы не узнаем много такого, до чего дойдём в наших лабораториях, может быть, только через десять или двадцать лет.

— Что важнее: человек или микроб? — возражал представитель Планового бюро. — И какова тут роль природы? В конце концов активность танталуса вызвала не природа, с которой он жил в мире тысячи лет, а человек. Вся деятельность танталуса за последнее время — это фактически восстание против человека, против его дел...

— Вы забываете про бамбук! — взволнованно крикнул кто-то.

— Ну, знаете, бамбук получается слишком дорогим!

По несколько человек сразу нажимали кнопки, требуя дать им возможность бросить хотя бы реплику. Диктор-диспетчер едва успевал предоставлять слово.

В самый накал страстей, когда на пульте диктора горела добрая дюжина лампочек, раздался голос Коробова:

— Вношу предложение!

Шум в зале стих. Основателя заповедника микробов знали и к его мнению прислушивались.

— Предложение такое, — сказал Коробов. — Танталусов — всех без исключения — изъять и заключить в тюрьму микробов. Оставшихся вне тюрьмы полностью уничтожить. В тюрьме отвести танталусам отдельный корпус: для каждого — лабораторию и тридцать в резерве для будущих, которые ещё возникнут. Мы заменим стихийный эксперимент природы планово поставленными опытами. Используем все средства воздействия на микроорганизмы, которые нам известны. И как только получим стойкие виды с полезными свойствами, будем выпускать их на свободу.

Предложение поставили на голосование. На табло, вспыхнувшем на потолке, замелькали цифры. Они сменялись по мере того, как собравшиеся в зале нажимали кнопки у кресел.

— 500 — «за», 00 — «против».

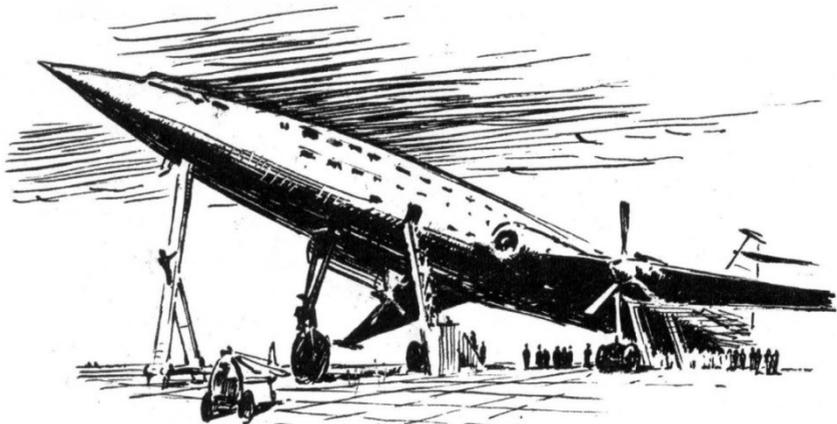
Диктор сообщал о решении всему миру.

Противники танталуса и защитники, только что ожесточённо спорившие, устремились к выходу.

Коробов беседовал о чём-то с Нгарробой и Сунь-лином. Все трое внимательно посмотрели на подхажившего Варгаша.

— Знаете что, — сказал Коробов. — Мне кажется, вам больше нечего делать на Земле. То, чему мы были свидетелями сегодня, — по-видимому, последний на Земле бунт природы против человека. На Венере — дело другое. Там полно никому не известных микроорганизмов. Это, можно сказать, сплошной заповедник дикой природы. И на каждом шагу опасности. Мы подбираем сейчас первую смену для постоянной научной станции на Венере. Подумайте об этом, а?

ПОСЛЕДНИЙ ИЗВОЗЧИК

В. САПАРИН

Рисунки К. АРЦЕУЛОВА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

1

Сопки, могучие складки на теле планеты, покрывали всё видимое пространство, толпились в хаотическом беспорядке, загораживали горизонт. С левой стороны, прямо по меридиану, шла, не сворачивая ни на шаг в сторону, Большая Полярная Дорога. С воздуха Игорь отчётливо видел, как она перекакивала через пади, ныряла в тоннель, снова появлялась вдали.

Остроконечная, как и всегда, показалась не сразу, и, увидев её, Игорь инстинктивно чуть приподнялся в кресле. Чувство нетерпеливого ожидания, знакомое охотникам, рыболовам, любителям природы, охватило его. Вибролёт, словно угадав желание седока, взмыл кверху, а затем помчался к Остроконечной со всей скоростью, на которую только был способен. Прозрачные крылья неутомимо и ритмично вибрировали. Полёт был чудесным, и Игорь вновь подумал о том, что управление с помощью биотоков, возникающих в организме человека при одной только мысли о движении, — за-

мечательная вещь: достаточно пожелать лететь — и летишь. Великолепное ощущение! Жаль только, что это не годится для трансконтинентальных лайнеров.

Едва вибролёт очутился над вершиной сопки, как кресло вместе с седоком повисло в воздухе, а затем, повинаясь желаниям Игоря, принялось описывать круги и зигзаги.

Тех, кого он искал, нигде не было видно.

Наконец, на полянке, у подножия сопки мелькнуло жёлтое пятно. Вслед за красавицей-тигрицей из зарослей тростника выкатились два огромных полосатых котёнка и принялись возиться на траве.

Кресло опустилось и замерло метрах в десяти над полосатым семейством. Звери, очевидно, привыкли к подобным вещам: во всяком случае безмятежная игра продолжалась. Теперь Игорь мог в своё удовольствие наблюдать за тиграми.

Идея устройства заповедника, которого не касалась бы нога человека, принадлежала Игорю — как-никак биология была его второй профессией. Первая же... Он вздохнул.

Налюбовавшись вдоволь, Игорь, вынув из нагрудного кармана блок-универсал и направив объектив на тигров, стал смотреть на экран. Когда кадр казался ему подходящим, он нажимал кнопку «съёмка». Он вёл кинолетопись тигриной семьи уже несколько месяцев и полагал, что года через полтора документальный фильм будет готов.

Он уже было сунул блок-универсал обратно в карман, как тот подал сигнал: «вас вызывают».

— Слушаю, — сказал Игорь.

По самой последней моде он вкладывал блок в нагрудный карман так, что микрофон торчал наружу. Это давало возможность вести разговор, не вынимая блока.

— Что ты делаешь и где находишься? — спросил весёлый голос.

О, кажется, придётся поработать. Игорь вынул плоский, из упругой пластмассы, блок и повернул экраном к себе. Рыжие волосы, веснушчатый нос, насмешливые глаза...

Портрет, который он держал в руках, раскрыл рот и сказал:

— Наконец-таки ты вынул меня из кармана. Ну-ка, покажись, какой ты. Сто лет не видались.

Игорь повернул глаз объектива к себе.

Рыжий Лёшка скривил губы.

— Настоящий стилияга, как говорили в старину. Даже пуговица «орбис» с радиостанцией внутри. Как будто недостаточно блока-универсала! Игрушки... Серьёзные люди не станут баловаться такими пустяками. Ты, кажется, находишься где-то в воздухе. А что внизу? Покажи. Ах, это Голубые сопки! Ну что ж, затея интересная. А где знаменитое тигриное семейство? Вижу, — действительно, красавцы! Итак, ты в родной стихии — в воздухе и на природе...

Алексей явно подсмеивался над приятелем. Означало ли это, что у него приготовлен какой-то сюрприз?

— Между прочим, — сказал он, — когда ты летишь? Через час? Куда? В Австралию? Так, заходи... Я сейчас как раз в Австралии. В Платобурге. Ну, пока, как говорили в старину. Что ты смеёшься? Сам читал в одной книге. Ведь история литературы — увлечение ещё школьных лет... До скорой встречи!

Алексей исчез, а на экране Игорь увидел самого себя, как в зеркале. Длинное, словно вытянутое лицо, довольно унылый вид, или это только так кажется по сравнению с Лёшкой? Рядом с ним кто не покажется печальным!

— Пора на аэродром, — сказал Игорь на экране Игорю, разглядывавшему своё изображение.

Ах, так вот почему у него на экране был такой унылый вид. Ведь он уже думал о предстоящем рейсе.

Впрочем, именно сегодня полёт будет интересным хотя бы уж потому, что в конце его предстоит встреча с Алексеем.

Игорь решительно сунул блок в карман. Подчиняясь его желанию, вибролёт помчался к аэродрому.

2

На пластмассовом, в рифлёную шашку, поле стоял, вытянув тело и отнеся круто назад острые крылья, трансконтинентальный лайнер на пятьсот мест. По трём трапам поднимались на эскалаторах пассажиры.

Вибролёт осторожно опустился у четвёртого, «командирского» трапа. Игорь встал с кресла, нажал кнопку «спасибо», и кресло со сложенными крыльями послушно, как собака, побежало на своих колёсиках на стоянку. Хорошая модель, последний выпуск!

Поставив ногу на нижнюю ступеньку трапа, который тотчас же услужливо понёс его в кабину управления, Игорь невольно усмехнулся. «Царским» называли этот трап молодые пилоты. Прежде, когда экипаж состоял из нескольких человек, вероятно, имело смысл ставить отдельную лестницу. А теперь? Впрочем, тогда и кабина управления оправдывала своё название.

Сколько условностей в жизни и как долго существуют в языке слова, потерявшие первоначальный смысл. Кажется, Игорь изберёт своей третьей специальностью лингвистику. В последнее время у него появляется всё больший интерес к словам. Не поговорить ли на эту тему с Алексеем?

Лёшка? Человек с шестью специальностями и готов овладеть ещё шестью. У другого это было бы проявлением легкомыслия, Алексей же всё делает талантливо и удачно. Игорь в этом отношении слабее своего друга. У него всего две профессии и то вторая только потому, что даже большая страсть не поглощает человека целиком. Всегда люди поступали так: человек, допустим, увлекался химией, работал с душой, самозабвенно, а дома, для себя, играл на скрипке или писал акварели, разводил кактусы, собирал редкие книги или увлекался художественной фотографией, «выкраивая», как пишут в старых романах, которые любит цитировать Алексей, «время» или «урывая редкие свободные часы». Да, конечно, когда человек спал не три-четыре часа в сутки, а целых восемь, — смешно даже подумать об этом теперь, в XXI веке, — и отдавал первой, главной страсти ещё восемь часов, успевая сделать меньше, чем сейчас выполняют за четыре или пять, вероятно, это составляло проблему. Сейчас любительские увлечения людей перестали быть только их личным делом, они превратились во вторые-третьи специальности, а у некоторых, вроде Алексея, таких любимых дел целых шесть, и у него хватает времени для спорта и других занятий, ничего он не «урывает» и не «выкраивает». Они как-то говорили на эту тему с Алексеем: тот очень хорошо знает литературу.

Однако не слишком ли много философствования спозаранку? В конце концов, он успеет заняться этим, сидя в так называемой кабине управления. Игорь открыл дверцу.

Человек в голубом комбинезоне возился в кабине, устанавливая пластмассовый ящик с как бы обрубленными углами.

— Привет пилоту, — сказал он. — Вот, установил новый прибор. По требованию Контроля безопасности, не то Планового бюро. Какой-то спор там у них.

— От меня что требуется?

— Не обращать на него внимания. Я и сам не знаю, что это такое. Он под пломбой. Присоединил провода по схеме и всё. Ну, счастливого пути! — Монтер шутливо помахал рукой.

Игорь занял своё место. Инструкция требовала, чтобы пилот во время взлёта и посадки находился непременно в ка-

бине управления. Зачем? Это знал только Контроль безопасности.

Почти машинально наблюдал он за тем, как давали приказ к отправке, как машина отвечала — огоньки перемигивались на табло, стрелки приборов занимали свои места между ограничительными штрихами. Лишь прибор под пломбой, укрытый глухим пластмассовым футляром, оставался безжизненным.

Заработали моторы. Здание аэровокзала слева в окне сдвинулось с места. Деревья на краю поля слились в ленту. Короткий, очень короткий разбег, могучий рывок — и вот внизу быстро проваливающийся бело-розовый город среди сопок, кусок трассы — прямой, как меридиан, снова город, но уже гораздо дальше, еле угадываемый в очертаниях. Разворот, и корабль несётся ввысь, рассекая слой лёгких облаков, которые только что снизу казались такими далёкими.

Ровно и мягко гудят моторы.

3

Пассажиры, достав свои блок-универсалы, читали книги, просматривали журналы, смотрели кинофильмы. С тех пор, как Центральная библиотека, Главная журнальная экспедиция и Генеральный фильм организовали передачи для индивидуального обслуживания обладателей блок-универсалов, многое изменилось в этом мире. Всего лет пять назад на полках самолёта лежали настоящие книги и журналы, небольшая библиотечка в сотню-другую томов. Сейчас каждый носит в кармане библиотеку в десятки миллионов томов с отделом уникамов и редких рукописей — любую книгу можно посмотреть в блок-универсале, передав заказ и прождав не больше трёх минут. Тиражи журналов, недавно достигавшие астрономических цифр, в последнее время сильно сократились, и уже всерьёз обсуждают вопрос, нужно ли вообще их печатать и рассылать. В сущности, достаточно нескольких экземпляров для автоматической передачи изображений по просьбам обладателей универсалов. Только отдельные любители старины предпочитают держать журнал в руках, перелистывая пальцами страницы.

Про кино и театр нечего и говорить. Премьеру, как правило, смотрит несколько миллионов человек, где бы они в этот момент ни находились. А обсуждение премьеры? Вы можете высказать ваше мнение всем, не покидая кресло самолёта. И вы не мешаете соседу: достаточно нажать кнопку «немой разговор», и голос певца, изображение которого вы смотрите на экране блок-универсала, будет слышен только вам (а давно ли надевали громоздкие наушники!).

Да, техника развивается невероятно быстро. Что будет через десять, двадцать лет?

...У Игоря было достаточно времени, чтобы размышлять о чём угодно и сколько угодно. Он мог сесть в свободное кресло, достать, как все пассажиры, свой блок-универсал и смотреть «Лебединое озеро» или новую пьесу. Надо только разузнать, в каком из театров земного шара она сейчас идёт. Говорят, что самые лучшие постановки — это нью-йоркская, кембриджская и тамбовская.

Стоило ему только захотеть, и он мог нажать кнопку «повтор» в блок-универсале и прослушать записанные на тончайшем волоске утренние наблюдения или продиктовать свои мысли, потом машинка-автомат всё аккуратно перепечатает. Мог прослушать любую лекцию, даже ту, что читалась неделю назад или год, мог делать ещё тысячу вещей.

Не мог только прикасаться к кнопкам на пульте управления.

О, эти кнопки, высмеянные в юмористических журналах, кнопки, окружающие человека от раннего детства до глубокой старости. «Долой кнопки!» — правильное, прогрессивное движение, за ним, несомненно, будущее. Игорь мог убедиться сегодня, как хорошо и приятно летать, не думая ни о каких кнопках. Но как хотелось ему сейчас в кресле положить пальцы на клавиши управления и почувствовать, что огромный корабль подчиняется самому лёгкому их нажатию. Увы, дотрагиваться до кнопок ему разрешается лишь во время тренировочных полётов, которые для того и устраиваются, чтобы пилоты не разучились обращаться с самолётом. А ведь он любил управлять машинами, это, собственно, и заставило его выбрать профессию водителя воздушных лайнеров. Но,

если признаться честно, скучной стала эта профессия, не доставляет она ему того удовольствия, как прежде.

4

Прожаживаясь, Игорь остановился у входа в один из салонов. В углу сидел высокого роста человек и, глядя задумчиво на блок-универсал, едва заметно шевелил губами. Разговаривал с кем-нибудь, а, быть может, работал. Ближе к дверям несколько пассажиров вели беседу. Разговор шёл преимущественно на местные темы: о памятнике комсомольцам-зачинателям освоения Сибири, об отоплении Камчатки за счёт тепла Земли. Кто-то упомянул, как и следовало ожидать, про Якутский рудник-автомат.

Это дало повод одному из собеседников, розовощёкому юноше, заявить, что использование природных руд уже устарело. Давно пора месторождения создавать искусственно.

— Вам мало изменений на поверхности планеты, — улыбнулся пожилой пассажир, — вы хотите и глубины Земли переделать?

— А почему бы нет? — удивился юноша.

Его собеседник ответил не сразу.

— Третьего дня я разговаривал с одним... гм, тоже довольно молодым человеком — пассажир чуть усмехнулся, — и он мне объяснил, что человек может получать всё, что ему угодно, из чего угодно. Например, из обыкновенного булыжника — железо, золото или колбасу. Для этого просто нужно, — он так и сказал «просто», — расщепить атомы на составные части и сложить из этих частей новые атомы.

— Увлекательнейшая идея! — немедленно откликнулся юноша. — Вы знаете, это называется «всё из всего».

— Их много, этих увлекательнейших идей, — снова усмехнулся пожилой пассажир. — Но вот вопрос, какой отдать предпочтение? Какую из них осуществлять сегодня?

— Ту, реализация которой сегодня выгоднее обществу, — вмешался вдруг пассажир, сидевший в углу. — Словом, делать то, что целесообразнее.

— А что считать целесообразным? — тотчас же накинулся на него юноша. — Каков критерий?

— Ну, например, затраты человеческого труда. Это, конечно, прежде всего. Потом — затраты энергии. И не вообще, разумеется, а с учётом общего её баланса в данное время. Затем — сложность и дальность транспортировки. Да мало ли что ещё...

— О, — несколько разочарованно протянул юноша, — вы, я вижу, из тех, кто учитывает всё на свете.

— Сотрудник Планового бюро, — поклонился с лукавой улыбкой пассажир. И, помедлив, добавил:

— Вы ведь знаете, мы не скупимся на любые эксперименты — сколько угодно смелые и самого большого масштаба. Но... — он оглядел собеседников, как бы желая убедиться, интересуется ли их эта тема, и продолжал: — Когда речь идёт о нормальной эксплуатации, тут слово берёт математика. Возьмите, к примеру, плотину через Берингов пролив с её насосами, перекачивающими воды Тихого океана в Арктику. С современной точки зрения это сооружение не так уж совершенно. В самом деле, вдумайтесь хорошенько: чтобы поддерживать тёплый климат в Северном полушарии, нужно добыть урановую руду, извлечь из неё расщепляющиеся материалы, доставить их к плотине и загрузить камеры генераторов. Конечно, почти всё это делается автоматически, но почти, а не всё. В этом отношении Якутский рудник-автомат стоит на более высокой ступени. Однажды запущенный, он будет работать 51 год без всякого вмешательства человека. А вот наш самолёт, — неожиданно закончил он, — во многом устарел.

Девушка с русыми косами, в лёгком платье, внимательно слушая разговор, оглядела внутренность салона.

— Я имею в виду не удобства для пассажиров и не лёгкие качества, — чуть улыбнулся сотрудник Планового бюро. — Но обращали вы когда-нибудь внимание на пилота?

Игорь невольно вздрогнул. Он даже отодвинулся вглубь коридора.

— Пилота? — переспросила девушка. В голосе её прозвучало лёгкое удивление. — Но ведь он сидит где-то там в своей кабине. Он невидимка.

— Не только невидимка, но и ничегонеделайка. И знаете, это одна из интереснейших проблем нашего времени. Пока в воздухе происходят случаи, подобные тем, которые когда-то где-то уже бывали, можете спокойно положиться на машину. Но если произойдёт что-то непредвиденное, случай, для которого в «памяти» у машины нет аналогий, она бесстрашна. Вот из-за этого и летит квалифицированный водитель. Сотни пилотов болтаются в воздухе, несут простое дежурство, вместо того чтобы заниматься творческой деятельностью, как это подобает людям! При этом каждый случай вмешательства в работу машины рассматривается как чрезвычайное происшествие. Во всех машинах делаются необходимые изменения, чтобы подобный случай уже никогда не мог повториться. Таким образом, после каждого случая в воздухе вероятность происшествий вообще уменьшается. И у пилотов всё меньше работы. Так же обстоит дело и нашим пилотом. Конечно, он честно служит обществу, но мы лишили его естественной радости труда. Это просто жестоко.

— Ну, он делает, конечно, что-нибудь, — возразила девушка, — этот пилот.

— Да, читает, диктует, может быть сочиняет поэму. Разумеется. Но ведь это не решение вопроса.

— Я понял только одно, — сказал полусушутя, полусерьёзно пожилой пассажир, — пилоты будут вечно кататься на самолётах. Потому что, если даже останется вероятность одного несчастного случая на всех авиалиниях за десять лет, Контроль безопасности всё равно заставит на всех самолётах летать пилотов. Я сталкивался с этой организацией. Я её знаю.

— Они беспокоятся о пассажирах, — ответил сотрудник Планового бюро. — И в принципе они правы. Задача, однако...

В этот момент Игорь ощутил три лёгких толчка в грудь: машина управления вызывала его. В первый раз за последние два года.

Вызов не был аварийным. Когда он вошёл кабину, зелёная лампочка сигнализировала: «Всё в порядке». Игорь сел в кресло и внимательно оглядел табло. Немым языком сигналов машина сообщала о том, что случилось, и о принятых мерах. «Система охлаждения» — прочёл он на табло. «Не подавалась охлаждающая жидкость» — докладывал откинувшийся бленкер. «Насос в порядке» — бодро рапортовал его сосед. «Неисправность в трубопроводе» — делала вывод машина. И докладывала: «Продута система», «Подача возобновилась». Ну, с таким пустяком справится и ребёнок.

Игорь глубоко задумался, сидя в кресле. Три лёгких толчка в грудь вернули его к действительности. Лампочка горела оранжевым светом: «Не подаётся охлаждающая жидкость» — прочёл он. Значит, засорение было устранено только временно! Быстро, быстрее, чем это сделал бы человек, машина обследовала каждый участок подающей системы и сделала неожиданное заключение: «Всё в порядке». Однако сигнал «Не подаётся охлаждающая жидкость» продолжал ярко гореть. Подали весть моторы: «Перегрев стенок камеры сгорания» — вспыхнул сигнал на табло.

Игорь почувствовал, как руки его потянулись к клавишам пульта управления. Но он не имел на это права — лампочка горела оранжевым светом. Машина сообщала быстрее, чем это сделал бы Игорь, что можно предпринять в таком случае. Замигали лампочки контроля приборов. Машина решила проверить, исправны ли сигнализирующие приборы. Молодец машина! Правильное решение! К тому времени, когда он это сообразил, машина уже проверила всю систему сигнализации. Всё оказалось в порядке, только какая-то неясность возникла с указателем работоспособности насоса.

«Чёрт с ним, с прибором, включить запасный насос! — в азарте подумал Игорь. — Ведь моторы греются...» — Он даже приподнялся в кресле. «Включён запасный насос» — прочёл он с облегчением.

На этот раз машина пришла к решению, может быть, на одну лишь десятую секунды позже Игоря. Конечно, она методично и хладнокровно перебрала сначала все варианты, за-

тем, сравнив друг с другом, отбросила все, кроме единственно правильного. У Игоря же это было первой мыслью, пришедшей в голову, почти импульсивным порывом. Тем не менее, Игорь почувствовал глубокое удовлетворение: в сущности, он одержал победу над машиной. Вот что значит живой человеческий опыт, пусть даже и не вполне осознанный, опыт, заключённый в клетках мозга и в мускулах его руки, которая сама потянулась к кнопке «второй насос». И пилоты кое на что годятся, чёрт возьми!

Лампочка успокоенно светила зелёным светом, а он всё сидел в кресле. Моторы давно просигнализировали, что температура нормальная. Табло явно намекало, что пилот здесь, в кабине, совершенно лишний.

Но Игорь не спешил уходить. Он пережил редчайшее ощущение: он не прикоснулся ни к одной кнопке, но всё же как бы управлял машиной. Игра? Пусть игра! Но ведь это игра в работу, в работу пилота, которая ему противопоказана в силу его должности.

И тут лампочка зажглась оранжевым светом в третий раз. Такого не случалось за всю историю существования трансконтинентальных линий. Само по себе это уже было сверхпришествием.

Однако настоящее изумление охватило пилота, когда он взглянул на табло. «Второй насос неисправен» — профессорски спокойно констатировал прибор. Как, второй насос вышел из строя? Плохо дело, третьего-то ведь нет.

Вспыхнул экран манипулятора. Машина взялась за починку. Игорь видел на экране, как механические руки быстро и споро ощупывали насос, замкнутый в тесном пространстве, куда не доберётся рука человека. Что за чертовщина! Всё было на месте.

«Снять крышку!» — чуть не крикнул Игорь, но механические пальцы уже отвинчивали её. Они проникли внутрь и выполнили всё, что мог придумать Игорь, и, тем не менее, неисправность не была устранена.

«Нижний патрубок!» — промелькнуло в голове у Игоря. Он опоздал. Пальцы завинтили крышку с быстротой, не позволяющей следить за их движениями, и накинудись на ниж-

ний патрубок. Не ограничиваясь нижним патрубком, железные пальцы разобрали, прочистили и собрали всё, что только подворачивалось под руку. Машина делала тысячу страховочных, может быть, совсем бесполезных действий, а время уходило... Электронный мозг терялся.

Игорь почувствовал, что и у него начинают путаться мысли. Что делать? Вдруг его осенило: засорился соединительный шланг. Тот короткий шланг, что соединяет оба насоса: основной и запасный. Он подумал об этом только потому, что однажды, играя с товарищем в «Логическую сообразительность» и пользуясь для этого подвернувшейся схемой моторов самолёта, сам придумал это повреждение и заставил партнёра искать его по косвенным признакам. Ну да, этим партнёром был Алексей! Тогда Игорь выиграл одно очко. Лёшка, быстрый на соображение Лёшка, не смог догадаться! Ведь тогда, как это произошло и сейчас, он сначала продул всю систему охлаждения, а затем уже включил запасный насос. И соединительный шланг, короткий, всего в несколько сантиметров, отросток, оказался непродутым.

Машина, ясно, не знала об этом случае! Она делала всё, кроме единственного, простого и необходимого сейчас действия. Наконец, перепробовав всё, на что она была способна, машина сдалась. Лампочка вспыхнула красным тревожным светом.

Пора! Игорь наклонился вперёд... Моторы уже были близки к истерике! И тут он услышал приказ, прозвучавший в его ушах, как удар грома.

— Ничего не делать!

Он почти растерянно огляделся вокруг.

— Не вмешивайтесь, — подтвердил голос.

Вслед затем он услышал лёгкое, совсем лёгкое постукивание внутри пластмассового корпуса прибора, что был установлен к кабине перед отлётом.

Кнопки на пульте управления сами стали вдавливаться, точно человек-невидимка коснулся их руками. Вновь вспыхнул экран. Кто-то медленно, по-человечески, искал повреждение.

Но ведь этот кто-то не знает про соединительный шланг! Это известно только Алексею. Игорь поднялся с кресла, но его снова остановил приказ:

— Ни с места!

Невидимка знал про соединительный шланг. Он включил продув, и, как и рассчитывал Игорь, система охлаждения тотчас же заработала.

Самое время! Игорь вытер вспотевший лоб. Ещё несколько секунд — и моторы вышли бы из строя.

Да, переживаний сегодня хватало!..

Он посидел ещё немного, чтобы успокоиться. Всё работало нормально. Тогда он вышел из кабины. Пассажиры занимались своими делами, даже не подозревая о том, что только что разыгралось в кабине самолёта. Прошло всего семь минут!

— Вот такой эксперимент мы сейчас и ставим, — говорил сотрудник Планового бюро, поплёскивая своими живыми глазами и поглядывая на собеседников. — С полного согласия Контроля безопасности, конечно. Однако, кажется, мы садимся.

Лайнер сбавлял высоту. Игорь снова прошёл в кабину и сидел там в царственном бездействии, пока колёса не остановились у начертанной на поле линии и все двери автоматически не раскрылись.

Он сошёл на землю последним.

6

Вибролёт попался старой конструкции, и Игорь мог наслаждаться сколько угодно, нажимая кнопки управления. Но — странное дело! — это не доставляло ему сейчас удовольствия. Более того: он находил обременительным держать пальцы на клавишах. Сегодня утром он летал лучше. Руки были свободны, мысль тоже, крылья подчинялись почти бессознательным желаниям. Это походило на полёт во сне. Полёт? Да, тогда, утром, было ощущение полёта. Сейчас же он просто перемещался в пространстве. Обыкновенная транспортная операция, которой приходится заниматься почти

всем людям Земли примерно так же, как раньше, если верить старым фильмам, на работу ездили на велосипедах.

...Алексей сидел в небольшой комнате перед пультом управления — точной копией того, перед которым пережил волнующие минуты час назад Игорь. Рядом стояло ещё одно кресло и ещё один пульт.

— Вот так я и летаю, — сказал Лёшка, обводя рукой своё хозяйство. — Не отрываясь от Земли.

Он посмотрел на Игоря и засмеялся.

— Зато я работаю, — добавил он. — Веду сразу сто самолётов. Следовательно, случаев для вмешательства в работу машин у меня в сто раз больше, чем у тебя. Сегодня выпросил ещё десять рейсов — еле уговорил. Запасный пульт поставили. Это, если два случая произойдут сразу. По теории вероятности...

— Ах, эта теория, — махнул рукой Игорь. — Сегодня я с ней познакомился на практике.

— И вот твой лайнер оказался среди этих новых десяти. Представляю, как ты был разочарован, когда выяснилось, что тебе не надо помогать машине! Такие же ощущения, вероятно, испытывал последний извозчик или последний шофёр. Твоя песенка спета, Игорёк!

— Я просто люблю летать.

— Кто же теперь не летает! И чем ощущения пилота отличаются от ощущений пассажиров? Хочешь настоящих ощущений — иди ко мне в напарники. Правда, летать уже не придётся. Для моей профессии это совершенно излишняя роскошь. Зато интересная работа. Имей в виду, что всех пилотов с будущего года всё равно с самолётов снимут. Даже испытания будут производиться автоматически — программным устройством.

Рыжее лицо Лёшки смеялось, веснушки расползлись, нос сиял. Он не считал нужным выводить веснушки или менять форму ушей — растопыренных, похожих на приставленные к голове ладони, — Лёшка считал, что вполне можно жить и таким, каким создала природа.

— У тебя, брат, ведь есть и другие профессии! Ты можешь выбирать. Ну, будешь летающим биологом в конце

концов. Ведь твой заповедник и предназначен для осмотра с воздуха. Уверяю тебя, всё это не так трагично, как тебе кажется. Потом на Венере ещё летают по старинке. Попросись в экспедицию. Коробов набирает людей.

...В самом деле, что изменилось в мире? Ощущения, которые испытываешь, когда управляешь машиной? Этих ощущений даже прибавится, если Игорь пойдёт в наземные дежурные. Полёт? Чудеснее полёта на вибролёте без пульта управления ещё свет не видел.

Романтика? Да, но романтика есть в любом деле. И в том, что делает Лёшка, очень много романтики, хотя он её и не признаёт.

Игорь вышел на улицу и с помощью блока универсала подозвал к себе вибролёт. Подбежал старый, наивный, романтический вибролёт с кнопками, натканными на крохотном пульте. Игорю захотелось почесать у него за ушами, как он делал это с осликом Васькой, когда был мальчиком. Ослик Васька и лужа, в которой водились головастики, сыграли немалую роль в его увлечении биологией.

Милое детство! Милая кнопка, смешная и трогательная!

Игорь сел в кресло и положил пальцы на клавиши.

— Лети! — приказал он.

Кресло стояло неподвижно.

— Лети, — повторил он.

Кресло не шелохнулось.

Тогда он нажал на кнопку, мягкую и расшатанную, она легко осела — за спиной раскрылись крылья, и вибролёт полетел.

«Малые формы» научной фантастики — повести и рассказы — долгое время, к сожалению, не очень были распространены у нас. И если теперь короткие научно-фантастические рассказы всё чаще появляются на страницах печати, в том числе и нашего журнала, то в этом немалая заслуга и одного из зачинателей этого жанра В. Сапарина. Свои первые рассказы Виктор Степанович Сапарин опубликовал в журнале «Знание — сила» в 1946 году. Один из самых старых наших авторов, он давно и успешно работает в научной фантастике. Его перу принадлежат три сборника научно-фантастических и приключенческих рассказов, получивших признание у читателей.

В настоящее время В. Сапарин пишет научно-фантастический роман. Впрочем, и здесь он остаётся верным своему пристрастию: роман будет особого рода, в нём — несколько новелл, объединённых общим сюжетом, с общими героями. Отдельные новеллы из этого романа печатались в 1958-1959 годах в журналах «Знание — сила» и «Вокруг света». Научно-фантастический рассказ «Последнее испытание» принадлежит к этому же циклу.

1

Вначале он показался похожим на других практикантов, каких немало побывало в конструкторском бюро Гребнёва. Он был так же розовощёк, и голубые его глаза взирали на мир с тем же оттенком лёгкого снисхождения. Как и они, он очень уверенно судил обо всём на свете — об искусственном перемещении планет путём сооружения на них особых мощных двигателей, о пробурировании скважин до центра Земли и тому

подобных вещах, которые, на его взгляд, не были осуществлены до сих пор просто потому, что некому было взяться по-настоящему за дело.

Он весьма критически оглядел оборудование бюро — с полсотни чертёжных роботов, походивших на фантастических длинношеих птиц с тонкими блестящими клювами, и безапелляционно объявил:

— В сущности, ужаснейший анахронизм.

Гребнёв и сам знал, что чертёжные роботы — не последнее слово техники. Станки, читающие чертежи и казавшиеся ещё недавно чудом техники, ныне выходят из употребления. Гораздо проще дать станку все исходные данные, а он уже сам сообразит, что и как надо изготовить.

Но чертежи бывают нужны в некоторых случаях самому Гребнёву. В конце концов он человек, а не машина. Он не может представить себе будущую конструкцию, глядя на крошечную катушку с паутиной нитью. Иногда он должен заглянуть в чертёж, а другой раз и собрать сложный узел на модели.

Но как объяснить это человеку, который знает, кажется, решительно обо всём и всё понаслышке?

— Попробуйте спроектировать скрепки для сборки узлов станции, — сказал Гребнёв просто.

Задание он выбрал самое лёгкое.

На другой день Гребнёв не успел ещё позавтракать, когда его вызвал по блок-универсалу инженер Мищенко с Экспериментального завода.

— Слушайте, — сказал Мищенко, его похожие на кусты крыжовника брови ушли далеко на лоб. — Скажите, сделайте одолжение, чего ради вы заказали сто сорок две тысячи женских головок из пластилита? Вы знаете, я привык ко всяким вашим затеям, но на украшения могли бы пустить и другой материал в конце концов.

Гребнёв, в свою очередь, захлопал глазами. Он ничего не понимал.

— Ваш помощник прислал заказ, — Мищенко показал похожую на облатку катушку. — Я передал его станку. И он начал выдавать вот такие штуки.

Гребнёв увидел на экране блок-универсала абрис девичьего лица с прямым тонким носом и круглым, чуть выдающимся подбородком — почти в натуральную величину. Профиль был отштампован из пластилита толщиной в палец.

— Сколько вы их нашлёпали? — спросил Гребнёв.

— Штук пятьсот...

— Остановите станок. А мне пришлите одну.

Когда Гребнёв пришёл в бюро, женская головка из прочнейшего и лёгкого пластилита лежала у него на столе.

— Откуда эта прелестная вещица? — удивился практикант. — И потом... — он удивился ещё больше, — она мне знакома!

Гребнёв минуты две молча разглядывал юношу.

— Послушайте, — сказал он наконец. — И слушайте меня внимательно: если вам ещё раз взбредёт в голову рисовать ваших знакомых да чертежах, постарайтесь делать это по крайней мере на полях! Эта машина, — Гребнёв кивнул на робота, стоявшего в углу и изготовлявшего на основе чертежей программы для станков, — не разбирает, что относится к делу, а что нарисовано просто так, для удовольствия. Она запрограммировала всё без исключения, а станок, которому передали заказ, стал делать то, что ему приказали. Я думал, вы знаете принцип устройства автоматов!

Практикант ужасно смутился.

— Ну ладно, вы по крайней мере доказали, что чертежи действительно не всегда удобны, — смягчился Гребнёв. — В конце концов все мы были молоды. — И он дал практиканту новое задание. Тот взялся за него с пылом и выполнил безукоризненно.

Практикант сказал, что его можно звать просто Костя. Итак, он любил рисовать. Другой его чертой, обнаружившейся тоже с первого дня, была нелюбовь, или, точнее сказать, антипатия, к чертёжным роботам. Проявлялась она в самых разных формах. На третий или четвёртый день, придя утром в бюро, Гребнёв обнаружил, к своему удивлению, что один из роботов работает как одержимый. Он хорошо помнил, что все машины выключил накануне перед уходом. У робота был такой вид, словно он и огорчён и изумлён одновременно. Перед

ним стоял на подставке небольшой ящик, соединённый с машиной гибким рукавом.

Походило на то, как если бы чертёжная машина всунула хобот в кормушку. Впрочем, это и на самом деле была кормушка, как моментально сообразил Гребнёв. Конечно же, сюда практикант сложил подготовленные для работа задания — листки из блокнота. И тот работал всю ночь напролёт, изготавливая чертёж за чертежом. Целая кипа их лежала в корзинке сбоку. Листы бумаги уже не умещались в ней и падали на пол. Гребнёв подобрал с пола чертежи и стал ожидать, что произойдёт дальше.

Практикант появился очень скоро с самым весёлым видом.

— Работает? — кинул он взгляд на робота. — Ну и пусть работает.

И он приступил к своим делам.

— Это что, эксперимент? — поинтересовался Гребнёв.

— Просто он лучше всех изготавливает фасонные профили. Я и решил: пусть уж над ними работает более квалифицированный чертёжник. Что касается остальных... Я бы половину просто выкинул на свалку. Тут есть настоящие тупицы: никакого воображения! Перечерчивают, высунув языки, то, что им задано. Какие-то заскоруждые чиновники.

— Гм, — неопределённо произнёс Гребнёв. Некоторых из этих «чиновников» сконструировал он сам когда-то. Тогда, десять или восемь лет назад, они не представлялись ему тупицами. Может быть, стареет он, Гребнёв?

А Костя стал передвигать роботов, устанавливая наиболее способных так, чтобы они были под рукой, «тупиц» же загоняя в самые дальние углы. Роботы, старательные чертёжные роботы, с которыми была связана часть жизни Гребнёва, честные работяги, изведшие не одно ведро туши по его заданиям, выглядели сейчас какими-то беззащитными. Те, до которых ещё не добрался практикант, стояли с виноватым видом и словно втянули головы в плечи. А жертвы его неуёмного стремления всё перестроить по-своему уныло торчали как неприкаянные в новых местах. Привычный уют бюро был нарушен.

Костя поднял руку даже на тех роботов, которым «даровал» право на существование. Он предложил полдюжины из них подключить к программной машине, которая переводила язык чертежей на язык, понятный станкам.

— Мы выключим их чертёжное устройство, — убеждал он. — Результаты своих вычислений они будут передавать не рейсфедеру, а по проводам прямо сюда, — он похлопал по станине программной машины. Кажется, это была единственная машина, которая ему нравилась. — Тоже, конечно, не первый класс. Но поскольку завод даёт не серийную продукцию, а работает по одиночным заказам, с этой кустарщиной придётся смириться.

Гребнёв не стал спорить. В бюро было две программные машины. Одну из них он согласился пожертвовать для Кости. Когда агрегат был смонтирован, практикант уговорил Гребнёва разрешить ему самостоятельно спроектировать целый узел — обзорную башню. И он с азартом взялся за дело: скоро катушка с записью лежала на столе Гребнёва.

Но Гребнёв не мог проверить работу практиканта, глядя на паутинную нить с невидимыми формулами, поэтому он попросил Мищенко изготовить детали в уменьшенном виде — для контрольной сборки. На другой день два ящика деталей поступили в бюро.

Известно, что родители пристрастны к своим детям, но Костя не скрывал отвращения, глядя на безобразное сооружение, которое выросло на столе перед ним. Башня походила на кривой гриб, у которого сползла шляпка. В разных местах от гриба отходили какие-то нелепые наросты.

— Что это? — в ужасе воскликнул он. — Разве я этого хотел? Эти безобразные линии! И она ещё нагнулась, словно собирается боднуть кого-то...

— Вы забыли дать роботам одно важное условие — форму будущего сооружения. Конструктор обязан знать, что должен делать сам, а что можно поручить машине.

Гребнёв разъяснил юноше, что роботы, находящиеся в его бюро, лишены чувства красоты. Им дали условия — машины нашли наиболее рациональное решение. Им сообщили, что на Венере господствующие ветры в широтном направле-

нии, — они нагнули башню навстречу ветру. Им объяснили, что желательнее иметь улучшенный обзор к югу. Они не нашли ничего лучшего, как приделать к башне этот безобразный нарост. Законы сопротивления материалов соблюдены. Упрекать роботов не за что.

— Значит, вся затея впустую? — Костя кивнул на агрегат.

— Почему же? Ведь есть случай; когда форма не играет существенной роли. Вот такую работу мы и будем отдавать ему. И чертежи действительно не всегда нужны, — добавил Гребнёв. — Надо только заказать настоящую машину. Вместо этого вавилонского столпотворения.

Агрегат, слепленный Костей, и на самом деле выглядел технически нелепо: чертёжные роботы, собравшись в тесную кучку, толпились вокруг машины-переводчика, протягивая к ней металлические руки. Всё вместе напоминало заговорщиков из старинного романа.

— Можно даже научить машину и законам формы, — заметил Гребнёв. — Геометрии, золотым сечениям...

— А что же делать сейчас? — спросил Костя.

— Взять рейсфедер, — усмехнулся Гребнёв, и тушь.

И Костя покорно склонился над бумагой, рисуя «старомодные загогулины» и «никому ненужные линии», над которыми так издевался.

Но, видимо, машины решили в отместку поиздеваться над Костей.

Когда Гребнёв через час подошёл к своему помощнику, тот сидел с выражением крайнего отчаяния на лице, а стол перед ним был завален набросками башни — один красивее другого.

— Что ж, — заметил Гребнёв, взяв в руки один из рисунков, — очень мило! Знаете, вы — художник. И вам нет смысла уступать право на выдумку машине. Другое дело я. Я умею только чертить.

— Но посмотрите, что делают с моими рисунками машины! — простонал Костя. Он ткнул рукой на чертежи, сфабрикованные роботами. Гребнёв взглянул и невольно улыбнулся: рядом с рисунками Кости лежали аккуратно вы-

черченные карикатуры на них. Линии теряли плавную форму, башни превращались в уродцев, по сравнению с которыми первый «гриб» выглядел просто красавцем. — А когда я настаиваю на своих линиях, — продолжал жаловаться Костя, — они вычерчивают такие сложные конструкции, что вся работа теряет смысл. Посмотрите, сколько дополнительных креплений добавили они к этой модели. А ведь хороша? — Костя вытащил рисунок, похожий на увеличенное яйцо, поставленное вертикально.

— У вас, — сказал Гребнёв, — рука художника работает отдельно от мысли конструктора. Дайте-ка я... — Он сел за Костин стол, минут пять подумал и быстро набросал силуэт башни.

— Ну как?

— Ничего... — Костя критически оглядел набросок. — Вы знаете, мне даже нравится. Но как отнесутся к этому чертёжные роботы?

— А вы отдайте им!

Машина, к явному удивлению Кости, вычертила нечто очень близкое к рисунку Гребнёва. Тот ещё подумал, кое-что изменил и опять отдал машине. Теперь работа Гребнёва и машины совпала.

— Я никогда не буду конструктором, — огорчился Костя. — Удивительно, как вы скоро справились с делом!

Гребнёв рассмеялся.

— Я пользовался вашими готовыми рисунками. Иначе я провозился бы неделю. Знаете, мне иногда кажется, что мы с вами вдвоём составляем одного идеального конструктора. Так что не отчаивайтесь вы, половинка!

Вскоре Гребнёв сделал ещё одно открытие: его новый практикант собирался написать большую настоящую картину. Он хотел изобразить молодёжь Великой Эпохи, неповторимого периода в истории человечества, когда закладывались первые камни коммунизма.

— Понимаете: всё должно быть просто. Героические люди — это люди, которые просто делают великое дело.

Костя добавил, что ему недостаёт одного важного условия. Однако не художественного мастерства, как думал Греб-

нёв, — по-видимому, Костя в своих способностях не сомневался, — а, как выяснилось, совсем другого.

— Участвия в каком-нибудь большом деле, — сказал Костя.

«Удивительно это стремление молодёжи к великим делам, — подумал Гребнёв. — Кто же, спрашивается, будет заниматься делами повседневными, которых ещё немало на нашей планете?»

— Ну, великого дела я вам обещать не могу, — сказал он. — Но станция для Венеры, вся, с потрохами, должна стоять на полигоне ровно через два с половиной месяца. Какой-никакой, пусть прозаический, но всё-таки труд!

Костя разочарованно махнул рукой.

Постепенно бюро изменяло свой облик. Пяток новых, изящных и быстродействующих машин, работающих без чертежей, заменил штук сорок роботов, корпевших над листами ватмана. В помещении стало свободнее.

На долю Гребнёва и Кости осталась теперь почти чисто творческая деятельность. Работа стала более напряжённой: отпали паузы, передышки, невольные секунды отдыха, когда мозг занят машинальным ходом мысли или привычными умозаключениями. Зато проектирование быстро продвинулось вперёд. Они работали только по три-четыре часа по утрам, на свежую голову — и всё же станция была готова за два недели до срока.

Последние дни, как заметил Гребнёв, практикант был поглощён ещё чем-то, кроме работы в бюро. Иногда он в полном самозабвении чертил, именно чертил совершенно фантастические конструкции, которые при проверке их машинами оказывались никуда не годными. Тогда Костя отбрасывал чертежи в сторону, морщился и накидывался на текущую работу, как бы стараясь наверстать упущенное время.

Иногда он, отложив в сторону чертежи, рисовал что-то, а потом вздыхал и снова принимался за работу. Чаще всего на рисунках была девушка, уже знакомая Гребнёву, та самая, что вызвала в своё время такое возмущение у Мищенко. Гребнёву показалось, что в лице её по сравнению с первым профилем из, пластилита происходят какие-то изменения.

Взгляд стал как будто серьезнее. На некоторых рисунках девушка словно впервые задумалась над чем-то. Гребнёв, естественно, ни о чём не спрашивал Костю: мало ли какие вопросы волнуют современных юношей и девушек.

Однажды Костя пришёл весёлый, брызжущий бодростью, как ионный душ. Он шутил и смеялся целый день и наработал такую уйму дел, что удивил даже Гребнёва, видавшего виды, и не совершил ни одного самомалейшего промаха. Всё, что выходило из его рук, машины принимали с полным одобрением, словно и им нравилось иметь дело с таким весёлым конструктором. С таким подъёмом практикант проработал три дня. Потом он ходил увядший и растерянный, упавший духом и работал механически. Прошло несколько дней, и он пришёл тихий, серьёзный, словно повзрослевший. Работал не менее производительно, чем в дни подъёма, но молча, с каким-то внутренним упорством, точно, стиснув зубы. И опять всё, что он делал, было безукоризненным с чисто профессиональной стороны.

«Кажется, из малого, будет толк», — подумал Гребнёв.

2

Краны, двигавшиеся по ровному бетонированному полю, держали в своих руках странные предметы, похожие то на перевёрнутые зонтики, то на ежей, иглы которых покрыты блестящей обмоткой.

Из толстой трубы, соединённой со сверкающим резервуаром на краю полигона, расходились веером трубы потоньше.

«Автошпаргалка» — так в просторечии именовался этот умный механизм — ячеистый шар, напоминающий увеличенный глаз пчелы, с рожками антенн, на высокой подставке, — следила за тем, чтобы всё делалось как надо. Прибор отдавал распоряжения кранам с магнитами и автоматическим вентилям и выслушивал их короткие рапорты.

Люди — их было всего трое: Гребнёв, Мищенко и Костя — ждали, когда будет закончена черновая подготовительная работа: Гребнёв и Мищенко спокойно, Костя с нетерпением.

Наконец автомат доложил: «Всё готово».

Мищенко поднёс к губам микрофон.

— Приготовиться, — скомандовал он.

И хотя Мищенко отлично знал, с чего должно начаться, «автошпаргалка» тут же прокомментировала:

«Выдувается центральный блок».

Из отростка трубы в середине поля стала выдуваться капля размером с двухэтажный дом. Сначала она была круглой, как футбольный мяч. Через несколько минут, расширившись, осела и походила теперь на исполинскую тыкву. Краны подошли к ней со всех сторон, нацелились своими зонтиками и ежами, затем начали отступать. Масса, выдутая в огромный полупрозрачный пузырь, потянулась за ними. Словно растягиваемая невидимыми руками, она разлезалась во все стороны, не касаясь кранов.

Наконец пузырь приобрёл очертания низкого здания округлой формы с куполообразной крышей и несколькими отростками по бокам. Дом-пузырь висел в воздухе. Механические ножницы отрезали его от трубы, та уползла на своих коротких ножках, и здание легло на землю.

— Ну, что же, идёт как надо, — сказал Мищенко. — Пустим всё разом?

Гребнёв кивнул. Мищенко отдал распоряжение.

И тут Костя увидел необычную картину. В разных концах поля из отверстий труб стали выдуваться пузыри, они росли, словно грибы дождевики при ускоренной киносъёмке. Одни походили формой на огурец, другие своими очертаниями напоминали звезду с тупыми лучами, третьи — просто отрезок толстой колбасы. Из трубы рядом с первым выдутым зданием полез вверх полупрозрачный конус, он всё вытягивался и вытягивался, наливался в боках, пока не превратился в башню — точное подобие рисунка, сделанного когда-то Костей и исправленного Гребнёвым.

— На Венере придётся выдувать их по очереди, — сказал Мищенко. — Кранов не хватит на такую феерию.

— А магнитные поля?

— Перенастройка занимает от одного до двух часов. Излучатели отправим универсальные.

Костя слушал и всё понимал. Пластилит, свежеизготовленный, с добавками, сообщающими ему магнитность, принимал форму в соответствии с рисунком силовых линий, который создавали магнитные излучатели, укрепленные на кранах. Но это рассудочное представление заслонялось картиной волшебного сотворения из ничего целого научного городка в течение каких-нибудь тридцати минут. Хотя он и знал, что в подготовку этого, мига вложены многие месяцы упорного труда, создаваемый мир не делался от этого менее прекрасным.

На ровных шашках бетона, голубея под прозрачным небом, раскинулось около десятка зданий жемчужного цвета, плавной обтекаемой формы. Почти прозрачные стены и куполообразные крыши делали ненужными окна. Рассеянный свет Венеры беспрепятственно проникнет внутрь и создаст ровное освещение в залах и лабораториях.

— Подумать только, — не мог удержаться Костя. — Из двух резервуаров вылез целый городок, как дух из бутылки.

— В этом-то и вся соль проекта, — заметил Мищенко. Он посмотрел на Костю. — Вы разве не знали?

Костя знал. Но он просто не представлял себе, как это будет происходить в жизни. Гребнёв прав. Человек должен видеть свои создания собственными глазами.

Такие здания в «сложенном» виде — попросту говоря полужидкий пластилит — легко забрасывать на Венеру. Полдюжины кранов с заранее запрограммированной последовательностью автоматических действий выдуют их в точности такими, какими они стоят сейчас на полигоне. Гребнёв неплохо придумал.

Однако для полной и окончательной проверки ещё предстояло установить внутренние перегородки и межэтажные перекрытия, начинить здания эскалаторами, samozакрывающимися дверями и всем прочим и соединить их друг с другом. Вместе они должны образовать водонепроницаемую «черепаху», которая ляжет на болотистый грунт Венеры.

К делу приступили автосборщики. Членистоногие, похожие на пауков, они хватали своими металлическими руками с подъезжавших тележек стандартные детали, заготовлен-

ные на Экспериментальном заводе под наблюдением Мищенко, и устанавливали их на место. Одни части приклеивались прямо наглухо и намертво, другие присоединялись временно с помощью скрепок. После изучения городка на полигоне, составляющие его здания будут испытываться на прочность порознь. Поэтому пока их тоже соединили друг с другом скрепками, спроектированными Костей в первый день его работы в конструкторском бюро Гребнёва. Последними поставили на место тамбуры.

Костя посмотрел на часы. Прошло восемь часов с начала работ, а станция, сколотая скрепками, как новое платье на булавках, почти полностью готова. Конечно, на Венере всё пойдёт гораздо медленнее: придётся разгружать ракеты, приводить пластилит в рабочее состояние и выдувать здания последовательно одно за другим. Но всё же...

Здания с ровно раздутыми боками заняли почти всё поле. Через сутки пластилит окончательно затвердеет, и его можно испытывать. Впрочем, он сохранит известную гибкость и упругость — в этом, помимо сверхпрочности, особая его сила.

Интересно, какой проект утвердят? Плановое бюро отобрало три лучшие идеи из полсотни предложенных и решило изготовить в натуре три станции, чтобы всесторонне их испытать. Как всегда в тех случаях, когда ставился эксперимент и речь шла о благополучии и жизненных потребностях людей, Плановое бюро не скупилось на затраты.

После всех испытаний одна конструкция будет принята для воссоздания на Венере, а две остальные, займут место в Музее Неосуществлённых Проектов. Они будут изучаться там молодыми инженерами и архитекторами, экскурсантами и туристами...

Гребнёв, глядя на станцию, тоже думал о том, какая судьба уготовлена его детищу. Он разбирал плюсы и минусы каждого из столь не похожих друг на друга вариантов. Вариант № 2 гениально прост. Взят куб, геометрически абсолютно строгий, — вот и вся станция. Преимущества: всё компактно, собранно, недалеко одно от другого. Связь между этажами — лифтами, в коридорах — бегущие дорожки: найти любого че-

ловека можно через минуту. И ещё одно удобство: куб просто делится на стандартные по размерам секции. Значит, можно использовать для заброски на Венеру одинаковые же серийные грузовые ракеты.

Вариант № 3, прозванный «Свайной постройкой», — огромное кольцо, как бы висящее в воздухе. Оно опирается на бесчисленное множество свай, которые предстоит вогнать в грунт Венеры. Достоинства «Свайной постройки»: станция, её рабочие и жилые помещения надёжно изолированы от заболоченной почвы планеты. Кольцевая форма и широкие коридоры позволяют осуществить бесконечное движение дорожек разной скорости. Можно мчаться быстро в дальний конец кольца по средней экспрессной дорожке, а можно передвигаться медленно по боковым. Пешая ходьба в коридорах совершенно исключалась.

Отличие станции, сконструированной Гребнёвым, заключалось в том, что все её помещения имели форму и размеры, наиболее благоприятные для целей, для которых они предназначались. Форма сооружений здесь не диктовала условий для внутренней планировки, как это было в других проектах. Недостатком следовало признать разбросанность станции. Гребнёв полагал, что небоскрёбы на Венере не нужны, и спроектировал здания невысокими, кроме обзорной башни.

Костя, по-видимому, не сомневался, что отобран будет именно их проект. Но Гребнёв в этом вовсе не был уверен. Сейчас он вдруг начал обнаруживать в своём проекте всё новые и новые недостатки.

Завтра! Завтра начнётся испытание...

3

Как всё произошло? Гребнёв, конечно, знал, так же как и Мищенко, что в шестидесяти километрах от полигона проходит ураган. В этом не было ничего неожиданного и опасного. Ураган шёл в точности по маршруту, который заранее, выводила на карте синоптическая машина. Временами казалось, будто не машина следила за ураганом и вычерчивала его путь, а он шёл покорно по линии, начерченной маши-

ной, — так, словно в парном танце, совпадали до мелочей их шаги. А потом что-то произошло! Маловероятно, чтобы ошиблась машина. Скорее всего в игру вступили факторы, которых машина не знала и не могла учесть, — произошёл тот случай, один на миллион, когда природа словно напоминает, что человек ещё не всемогущ.

Поскольку ось движения урагана проходила вдалеке от полигона, Гребнёв без всяких раздумий вошёл внутрь только что собранной станции. Он знал, как точна современная синоптика, построенная на твёрдых математических расчётах, и вовсе выкинул из головы этот ураган. Не думаем же мы, как бы не попасть под поезд, находясь в нескольких километрах от железной дороги.

Мищенко и Костя остались снаружи. Сквозь прозрачные стены переходных коридоров Гребнёв видел, как они спокойно о чём-то разговаривали. Потом, когда Гребнёв удалился метров на сто, он увидел, что они засуетились и стали размахивать руками. Пластилитовые стены станции не пропускали радиоволн, поэтому блок-универсал Гребнёва не принимал сигналов от Мищенко и Кости. А расстояние было слишком большим, чтобы можно было разобрать значение жестов.

Но ощущение тревоги дошло до Гребнёва. Ему оставалось одно из двух: проникнуть в обзорную башню и подключиться к антенне, напаянной на её корпус, чтобы узнать, в чём дело, или же поскорее выбраться наружу. Он не успел сделать ни того, ни другого.

Крайнее здание вдруг запрыгало на месте. Станцию не закрепили наглухо, так как считали, что в этом нет необходимости. Её просто привязали к кольцам, ввёрнутым в бетон площадки.

Потом начали лопаться швартовы в разных местах. Взглянув туда, где были Костя и Мищенко, Гребнёв не увидел их. По земле катились клубы пыли, стволы деревьев, какие-то извивающиеся в воздухе листы. На миг Гребнёву показалось, что он различает знакомую фигурку практиканта. Костя, если это был он, упал, сбитый ветром, тут же встал, снова упал и покатился как лист, сорванный с дерева. Затем

всё вокруг поглотила такая мгла, что Гребнёв стал протирать глаза, точно в них попала пыль. Сильный толчок подбросил его, он упал на спину. В следующий момент конструктор почувствовал, что поднимается в воздух.

Однажды на пляже Гребнёв видел, как сильным порывом ветра унесло рубашку: она летела, болтая рукавами. Сейчас соединительный коридор, в котором он очутился, напоминал гигантский рукав, он сгибался во время полёта. Ощущение было такое неприятное, что Гребнёв поспешил перейти в более надёжный, менее колышущийся отсек. Хватаясь за какие-то кольца, вклеенные в стены (сейчас Гребнёв не мог даже припомнить, для чего они должны были служить), он стал пробираться к двери. Опустив глаза вниз, он различил сквозь прозрачный пол мутные клубы, вспухающие пузырьками, — казалось, он заглянул в гигантский кипящий котёл.

За дверью прямо вверх поднималась лестница. Гребнёв стал на нижнюю ступеньку, но она не сдвинулась с места. Ну да, ведь эскалаторы ещё не работали. Он стал подниматься, хватаясь за поручни.

С верхней площадки лестницы открывался вход в круглый зал. Его прозрачные стены под действием урагана гнулись, то вминаясь, то выпрямляясь, временами по ним пробегала дрожь. В тот момент, когда Гребнёв вступил в пустой зал, сооружение сильно накренилось, Гребнёв успел схватиться за стойку для оборудования у стены, иначе он полетел бы к противоположному концу зала.

По ту сторону стен, в пыльной мгле, проносились полупрозрачные здания округлых форм с крышами-куполами, напоминая гигантскую связку воздушных шаров, пущенных по ветру. Какой-то рукав мотался как исступлённый, и Гребнёв до боли ощутил напряжение, которое испытывали скрепки: когда-нибудь начнут же они вываливаться!

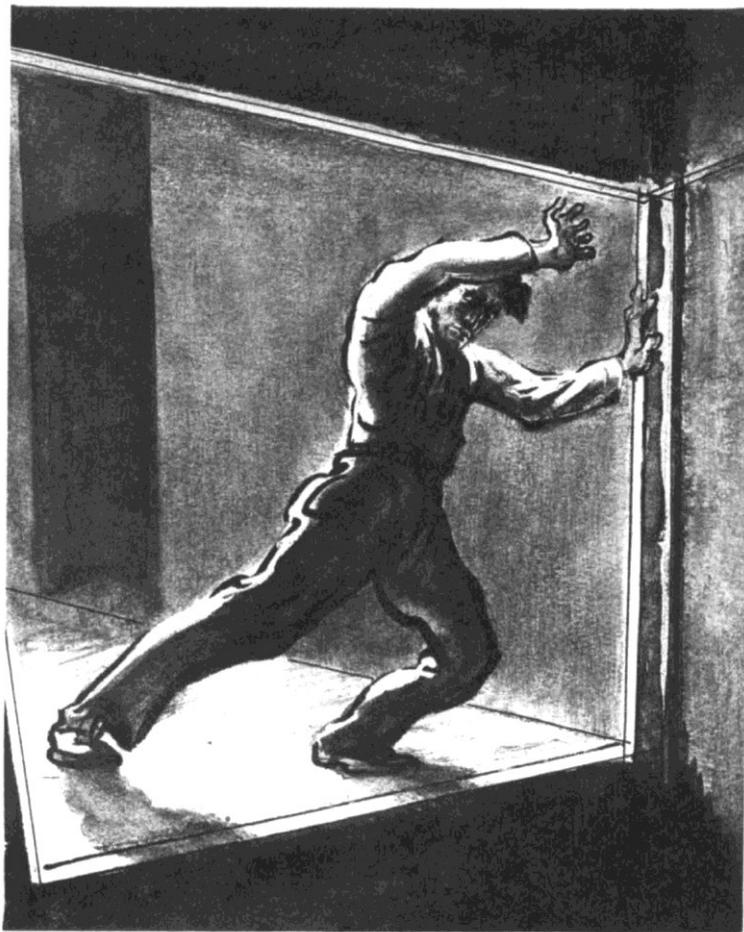
Заметив, наконец, какую-то дверь, он шмыгнул в неё и очутился во внутреннем коридоре. Здесь стены не просвечивали и обстановка казалась безопаснее. Возникшие крены напоминали качку корабля в бурю — ощущение вполне земное.

Он решил осуществить то, что собирался сделать перед тем, как налетел ураган, — проникнуть в обзорную башню. Там он, возможно, сумеет подключиться к наружной антенне.

В беспорядочных рывках, которыми обрушивался ураган на детище Гребнёва, видимо, была какая-то закономерность. Преимущественно бортовая качка сменилась на килевую, то есть направленную вдоль коридора. Держаться на ногах стало почти невозможно. Гребнёв решил, что лучше всего передвигаться по способу далёких предков человека. Но он никак не мог сообразить, что это за отсек, в котором он сейчас очутился. Он открывал все оказывающиеся на пути двери: за ними были пустые помещения. Подползти к последней, дальней двери, замыкавшей коридор, удалось не сразу. Раза два Гребнёва сильными толчками отбрасывало назад с такой лёгкостью, с какой ребёнок, балуясь, сбивает букашку с травинки. Зато третий толчок подбросил его прямо к двери, он едва не стукнулся об неё головой. Он открыл дверь, протянул руки, нащупывая пол, и в ужасе отпрянул назад.

Руки ничего не встретили. За дверью зияла пустота, провал, колодец, тёмный, казавшийся бездонным. Дрожь и

внезапная слабость охватили Гребнёва, когда он сообразил, что следующий толчок сбросит его в пустую шахту подъёмника. Тело его ослабло, но следующий толчок, который не замедлил произойти, отшвырнул его от двери, словно мешок с песком.

4

Горлиц откачнулся на спинку стола. На лице его отразилось смятение.

— Она разорвалась... — произнёс он сдавленно.

Ян быстро подвинулся к экрану. По нему проносились бледные полосы, клубы и завитки, словно космическая ту-

манность в стадии образования. Вверху мельтешила тёмная тень, округлая, похожая на рыбу в мутной воде. Другая тень протянулась чуть не через весь экран вниз. Она извивалась, словно пиявка в аквариуме.

— Вы думаете: конец? — спросил он.

— Скорее всего начало конца... Главное — мы ничего не можем предпринять. Ураган треплет и треплет свою добычу, не выпуская из зубов, как бульдог. Расстреливать его надо было раньше...

Оба одновременно подумали о главном.

— Знать бы, жив ли Гребнёв?

— И где находится? В какой из двух половин.

— Ещё бы лучше — в каком отсеке, — сказал Горлиц. — Без этого мы не можем даже применить ракеты!

Они приникли к экрану. «Пиявка» внизу сжималась или поворачивалась: она стала короче. Серые клубы временами закрывали её совсем.

— Да, в этот котёл вихрелёты едва ли проникнут!

— Шестнадцать уже разбились! А наводил их лучший из наших пилотов. Пытались взять на буксир то, что можно, и то, что находится ещё в воздухе. Смотрите!

«Пиявка» вдруг вытянулась, от неё оторвался кусок и исчез за кромкой экрана.

— Она рассыпается... — произнёс Ян хрипло. Казалось, его душат. Он рванул ворот.

— Гребнёв!.. — крикнул Горлиц, словно тот мог слышать.

5

Отброшенный от колодца-ловушки, Гребнёв полежал с минуту, не больше, потом пополз назад, из тупика. Он выбрался снова в круглый зал и скользнул в соседний выход. Длинный узкий коридор. Тут было гораздо светлее, а боковые толчки легче парировать, протянув руки в стороны.

Зато сюда выходило множество дверей... О эти двери, стандартные двери, не распаивающиеся, не занимающие лишнего места, убирающиеся вверх или в стороны с быстротой, с которой срабатывает затвор фотоаппарата, блестящая выдумка Гребнёва! Сейчас они превратились для него в настоящий кошмар. Каждую дверь он открывал, словно тащил билет в лотерею: что там?

Вдруг Гребнёву показалось, что во внешнем мире словно бы посветлело. Значит, станция или, во всяком случае, та её часть, где он находится, выходит из зоны урагана? Что теперь будет удерживать её от падения? С одной стороны, спасенье, а с другой...

...Гребнёв бежит по коридорам, похожим на корабельные, с множеством выходящих в них дверей, инстинктом и чутьём находя направление. Всё-таки он проектировал это сооружение, хотя и не видел своими глазами всех чертежей. Он находился, по его расчётам, уже где-то поблизости от башни, когда здание, внутри которого он находился, не то чихнуло, не то икнуло. Гребнёву показалось, что им выстрелили. Он врезался плечом в какой-то угол и, ошеломлённый, упал. Губы его раскрылись, он издал короткий стон.

Тотчас же у самого уха раздался ответный стон. Он подумал, что у него начались галлюцинации. Стон повторился. Затем всё стихло. Гребнёв успел только сообразить, что звук слышится из-за стены совсем рядом.

Где же дверь? Он прошёл её. Гребнёв кое-как встал на ноги и сделал шага три назад. Дверь. За ней комната, в комнате... Костя!

Гребнёв стоит как оглушённый громом. На минуту ему показалось, что он сходит с ума. Но Костя живой, хотя нельзя сказать, что невредимый, лежит, подогнув левую ногу и протянув руку с распротёртыми пальцами. Он в обмороке.

Гребнёв бросился к юноше. Глаза Кости на миг ожили, он пытался пошевелиться и мучительно застонал.

«Нога», — догадался Гребнёв. Нога лежала как-то неестественно.

Мысли быстро сменяют одна другую в сознании Гребнёва. Оставить Костю здесь? Его будет валять по полу при каждом толчке. Отказаться от намерения проникнуть в башню? Это может означать гибель для обоих. Надо дать о себе знать. Тогда их легче будет спасти.

Гребнёв размышляет всего несколько секунд. Затем наклоняется над распротёртым на полу телом, берёт его на руки. В коридоре относительно спокойно, и Гребнёв стремится использовать передышку. Он бежит, мелко перебирая ногами и стараясь держать Костю так, чтобы больная или, возможно, сломанная нога не болталась.

Костя тяжёл. Гребнёву кажется, что вес его с каждым шагом увеличивается. Гребнёв содрогнулся от мысли, что у него не хватит сил дотащить раненого товарища. Он решительно ринулся в очередную дверь и тотчас же остановился. Они очутились в обзорной башне.

Высоко вверх уходил купол, похожий на сильно вытянутое яйцо с острым концом. Поперёк «яйца» проходил балкончик, на котором они и находились.

Теперь Костю можно было, наконец, положить на пол. На миг глаза его открылись, в них промелькнуло удивление и ещё что-то, губы усиленно зашевелились, но он тут же снова впал в забытьё.

Теперь следовало найти конец антенны, впаянной в корпус башни. Как раз вдоль балкона располагались вводы кабеля. Гребнёв бросился к ближайшей розетке и подключил свой блок-универсал.

Руки его тряслись. Вдруг блок откажет! Едва была нажата кнопка «приём», как послышался тревожный голос:

— Гребнёв!.. Вы слышите? Гребнёв! Вы слышите?

— Слышу, — ответил Гребнёв, и он так много, видимо, вложил в это короткое слово, что голос сразу замолк.

— Гребнёв! — через секунду закричал вызывавший. — Где вы находитесь? В башне? Или где-нибудь образовалось отверстие, и вы им воспользовались?

— В башне! На уровне третьего этажа. На балконе.

— Уфф!.. — радиоволны донесли радостный вздох отсюда, из внешнего мира. Вероятно, говоривший утирал лоб.

— Читайте, что вам повезло. Мищенко подобрали едва живого. Ваш практикант, этот юноша, пропал! Его видели с Мищенко за минуту до того, как всё началось, — собеседник Гребнёва говорил торопливо, спеша сообщить всё, что считал нужным сказать.

— Он здесь, — произнёс Гребнёв ослабевшим вдруг голосом. — Со мной.

Он навалился на стену башни — и не потому, что крен был силён: Гребнёв почувствовал, что не может стоять на ногах. Всё стало вращаться вокруг. Гребнёв закрыл глаза. Но вращение продолжалось.

— Держись! — крикнули ему. Видимо, там, откуда с ним разговаривали, почувствовали, что он падает в обморок, хотя Гребнёв забыл включить экран, — следовательно, его не могли видеть. — Мы выхватим вас, как только чуть стихнет. Вихрелёты не могут войти в зону.

— Скрепки... — сказал или подумал Гребнёв. Толчок отбросил его, шнур выскочил из розетки, голос из внешнего мира оборвался.

6

— Башня отрывается... — Горлиц тронул рукоятку, и Ян увидел то, что первым заметил его товарищ. Нижняя половина станции давно исчезла с экрана. Сейчас перед глазами обеих проплывала, как диковинная рыба в аквариуме, верхняя часть. В неё входили центральное здание, башня и какие-то ответвления, напоминающие шлейф. Миг — и она повер-

нулась к ним головой-башней, похожей на вертикально поставленное яйцо. Горлиц прибавил увеличение, и башня, сильно вытянутая, теперь напоминала палец, она заняла весь экран. Палец качался. В том месте, где башня соединялась с остальной конструкцией, зияло отверстие. Оно росло, словно невидимая сила разрывала перчатку.

— Как раз, когда Гребнёв откликнулся! — Горлиц был вне себя.

— Подводным лодкам — внимание! — скомандовал Ян в микрофон. — Он падает.

«Палец» на экране оторвался совсем и, описывая спираль, быстро двигался к нижней кромке.

— Ведите вниз, — сказал Ян.

На экране всё поползло вверх. Стало темнее, прибавилось пыли. Потом в клубах тумана показались кипящие волны. Белая пена просвечивала даже в полумраке.

— Всё, что мы можем сделать, — сказал Ян, как бы оправдываясь, — подлодки идут с ураганом, они держатся его оси. Включите воду!

Горлиц протянул руку. Экран на мгновение погас и тут же вспыхнул. Вихри, клубы — всё исчезло. Теперь это и правда был аквариум. Гигантский аквариум, именуемый океаном. Спокойная глубина, равнодушная ко всем волнениям там, на поверхности. Ровный зеленоватый фон, слабо светящийся. Но вот выдвинулось что-то длинное и остроносое. Вдали показалась такая же, только уменьшенная и не столь ясная тень. Ещё дальше, в глубине, угадывалась третья.

— Сколько их? — спросил Ян.

— Двенадцать.

Горлиц сманипулировал рукояткой, и на экране вдруг возникло много туманных теней. Как стая рыб, медленная и молчаливая.

— Идут строим!

— Не похоже, чтобы сверху что-нибудь падало.

— Пластилит не тонет.

— Может быть, они удержатся на нём?

— А для этого плавучесть пластилита недостаточна. Если бы башня не оторвалась у основания, конечно, она плыла

бы как пузырь. Но сейчас её заливают водой. Хорошо, если люди сумеют выбраться... Вот что-то или кто-то!

Горлиц прибавил резкости. Предмет походил на длинную соринку. Он не делал никаких самостоятельных движений. Выше появилась ещё соринка. Она медленно опускалась в вертикальном положении. В стае «рыб» произошло изменение: там, видимо, заметили странные предметы. Две тени метнулись к соринкам и поглотили их, словно склевали.

— Мы подобрали их, — раздался громкий голос через минуту. — Но оба в отчаянном положении.

— Выходите из зоны урагана, — распорядился Ян, — и немедленно всплывайте. Воздушную помощь высылаем.

Горлиц передавал координаты вихрелётам.

7

— Ну вот, — сказал спокойно руководитель местной Службы здоровья, — вам разрешается первое свидание.

Сидевший в кресле увидел перед собой полверанды, часть балюстрады и дерево, усыпанное яркими розовыми цветами. Сбоку за пределами видимости слышался шум прибоя. Он хотел повернуть туда голову, но кресло, словно понимая, что это ему трудно, само повернулось в ту сторону и подкатилось на своих бесшумных колёсах к самому краю, обращённому к морю. Волны шли и шли из-за горизонта и накатывались, шурша галькой: брызги долетали до каменного пола.

— А диета? — спросил Гребнёв и не узнал своего голоса. Он был забинтован так, что из-под белой марли выглядели одни глаза. — Я имею в виду диету впечатлений. Можно мне, наконец, узнать, что делается на белом свете? — закончил он уже почти твёрдым голосом.

— Постепенно, — улыбнулся врач. Его улыбка относилась к тону голоса Гребнёва. Он неслышно удалился.

Минут пять Гребнёв пробыл наедине с морем. Потом ему почудилось, что позади кто-то есть. Он не успел ничего подумать, как рядом с его креслом очутилось второе. В нём сидел укрытый пледом, с вытянутой неподвижной ногой Костя. На лице его Гребнёв различил множество небольших пятен — следов синяков и кровоподтёков. Но голубые глаза Кости сияли, и Гребнёву показалось, что и розовость, хотя и ослабленная, вернулась снова к его щекам.

— Я давно просился к вам, — сообщил Костя.

После этого оба вдруг замолкли. Слишком много они могли сказать друг другу. Говорить не имело смысла.

Гребнёв вспомнил, что служба здоровья разрешила им лишь несколько минут разговора.

— Как нога? — спросил Гребнёв.

— Будет работать, — отмахнулся Костя. — Через полгода.

Он сказал это с таким видом, словно какое-то более важное событие заслонило другие заботы.

Гребнёв, наконец, догадался:

— А как ваша... знакомая? Та девушка?

Костя ничуть не сконфузился; наоборот, он весь расцвёл. — По-моему, получилось, — сказал он. Он протянул руку к карману сбоку кресла, достал прямоугольный кусок картона и протянул Гребнёву.

Гребнёв взял прямоугольник в руки. С картона на него смотрел человек, в котором смутно проглядывали какие-то черты Кости. Тоже юноша, но чуть повзрослее, в смятой ру-

башке с засученными рукавами, он стоял, чуть наклонившись, и протягивал Гребнёву сильные и довольно грязные руки. В них сверкал, именно сверкал, кусок мыла, скользкий, давший уже несколько пузырей, блестящих на солнце. Девушка с кувшином в руке, облупленным в одном месте и помятым в другом, оживлённо что-то рассказывала, глядя в лицо юноше. Её лицо было повернуто в профиль, и Гребнёв узнал её. Струя воды лилась в руки и мимо рук юноши, разлетаясь светлыми брызгами. Поодаль стояла палатка, а прямо от ног юноши и девушки тянулась до горизонта и, чувствовалось, дальше за горизонт ровная свежая просека с небрежными ещё кое-где, спиленными под корень деревьями. И больше ничего. Только толстые вмятины от трактора, следы на земле, в один из них налилась вода и отражала голубое небо с облаками.

Костя смотрел вопросительно.

— Ну как? — тревожно спросил он. От сияния его не осталось и следа. Он стал неуверенным, сомневающимся, готовым упасть духом, как в те дни, что предшествовали окончанию работы над проектом станции. Гребнёв готов был выругать себя. Ну как же он не догадался — ведь его практикант в ту пору мучился над своей картиной, страдал от неудач, а он-то думал... Впрочем, Гребнёв решил не спешить с выводами. В конце концов, может быть, он был всё-таки прав.

Он рассматривал картину. Прибой шумел у их ног.

— А почему вы бросились внутрь станции? — спросил вдруг Гребнёв. — Что вас заставило сделать это?

Щёки Кости порозовели и приобрели обычный свой цвет.

— Скрепки... — сказал он смущённо. С минуту он боролся с чем-то, но потом прямо взглянул в глаза Гребнёву. — Скрепки, те, что пошли на башню, были из пластилита «300», как вы сказали. Ну я заменил его потом на марку «600». Марка «300» слишком жёсткая. Вы понимаете, — мучился Костя, он говорил торопливо, — мы привыкли, что то, чем мы скрепляем, должно быть твёрже скрепляемого. Например, булавки, которыми мы скальваем бумаги. Вы назвали марку «300», даже не задумываясь. Но я потом подумал, раз скрепки

останутся навсегда в теле станции, даже после того, как проклеят все швы, значит они должны быть такими же, как и весь материал, а не посторонними включениями. И я заменил марку пластилита. А когда начался этот ураган, я прежде всего подумал о башне. Туда пошли скрепки старой марки. Мне стало ясно, что они вырвутся из гнёзд или начнут ломаться раньше других. Вы были неподалёку от башни и, конечно, должны были попытаться проникнуть туда. И я бросился наперехват... Я не сказал вам раньше об этих скрепках, — Костя умоляюще посмотрел на Гребнёва, — потому что не придавал этому большого значения... Если б не ураган...

— Гм... — Гребнёв выглядел несколько озадаченным. — Так вот почему башня так легко оторвалась...

Он перевёл взгляд с Кости на картину, которую продолжал держать в руках. Но сейчас он смотрел только на юношу. Ему бросилось в глаза то, чего он не замечал раньше. В беззаботном лице юноши чувствовалась какая-то суровинка, словно тот пережил что-то серьёзное и настоящее. Ещё бы! Можно считать чудом, что они выпутались живыми из этой истории. Действительно, нога, что заживёт через полгода, — сущий пустяк. Костя совершенно прав. То, что досталось на их долю там, в вышине, в отсеках рассыпающегося здания, заставляет всё бледнеть.

Гребнёв снова взглянул на Костю.

— Ну как? — спросил тот.

Да, ведь он не ответил на вопрос.

— Видите ли, — сказал Гребнёв, — я думаю, не ошибусь, если скажу, что вы самый толковый из моих практикантов. Теперь я уже спокойно могу сказать вам, что вы прежде всего художник, а потом конструктор.

— А эскиз?

— Вещь хорошая, но... — Гребнёв пальцем освободил от повязки рот, чтобы удобнее излагать замечания. Но тут снова появился представитель службы здоровья.

— Уже? — спохватился Костя. — Ну, до завтра...

— Сегодняшняя порция впечатлений исчерпана? — осведомился Гребнёв.

— Завтра, — сообщил врач, — будут рассматриваться проекты научной станции для Венеры. Вам разрешено присутствовать, заочно разумеется.

— Ураган уже вынес свой приговор, — спокойно сказал Гребнёв. — Посмотрим, что скажут теперь люди.

«В конце концов, — подумал он про себя, — я не могу заставлять подвергаться опасности, которую чудом перенёс сам, людей, которые будут работать на Венере. В этом отношении урагану надо сказать спасибо: он разыгрался вовремя!»

8

— Ураган оказался как нельзя кстати, — сказал Коробов. Гребнёв видел на экране высокую спокойную фигуру начальника научной станции на Венере, крупные черты лица, доброжелательный взгляд голубых глаз с лёгкой усмешкой в глубине зрачка. — Ураган создал условия, близкие к тем, что случаются на Венере, если не считать, что там такие штуки в несколько раз сильнее. К счастью, обошлось без человеческих жертв. Потери только материальные, но они оправдали себя: ураган осуществил эксперимент, который без него трудно было бы воспроизвести. Если рассматривать его именно в этом плане, то трудно придумать лучший вариант урагана, который бы годился для этой цели.

Коробов обвёл аудиторию внимательным взглядом и продолжал:

— Во-первых, ураган напал внезапно. Так, вероятно, и будет на Венере, где нет синоптической службы. Он нацелился на все станции, стоявшие на полигонах, словно это были кегли, а он — шаром, пущенным опытным игроком. И он сшиб все кегли... — Коробов усмехнулся. — И вот теперь мы должны проанализировать этот тройной удар. Первой подверглась нападению урагана «Свайная постройка». Она сразу обнаружила своё слабое место. Кольцо плохо держало само себя, оно было составлено из множества секций, и эти секции напоминали толпу, собравшуюся в кружок и нетвёрдо держащуюся за руки. От дуновения ветра толпа рассыпалась и разбежалась. — Коробов сделал паузу. Гребнёв представил

себе, как сминал и разбрасывал ураган кольцо, висящее в воздухе. Этот поддув снизу и оказался в данном случае ахиллесовой пятой. — «Куб», — продолжал Коробов, — более монолитен. Авторы проекта соорудили жёсткую замкнутую конструкцию, напоминающую знаменитый спичечный коробок. Его, как известно, трудно раздавить и совсем невозможно разрушить ветром. Но... — Коробов акцентировал каждое слово, словно сформулировал приговор, — напор ветра был так силён, что опрокинул куб, как спичечный коробок. Конечно, вы можете сказать, что куб не был закреплён, — если сделать это, опрокинуть его будет не так-то просто. Но ураганы на Венере, повторяю, гораздо сильнее, а поверхность, подставленная им кубом, слишком велика — я имею в виду грани куба, которые обращены, как нарочно, во все четыре стороны, — откуда ни налети ураган, он встретит плоскую стену. Остаётся последний вариант...

Гребнёв невольно отодвинулся к спинке кресла. До этого он сидел, подав корпус вперёд.

— Этот вариант, — услышал он, — может быть, покажется кое-кому странным, но мне лично нравится больше всех. Конечно, «Лабиринт» оказался очень лёгким, эта лёгкость, собственно, и спасла его от полного разрушения. Если бы его не подняло в воздух, а он был прикреплён твёрдо к земле, его разметало бы в клочья. Но это потому, что все части станций не были склеены в одно целое, а держались на скрепках. Соедини вы всё в единый панцирь — вы сможете завязать пластилит в узел, но не разорвёте его. Именно гибкость пластилита составляет его особую силу. Однако в данном случае гибкость была кое-где излишней. Некоторые узлы, мне кажется, следует сделать более жёсткими. В частности, нужно поработать над башней. Я бы, например, не хотел во время работы находиться в башне, которая чересчур сильно гнётся, хотя и не ломается. Удачным следует считать и то, что все здания, кроме обзорной башни, невысоки и имеют плавные очертания. Сдуть такую станцию, поставленную на прочные якоря-шпунтины, загнанные в тело планеты, будет невозможно. Вот моё мнение...

Гребнёв сидел неподвижно. Слева, со стороны невидимого моря, доносился шум прибоя. С другой стороны, с экрана, неслись голоса — там тоже разыгрывался небольшой шторм. Гребнёв не глядел ни направо, ни налево. Он совершал сейчас заново путешествие по станции. Вот здесь он стукнулся головой о стойку. «Стойка слишком слабая, — думает он, — надо её усилить». А в круглом зале, где стены вминались от бешеного ветра, потребуются дополнительные крепления. Он шёл и шёл, и новые мысли приходили ему в голову.

Чей-то голос настойчиво звучал с экрана. Там о чём-то ещё спорили. А Гребнёв уже снова работал...

Не в назидание потомству, не в Музее Неосуществлённых Проектов будет выставлена его станция для разбора её достоинств и недостатков будущими инженерами и архитекторами; она полетит на Венеру.

Гребнёв обернулся к морю, чтобы отыскать на вечернем небе, над горизонтом, переливающуюся голубым пламенем далёкую звёздочку...

Прораб Вселенной

1

— Посадка, — сообщил голос в динамике.

Ракета плавно и мягко снижалась — не быстрее опускающегося лифта. Стоп!

— Мы на Луне, — лаконично сообщил водитель. Он вышел из своей кабины и стал в дверях, потягиваясь; желание пойти размяться или посидеть за столиком в кафе было написано на его лице. Но он терпеливо ждал.

Прежде приходилось надевать громоздкие скафандры и шагать по пыльным холмам к зданию космовокзала, удерживая тело от прыжков. Теперь всё упростилось.

— Трап подан, — доложил автомат.

Ольсен встал с кресла, подошёл к выходной двери, она сейчас же распахнулась, он вступил на площадку, а затем на

верхнюю ступеньку лестницы. Она понесла его вниз. Всё это происходило внутри телескопического тамбура, который выдвинулся снизу и вплотную прилип к выходу из ракеты. Лестница опустила Ольсена в тоннель и передала ленте, бегущей вдаль.

Лента поднесла его к самым обыкновенным дверям, распахивающимся на две половинки. И Ольсен уже своими ногами двинулся по паркету из пластмассы, сверкающему, без единой соринки. Лунные ботинки с пластинами мягкого железа притягивались созданным под полом электромагнитным полем ровно настолько, чтобы человек ощущал себя как на Земле.

В зданиях Лунного города всё было подобно тому, как это бывает на Земле: температура, состав воздуха, притяжение. И вещами пользовались самыми обыкновенными — земными. Столы, кресла, стенные шкафы, электрическая почта; вы подходите к стене, нажимаете кнопку, открывается отверстие, вы бросаете в него рубашку, она летит в прачечную-автомат и возвращается на своё место — в шкаф, которого вы даже не видите, он обнаруживается только, если нажать другую кнопку. Всё остальное — в том же духе, по проектам научных институтов, разрабатывающих основы быта человека. Остряки недаром говорили, что, если хочешь познакомиться с нормальными типовыми условиями существования человека на Земле, отправляйся на Луну.

Ольсен пересёк зал космопорта, кивнул двум-трём знакомым и подошёл к стойке. Автомат, не спрашивая, налил лунный коктейль в высокий узкий бокал. Когда-то это было необходимо — после утомительного путешествия напиток восстанавливал силы и бодрость. Сейчас превратилось в традицию.

Неторопливо прихлёбывая голубоватую влагу с мелькающими искорками, ощущая приятное щекотание во рту и свежесть во всём теле, вдыхая тонкий, аппетитный фруктовый аромат, Ольсен думал о предстоящей операции. Как быстро течёт время! Давно ли он волновался, мобилизовывал все свои умственные силы, организуя полёт одной-единственной ракеты куда-нибудь на Марс. «Прораб вселен-

ной» — так окрестили его журналисты, любящие хлёсткие прозвища. Один из них, видимо очень молодой, написал даже, что он «мановением руки пошлёт на Венеру армаду космических кораблей». Ольсен считал такие словечки пустяковыми и никогда не представлялся себе героем, титаном и тому подобным. Он хорошо знал работу, которая составляла суть его профессии, и любил её. И если уж и суждено ему носить какое-нибудь звучное прозвище, то, скорее всего, «Борец со случаем». Предвидеть каверзы природы и разные неприятные случайности и вовремя отвести их удар — вот в чём видел он романтику своей профессии, в той мере, в какой он вообще признавал романтику. Во всяком случае, та борьба, которая составляет интерес жизни, интерес всякой профессии, для него выражалась в борьбе с тем неизвестным и враждебным, что подстерегает человека в космосе. А вообще же он работает с коллективом людей, среди которых он просто старший. Вот и сейчас к нему подошли представители «сухопутного космоса», как в шутку называли их организацию. Григорян, готовивший лунные космодромы, принялся рассказывать, как идёт монтаж последних грузовозов.

Ольсен поставил бокал на стойку — механическая рука подхватила его, окунула в переплетение горячих струй и поставила на полку, тотчас же задёрнувшуюся прозрачной пластмассой.

Такими же, как и после спуска, коридорами с бегущими дорожками Ольсен с друзьями проследовали на командный пункт. Это было здание обычной лунной архитектуры: прозрачный полый сталагмит, разделённый на этажи. Они поднялись на самый верх. С минуту Ольсен постоял под куполом, разглядывая звёздные миры, которых ещё не достиг человек, затем перевёл взгляд на зубчатые пики, блестящие в боковых лучах солнца, высунувшиеся из мрачной тени, окутывавшей Луну, на слабо светящиеся здания Лунного города. На их фоне, как огненный кинжал, сверкал обелиск — неугасимое сияние, возбуждаемое крупницей урана, пронизывало всю его толщу. На его вершине укреплен круглый вымпел с исторической датой: «Сентябрь 1959 года». А на обелиске во всю высоту надпись: «12 апреля 1961 года — начало косми-

ческой эры в истории человечества». И рельефный рисунок первого корабля, на котором человек совершил полёт в космические просторы.

Ольсен несколько мгновений смотрел на обелиск, потом тронул рукоятку и всё исчезло. Он сел в одно из кресел по середине зала и положил руки на подлокотники.

— Африку, — попросил он.

Тотчас лунный пейзаж исчез. Картина мгновенно изменилась. Вокруг уже простирался африканский космодром: ракеты нацелились в небо, поодаль башенка управления. Всё залито солнцем, оно сверкает на полированных боках ракет, высветлило серый бетон, тянущийся почти до горизонта. Как-то птичка летает около ближайшей ракеты, садится на бетон, клюёт что-то коротким носом. Ольсену хочется её отогнать.

— Птица, — говорит он машинально.

— Ладно, — отвечает с далёкой Земли голос начальника космодрома. — Сейчас мы её прогоним.

Ольсен спохватывается: он не должен отвлекаться на мелочи. Мобилизация всех сил для решения главной задачи — вот что сейчас требуется.

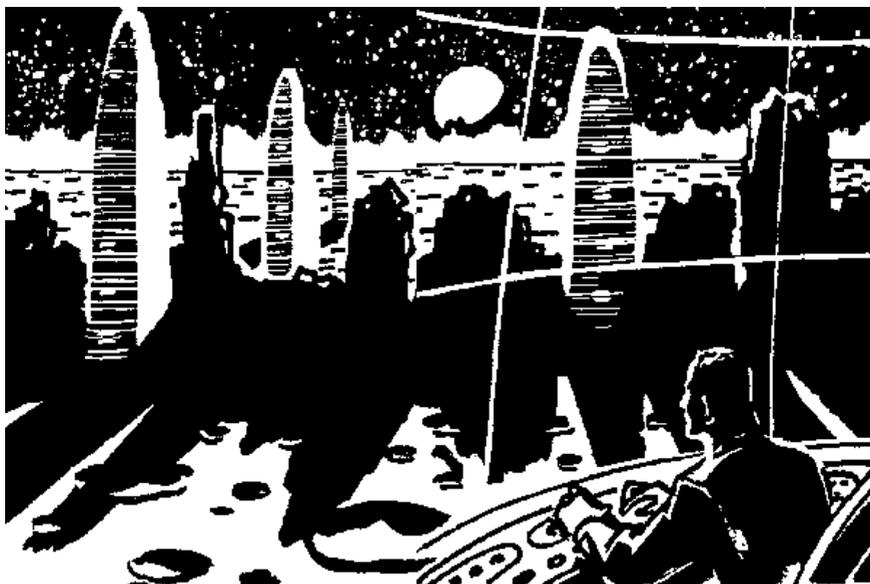
На Земле что-то делают. Птица испуганно срывается с места, описывает круг и исчезает. Ольсен испытывает лёгкое удовлетворение. Дисциплина в космической службе, как всегда, на высоте.

Австралийский космодром, который просит показать Ольсен, тоже в полном порядке. Ракеты выстроились, как на параде. Длинные, устремлённые ввысь тела ракет, синеватый отлив металла. Одна в одну, серийный выпуск, все испытаны в обкатке, на соплах сохранились следы нагара, механизмы тщательно отрегулированы. Строгий порядок в расстановке, свидетельствующий о расчёте каждого метра в будущем полёте.

Азиатский космодром можно не смотреть. Ольсен только что оттуда. Этот всегда был образцом для других.

Стартовать на Венеру будут с Луны. И корабли, которые осматривает Ольсен, — это не те, что полетят на далёкую планету, — это скорее космические катера местного сообще-

ния. На Луну в короткие сроки предстоит забросить огромное количество грузов. Да и пассажирское сообщение развивается с каждым днём. Организация экспедиции «Венера-9» дала дополнительный толчок к расширению хозяйственной деятельности человека на Луне. И потребовались новые линии сообщения между Землёй и Луной. А где космический транспорт, там и Ольсен со своей организацией.

Теперь можно посмотреть и на межпланетные грузовозы. Григорян включает равнину «Моря Дождей». Здесь расположен главный лунный космодром. Могучие тела, несравненно более грузные, чем у ракет, стартующих с Земли, заполняют его. В безвоздушном пространстве резче, чем на Земле, обрисовываются контуры кораблей. Сверкающие гроздья, готовые в любой момент упасть в пространство.

Два других лунных космодрома в тени. Ольсен просит включить прожекторы, и те показывают ракеты одну за другой: они похожи на ёлочные игрушки. Фантастичность картины не устраивает Ольсена. Он любит свет, реальность, чёткость. Но к моменту старта космодромы окажутся освещёнными. Григорян всё хорошо рассчитал.

Грузовые ракеты в общем не внушают опасений. В конце концов, тут есть возможность замены.

Ольсен снова переносится на Землю. Напоследок они осматривают самое главное — пассажирский космодром, который раскинулся на одном из живописнейших островов Индонезии. Стартовая площадка — на плоскогорье, окружённом густыми лесами. Астрономы рассчитали, что отсюда, используя скорость движения Земли по орбите и скорость её вращения вокруг оси, легче всего, а главное точнее, можно осуществить взлёт. Ведь на этот раз люди летят не вообще на Марс или вообще на Венеру, и даже не в определённую область той или иной планеты, как бывало прежде, а по гораздо более точному адресу.

Они с удовольствием разглядывают четыре корабля, стоящих на каменистом плоскогорье. Большие иллюминаторы, выдвижные ноги, вспомогательные маневровые двигатели, парашютные и вихревые тормоза. Каждое звено спроектировано заново — ни одна деталь не обойдена вниманием, не оставлена без попытки внести усовершенствование. Полный комфорт: новые кресла-кровати, смягчающие перегрузку, искусственное поле тяготения, бытовая автоматика, не уступающая лунной. Ничего лучшего Ольсену и его товарищам не приходилось отправлять в космос.

Мановением руки? Ольсен усмехается. Сколько труда, нервов, обыкновенного человеческого пота затрачивается множеством людей, прежде чем становится возможным послать корабль в космос.

Он откидывается в кресле и вспоминает хлопотливые, наполненные тревогами дни.

2

После того как «Эвелина»⁴ сообщила результаты голосования, у работников «сухопутного космоса», прямо надо сказать, здорово прибавилось хлопот. Хорошо было Коробову отыскивать вместе с другими участниками Восьмой экспедиции разумные существа на Венере. Возможно, кое-кто из проголосовавших за открытие на Венере постоянной научной станции и за весь этот план контакта с жителями Венеры не задумывался особенно над тем, как его практически осуществить. Он просто сообщил своё мнение «Эвелине» при помощи обыкновенного блок-универсала, которым в наши дни пользуются даже дети, и через два часа с удовольствием услышал, что его мысли совпадают с соображениями подавляющего большинства населения планеты.

Главные заботы свалились на плечи Ольсена. Правда, если бы они миновали его, он, вероятно, чувствовал бы себя не лучше, но это совсем другой вопрос.

В общем для «СК» («Сооружения в Космосе») наступили горячие деньки. Прежде всего никто толком не знал,

⁴ Название электронно-счётной машины. — *Прим. ред.*

сколько же человек должно работать на станции. Когда Ольсен попытался выяснить имеющиеся на этот счёт идеи, со всех сторон посыпались самые разнообразные предложения: люди поскромнее называли цифру в три человека, неограниченные в фантазии — семь тысяч. Одни считали достаточным ограничиться на первых порах небольшим наблюдательным постом, своеобразной миссией Земли на Венере, другие предлагали создать обширнейший научно-исследовательский институт с полным штатом и необходимым оборудованием. Сторонники наиболее решительных мер настаивали на постройке на Венере целого города с множеством воспитательных учреждений, в которых обитатели планеты, не знающие сейчас даже одежды, должны будут проходить ускоренный курс развития. Такого рода обучением авторы проекта предполагали охватить всё население Венеры. Но кто считал его? Восьмая экспедиция столкнулась только с небольшой группой венерианцев, которые отнеслись к землянам настороженно, чтобы не сказать враждебно. С прочими надо было ещё встретиться и неизвестно пока, каким способом получить их согласие на обучение.

Коробов на вопрос, сколько человек ему понадобится для первой смены, насчитал около двухсот пятидесяти профессий, необходимых для начала работ. Ольсен, ознакомившись со списком Коробова, вычеркнул двадцать профессий как совершенно, по его убеждению, излишних, зато вписал тридцать таких, о которых можно прочесть лишь в энциклопедиях.

— Вы думаете, на Венере, когда у вас испортится прибор, вам тут же пришлют новый? Вы привыкли, что где бы вы ни находились, на дне океана или в кратере действующего вулкана, вам достаточно сказать вслух, чего вам не хватает, и вам тотчас же доставят это и ещё термос с горячим кофе в придачу. Разумеется, я постараюсь набить склады станции двойным или тройным комплектом всего, что может изнашиваться или выйти из строя, но всё равно вам потребуются люди, которые могут в случае крайней необходимости производить любой ремонт и даже, может быть, готовить еду из местных продуктов. Ведь жить придётся без всякого сообще-

ния с Землёй три с половиной года. Раньше мы не сможем послать вам ракеты, что бы у вас там ни случилось. Даже радиосвязь, как вы знаете, будет действовать с перерывами. Следовательно, исключена даже консультация в экстренных случаях. Мы должны всё продумать заранее. Пока ведь никто ещё не жил на Венере больше трёх недель. Ваша знаменитая Восьмая пробыла там всего три дня. Через полгода вы хватитесь, что вам недостаёт дюжины специалистов в самых неожиданных областях.

Коробов знал всё это не хуже Ольсена. Однако и он понимал толк в космических экспедициях. Поэтому они поспорили и представили свои соображения в Плановое бюро. Там привлекли консультантов и, выслушав абсолютно все мнения, всё учтя и всё взвесив, объявили, что на Венеру в первую смену должны отправиться тридцать семь человек, не больше и не меньше.

Астрономы назвали свои цифры раньше. Конечно, астрономия весьма возвышенная наука, как утверждают по крайней мере сами астрономы, и общение с нею способствует философски спокойному отношению к жизни, но попробуйте не волноваться, когда вам сообщают, что, если вы упустите ближайший удобный период для полёта на Венеру, следующего придётся ждать три с половиной года. Причём оба эти периода — и первый и второй — очень короткие. А длинный период, самый подходящий, наступят через четырнадцать лет.

Станцию придётся забрасывать одним махом, понял сразу Ольсен. Гонять одни и те же ракеты, подобно тому, как снуют грузовозы между Землёй и Луной, к сожалению, не придётся. Сколько же потребуется кораблей?

— Мы должны создать нашим учёным условия, не отличающиеся от земных, — сказал председатель Планового бюро академик Шевченко, решительно сдвигая свои короткие, похожие на двух ежей, брови. И далее разъяснил, что он под этим подразумевал: — Спорт, включая беговые дорожки, плавание, футбол. Вы понимаете, что это не роскошь, а гигиена умственного труда. Людям придётся работать гораздо напряжённее, чем дома, на Земле. Затрачивая огромные сред-

ства на экспедицию, мы заинтересованы в том, чтобы ни одна минута каждого из тридцати семи не пропадала даром. По этой же причине быт не должен отвлекать их внимание. И научная работа, само собой разумеется, должна предельно облегчаться современной техникой.

Пришлось основательно подумать над многими вещами. Когда-то исследователь, отправляясь в дебри неведомой Африки, шёл пешком, а его багаж несли двадцать-тридцать носильщиков. Сейчас на каждого члена экспедиции потребуется, вероятно, двадцать, а может быть, тридцать грузовых ракет. На далёкой планете, сияющей на нашем небе голубоватой звёздочкой, нужно организовывать всё с самого начала. Склады питания на три с половиной года, аварийные запасы, транспортные средства и всё прочее, не говоря уже о зданиях самой станции в разобранном виде и её оборудовании.

Ясно было одно: надо конструировать специальные корабли. Из существующих систем ни одна для этой цели не годилась.

Так или иначе цифра «37» была первой реальной величиной, которая из сферы предварительных разговоров и не всегда обдуманых проектов переводила вопрос на деловую почву. Она явилась как бы ключом, приведшим в действие огромный механизм. Ракетный институт приступил к предварительному проектированию грузовых кораблей в разных вариантах. Австралийский космодром, самый крупный, начали расширять: ведь отсюда будет стартовать почти одновременно множество ракет, а раньше взлетали одна-две в год. Африканский космодром, считавшийся вспомогательным, решили оборудовать заново. По рекомендации Ольсена Плановое бюро объявило конкурс на проект станции на Венере. Тысячи больших и малых дел обрушились на организацию «Сооружения в Космосе», как лавина.

Пожалуй, только создание первого моста на Луну в своё время могло сравниться по размаху с задуманной операцией. Тогда это действительно было грандиозное предприятие — достойное завершение большого пути, пройденного человечеством с сентября 1959 года, когда первая ракета коснулась поверхности спутника Земли. Но с тех пор минуло немало

лет. Ныне корабли ходят по освоенным трассам, заправляясь то на лунном, то на земном космодроме — на манер пригородного сообщения прошлого века. В нынешней же операции предстояло впервые выпустить на дальнюю дистанцию залп ракет без промаха и без потери хотя бы одной из них.

Ольсен-то уж хорошо знал, что значит промазать по планете. Во время Пятой экспедиции на Марс, когда её участникам пришлось пробыть там восемь месяцев, им забрасывали горячее для обратного рейса автоматически действующими грузовыми ракетами. Из-за какой-то ошибки самонаводящего механизма одна проскочила мимо и превратилась в спутника Марса. Вторая врезалась в рыхлый грунт планеты где-то около полюса. И хотя впоследствии, восемь лет спустя, удалось установить, что все баллоны с горючим уцелели, несчастным «марсианцам» было от этого не легче. Их спасла третья ракета, упавшая в трёхстах километрах от лагеря: баллоны доставили на вездеходе. Хорошо, что Ольсен заготовил тогда три ракеты — он всегда отличался запасливостью! Конечно, теперешние астронавигаторы работают гораздо точнее. Но ведь и точность для задуманной операции требуется совсем другая.

Как только у Ольсена выдался день посвободнее, он собрал свою группу, и все вместе они отправились в Музей Несовершенных Проектов. Кто из инженеров, конструкторов, архитекторов, учёных или просто туристов не побывал на обширном плато в Гоби, где на десятках километров раскинулись под открытым небом фантастичнейшие сооружения нашей эпохи. Одних космических кораблей там выставлено около десятка моделей. А знаменитый «механический птеродактиль», предназначенный для Марса, — Ольсен до сих пор не может без улыбки вспомнить, как провалилась эта в общем остроумная идея. Машина при посадке зарывалась в песок пустынь Марса, он оказался более рыхлым, чем ожидали. Он, Ольсен, тогда приложил руку к тому, чтобы забраковать «птеродактиль» после истории с исчезновением двух членов экспедиции: их едва вытащили из рыжего праха, в который они ушли с головой.

В музее много всяких — космических и земных — сооружений, овеянных памятников человеческой мысли. И любую идею, большую или маленькую, каждый мог черпать отсюда, как из учебника или научного труда, опубликованного к всеобщему сведению, — мысли принадлежали всем. Музей Неосуществлённых Проектов — одна из идей Планового бюро, заботящегося, чтобы ничто не пропадало и не оставлялось втуне. А что может быть ценнее человеческой мысли!

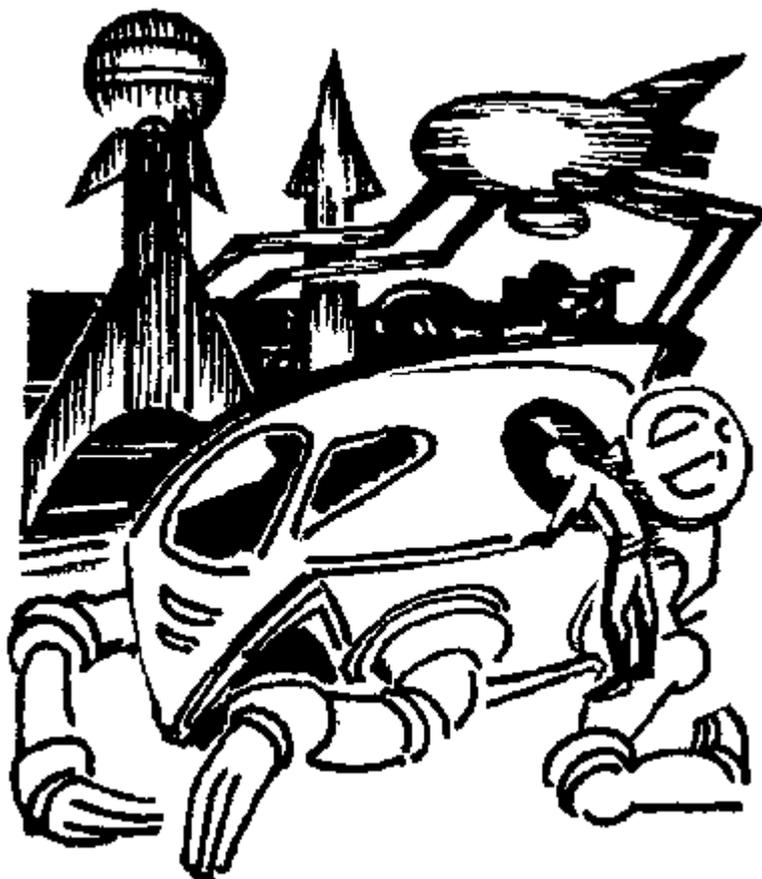
Вот и сейчас, готовя операцию «Венера-9», Эдвардс счёл нужным заглянуть в Гоби. Он сел в обычный туристский воздушный автобус, и тот быстро домчал его.

Под открытым небом пустыни, чётко различимые в сухом воздухе, раскинулись здания и сооружения самого удивительного вида: словно бутафоры киностудий свезли сюда то, что за многие десятилетия накопилось после отснятых фильмов. Машины, которые никогда не использовались, мосты, переброшенные над сушей, дома, не похожие на те, в которых мы живём. Невольно казалось, что ты попал на другую планету.

Ольсен сразу почувствовал, что они прилетели сюда не зря. После некоторого обсуждения группа пришла к выводу, что тот же «птеродактиль», если его переделать, сгодится на Венере. Пусть у живущих на окутанной облаками планете будет как можно больше самых разных средств сообщения. Кто знает, какое из них выручит, когда случится что-нибудь непредвиденное. Это ведь не Луна, изученная вдоль и поперёк, и даже не Марс, обследовать который оказалось гораздо легче, чем Венеру, покрытую почти сплошь дремучими лесами и непролазными болотами.

Затем им понравилась одна идея, которую в своё время запечатали в металле ввиду её оригинальности. Один из постоянных жителей Галапагосских островов предложил транспортное средство в виде огромной черепахи. Возможно, его натолкнули на эту идею слоновые черепахи из Галапагосского заповедника. Джемс, так звали автора проекта, предложил создать черепаховидные экипажи с двигателями в виде загребущих ног: по его расчётам, они должны были свободно

передвигаться по земле и плавать в воде. Оригинальный механизм Джемса никого не заинтересовал: на Земле, в любую точку которой можно доставить всё, что угодно, многими способами, медлительная, хотя и очень надёжная, «черепаха» Джемса казалась пережитком прошлого. Другое дело — на Венере! Там бесконечные болота, озёра, разбухший грунт и знаменитая синяя глина, непроходимая для гусениц... На Венере, пожалуй, такому экипажу самое место. Конечно, взять следует лишь принцип «черепахи», а машину сконструировать заново, учитывая все особенности планеты.

Ольсен придирчиво разглядывал экспонаты музея. Ничего не упустить, всё использовать! Дотошность и даже педантичность Ольсена были так же известны, как и его осторожность и расчётливость. Может быть, и правы те, кто называл Ольсена «сухарём» и «человеком, лишённым фантазии». Но не может же человек обладать всеми талантами сразу. В конце концов Ольсен не пишет фантастических романов о космических полётах на планеты, он просто организует их. И то, что его рассматривают как редкое исключение в нашем наполненном романтикой XXI веке, в известной мере даже нравилось ему.

3

Чего Ольсен действительно терпеть не мог, так это лишних разговоров во время работы.

— Подумайте, — обратился к Ольсену Алик, один из его сотрудников, самый юный, не побывавший ещё нигде дальше Луны, — а вдруг дикие обитатели планеты, с которыми столкнулась Восьмая экспедиция, не единственные её жители? Может быть, там есть и более развитые существа? Ведь существовали же на Земле люди, принадлежащие к разным историческим формациям одновременно. Или, может быть, на Венере в прошлом уже существовала цивилизация более высокая, чем то, с чем столкнулась Восьмая. Ведь так тоже могло быть. Вдруг...

— Послушайте, — сухо оборвал его Ольсен. — Давайте условимся раз и навсегда. Никакой фантастики! Мы организуем полёт на Венеру — и всё. Что там будет — это, в конце концов, выяснится в своё время. Наше дело — подготовить всё так, чтобы это могло произойти, то есть, чтобы наши учёные попали на Венеру, благополучно прожили там и вернулись домой. И чтобы их работа там протекала успешно. Меня интересует, в частности, что вы думаете о порожняке.

— Порожняке?

— Не думаете же вы, — начал раздражаться Ольсен: хуже нет, когда в деловую обстановку попадёт чистый романтик, — не думаете же вы, что мы загоним почти сотню ракет на Венеру и оставим их там в качестве памятника наше-

го расточительства? Вам приходилось когда-нибудь иметь дело с Плановым бюро?

— Нет, — честно сознался юный помощник.

— Так вот, эта организация, которая ничего не жалеет для развития науки, с нас с вами зато спросит за каждый израсходованный грамм материала. Там всё считают. У них такие машины, что не пропустят даже атома. Современные ракеты — не одноразового употребления, как было раньше. Эти корабли можно использовать и на других трассах. Самое разумное, пожалуй, вернуть их на Луну.

Нужно сказать, что корабли вообще требовали больших забот. Институт, проектировавший ракеты, все допытывался от Ольсена, откуда он собирается запускать их: с Земли или с Луны. Проще всего и выгоднее, конечно, было бы использовать Луну. Но лунные космодромы, хотя их там чуть не десяток, не в состоянии были обеспечить почти одновременный запуск тучи космических стрел. По расчётам астрономов, старт должен продолжаться две недели — не больше. А лунные космодромы сравнительно небольшие — с некоторых больше одного корабля не стартовало за всё время их существования.

Вот почему Ольсен сперва послал на Луну лучшего организатора «СК» Григоряна. Тот сообщил, что Луна сможет обеспечить старт нужного количества кораблей в сроки, которые оставались до вылета экспедиции, если провести работы по реконструкции космодромов. Вот тут-то и потребовалось расширить мост на Луну.

Десятки сотрудников «СК» ежедневно докладывали Ольсену о том, как подвигаются дела в разных местах земного шара и на обоих полушариях Луны. Он мог обозревать всё поле деятельности с командных пунктов «СК». Сотни людей проходили перед его глазами — инженеры с заводов, строители, монтажники, транспортники. Приходилось решать тысячи вопросов, но в этом круговороте хлопот Ольсен не забывал про данные им поручения.

— Ну, — спросил он Алика на второй или третий день после того разговора, — решили вы задачу возврата порожняка?

Юноша стал излагать такой сложный план, что Ольсен вскоре потерял желание дослушать его до конца.

— Знаете, ваш план напоминает древнюю задачу про волка, козу и капусту, которых надо было перевезти на одной лодке. У вас люди должны пересаживаться с корабля на корабль и лететь то к Венере, то к Земле. Вам, конечно, кажется, что такие пересадки в космосе самое простое дело. Но так оказывается только в романах. Всё нужно сделать гораздо надёжнее. Мы пошлём дополнительно десять больших грузовых ракет с запасом горючего. Участники экспедиции должны будут сменить пустые баллоны на баллоны с горючим во всех кораблях. Астронавигаторы пусть рассчитают траектории обратных маршрутов и вложат все данные в управляющие машины. А участники экспедиции нажмут кнопки автоматического старта, отойдут на порядочное расстояние и могут помахать рукой отлетающим ракетам.

— Ясно! Пойду, сейчас прикину и...

— Гм, — Ольсен недоверчиво посмотрел на собеседника. — Если вам всё ясно, объясните, пожалуйста, как вы думаете обеспечить старт стольких кораблей с Венеры, ведь там нет даже самого захудалого космодрома?

— Я подумаю... — смутился «романтик».

На этот раз он ломал голову добрых три дня. Зато и Ольсен выслушал его более благосклонно.

— Ваш проект, — сказал Ольсен, — разработан более тщательно и, главное, более зрело. Могу поздравить. В ваших рассуждениях есть только один недостаток. Вы исходите из того, что все корабли будут садиться на Венеру нормально. Должен вам сказать, что я сам отправлял немало их и знаю историю всех космических полётов. Конечно, случаи нормальной посадки встречаются — этого отрицать нельзя, но гораздо чаще ракеты садятся как угодно, только не так, как рисуется в учебниках космонавтики. При обратном взлёте приходится долго маневрировать, чтобы положить корабль на рассчитанный курс. Обычно эти дополнительные расчёты делает экипаж с помощью портативных вычислительных машин. Но мы не можем загружать персонал научной станции подобными расчётами. Кораблей слишком много, да и люди

должны приступить как можно скорее к своей прямой работе. Мы с вами обязаны позаботиться о том, чтобы у них не пропал ни один лишний час, ни одна секунда рабочего времени.

Ольсен привык уже к тому, что некоторые элементарные истины приходится разъяснять даже своим сотрудникам — тем, разумеется, которые недавно вступили в это звание. Конечно, старым кадрам «СК» ничего не надо втолковывать, те понимают всё с полуслова. Но новеньких приходится приучать к правильному пониманию особенностей работы, ничего не поделаешь.

Алик совсем повесил нос. А ведь ему казалось, что организация межпланетных путешествий — увлекательное дело.

— Я говорю скучные вещи, — смягчился Ольсен. — Но что поделаешь: полёт в космос не похож на то, что себе иногда представляют люди малоискушённые. В их воображении всё получается очень просто: события развиваются как по мановению волшебной палочки. Но, чтобы события развивались как надо, нужна серьёзная и кропотливая подготовка, приходится продумывать и предусматривать каждую мелочь. Об этом почему-то почти совсем не пишут в рассказах о космических полётах. А мы с вами и есть те люди, которые наделяют волшебную палочку её волшебными свойствами.

Алик не мог удержаться:

— Да вы романтик, — сказал он. — Как здорово сказали про волшебную палочку!

И он впервые за время разговора улыбнулся.

— Я романтик? — удивился Ольсен. — От вас первого слышу. Должен заметить, что космос не любит фантазёров. Я вам расскажу когда-нибудь в свободное время, как два человека с избытком фантазии оседлали на Марсе «механический птеродактиль» и чем это чуть было не кончилось. И про того чудака, который вздумал приручать тавтолона — это было во время Шестой экспедиции на Венеру. Тавтолон прокусил скафандр, и, прежде чем материя сама затянулась, в открывшееся отверстие хлынули полчища микробов, против которых никто ещё не знал надёжных средств. Томсона охладили, чтобы затормозить биологические процессы, и в таком виде

привезли на Землю. Здесь его не расхолаживали ещё две недели, пока не нашли средства против бактерий, нападению которых он подвергся. Его спасли, но экспедиция сорвалась. Вот во что обходятся порывы, не проконтролированные разумом.

На Алика смотрел прямой, высокий человек с лицом, как юноше в этот момент показалось, похожим на алгебраический знак.

— Ну, а что касается ваших кораблей, — продолжал Ольсен уже обычным своим деловым тоном, — то попросите Институт вычислительной техники подумать над машиной, которая бы автоматически делала все расчёты для вывода корабля, севшего на Венеру, в обратный маршрут из любого, повторяю, из любого положения и передавала бы все данные управляющему устройству. Давно пора сделать такую штуку. Правда, до сих пор наша организация никогда ещё не отправляла такого огромного количества кораблей сразу — они летали «поштучно», — и вопрос, естественно, не вставал.

«Правду про него говорят, что он сухарь», — подумал Алик.

4

Как ни отбивался Ольсен от энтузиастов, они, конечно, нахлынули, как это всегда бывало. Сотни и даже тысячи людей обращались к Ольсену с предложением своих услуг, хотя некоторые из них, кроме желания лететь на Венеру, не могли представить каких-либо других достаточно серьёзных с точки зрения Ольсена аргументов.

В механизме секретаря Ольсена было специальное устройство для таких посетителей, оно действовало независимо от основного механизма, занятого действительно важной и нужной работой. Это устройство голосом Ольсена сухо перечисляло требования, которым должны удовлетворять участники экспедиции. Последним он называл условие, поставленное Контролем безопасности: «опыт работы в космосе или на Земле, сходной с той, что предстоит на Венере». Конечно, можно было бы сразу сказать это, и разговор с некоторыми просителями отпал бы. Но Ольсен считал полез-

ным в чисто воспитательных целях дать представление самым горячим головам, какая это серьёзная вещь — экспедиция на Венеру и какие качества они должны вырабатывать в себе, если намерены когда-нибудь туда отправиться.

Ольсен хорошо понимал, что люди — самое главное для успеха задуманного предприятия.

Половину сотрудников подбирали сам Коробов. Известно, что учёные — люди «узкого профиля»: каждый из них имел две-три, от силы три-четыре, ну, максимум пять специальностей. Значит, уже простая арифметика говорила, что те два десятка людей, которые остались на долю Ольсена, должны были обладать великим разнообразием знаний при выдающихся личных качествах.

Организатор межпланетных путешествий любил во всём порядок. Он отдал список профессий своему секретарю-автомату, а тот, конечно, связался с «Элеонорой» (кому только пришла в голову мысль называть все эти машины на букву «Э»!).

Когда-то в старину, говорят, были отделы кадров чуть ли не на каждом заводе или в учреждении. А чтобы узнать, сколько людей живёт в какой-нибудь стране и что это за люди, устраивались специальные переписи раз в несколько лет. «Элеонора» сделала ненужным и то и другое. В любой момент она сообщит вам, сколько сегодня на Земле людей, много ли из них мужчин и женщин, а среди них, допустим, астрономов, из последних — специалистов по дальним галактикам, а уже из этих — умеющих плавать и знающих древние языки.

«Элеонора» неутомимо ведёт перепись населения Земли изо дня в день: учёт людских ресурсов — постоянная забота общества. Никто не делает специальных записей о рождении ребёнка, о шагах человека на разных поприщах, о его выявленных способностях — просто эти деловые сведения сообщаются «Элеоноре». Мировой статистик служит одновременно и мировым справочным бюро и мировым адресным столом. Одна машина, занимающая, правда, целый квартал похожих на элеваторы зданий, заменяет тысячи учреждений, которые служили прежде людям для той же цели.

И вот секретарь Ольсена вместе с «Элеонорой» принялись раскладывать своего рода пасьянс в двадцать карт. Без машин трудно было бы, чтобы не сказать невозможно, перебрать миллиард человек (столько примерно нужно было просмотреть за вычетом возрастных и других категорий) с гарантией, что не пропустил ни одного достойного.

Кандидат № 1, подобранный секретарём, заинтересовал Ольсена тем, что наотрез отказался лететь на Венеру. Перед Ольсеном сидел чуть выше среднего роста человек, рыжий, в крупных веснушках, с оттопыренными ушами, похожими на приставленные к голове ручки. Жизнерадостность так и била из каждой его веснушки. Знает шесть профессий, все великолепно, может изучить ещё дюжину — а вероятно, так и придётся сделать, чтобы освоить некоторые необходимые специальности. Данные о состоянии здоровья могут вызывать только восхищение. Он сказал, что его зовут Лыков.

— Почему вы не хотите лететь? — полюбопытствовал Ольсен.

— А зачем? — ответил Лыков вопросом на вопрос. — Мне и на Земле отлично.

Ольсен подумал, не боится ли он.

— Боюсь? — откровенно удивился Лыков. Видимо, мысль показалась ему оригинальной. Он чистосердечно рассмеялся. — Да нет, — сказал он подкупающе просто, — мне это просто ни к чему. — Он прямо посмотрел в глаза Ольсену. — Разумеется, — добавил он, — если будет настоятельная необходимость, то я поеду. А вообще-то мне и так хорошо.

Ольсен посмотрел на его улыбающееся лицо и подумал, что ему, наверное, везде будет хорошо.

— Меня ведь всякая там романтика не привлекает, — пояснил его собеседник.

Ольсен чуть не простонал — настолько этот человек соответствовал его представлениям о кандидате в ответственную экспедицию.

— Нет, вы должны поехать, — сказал он решительно.

— Вы поищите получше, — посоветовал Лыков. — Да не с помощью ваших машин! О, — быстро возразил он на

протест, который отразился на лице Ольсена, и Ольсен не мог не отметить мгновенность этой реакции, — я отдаю должное машинам! Да, да, они замечательны! Но они никогда не смогут дать действительного представления о том или ином человеке.

— Эти машины, — заметил Ольсен, — сообщили о вас такие вещи, о которых вы не стали бы говорить — по скромности или потому, что не придаёте им значения. Например, об истории со спасением трансконтинентального лайнера. Вы тогда не растерялись, а это очень важно для нас. Кто-то из ваших товарищей счёл нужным кратко охарактеризовать ваш поступок, а «Элеонора» всё запомнила. Машина избавляет вас от необходимости систематизировать рассказ о себе, она просто расспрашивает, потом берёт сведения от «Элеоноры» и составляет толковый и ясный доклад. Я уже не говорю о том, какую это даёт экономию времени.

— А я и не отрицаю пользы машин! — возразил его собеседник. — Но только к машинам нужно обращаться после. Понимаете? Потом! После того, как вы остановились на какой-то кандидатуре. Да вот простой пример: известен вам такой Игорь Горин?

— Нет, — ответил Ольсен, быстро заглянув в список, подготовленный секретарём.

— Вот видите. А всё потому, что машины не учитывают одного важного обстоятельства.

— Какого же? — заинтересовался Ольсен. Он сам составлял список вопросов для секретаря, и ему казалось, что он предусмотрел всё.

— Потенциальных возможностей человека, — ответил Лыков. — Картотеки учитывают выявленные способности человека. А невыявленные? Ведь очень часто нужен только случай, чтобы человек раскрыл свои способности. И вот приходит случай — работа на Венере. А вы этого человека не берёте.

— Чем же замечателен ваш Игорь Горин? — спросил Ольсен.

— Он пилот. Рождён, чтобы летать, в смысле — управлять машинами. На Земле пилоты, как вы знаете, снимаются

даже с трансокеанских лайнеров, заменяются автоматами. А на Венере он вам очень пригодится.

— А что он знает ещё?

— Его вторая профессия — биология. Снимает фильм, из жизни уссурийских тигров. Основал заповедник на сопке Остроконечной для осмотра с воздуха.

— Только-то! Мы отказывали людям, имеющим по восемь профессий.

— Вот-вот, в этом и заключается ваша ошибка. В вашем списке наверняка наберётся с полсотни профессий, которых вы вообще не отыщете на Земле! А Игорь Горин сможет делать все эти пятьдесят видов работ и, если понадобится, ещё десять. Таким, как он, цены не было лет двести назад, когда всё делалось вручную. Он родился слишком поздно. То есть как раз в самое время для Венеры. Поэтому-то я и считаю, что вы должны идти от рекомендаций знающих людей, а потом уже обращаться к электронным статистикам.

— И упустил людей, которых никто не догадался рекомендовать, — спокойно возразил Ольсен. — Например, вас. Очевидно, лучше сочетать оба способа. Но вернёмся к Игорю Горину. Сам-то он захочет работать на Венере?

— Ах, он сам не знает, чего хочет. Это такой романтик! Знаете, из породы мечтателей.

— Романтик? — поразился Ольсен.

После ухода Лыкова он раздумывал некоторое время. В первый раз в жизни он ощутил отсутствие романтики в человеке как известный недостаток: равнодушие Лыкова к поездке на Венеру почему-то задевало его.

Игорь Горин оказался худощавым человеком с длинным лицом, свободной причёской; что-то от поэта или художника действительно ощущалось в его облике. Но он не сочинял стихов и не писал картин, а разговаривать мог только о механизмах. Игорь был из тех людей, что при поломке любой машины не обращаются в Бюро замены, чтобы прислали новую, а сами с наслаждением погружаются в мир её механизмов и не успокоятся до тех пор, пока не найдут причины неисправности и своими руками не устранят её. Клад для любой экс-

педиции! И, разумеется, готов лететь на Венеру или куда угодно хоть сегодня.

Расставшись с Гориным, Ольсен с огорчением констатировал, что первый человек, зачисленный им в состав научной станции, оказался самым настоящим и неисправимым романтиком, — в этом не оставалось ни малейшего сомнения. Он говорил о машинах так, как не всякий поэт говорит о возлюбленной. Впрочем, не будь он таким, подумал в утешение себе Ольсен, он не знал бы так машины. А главное, подобного склада человек, конечно, сможет придумать выход из любого трудного положения, в котором могут очутиться сотрудники станции со своими многочисленными механизмами, — находить выход из безвыходных обстоятельств для него сушесть удовольствие. В этом он и видит всю прелесть своей профессии. А на Венере такой работы, наверное, хватит.

Но зато уж Ольсен твёрдо решил привлечь в экспедицию самого Лыкова.

Приходил Варгаш, рекомендованный Коробовым. Это был работник Биологической защиты, ветеран этой службы, один из тех, на чьих плечах лежал огромный труд по преобразованию мира микробов на нашей планете. Глядя в лицо Варгаша, с сухой кожей, обожжённой в тропиках и продублённой морским ветром, в ясные голубые глаза, спокойно взирающие на мир, Ольсен чувствовал перед собой бойца, закалённого, бывалого, готового идти на любую опасную операцию — без ненужного риска, обдуманно и расчётливо, но и без страха. На Венере, где опасности подстерегают на каждом шагу, где любая лужа полна неведомых существ и даже воздух кишит невидимыми представителями незнакомой человеку жизни, там такому человеку, как Варгаш, есть возможность применить свои способности и навыки, ставшие для него уже чертами характера. Коробов умеет подбирать людей, ничего не скажешь.

Следующего кандидата раскопали секретарь с «Элеонорой». Всё-таки удивительно остроумно устроена машина, неутомимо ведущая летопись жизни каждого обитателя Земли. Лыков её недостаточно оценил. О многих людях мы ничего не знаем, пока не затребуем те или иные деловые сведения

о них. И тут оказывается, что скромнейший человек, никогда словом не обмолвившийся о себе, совершал когда-то чуть ли не Геракловы подвиги. Или что известный учёный вне своей специальности — единственный на Земле человек, который владеет редчайшей профессией, даже название которой знают немногие, а изучил он её просто так, для интереса, и оказывает услуги обществу, когда оно в них нуждается. Многое может рассказать «Элеонора» — бесстрастная и точная, как всякая математическая машина.

Человек, предложенный вниманию Ольсена «Элеонорой», принадлежал к редкому в наши дни племени бродяг и непосед. То ли остатки инстинкта кочевых народов вдруг пробудились в его крови, то ли ненасытное любопытство гнало его по белу свету и не позволяло засиживаться подолгу на одном месте, но он действительно исколесил весь земной шар. Его видели тропики, умеренные области, полярные зоны; он опускался на дно глубочайших впадин океана, работая там на бурении скважин; он дежурил на высокогорных станциях, выполняя в одном лице обязанности всего персонала, он прокладывал знаменитую Меридианную дорогу, строил Лунный город, чистил вулкан Везувий — легче перечислить то, чего он не делал, чем все разновидности его занятий. К тому же он обладал завидным характером, лёгким, весёлым — дружелюбие переполняло его сверх края. По виду это был щупленький, похожий на семечко одуванчика человек и так легко передвигавшийся, словно его и правда поддерживал в воздухе парашютик. Звали его чрезвычайно коротко: Ив.

Побеседовав с ним, Ольсен быстро понял, чем будет полезен в составе экспедиции такой неугомонный человек. Он, конечно, не успокоится, пока не перепробует по крайней мере половины из двухсот пятидесяти профессий, которые нужны на Венере. Значит, в случае необходимости он сможет заметить там многих.

Каждый день являлись кандидаты. Список Ольсена рос.

Все участники Восьмой экспедиции попросились работать в первой смене научной станции на Венере, и с их желанием согласились. Теперь, кроме Коробова, Ольсен всё чаще видел в своём бюро огромного Нгарробу — как уверяли жур-

налисты, единственного представителя Земли, способного поспорить силой с обитателями Венеры, маленького изящного Гарги из Индийской академии и всегда спокойного Сунлина, который сам про себя говорил, что в глубине души он не менее пылок, чем Нгарроба, но просто лучше владеет собой.

Закончился конкурс на лучший проект здания станции на Венере. Плановое бюро отобрало три из них для осуществления в натуре. После испытания на полигоне лучшая из трёх станций будет отправлена по прямому назначению на Венеру, остальные займут место в Музее Неосуществлённых Проектов.

Всё шло как нельзя лучше, но Ольсен всё чаще и чаще испытывал беспокойство.

5

Сборка всех трёх типов зданий научной станции для Венеры на полигоне двигалась полным ходом. Сто двадцать специализированных заводов изготовляли оборудование. Ракетный институт заканчивал конструирование трёх образцов грузовых космолётов и одного пассажирского.

Всё шло явно хорошо, но беспокойство не покидало Ольсена. Не то чтобы у него возникло предчувствие чего-то плохого. Он не знал таких ощущений. Но Ольсен всё время ждал какой-нибудь неприятности. Не могло же всё идти гладко. Так не бывало ещё ни разу. Он был уверен, что «что-нибудь» случится.

Конечно, коэффициент случайности на нашей планете сейчас очень низок: нет никакого сравнения с прошлыми временами. Но чем более удаляется человек от родной планеты, тем резче возрастает этот опасный коэффициент. И, вероятно, риск непредвиденных осложнений сохранится, пока человек будет всё так же неумоимо штурмовать неведомое.

И тут случилась эта история с ураганом. В наши дни, когда ураганы ходят по маршрутам, предсказываемым синоптическими машинами, она выглядела особенно нелепой. Ураган, чуть больше средней силы, шёл себе спокойненько — обычный мирный ураган, явно не желавший, чтобы его рас-

стреляли. Но потом ему словно попала вожжа под хвост. Он взял и изменил маршрут — вопреки всем вычислениям, которые сделала синоптическая машина на основе анализа его же собственного движения. Никто не успел ничего предпринять — люди отвыкли от шуток ураганов. Он пронёсся над полигоном, где стояли три станции, предназначенные для отправки на Венеру. Творение необузданной природы прошло как варвар, попирая ногой продукты цивилизации технически совершенного XXI века. Ураган разрушил станцию, построенную в виде кольца, и разбросал её части, как взбесившийся носорог. Другую станцию — в виде исполинского куба — он не мог сломать; тогда он, понатужившись, опрокинул её. А третью станцию — целый квартал пластмассовых домов, соединённых трубами-коридорами, — поднял, как связку бубликов, и забросил в океан.

Смятение ещё не улеглось, когда Коробов объявил, что он очень рад приключению. На Венере, объяснил он, часты ураганы, по мощи они оставляют далеко позади все земные. Службы предупреждения там, естественно, нет. Таким образом, сорвавшийся с маршрута земной ураган воссоздал условия, сходные с теми, с которыми не раз и не два столкнутся обитатели станции на Венере. И в согласии с ураганом Коробов забраковал проекты станции «Кольцо» и «Куб», как не выдержавшие экзамена. Инженеры пришли к выводу: если бы «Лабиринт», как называли третий вариант станции, не просто лежал на бетонном полигоне, а его закрепили на якорях, как это и будет на Венере, никакой ураган ничего бы с ним не сделал.

Тогда Ольсен решил, что это вовсе не тот злосчастный случай, которого он опасался. Тот ещё придёт.

Между тем подготовка экспедиции продолжалась в нарастающем темпе. Новёхонькие корабли сходили с конвейера и поступали в обкатку. Уже минуло три года с тех пор, как Контроль безопасности запретил выпуск нового типа кораблей в космос без предварительного опробования их на трассе Луна—Земля после нескольких промахов грузовых ракет, а главное, трагической гибели «Марса-11» с людьми.

Ночью Ольсена разбудили. Наблюдатели Пулковской обсерватории обнаружили яркую вспышку в созвездии Девы. Одновременно дальние локаторы доложили, что потеряли корабль № 78, который вели в полёте от Земли к Луне. Затем пришло сообщение с Луны, что семьдесят восьмой не прибыл на космодром, где его ожидали. Одновременно Луна запрашивала подтверждения прибытия корабля № 76 на космодром «Африка». Локаторы «Африки» донесли, что семьдесят шестой не входил в зону полей наведения.

Ольсен сразу понял, что вот он, этот роковой случай. Конечно, «что-то» произошло с ракетами. Слишком много их участвовало в игре — и они были новых типов. Случай любит как раз такие ситуации.

Случилось невероятное. Корабли столкнулись. Первое столкновение в космосе за всю историю человечества. Пока люди пытались осознать этот факт, в космос согласно расписанию ушли два новых корабля — с Луны и с Земли. Все ждали: не столкнутся ли и они?

Немедленно был созван Совет по межпланетным путешествиям. Заседание в Зале Совета открылось у большого экрана, вернее у нескольких экранов, соединённых друг с другом. Один за другим люди, находившиеся в самых разных местах системы Земля–Луна, появлялись на экранах, взволнованные происшедшим. Все уже всё знали. Председатель Совета, единственный, кто находился в комнате по настоящему, предоставил слово главному космонавту Дорджи. Тот назвал одиннадцать возможных причин столкновения. Нарушение режима работы двигателей и в результате — замедление или ускорение хода корабля, выход из строя или порча какого-либо прибора управления, отклонение корабля от заданной орбиты вследствие встречи с метеоритом и т.д. и т.п. — причин хватало. Самым необъяснимым оставалось — почему корабли не разминулись автоматически. Ведь они снабжены рулями, связанными с локаторами. Конечно, мог выйти из строя и какой-нибудь из этих механизмов. Но две неисправности сразу исключались. Таких случаев за последние двадцать лет не было.

Разговор шёл довольно беспредметный, пока инженер Главной испытательной станции Сорокин не сделал сенсационного сообщения. Он заявил, что испытываемые корабли оказались жертвами чрезмерной точности полёта. Удобные для обкатки трассы сходились временами в пространстве вследствие обращения Луны вокруг Земли. Да и линии сообщения Земля–Луна образовывали сложную паутину вблизи Земли и Луны. Поэтому проходящим обкатку кораблям (они, разумеется, испытывались без людей) был дан приказ не отклоняться от заданного маршрута больше определённой величины. Но что значит дать приказ автомату?

Так заблокировать механизмы и подвести такое напряжение к приборам управления, чтобы оно пересиливало все другие токи, все другие электрические мысли или ощущения, если можно так выразиться, откуда бы они ни поступали. Другими словами, от механизмов управления кораблём потребовали слепого выполнения приказа. И те повиновались «не рассуждая».

Сорокин нарисовал возможную картину того, что случилось. Встреча в космосе произошла на максимальной точке отклонения семьдесят восьмого от своей орбиты. Встречный корабль просигнализировал, что берёт в сторону, и изменил курс. А семьдесят восьмой, вместо того чтобы уклониться в противоположную сторону, продолжал лететь прямо. Механизм управления не мог сработать иначе, так как приказ запрещал отходить от маршрута дальше нормы. В космосе всё решают секунды, часто их доли. Упущенный для начала манёвра момент может означать невозможность его выполнить. Оба корабля проскочили свои критические точки, а на близком расстоянии поворот равносильен аварии. Вероятно, были экстренно включены тормозные и поворотные двигатели — могучие корабли от этого закувыркались, подобно электро-мобилиям при резком торможении на полном ходу, и уже, как камни, по инерции полетели навстречу друг другу.

Что поднялось при этих словах Сорокина! Один за другим люди, толпившиеся на экранах, требовали слова. И было отчего волноваться. Впервые на Венеру отправлялось столько кораблей почти одновременно. Конечно, ни одни из них в по-

лётё не повторит маршрут другого. Вылетаете ли вы через день, через час или хотя бы через минуту после вашего товарища, вы идёте уже совсем другой дорогой — другая длина, другая кривизна, другие скорости на отдельных участках, всё другое, только место посадки то же самое. Но вблизи Венеры пучок трасс сходится, и проделавшие долгий путь корабли прибывают вовсе не с теми интервалами, с которыми они стартовали. Здесь возможны столкновения, если будет допущена малейшая ошибка. И вот одно столкновение уже произошло, и, главное, где? На трассе Земля–Луна, где существуют станции наведения и локаторы, которых нет на Венере. Весь замысел операции «Венера-9» был поставлен под сомнение.

Больше всех волновались, конечно, представители Контроля безопасности.

— Вы хотите высадить на Венере людей, — говорили они, — а потом обрушить на их головы град грузовых кораблей. Люди должны разгружать их и отправлять обратно, слыша над головой свист всё новых прилетающих грузовозов и видя, как они шлёпаются вокруг с возможными, «допустимыми» отклонениями от орбиты.

— Чтобы корабли не столкнулись в полёте, — возражали им, — их нужно снабдить особо высокочувствительными и быстро реагирующими устройствами, отклоняющими их друг от друга при малейшей угрозе чрезмерного сближения.

— Такие «шарахающиеся» корабли, — объявляли другие, — гораздо опаснее обыкновенных, идущих себе спокойно по заданному маршруту. Нужно просто точнее рассчитать и скрупулёзно соблюдать эти маршруты.

— Такая точность, — сомневались некоторые, — в настоящее время не может быть достигнута: тому доказательство — столкновение на обкатной трассе. Ведь до сих пор все космические полёты производились так, что вблизи Земли и Луны одновременно много кораблей не находилось. Возникла совершенно новая проблема, и современная техника к этому не готова.

— Что же делать? — спрашивали четвёртые.

— Отложить полёт на три с половиной года или на четырнадцать лет, — отвечали пятые, — когда техника обеспечит стопроцентную удачу.

Председательствующий уже дважды уменьшал изображение людей на огромных экранах, иначе все желающие высказаться не уместились бы. Кажется, один только Ольсен сохранял спокойствие. Такой шум бывал и прежде, когда в игру вступали обстоятельства, не предусмотренные первоначальным планом. Ольсен понимал, что операция всё равно должна состояться, и, конечно, в назначенный срок, иначе её действительно придётся отложить на годы. Он внимательно слушал всех. И соображал: что же нужно сделать? Он не мог позволить себе фантастические домыслы, представлять живые картины падающих на людей грузовых кораблей, столкновения в космосе и прочее. Его задача — сделать так, чтобы ничего этого не произошло.

И все умолкли, когда он попросил слова.

— Было бы недостойно людей, — сказал он, — если бы мы отказались от полёта в ближайший допустимый срок только вследствие того, что техника в данный момент не вполне готова. Техника — наша гордость, наша сила, это то, что обеспечило нам практический доступ к другим мирам, и считать её несовершенной настолько, чтобы отложить надолго экспедицию, нет никаких оснований. Значит, всё дело во времени. Его мало, но вспомните, что каждая наша минута по заложенным в ней возможностям соответствует по крайней мере суткам сто лет назад. В наших руках сделать это время ещё более ёмким. Итак, я предлагаю...

Ольсен сделал паузу, обвёл взглядом экраны, с которых на него смотрело множество глаз (сам Ольсен сидел в своём бюро, перед экраном на стене против письменного стола), и продолжал:

— Первое: послать на Венеру специальные, особо точным образом нацеленные ракеты — станции наведения. Изготовить их с тройным запасом. Те, что попадут в цель наиболее верно, послужат для работы, остальные мы выключим. Станции наведения обеспечат правильную посадку всех прибывающих кораблей. Второе: корабли должны прибывать

по графику разгрузки и садиться на максимально удалённых друг от друга концах посадочного поля — этим мы обеспечим безопасность людей. Третье...

Ольсен перевёл дух, но голосом совершенно твёрдым закончил:

— Ввиду особой сложности операции я прошу руководство ею поручить мне. Я должен прибыть на Венеру первым и покинуть её последним, когда улетят все корабли. Но так как мне чрезвычайно важно быть и на старте — абсолютная точность всех операций на старте имеет решающее значение, — я прошу разрешить мне использование сверхскоростного полёта.

На людей, подключившихся к Залу Совета своими блоку-универсалами, смотрело с экранов лицо Ольсена: плотно сжатые губы, высокий лоб, светлые, почти прозрачные глаза. Нет, его решение не было порывом романтика. Он пришёл к нему на основе трезвого расчёта. Смелость, грандиозность идеи, её головокружительная фантастичность — всё это не подлежало даже рассмотрению. Так исключается всё конкретное при математическом абстрагировании. Остаётся чистая логика.

Это была уже самая настоящая сенсация. Миллионы людей следили за ходом заседания. И холодок пробежал по спинам даже самых смелых, самых закалённых. Сверхскоростной полёт человека в космосе... Этого ещё не бывало!

6

Ольсен мог бы ещё многое припомнить из этой эпопеи. Впрочем, она ещё не закончилась.

Ольсен словно очнулся. Он замечает, что Григорян смотрит на него с удивлением. Лирические паузы не в духе руководителя «СК». Ольсен окончательно возвращается к сегодняшним делам и спрашивает о прицельных ракетах.

Сорокин с испытательной станции и ещё два инженера объясняют, как удалось решить самую сложную проблему — самонаведения. Вся «начинка» этих кораблей, весь их груз состоит из навигационного оборудования. Собственно, у них ведь единственная задача — правильно сесть. Это как бы ги-

гантские вымпелы-ориентиры, забрасываемые на другую планету. Они будут подавать сигналы главному флоту.

Для прицельных ракет отведён отдельный космодром. Они стоят на просторном плато. К ним не разрешено приближаться никому. Исполинские тела укрыты чехлами. Тщательно настроенные, выверенные особым способом, они оберегаются от всяких внешних воздействий. Только приборы ведут за ними непрерывное наблюдение. В рассчитанный момент чехлы будут сброшены, и станции наведения первыми откроют навигацию. Сорок восемь часов спустя будут стартовать пассажирские корабли. А спустя ещё сутки начнут отправляться в космос грузовые ракеты.

Остаётся осмотреть ещё одно сооружение. Его, собственно, нельзя даже назвать космодромом. Здесь не стоит, а лежит на наклонной эстакаде всего одна ракета. Она не похожа на все другие корабли. Очень длинная, напоминающая сильно увеличенную иглу. В нижней её части — пояс из множества цилиндров. Она взлетит при помощи этих вспомогательных ракет по касательной, а затем включатся основные двигатели. Многоступенчатые ракеты когда-то проложили путь в космос, и этот принцип человек сохранил в испытательных кораблях, с помощью которых стремится достичь максимальной скорости. Ракета, на которую смотрят сейчас люди, предназначена для рекордов. Человек в ней ещё не летал. Теперь полетит Ольсен. Его предшественниками были собаки, кролик и обезьяна. Никто из них не вернулся на Землю или на Луну. Новейшая сверхскоростная ракета ещё не умеет возвращаться. Она никогда раньше не садилась на другие планеты. Эта сделает первую попытку.

Почему Контроль безопасности согласился на этот скоростной рывок в космос? Не только потому, что доводы Ольсена показались убедительными. Сыграло роль и другое соображение: сверхскоростной снаряд способен достичь Венеры и на большем её удалении от Земли. Значит, если расчёты инженеров оправдаются и полёт пройдёт удачно, а конструкторы убеждены в этом, то в экстренном случае на Венеру могут быть впоследствии посланы люди и до истечения трёх с

половиной лет. Соображение веское! Тридцать семь человек в случае нужды смогут получить помощь с Земли.

Ольсен думает о том, что произойдёт, если расчёты инженеров не оправдаются. Тогда это долговязое сооружение здорово его подведёт. Конечно, по правилам полагается сначала испытать ракету в посадке без человека. Но нет времени. Да и не первый день человечество занимается конструированием космических снарядов.

Ольсен смотрит на часы. Ещё много работы. Не все корабли загружены. Некоторые грузы прибывают в самый последний момент. Проклятая астрономия! Нет возможности заблаговременно, не спеша, всё обстоятельно подготовить и тысячу раз проверить. «Проклятая астрономия! Нет возможности заблаговременно, не спеша, все обстоятельно подготовить и тысячу раз проверить. Техника отстаёт, — думает он. — Новейшие корабли привязаны к твёрдым орбитам, как и самые первые. Когда-нибудь будет же человек летать, когда захочет и куда захочет?!»

Они спускаются вниз. Ольсен садится за стол, вызывает заводы.

7

Вот он, наконец, долгожданный миг! «Невиданная по масштабам межпланетная операция!», «Первое постоянное поселение людей на Венере!», «Космический флот стартует!» Заголовки и сообщения газет и радио подчёркивают значимость события. Телепередачи показывают во всех деталях этот исторический шаг человечества. Когда-нибудь этот день будет занесён и в анналы венерианцев.

Ольсен с ближайшими помощниками — на командном пункте в Лунограде. На экранах они видят сразу всё, что происходит в их огромном хозяйстве.

То с одного, то с другого космодрома стоявший с краю корабль вдруг трогался с места: не сразу набирая высоту, он висел некоторое время в пространстве, окутанный клубами дыма и пыли, потом с быстро возрастающей скоростью устремлялся ввысь. Огненный султан был виден и после того,

как сам корабль исчезал. Он уменьшался, превращался в светлую точку и таял.

— Тридцать четвёртый идёт по курсу, — докладывала Пулковская радаробсерватория.

— Приборы показывают отклонение тридцать пятого — три десятитысячных, — сообщила станция приёма радиодонесений на Луне. — Отклонение уменьшается, — добавляла она. — Тридцать пятый идёт по своей орбите.

Ольсену не приходится даже шевелить пальцами. Он сидит и смотрит. Слушает, потом вызывает ведущего инженера по космонавтике:

— Почему корабли не сразу ложатся на маршрут? У половины отклонения в самом начале.

— Это предусмотрено, — успокаивает его мягкий голос. — Прицеливание прямо с места старта очень трудно. Тем более на такой дистанции. Мы усилили управляющие полётом устройства. Так вернее. Наши «пули» летят тем точнее, чем ближе к цели. Что вы волнуетесь? — добавляет инженер уже неофициально. — Ведь пристрелочные ракеты вышли на орбиты очень точно. Они подведут корабли к месту посадки. Лишь бы те не вышли из зоны наведения. Но этого не может случиться.

Ольсен всё же волнуется. Сейчас, когда он почти ничего уже не может предпринять, он начинает испытывать нечто вроде лихорадки. Тот самый Ольсен, которого назначили на этот пост за несокрушимое хладнокровие и выдержку! Только работа может вернуть ему нормальное состояние. И он уходит в тысячи дел, готовя каждый корабль к отправке как родного сына. Конечно, это уже второстепенные заботы. Вроде: «Застегни воротник, а то простудишься!» Главное определено. Железный график действует, и корабли в заранее разработанном порядке то там, то здесь срываются в космос. Он словно стоит у гигантского конвейера, движение которого не в силах изменить.

Первыми после прицельных ракет ушли пассажирские корабли. Люди улетали весело, счастливо возбуждённые, довольные предстоящим делом, тем, что выбор пал на них. Меньше всего они думали об опасностях в полёте. Там, на

Венере, да. Глаза их разгорались от предвкушения неизведанного, с которым они встретятся на нехоженных тропах далёкой планеты. В пути же всё пройдёт как надо. Ведь тысячи людей готовили ракеты, рассчитывали и регулировали каждый винт. И во главе этих тысяч — знаменитый организатор космических полётов, ничего не забывающий, ничего не упускающий, всё помнящий и всё предусматривающий Ольсен. На всем пути к Венере их будет нести не только сила двигателей, но и заботливая мысль Ольсена.

— На ребят Ольсена можно положиться!

О, сколько раз он слышал эту фразу! Ольсен чувствует, как испарина выступает у него на лбу. Слабость? Ощущение ответственности знакомо ему. Может быть, просто устал.

Корабли уходят в космос...

Восьмой день группа Ольсена, да и он сам не отлучаются от своих рабочих мест. Отдых, чтение, спорт, беседы на посторонние темы — ничего этого они не знают. Только сон: три часа в сутки, строго регламентированные, контролируемые электрическим прибором. Без сновидений, без мыслей — полный отдых мозгу. Они сами точно находятся сейчас в ответственной экспедиции.

...Корабли уходят в космос.

— Всё в порядке! Всё в порядке! Всё в порядке? — радуют, сообщают, доносят со всех сторон. Это всё итоги работы, проделанной дружным коллективом «СК».

Пустеют космодромы. Поредевшие ракеты торчат, какobelisks, как памятники человеческому устремлению вперёд. И чем больше кораблей уходит с космодромов, тем спокойнее на душе Ольсена. Инженеры «СК» успевают проанализировать старт первых, чтобы внести какие-то изменения в технику отправления последующих.

Последний грузовоз с трёхзначным номером берёт старт. Все испытывают облегчение: этот уже не сможет выкинуть никакого номера. На крайний случай в распоряжении организации «СК» есть запасные корабли с тем же грузом горючего.

Ольсен совещается с товарищами и принимает решение: все запасные грузовозы с горючим послать на Венеру. Зачем

держат запас на Луне? Вдруг не дойдёт до цели или совершит неудачную посадку как раз корабль с горючим. Или часть горючего, предназначенного на обратный путь, подвергнется изменениям за те три с половиной года, что будет храниться на Венере. Пусть лучше запас будет там. Григорян отправит эти ракеты самостоятельно.

Всё. Теперь Ольсен абсолютно спокоен.

В таком состоянии он покидает командный пункт. Не плохо немного размяться. Он выключает механизм движущейся ленты и идёт по коридору. Ему кажется в этот миг, что забота об экономии сил людей на Луне доходит до смешного. Точно какой-нибудь местный Ольсен постарался.

...Проходят сутки. И снова он шагает, но теперь уже не спеша, наслаждаясь, точно смакуя каждое своё движение. Нескоро ему придётся так работать ногами: в сверхскоростной ракете никаких удобств — по сравнению, конечно, с теми комфортабельными кораблями, на которых улетела Девятая экспедиция. Испытательная ракета только в самый последний момент приспособлена для перевозки человека. Даже маршрут её, подготовленный давно, изменили лишь частично.

В вестибюле вокзала он выпивает, не торопясь, бокал лунного коктейля. Ощущение радости жизни обрушивается на него, как дождь. Ему хочется танцевать. Всё отлично!

Провожаящие окружают Ольсена. Все хотят пожать ему руку, сейчас, пока это ещё можно сделать по-земному, ощутив теплоту человеческих пальцев. Григорян, Сорокин, Алик, во взгляде которого Ольсен читает нескрываемое восхищение... Кажется, в глазах этого мальчика он, Ольсен, выглядит сейчас героем — по всем законам юношеской романтики.

Все садятся в лунолёт. Конечно, приходится надевать скафандры. Кратковременное путешествие в недалёкое прошлое. Что поделаешь! Не всё ново на Луне. Лунолёт мчится рывками, подпрыгивая на невидимых ухабах. Взбрыкнув в последний раз, он как вкопанный останавливается у эстакады. Лифт поднимает всех на узенькую площадку с перилами в виде решётки.

Нужно пройти по ней вдоль ракеты, уложенной на эстакаде, туда, к головной части. Спутники Ольсена осторожно ведут его, словно он какое-нибудь хрупкое создание. Он кротко выслушивает последние предостережения, последние наставления. Ольсен улыбается. За этот полёт отвечают другие — вот эти милые сердечные люди, что так беспокоятся и явно волнуются. Это первый в его жизни полёт, который его лично совершенно не беспокоит.

Уже в кабине, без скафандра, сидя в кресле сверхмощной конструкции, напоминающей лафет артиллерийского орудия, он вспоминает, что забыл сказать об одной интересной идее Коробову. «Впрочем, успею, — думает он тут же. — Ведь я раньше него окажусь на Венере. Удивительная это вещь — современная техника! — приходит ему в голову. — Получается что-то вроде путешествия во времени».

— Приготовиться! — раздаётся спокойный механический голос.

Кресло, в котором он сидит, начинает запрокидываться, разгибаясь в могучих шарнирах, мягкие обхваты настойчиво придают телу Ольсена нужное положение. Он лежит на пружинном плоту, плавающем на чём-то. Залп!

Ему кажется, что ракета соскользнула с эстакады и падает в бездонную пропасть. Секунда, другая...

Страшная сила вдруг вдавликает его в пружины кресла. В глазах Ольсена идут круги. «Как же собаки?» — мелькает в его мозгу, и он теряет сознание. Он приходит в себя лишь после того, как сработала последняя стартовая ступень. Прозрачная туба с каким-то напитком оказывается около его губ. Он жадно пьёт. Ольсен всё ещё лежит. «Собаки проходили тренировку, — мелькает в его мозгу окончание мысли, которая беспокоила его. — И, конечно, более основательную, чем я». Наконец он соображает, что плот так и не превратится в кресло, если не нажать какую-то кнопку. Он отдыхает ещё с полчаса и нажимает её.

Всё. Он сидит в кресле. Ракета мчится со страшной скоростью, развитой в результате тройного толчка. Потом будут ещё толчки, ещё ускорения. Но это впереди. У ракеты необычный маршрут: она сначала удаляется от Солнца, а потом

летит к Венере. Ведь это испытательная ракета, и она выполняет свою программу. Повороты в космосе и на больших скоростях — это ещё предстоит испытать Ольсену.

...Гаснет свет. Открывается металлическая заслонка, и круглый луч врывается в ракету через иллюминатор. Он совсем маленький. Чуть меньше человеческого лица. Ольсен приникает к окошку в мир.

Земли не видно. Она где-то позади. Солнце сбоку. Его лучи сияют на остром носу ракеты, который можно увидеть, если прижаться плотнее к иллюминатору и скосить глаза.

Но что это там впереди? Звёздочка. Сверкающая, быстро приближающаяся. Ольсен не может нагнать ракеты, отправленные им на Венеру. Они идут по другим трассам. Что же это такое?

Звёздочка летит прямо на Ольсена. Метеорит? Вот это нечто сверкает прямо перед глазами Ольсена. И тут Ольсен начинает понимать, что это нечто вовсе не летит навстречу, он, Ольсен, нагоняет его, и второе... Ну, конечно же. Сердце у Ольсена подпрыгивает и начинает стучать взволнованно-торжественно... Какая встреча! Первая ракета, чуть ли не сто лет назад запущенная людьми в космос, — первая искусственная планета. Она продолжает свой путь вокруг Солнца, вечный памятник дерзновенной человеческой мысли. Первая и непревзойдённая, какие бы ракеты ни создавались после.

В технике ли, в жизни ли людей первый шаг всегда самый трудный. Первая страна социализма послала эту планету. И она как бы вознесла над миром слово: «Коммунизм».

И вот оно пришло, грядущее! Какое удачное совпадение: рейс скоростной ракеты на Венеру совпал с приближением к Земле первой планеты, созданной людьми. Сверкнув в глазах Ольсена и исчезнув, она словно передала ему напутствие людей, чьими усилиями создан весь тот мир, в котором живут Ольсен и миллиарды его современников.

Минуту, другую Ольсен охвачен глубоким раздумьем. Никогда ещё он не чувствовал так остро ход истории. Романтика? Значит, всё-таки она есть, эта романтика!

Наконец Ольсен словно приходит в себя. Он видит за стеклом иллюминатора опустевшее пространство. Внутри кабины полумрак. Он включает свет.

«Надо посоветоваться с Коробовым, — соображает Ольсен. — Может быть, часть грузовозов оставить на Венере. Ведь наверняка будут разные материалы, добытые экспедицией за три с половиной года. Надо их как-то перебрасывать. Да и вообще, пожалуй, гонять корабли порожняком не очень здорово. Надо их все загрузить, — решает он, — оставить всё на Венере. Но ведь тогда, — думает он тут же, — придётся организовать старт с Венеры. Сделать это должен кто-то опытный в таких делах. Гм! Не остаться ли на Венере? Или прилететь снова на сверхскоростной незадолго перед стартом?»

Сидеть в бездействии он, Ольсен, не может. Надо обдумать всё. Сверхскоростная ракета превращается для Ольсена в рабочий кабинет. Он работает, изредка выключая свет и поглядывая в окошко. Звёзды смотрят на человека, словно удивляясь, что он тут делает.

Знают ли они, что это один из разведчиков бесчисленной армии пытливых исследователей природы с планеты Земля?

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРУГЛОГОЛОВЫХ

(НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ)

В. САПАРИН

Рисунки П. Кирличева.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Венера! Самая близкая к Земле планета и по расстоянию, и по размерам, и по наличию атмосферы... Самая близкая, самая похожая и всё же неразгаданная. Мы не знаем наверняка, есть ли на ней моря и горы. Плотные облака прячут поверхность Венеры. Правда, луч радиолокатора уже коснулся её, а инфракрасные лучи пробились сквозь облачную толщу и сфотографировали тёмные пятна. Что это? Материки? Моря? Опять не знаем. Мы не знаем и точного состава воздушной оболочки Венеры. Уже довольно давно открыт в ней углекислый газ. Совсем недавно открыт азот. Его присутствие выдал нам зеленоватый мерцающий свет полярных сияний Венеры. А есть ли кислород? Не знаем...

Раз есть полярные сияния, значит, есть и магнитное поле. Это учёные Земли могут сказать, зная свою планету. Точно так же они могут, сидя в земных институтах и обсерваториях, «рассчитать» климат Венеры. Он очень жаркий. Ведь сестра Земли в полтора раза ближе к Солнцу. И страшные грозы венерианского неба можно угадать с Земли и невиданные у нас магнитные бури.

О Венере известно слишком мало для строгих научных ответов на все «отчего» и «почему». И достаточно много, чтобы фантазия писателя могла нарисовать картину далёкого, загадочного мира. Сколько космических кораблей уже долетело до Венеры в научно-фантастических романах! И каждый автор открыл иную, свою Венеру.

Писатель Виктор Степанович Сапарин снова ведёт нас на планету загадок. «Возвращение круглоголовых» является продолжением другого написанного им рассказа, «Небесная кулу». В том рассказе учёные, прилетевшие на Венеру с Земли, догадываются о существовании разумных обитателей этой планеты по дроптику, найденному в теле гигантского ящера — кулу.

Люди Венеры, именующие себя «коу», находятся на первобытной ступени развития. Племя, которым управляет старик Хи, совершает нападение на экспедицию, чтобы истребить «круглоголовых», «небесных коу». Захваченные

врасплох, космонавты с трудом избавляются от опасности и улетают на Землю. Из всего племени только юноша Лоо жалеет об отлёте круглоголовых. Пробуждающийся разум Лоо беспокойно ищет знания, властно ведёт его к людям Земли. Что случилось дальше, вы прочитаете на этих страницах.

1

Кулу закричала так, что у всех зазвенело в ушах. Она словно звала подмогу с неба, а потом выпустила ослепительный хвост, на который больно было смотреть. Даже старому Хц стало страшно. Что касается остальных, то все присели, выронив из рук летающие жала. Быр, самый сильный, охватил голову перепончатыми лапами и зажмурился. Это было так же страшно, как тогда, когда кулу впервые появилась из облаков. Тогда охотники попрятались в воду и долго боялись высовывать головы. Только Лоо стоял во весь рост, с широко открытыми глазами.

Но тут кулу исчезла в облаках. Её громкий плач сначала ещё был слышен, багровое пятно светилось, бледнея на облачном небе, потом всё пропало. Охотники вскочили и, издавая крики ликования, принялись приплясывать. Победа! Пришельцы — круглоголовые — испугались хитрых, смелых, сильных охотников стада Хц. А небесная кулу, о толстую кожу которой ломались самые острые летающие жала, всё-таки была ранена; потому она и кричала.

Они ещё некоторое время ходили по холму, на котором стояла кулу, и разглядывали следы, отпечатавшиеся на влажной почве. В том месте, которого коснулось дыхание небесной кулу, бурая земля спеклась и стала твёрдой, как камень. Охотники подобрали свои летающие жала. Хц, к своему удивлению, нашёл даже то жало, что стащили круглоголовые; он узнал его по насечкам на древке. Вероятно, дикие пришельцы со страха обронули его.

Вдруг Хц увидел в руках Лоо блестящую кость. Это была та кость, которая метала молнии, когда ею размахивал один из круглоголовых. Лоо уже пытался один раз завладеть ею, но она укусила его. Теперь он опять вертел её в руках.

— Волшебная кость, — сказал Лоо.

— Дай, — приказал Хц.

Но Лоо не спешил расставаться с находкой.

— Дай, — повторил Хц и длинной своей лапой ухватился за кость.

Лоо, вместо того чтобы разжать пальцы, потянул кость к себе. Он был сильнее.

— Ха! — раздался всеобщий возглас ужаса. Никто никогда не пускал в ход силу против Хц.

Быр бросился к Лоо, чтобы отнять кость. Синяя молния блеснула ему навстречу. Быр упал. Молния задела ещё двоих из стада.

Пальцы Лоо ослабли, и Хц выдернул кость. Он тихонько погладил её, чтобы она не сердилась больше, и приказал всем собираться. Однако прошло довольно много времени, прежде чем Быр сумел стать на ноги. Дрожь прошла по его телу, мышцы словно просыпались от глубокого сна.

Хц рассказывал, как прогнали круглоголовых.

По дороге к Большим пещерам Лоо всё время оглядывался в сторону холма. Это раздражало Хц. Вообще поведение Лоо вызывало у него острое недовольство. Лоо прервал речь, которую Хц держал к сородичам, когда узнал, что появились круглоголовые. Потом он самовольно вышел из кустов, хотя Хц приказал всем охотникам сидеть в засаде. И вот опять!

Когда пришли к Большим пещерам, Хц принялся рассказывать, как прогнали круглоголовых. Он жестикулировал, изображал крайнее презрение, описывая круглоголовых, и выпрямлялся с гордым видом, когда речь шла о подвигах охотников. Показывая, как охотники сидели в засаде, он оттопыривал клапаны носа и жадно втягивал в себя воображаемые запахи. Потом делал скачок вперёд и взмахивал рукой, словно кидал летающее жало.

Лоо, конечно, не утерпел и снова вмешался.

— Небесная кулу, — бормотал он. — Небесные коу.

Хц хотел оборвать его, но раздумал и промолчал: пусть все смотрят. Пусть увидят, какой это жалкий невежда.

— Они вернутся! — выкрикнул вдруг Лоо. — Небесные коу вернутся!

— Ха, — сказал Хц с презрением. — Они не вернутся.

И все повторяли с презрением:

— Ха!

Лоо почувствовал, что это «ха!» обращено и против него. Хитрый Хц, он нарочно так подстроил!

Но в самом деле, почему Лоо решил, что круглоголовые вернутся? Он вряд ли сам знал почему. Скорее всего ему просто хотелось, чтобы так было.

Хц между тем заканчивал рассказ. Люди стада от удовольствия и наслаждения вздрагивали шкурой, покрытой густой шерстью, и переступали большими перепончатыми ступнями. Даже охотники, принимавшие участие в схватке с круглоголовыми, слушали с интересом, узнавая много нового для себя. Каждый помнил лишь то, что случилось с ним, а общего хода схватки большинство не представляло. Хц видел всё: он распоряжался сражением, наблюдая со стороны.

Только Лоо казалось, что всё было не так, как рассказывает Хц. Небесные коу и не собирались нападать а людей стада Хц. Наоборот: охотники набросились на пришельцев и по команде Хц стали бросать летающие жала. Ни одно жало не вернулось обратно. Хц говорит: потому что дикие круглоголовые не умеют обращаться с летающими жалами. Правда, они метали молнии, но ни одна из них не поразила нападающих. Молнии сверкали над головами охотников, словно напоминая, что небесные коу могут и рассердиться. Небесная кость укусила охотников только после того, как попала к ним в руки. Значит, ей не понравилось здесь, она хотела вернуться к небесным людям.

Случившееся было так не похоже на повседневную жизнь Лоо и его сородичей! Жаль только, что Лоо слишком недолго видел круглоголовых. Он хотел бы рассмотреть их получше. Всё это смутно шевелилось в его голове. Но он не знал, как высказать свои мысли, и продолжал беспомощно переступать с ноги на ногу.

В глазах остальных всё выглядело гораздо проще.

Те, что находились у Больших пещер, вообще ничего не видели. Охотники же, принимавшие участие в схватке, без раздумий приняли толкования Хц. Это были сильные люди, может быть, самые крепкие среди остальных, но они охотно предоставляли старому, хитрому Хц думать за них.

А Лоо хотел думать сам. Он даже потёр свою обросшую гладкой шерстью голову, в которой, словно кичи, втягивающие и выпускающие свои щупальца на дне мутной лужи, копошились неясные образы.

Лоо теперь много думал. Он сам удивлялся мыслям, которые стали приходить ему в голову. Так, он вдруг снова подумал: а почему Хц взял волшебную кость и носит её с собой? Ведь нашёл её Лоо. И кость, когда её стали отнимать у Лоо, укусила не его, а Быра и других охотников. Значит, ей понравилось быть у Лоо.

Все были заняты углублением пещер. Одни рыли мягкую глину, другие выносили её. Взамен прикатывали камни с озера и укладывали вдоль стен.

Хц — он теперь проявлял повышенный интерес к молодому охотнику — приказал Лоо лезть в самый дальний, самый низкий и тёмный конец большой пещеры. Пусть Лоо копает там.

Лоо не боялся синей глины, хотя случалось не раз, что она, дохнув так, что шерсть вставала дыбом, клала тяжёлую лапу на спины копающих. От этого седой Мбаэ давно ходит с погнутой спиной. А некоторых выкапывали из синей глины уже холодными. Синяя глина забирала у них жизнь.

Но последнее время Лоо не хотелось слушаться Хц. Почему надо исполнять то, что он приказывает?

Почему Лоо не может сказать Хц: пойди и копай в том углу?

Лоо вдруг сказал:

— Отдай кость!

— Кость? — удивился Хц. И, догадавшись, в чём дело, спокойно ответил: — Кость волшебная. Она принадлежит мне.

Трое или четверо из стада, услышав разговор, кивнули головой.

Нет, никогда никто в стаде не будет слушать Лоо.

Хц между тем поднял руку, и все послушно остановились.

— Он боится! — сказал Хц, ткнув костлявой ручищей в грудь Лоо.

— Ха! — Лохматые, толстоногие, с согнутыми спинами сородичи Лоо уставились на него круглыми, неморгающими глазами.

Точно какая-то сила выпрямила Лоо. Он поднял голову так, что видел теперь только облака, сияющие розовым и фиолетовым. Ни на кого не глядя, он пошёл к пещере, разинувшей навстречу ему свой зев. Он шёл так, не сгибаясь, пока голова его не упёрлась в потолок. Тогда он опустился на четвереньки (только при рытье пещер разрешалось это унижительное положение) и пополз в глубь самого длинного ответвления. После нескольких поворотов Лоо очутился в полной тьме и в такой тесноте, что едва мог пошевелиться. Он

принялся копать, запуская растопыренные пальцы в мягкую глину.

Он копал, ни о чём уже не думая. Вдруг глина позади него тяжело вздохнула, и он почувствовал, что кто-то дунул ему в спину против шерсти. Ему стало трудно дышать. Он даже не мог обернуться, чтобы узнать, что случилось. Да это и не было нужно. Комочки сырой глины с тихим шорохом сыпались ещё некоторое время позади. В ужасе Лоо рванулся вперёд и упёрся головой в ту же глину.

Лоо хотел крикнуть, но крика не было. Голос тоже словно упёрся в глину. Тогда Лоо принялся яростно копать. Несколько раз он дёргал ноги, чтобы продвинуться вперёд, но сзади их кто-то крепко держал. Наконец он рванулся всем телом, одна нога с громким чавкающим звуком освободилась. Он упёрся ею в какой-то выступ и, напрягая все силы, медленно вытащил из вязкого плена вторую ногу.

Он прополз немногим больше длины локтя, как впереди снова оказалась липкая стена. Дышать стало совсем тяжело. Он скрёб когтями, но не мог отколупнуть ни крошки. Потом всё исчезло.

2

Все видели, как Лоо вошёл в пещеру. Когда двое или трое пошли следом, чтобы уносить выкопанную глину, Лоо в пещере не оказалось. Хц запретил искать его. Он сказал, что бездельник Лоо, не желая работать, ушёл вглубь горы.

Хц деловито распоряжался, заставляя стадо укреплять пещеру. Стены пещеры обкладывали большими камнями, такими большими, что лишь силачи, соединившись по двое или трое, могли сдвинуть их с места.

Хц торопил. К началу Больших дождей всё должно быть закончено.

Первый ливень хлынул, когда оставалось доделать совсем пустяки. Никто не боялся воды. Но не раз случалось во время грозы, что упавшее дерево убивало кого-нибудь или охотника задевала молния, обронённая небесными коу. Поэтому все залезли в пещеры.

В самой большой из них собралось охотников двадцать, а может быть, и больше (дальше двадцати умел считать только Хц). Усевшись вокруг Хц, обхватив руками колени и положив на них широкие подбородки, они смотрели на входное отверстие, где вспыхивала завеса воды, освещаемая молниями. Грохот почти не умолкал. В короткие паузы слышались шум дождя, всхлипывание и стоны: почва с наслаждением купалась в воде.

И тут появился Лоо. Он внезапно вырос у входа, вымазанный глиной, со слипшейся шерстью.

Все увидели его при вспышке молнии.

— Ха! — воскликнули все.

Снова вспыхнула молния, но Лоо пропал, может быть, ушёл под дождь.

Хц встал с места, но в это время все снова увидели Лоо.

— Ха! — воскликнули сидевшие в пещере с удивлением и почти с ужасом.

Молния ударила где-то совсем рядом. Мокрый и блестящий, выпрямившийся во весь рост, Лоо казался красивым и сильным рядом со старым Хц. Свет померк, и все чуть не оглохли от грохота, хотя многие по привычке закрыли клапаны ушей.

При следующей вспышке все смотрели на Лоо, а не на Хц.

Лоо стоял молча, в голове его, словно при блеске молнии, пронеслось пережитое. Вот он охотится на кулу. Хочет взмахнуть рукой, чтобы бросить летающее жало, и не может. Кто-то невидимый и сильный держит его за руку. Он выдёргивает её и с ужасом чувствует, что лежит закопанный. Что это — продолжение сна? Тяжело дышать, кто-то сел на грудь, сдавливает горло. Вдруг Лоо понимает всё: пещера, синяя глина! Что-то холодное, влажное касается его лица, медленно вытирает его. Лоо приятно, он в полусознании. Потом свежий воздух совсем слабым дуновением доходит откуда-то, и Лоо начинает приходить в себя.

Машинальным движением руки он хватается влажное и скользкое, тянет к себе. Упругое, но в то же время мягкое и податливое тело старается ускользнуть. В Лоо пробуждается

инстинкт охотника. Он обеими руками вытаскивает ушедшего в земляную нору длинного, в рост Лоо, и толстого, как его рука, шоши. Ход, который тот проделал в глине, пробираясь сюда с поверхности, спас Лоо. Он может теперь дышать. Но шоши можно съесть. Стадо лесных людей, которые не умеют делать летающие жала и едят только то, что поймают руками, считают шоши лакомством. Да и люди стада Хц с удовольствием едят длинного мягкого червя. Лоо разорвал шоши на много кусков.

Подкрепившись, Лоо снова принялся копать. Прошло довольно много времени, прежде чем он догадался, что копает вглубь горы. Зато с того момента, когда он с трудом повернулся в тесноте и начал вести ход в противоположном направлении, Лоо почувствовал в себе новую силу, более могучую, чем сила его рук и ног. Это была сила крепнущего разума. Ведь никто не мог дать ему здесь совета. Никто не приказывал: он додумался до всего сам.

Когда, наконец, он выбрался наружу, всё окутывал мрак, густой, словно синяя глина. За грохотом молний и шумом дождя его шагов никто не слышал. Его увидели только, когда он тенью возник у входа. О, с каким упоением подставил он тело под струи воды! Открыв клапаны ноздрей, он жадно втягивал запах мокрой земли и дождевых капель.

И вот он стоит перед своими сородичами.

Как много мог бы рассказать Лоо! Но, вероятно, даже у самого Хц не хватило бы слов. А у Лоо их ещё меньше: смущённый и подавленный, он переступает с ноги на ногу. Потом при свете молнии он видит Хц. И снова неожиданно для самого себя произносит:

— Отдай кость!

Все смотрят на Хц. Смотрят так, словно он должен выполнить требование Лоо.

Хц понимает. Он говорит:

— Возьми!

И отдаёт кость.

За всю свою долгую жизнь Хц не знал случая, чтобы небесные коу теряли волшебную кость. И он не слышал ни о чём подобном от тех, кто были стариками до него. Но теперь,

раз уж так произошло, небесные коу, конечно, не успокоятся, пока не получат кость обратно. Круглоголовым она досталась случайно, и те не могли удержать её: кость сердилась, гремела и метала молнии. Потом ею завладел Лоо и поплатился. Когда Лоо упал от удара молнии, Хц, наблюдавший из засады в кустах, решил, что наглецу пришёл конец. И был рад. Но Лоо очнулся. Он здоров и крепок, как молодая кулу. Ну что ж, пусть он теперь накликает снова гнев небесных коу на свою упрямую голову.

Хц повеселел. Но все глядели на Лоо с таким почтением, что хорошее настроение вожака сразу пропало.

— Вернувшийся из горы, — перешёптывались вокруг с оттенком страха и уважения.

С этого дня отношения между Лоо и Хц совсем изменились. Лоо не повиновался приказаниям Хц и делал только то, что хотел. Правда, по привычке он продолжал принимать участие в общей работе. Но порой Лоо вдруг останавливался и подолгу стоял, не видя, не слыша, не замечая ничего вокруг. Он морщил кожу на голове, словно отгонял насекомых, и тёр её могучей рукой, словно после ушиба, и можно было догадаться, что он напряжённо думает. О чём? Хц с невольным страхом следил за Лоо. Но тот, очнувшись, с удивлённым видом смотрел вокруг себя, затем присоединялся к остальным. И ещё заметил старый Хц: Лоо теперь ничего не боялся. Конечно, были и другие смелые охотники, но смелость Лоо была какой-то иной. И она не нравилась старому Хц.

Постепенно все начали забывать о встрече с круглоголовыми. Их прогнали, они позорно бежали. Но круглоголовые напомнили о себе через три времени Больших дождей.

Все находились у пещер, когда в облаках раздался страшный грохот. Казалось, сейчас обрушится небо. Небесная кулу вылетела из облаков, длинная, гораздо длиннее той, первой, и промчалась низко, прямо над пещерами. Она исчезла в зарослях, окружавших Большую воду, и тут голос её изменился. Она ревела за лесом, словно ушиблась обо что-то, потом стала захлёбываться, заворчала и умолкла.

Хц нахмурился.

— Они вернулись, — озабоченно сказал он. — Они вернулись, чтобы напасть на нас.

И он запретил всем отходить от пещер. Ведь в далёком прошлом было уже так, что охотники Хц поссорились с другими двуногими и те напали на них. Хц и его сородичам пришлось удалиться, хотя те, другие, были пришельцы. Так они очутились здесь, у Больших пещер.

...Прошло немного времени, и снова дикий рёв разнёсся по окрестностям. Все поняли, что это другая кулу, потому что голос у неё был другой. Эта не ревела, а визжала, и она тоже вскоре замолкла, как и первая. Её никто не видел, но голос был слышен в той же стороне, где исчезла первая кулу. Может, она звала первую? Хц послал двух охотников посмотреть, что делают небесные кулу.

Лоо, не спрашивая позволения, отправился тоже.

Они шли долго, прежде чем увидели небесную кулу. Она уткнулась носом в воду, торчала только задняя половина. Далеко, там, где небо сходилось с болотом, виднелась другая кулу, казавшаяся отсюда маленькой. Эта, наоборот, хвостом ушла в почву, а морда её смотрела в облака.

Пока охотники, стоя на вершине холма, разглядывали обеих кулу, послышался новый грохот. Из облаков выскочила ещё одна кулу и врезалась в глину. Она продолжала реветь не умолкая. Потом толчками стала всё глубже впихиваться в мягкую, разбухшую почву. Под конец длинный, нестерпимо светящийся хвост протянулся до самых облаков, оставшаяся снаружи часть кулу с грохотом разметалась во все стороны, и всё стихло. Только шипел кусок кулу, упавший в лужу, неподалёку от охотников. Охотники стояли, окаменев от страха.

Из воды, неподалёку от того места, где упал другой обломок, выскочила обыкновенная кулу. Опираясь на массивный зад, она посидела немного, повертела маленькой головкой на длинной шее. Потом, переваливаясь на толстых, как брёвна, задних ногах, поспешила подальше от опасного места. Огромная по сравнению с охотниками, она казалась совсем маленькой против небесных кулу.

Глядя на улепётывающую кулу, охотники почувствовали, что она показывает им, что надо делать. Торопливо подо-

брав летающие жала, они побежали прямо по её следам, отпечатавшимся на сырой глине. Кулу добралась до воды, плюхнулась в неё с размаху, поднимая волны и брызги, села на дно и высунула наружу маленькую голову, похожую на бутон гигантского цветка.

Охотники поплыли к дому.

Охотники увидели, как из облаков высочила еще одна кулу.

3

— По-прежнему никаких сигналов от Ольсена, — коротко сообщил Гарги.

— А ракеты — станции наведения?

— Одна, видимо, разбилась. Четыре действуют. Ещё одну, которая села слишком далеко от остальных, мы выключили.

Коробов подумал с минуту.

— Переведите одну из четырёх в запас. Трёх достаточно для посадки.

Нгарроба взглянул через иллюминатор.

— Что-то там не так, — заметил он. — Пршлый раз мы садились лучше.

— Положим, и тогда не прошло гладко. — Коробов пожал плечами. — Кроме того, мы садились на планету вообще. В средних широтах — и всё. А сейчас ищем место с точным

адресом. И прибываем не одни, а целым караваном, с багажом в сотне грузовых ракет.

— Да, идея открыть на Венере постоянную научную станцию грандиозна, — задумчиво произнёс Гарги. — И по масштабам и по смелости. А помните, Нгарроба, как вы хотели захватить одного из обитателей Венеры, того малого, что завладел электропистолетом Коробова, и привезти его на Землю?

— Ну что ж, — откликнулся Нгарроба, — это было тоже смелое решение. Но вы меня удержали. — Он рассмеялся. — А хотел бы я с ним встретиться ещё. Прошлый раз полного взаимопонимания с жителями Венеры мы не достигли, надо сознаться.

С лица Коробова не сходило выражение озабоченности. Ольсен, отправивший всю армаду в путь и вылетевший затем на сверхскоростной ракете, чтобы прибыть на Венеру первым, молчал вторые сутки. Конечно, связь в районе Венеры капризная. Но сигналы автоматических станций наведения, заброшенных на планету, доходят до головного пассажирского корабля.

Каждые десять минут дежурный докладывает обстановку. Но что может изменить сейчас начальник экспедиции? Автоматы подведут корабль почти вплотную к цели — лишь самые последние сотни или тысячи метров он будет сам управлять кораблём.

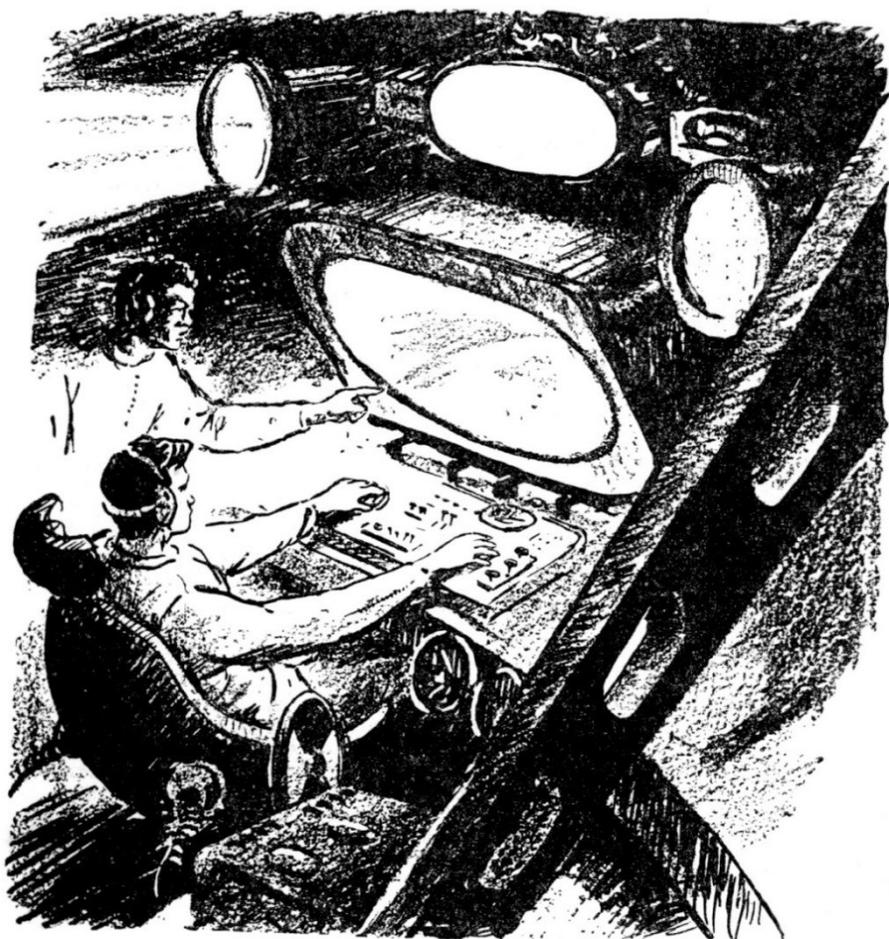
Коробов смотрел на планету, медленно вырастающую на лилово-чёрном небе. Часть неба, видимая в иллюминатор, всё уменьшалась. Наконец лишь тёмный ободок окружил ярко-голубой диск планеты. Затем её сияние заполнило всё окно. Включили оптические фильтры. На поверхности стали видны светлые и тёмные пятна, застывшие завихрения. Медленно перемещались облачные образования.

Тонкий долгожданный писк. Локаторы нащупали металлическое тело.

— Читайте, — голос Коробова звучит сухо.

— Одна, две, три... — докладывает Сун-лин. Он сейчас дежурный.

— Шесть!

Диск планеты ширился на экране телевизора.

Молчание. Сун-лин начинает считать заново.

— Шесть, — повторяет он, — шесть.

— Одна из пристрелочных, отлетела далеко, — говорит кто-то успокаивающе. — Локатор мог не нащупать её. Тогда счёт сходится.

— Начинаем торможение, — вмешивается равнодушный голос автомата. — Все по местам.

Коробов расслабляет мускулы и погружается в полузабытьё. Очень хитрое искусственное полузабытьё: десятки приборов, размещённых в одежде, следят за пульсом, крово-

обращением, положением внутренних органов, состоянием организма. И не просто следят, а принимают меры, чтобы сохранить условия биологического равновесия. Прошли времена, когда человек безоружный встречал страшную силу, которая сплющивала его, вдавливая в кресло, путала сознание. Первые полёты в космосе были поистине героическими. На этом мысль Коробова застопоривается. Электрогипноз делает своё дело.

Проходит какое-то время, не ощущаемое Коробовым, но строго отмеренное приборами, и в точно назначенное мгновение они снимают забытьё.

Никакой перегрузки нет. Он свободно двигает руками и может ходить.

— Берите управление в свои руки, — говорит автомат.

Корабль висит в воздухе. Тормозные двигатели уравнили его. В иллюминаторах ничего не различишь. Лиловый кисель, сплошная облачность.

Положив пальцы на клавиатуру управления, Коробов медленно перемещает корабль. По экрану локатора ползёт поверхность суши с языками заливов, пятнами зарослей, невысокими холмами. Вырисовывается предмет чуждых для живой природы строгих геометрических очертаний.

Ракета наведения!

Теперь Коробов ведёт корабль в другую сторону. Опять ракета.

Так же методично Коробов разыскивает третью космическую станцию наведения. Автоматы привели межпланетный корабль точно в центр образованного ими треугольника. Но не это занимает Коробова.

— Где ракета Ольсена?

— Надо делать посадку, — замечает Сун-лин. — Корабли, которые идут следом, не смогут финишировать, пока мы не сядем.

Туман в иллюминаторах исчезает. Свет, рассеянный, но яркий, проникает внутрь корабля, озаряет бурю поверхность планеты. Вода отсвечивает сиреневым.

Но тут автоматы, видимо решив, что дали людям достаточно времени действовать самостоятельно, снова берут управление.

— Девяносто девять, — объявляет холодный голос, — девяносто восемь, девяносто семь...

— Дифферент — шестьдесят пять градусов, — сообщает другой.

— Пора выпускать шасси, — подсказывает третий.

— Задняя пара выпущена, — докладывает четвёртый.

Автоматы правы. Сажать корабль — их дело.

Лёгкий, чуть заметный толчок. Кормовые ноги коснулись грунта. Сейчас они вдавливаются в него. Ракета, как кузнечик, опирается всей тяжестью на пару длинных кормовых ног. Потом она, всё больше наклоняя нос к линии горизонта, выпускает пару за парой растопыренные в стороны ноги. Некоторые проваливаются слишком глубоко. Ракета выдвигает их тогда на запасную длину. Другие, наоборот, она укорачивает. Но вот, наконец, корабль стоит строго горизонтально, похожий на многоножку, только с ногами разной длины.

Один за другим, надев скафандры, люди выходят наружу.

Откидывается грузовой люк, и под брюхом космического корабля появляется нечто напоминающее гигантскую черепаху.

«Лучший вездеход для Венеры, — рекомендовал его Ольсен. — Не боится синей глины».

Ох, уж эта синяя глина! Она дала себя знать первым исследователям планеты. Если на Марсе песок проваливался и осыпался под гусеницами, то здесь они скользили в сырой массе, похожей на мыло. Вездеходы часто не могли взять даже небольшого подъёма. Теперь «черепаха» повезёт космонавтов на розыски Ольсена.

Ветер, налетавший порывами, взлопачивал водную поверхность залива и заставлял людей пригибаться.

— Горин, вылетайте на разведку! — распорядился Коробов. — Возьмите вихрелёт. На вибролёте вас сдует, как бочку.

В «черепяху» сели пятеро.

— Шанцевый инструмент, — напомнил Сун-лин.

Шанцевый инструмент — очередная выдумка Ольсена. Космический корабль не всегда садится удачно — иногда приходится выравнивать грунт, чтобы установить его как следует; и при вылете случается нужда в такой работе.

С корабля, из открытого люка, оставшийся вахтенным Лыков сбросил землеройные приборы вместе с тонким гибким кабелем. Нгарроба запихнул их в багажник «черепяхи».

Вихрелёт круто взмыл и пошёл против ветра на стометровой высоте.

4

«Черепяха» зашевелила лапами с толстенными подушками присосов. В отличие от обычной черепахи она была шестиногой. Едва она пришла в движение, как позади корпуса забили три мощные воздушные струи, и «черепяха» довольно быстро двинулась по болотистому грунту.

Длинный залив преградил ей путь. Она плюхнулась в воду и, не сбавляя хода, поплыла. В кормовой части вместо воздухомётов теперь заработали водомёты.

Едва выбравшись на берег, путешественники натолкнулись на густые заросли.

Растения переплетались, словно гигантские проволочные заграждения, у которых «проволока» была толщиной в руку, а «колья» — в два-три обхвата. Местами они стояли густо, как забор, местами пересекали растительную паутину под всевозможными углами. Колючки самого разного размера, от штопальной иглы до штыка, торчали во все стороны.

Люди в кабине невольно поёжились.

— Давай напрямик, — послышался голос Горина в шлемофонах. — Полоса зарослей неширока.

— Попробуем ножницы? — предложил Гарги.

Коробов кивнул.

— Сбавьте ход, — попросил индеец.

«Черепяха» теперь ковыляла на своих лапах с неуклюжестью настоящего животного. Гарги надел перчатки управления ножницами. Он протянул руку вперёд, и, повторяя его

движение, «черепаха» выдвинула огромную клешню с массивными двухметровыми кусачками на конце.

Гарги сделал движение пальцами, и ножницы перекусили ствол, словно прут. Левая клешня с зубчатой поверхностью, подчиняясь движениям левой руки Гарги, схватила откушенную часть ствола и бросила в сторону. «Черепаха» медленно протискивалась в выстригаемый ход.

— Вижу ракету, — раздался взволнованный голос Горина. — Она затонула. Из воды торчит хвост. Я один ничего не могу сделать. Спешите!

Легко сказать: спешите! Древесные культяпки от состриженных стволов визжали, царапая борта. Наконец «черепаха» уткнулась в безнадежно спутанный клубок зарослей.

— Дайте я, — нетерпеливо сказал Нгарроба.

Ножницы перекусили колючий ствол...

Гарги отдал перчатки. Однако сила Нгарробы не давала ему тут никакого преимущества. Гибкие и тренированные пальцы — больше ничего не требовалось. Механизмы, казалось, даже мешали Нгарробе: ему хотелось растолкать стволы своими могучими плечами. Растения стояли так плотно, что между ними не оставалось щелей. Ножницы не могли протиснуться, чтобы захватить стволы.

— Придётся выжигать, — решил Коробов.

Нгарроба втянул клешни и снял перчатки.

В передней части «черепахи» стал медленно вращаться блестящий диск, из него вырвалось несколько тонких струй пламени.

— Наденьте очки, — предупредил Гарги.

Ослепительно белые струи прорезали сумрак чащи. Они прожигали стволы, как солому.

Люди наблюдали сквозь прозрачный фонарь, как вспыхивали ветви и раскалёнными концами тыкались в «черепаху». Установленные по бортам разбрызгиватели сеяли туман, гасивший пламя. Сун-лин вёл «черепаху» ускоренным ходом.

— Кончатся когда-нибудь заросли? — нервно сказал Гарги.

— Просто не понимаю, как местные жители пробираются в таких чащах, — покачал головой Варгаш, молчавший всё время. Он впервые был на Венере.

— Судя по строению их тела, они больше приспособлены для путешествий по воде, — отозвался Коробов.

Последний ствол, обуглившись, упал под брюхо «черепахи», и путешественники вырвались из зарослей. Впереди простирался узкий заболоченный берег, а дальше до самого горизонта тянулась водная гладь. На расстоянии двух-трёх километров косо торчал из воды хвост узкой и длинной ракеты. Над ней кружил вихрелёт, подобно шмелю над цветком.

Сун-лин включил водомёты, и «черепаха» поплыла к ракете. Волны подбрасывали её, но она плыла, перебирая собачьи лапами; это помогало ей удерживать равновесие.

Вблизи ракета напоминала покосившийся маяк. Волны плескались об неё. Путешественники обошли ракету со всех

сторон. Она основательно ушла в воду, а возможно, и в грунт носовой своей частью.

Вихрелёт, словно ястреб, описывал в небе круги.

— Что видите? — спросил Сун-Лин.

— Ни малейших признаков жизни, — ответил Горин.

— Погружение! — скомандовал Коробов.

«Черепаша» стала опускаться. Она обходила ракету, погружаясь с каждым витком всё глубже. Ни малейшего лучика не пробивалось изнутри космического корабля.

— Включите фары!

Тёмный корпус космического корабля засеребрился. Со дна поднялось тёмное тело, удивительно похожее на «черепашу», в которой сидели путешественники. Существо размером со стол, тёмно-зелёного цвета медленно приближалось, сверкая большими зелёными глазами. Самое удивительное, что у него оказалось шесть ног, как у металлической «родственницы», а спереди виднелись клешни. Существо постояло, медленно перебирая лапами, потом вдруг метнулось в сторону, причём путешественникам показалось, что сзади у него был водомёт.

— А вы знаете, ведь это жук! — сказал Гарги.

— Ух! — Нгарроба передёрнул плечами. — Знаете, когда я был мальчишкой, мне пришла как-то в голову мысль: что было бы, если бы пауки, жуки и гусеницы стали величиной с телёнка или корову? И вот, извольте, как раз такой экземпляр!

Сун-лин выключил лапы «черепашки». Теперь она плавно опускалась на дно. Облако мути всё же поднялось, когда она коснулась грунта.

— Дно илистое, — заметил Нгарроба. — Не удивительно, что ракета ушла в него так глубоко.

— Понятно, почему не было сигналов Ольсена, — проворчал Варгаш. — Радиоволны не проходят сквозь воду. И он не может без нашей помощи выйти наружу.

— Попробуем откопать!

Достали шанцевые инструменты и стали выбираться наружу. Сун-лин вонзил в грунт лопатку на тонкой длинной

рукоятке, и клубы ила повалили так густо, словно началось извержение подводного вулкана.

Нгарроба опустил на илистое дно винт с большими лопастями и осью в виде штопора. Тот закрутился с бешеной скоростью и поднял целый вихрь. Вокруг винта быстро образовался кратер. Он рос в глубину и расширялся, а порождавший его винт всё глубже и глубже вгрызался в дно.

Пелена мути повисла вокруг ракеты. Как сквозь туман, виднелся тускло поблёскивающий в лучах фар корпус, всё больше освобождавшийся от тёмной, обволакивающей его массы.

Время от времени путешественники передвигали свои орудия. Когда встречался твёрдый слой и механическая лопата его не брала, в дело пускали вибролом.

— Стоп! — скомандовал вдруг Коробов. — Выключить фары.

Взбаламученный ил медленно оседал. В яме, вырытой вокруг ракеты, тускло засветилось круглое пятнышко. Затем оно исчезло, в падающих хлопьях грунта.

— Иллюминатор?

— А может быть, животное какое-нибудь? Здесь наверняка есть светящиеся твари.

Проваливаясь в разрыхлённом грунте, Нгарроба подошёл вплотную к ракете. Он выдернул вибролом и постучал изо всей силы твёрдым, как алмаз, концом по обшивке космического корабля. Затем приложил ухо. Сквозь многослойную оболочку не доносилось ни звука.

Вдруг послышался слабый скрежет. Нгарроба вздрогнул и тут же увидел жука, в точности похожего на прежнего, а может быть, того же самого. Жук выползал из-за округлости ракеты, запуская время от времени клешни в налипшие на её поверхности комья.

Представитель местной фауны явился весьма некстати. Африканец ткнул жука ломом. Тот быстро выкинул клешни, одной уцепился за лом, а другую протянул к Нгарробе. Клешня вполне могла отхватить руку, не говоря уже о том, что жуку ничего не стоило разорвать скафандр. Только сей-

час Нгарроба подумал об опасности, которой они подвергаются здесь, на дне венерианского озера.

Сильный, как все жуки, подводный великан, вцепившись в лом, упорно тянул его к себе, яростно размахивая свободной клешней. Нгарроба рванул лом, жук мотнулся, как привязанный, но не выпустил добычи. Нгарроба невольно подтащил врага ближе. И клешня жука протянулась к скафандру.

Одной клешней жук уцепился за лом, другую протянул к Нгарробе.

— Даю ток, — спокойно предупредил Гарги. Он следил за борьбой в яме.

Вспыхнули фары. Остриё лома, который Нгарроба держал за ручку, завибрировало. Жук мгновенно разжал клешню.

В следующее мгновение подводное чудовище исчезло, словно растаяло в непроглядной бурой мгле.

В тот же момент Горин — с ним поддерживалась связь при помощи буя с антенной — сообщил, что видит вспышку пламени в одной из дюз.

— Сигналы! — закричал Нгарроба. — Сигналы!

— Сигнализация одной дюзой невозможна, — возразил Сун-лин, — они включаются попарно.

— Значит...

— Скорее всего замыкание проводов. При посадке повалось что-нибудь. Мы расшевелили ракету. Смотрите, у неё и наклон стал другой...

Действительно, ракета стояла уже не так круто, как прежде.

— Нашёл! — послышался голос Нгарробы. Он копошился на дне ямы, невидимый в пелене мути. — Антенна! Присоединяюсь.

В шлемофонах слышалось только сдавленное дыхание Нгарробы.

— Свет! — вдруг крикнул Гарги. — Снова свет!

Он бросился вперёд и, сделав три шага, исчез в жёлтом тумане.

— Подползаю, — услышали его голос путешественники. — Это иллюминатор.

Наступила пауза.

— Вижу ногу. От ступни до колена. Нога неподвижна. Ой!

Огромный корпус ракеты сдвинулся с места. Затем корабль стал медленно валиться набок.

— Нгарроба! Гарги! — крикнул Сун-лин.

— Выключите инструменты! — распорядился Коробов.

— Включите ток! — раздался тотчас же голос Нгарробы. — Ах, чёрт!

— Что с вами? Где Гарги?

— Не могу двинуться с места. Меня засыпало почти до шеи. И на меня напал этот жук.

— Иду на помощь, — поспешно сказал Коробов. — Варгаш, постерегите «черепашу».

— Я тоже иду, — подхватил Сун-лин.

— Нгарроба! Гарги!

В ответ не раздавалось ни звука.

Нос корабля вырвался из грунта и, облепленный вязкой глиной, торчал над дном.

Что-то большое и неясное двигалось навстречу.

— Приготовьте оружие! — сказал Сун-лин.

Тёмная фигура вытянулась в высоту и оказалась Нгарробой.

— Почему вы молчите? — рассердился всегда невозмутимый Сун-лин. — Что это значит?

Сквозь прозрачный колпак они увидели, что губы Нгарробы шевелятся.

Вглядевшись, Сун-лин всё понял:

— Эта бестия перекусила кабель.

Нгарроба тащил за собой, как рыбу на лесе, на обрывке провода, что соединял каждого с «черепашкой», упирающегося огромного жука. У того, видимо, пропало всякое желание нападать, он пытался изо всех сил освободиться. Но провод опутал одну из клешней.

Когда Нгарроба подтянул водяного жителя поближе, стало видно, что вторая клешня у жука перебита и беспомощно свисает. Быстро вынув кинжал, Сун-лин перерезал «лесу», и жук с обрывком провода тотчас же удрал. Коробов присоединил кабель от телефона Нгарробы к своей катушке.

— Он вытащил меня из завала, — торопясь, начал рассказывать Нгарроба. — То есть он сначала напал на меня. Я дал ему по зубам. Вернее, по клешне. Виброломом. Кажется, парень уже знаком с этим инструментом, он сразу бросился бежать. Но запутался в проводе. Я, разумеется, не мог отдать ему имущество экспедиции, и он вынул меня из той пакости, в которой меня чуть было не похоронило.

— Удивительно сильная тварь! Где Гарги? Вот, кажется, его кабель...

Провод уходил под бок космического корабля.

— Осторожнее, — сказал Коробов. — Как бы эта чёртова ракета опять не сдвинулась с места!

Нгарроба выключил вибролопату и принялся разбрасывать комья руками.

— Не знаю, зачем нужна современная техника, — не удержался Сун-лин, — если существуют такие люди, как Нгарроба!

Нгарроба осторожно вытащил из-под ракеты безжизненного Гарги. Индиец казался ребёнком в его могучих объятиях.

— Его нужно немедленно доставить на корабль!

Нгарроба с Варгашем всплыли на поверхность и передали Гарги на вихрелёт, который Горин спустил к воде. Горин включил вихрелёт на полную скорость и помчался к кораблю.

5

Оставшиеся приступили к последней стадии спасательных работ. Из багажника «черепахи» извлекли тончайшие пластмассовые мешки, прилепили их к носовой части ракеты, присоединили к шлангу, а его с помощью буя вывели на поверхность.

— Мотор!

Заработал насос, и мешки стали наполняться венерианским «воздухом». Сначала они зашевелились, как водоросли, облепившие нос ракеты. Потом начали вырастать в объёме и приобретать округлую форму.

Корпус ракеты тронулся с места.

— Стоп! Иначе лопнут.

Ракета снова замерла.

— Надо подкопать грунт под кормовой частью.

Включили винт, и тот стал выметывать грунт. Что-то в точках опоры ракеты изменилось, и нос её пополз кверху. Он даже высунулся из воды. Но теперь ракета застыла окончательно. Волны перекатывались через округлую, словно китовая спина, чёрную от окалины обшивку.

Устроили маленькое совещание. Люк всё ещё был под водой. Открыть его — значило впустить воду внутрь космического корабля.

В каком положении находился Ольсен, разглядеть не удавалось. Внутри ракеты всё переместилось, кресло накренилось, и Ольсен, видимо, сполз с него.

— Не хватает, в сущности, пустякового усилия, — заметил Сун-лин. — Ещё чуть-чуть — и люк выйдет наружу.

Тень упала на воду. Это Горин со своим вихрелётом повис над местом работ.

— Ракета вдавила Гарги в грунт, и он чуть не задохся, — сообщил он. — Хорошо, что грунт мягкий, как кисель. На обратном пути я принял радиограмму: Гарги пришёл в себя.

Он сбросил с вихрелёта трос. Его тотчас же прикрепили к ракете.

Вихрелёт натянул трос, и нос корабля подался кверху. Как только люк показался из воды, Нгарроба, взобравшись на корпус ракеты, отвинтил колпачок, под которым скрывалась аварийная кнопка. Но она не действовала.

— Лом!

Под нажимом лома крышка стала отходить. Едва образовалось небольшое отверстие, в него проскользнул Сун-лин. Нгарроба захлопнул крышку.

Коробов бросил взгляд на часы в манжете скафандра.

— Открывает внутреннюю дверь, — сказал он.

— Нужна ещё обработка в тамбуре, — напомнил Варгаш.

— Это в прежних ракетах отнимало много времени, — возразил Коробов. — Теперь — секунды. Сейчас он надевает скафандр на Ольсена. Через минуту они появятся.

Прошла минута. Потом пять минут. Потом десять. Крышка люка стала тихо вздрагивать.

— Он не может открыть люк! Нгарроба!

— Вырубать отверстие?

— Должен быть аварийный патрон.

— Ага, вижу красную кнопку.

— Запас времени — минута, — предупредил Коробов.

Нгарроба изо всей силы нажал кнопку и кинулся в воду. Едва он успел отплыть, как тяжёлая дверь, словно крышка

закипевшего чайника, подпрыгнула и со звоном ударилась в обшивку ракеты.

В отверстии люка показался Сун-лин. На лице его было написано отчаяние.

6

После того как охотники убежали, Лоо остался один. Он смотрел на небесную кулу, которая спряталась в Большой воде.

Ничего больше не происходило, и нигде не было круглоголовых. Тут снова раздался грохот — в который раз! — и ещё одна небесная кулу примчалась из-за туч. Она выла, как остальные, и села на ровном и сухом месте.

Прячась в кустах, Лоо попробовал подобраться к ней. Укрывшись в зарослях, он терпеливо наблюдал. Должны же были появиться круглоголовые! Но никто не показывался. Кулу стояла как высохшее дерево.

Тогда Лоо осмелел и подошёл ближе. Кулу не заметила его. Вглядевшись, Лоо убедился, что она и не могла его видеть: у неё не было глаз. У кулу, что прилетала первый раз, было два глаза, и они светились, как у зверей ночью. А эта кулу была слепая. Высокая, огромная, она стояла как неживая. Может, это просто мёртвая кулу? Она упала из облаков раненая, её отчаянный крик был предсмертным криком... Ведь простые кулу, когда они тяжело ранены, тоже кричат очень сильно.

Всё шло совсем не так, как ожидал Лоо. Никто не прилетел. Из облаков появлялись одни кулу. Небесных коу не было. Разочарованный и обманутый в своих надеждах, Лоо повернул обратно. Он переплывал воду, пробирался в зарослях. Временами снова раздавался грохот и слышался рёв кулу, но Лоо даже не поворачивал головы.

Он шёл к Большим пещерам...

7

Ракеты стояли на растопыренных ногах, словно диковинные дома небывалого города. Впрочем, некоторые из них — пассажирские и на самом деле служили домами.

Тридцать семь человек, составлявших первую смену научной станции на Венере, жили в своих кораблях, пока шёл монтаж постоянных зданий.

Участок, выбранный под станцию, тянулся на километр с лишним. Его сфотографировали, потом на фото наложили график-план расположения зданий, вычерченный в том же масштабе и заготовленный Ольсеном заранее, и сообщили данные автоматическим станциям наведения. Те подводили каждую грузовую ракету в соответствии с её номером и опознавательными сигналами прямо к месту разгрузки. Только краны свободно бродили по всему участку. Одни набрасывались на очередной прибывший космический грузовик, быстро опустошали его трюмы. Другие краны с магнитными излучателями формировали из гигантских пузырей пластилита выпуклые стены, крыши-купола, переходные коридоры и прочие части «Лабиринта». С помощью третьих кранов устанавливалось оборудование.

Под облачным небом Венеры вырос целый городок.

— Да, это не на заводе, — сказал Мищенко, на Земле работавший дежурным контролёром большого автоматического предприятия. — У нас автоматы собирают всё сами. А тут охрипнешь, отдавая команду кранам. И перчатки управ-

ления тоже не слишком удобны: утомительно хватать все эти блоки даже мысленно.

Он пошевелил пальцами в перчатках с множеством члеников, похожих на ножки краба, и кран, стоящий в отдалении, повторил движения своими могучими захватами.

— А мне нравится такая работа, — откликнулся самый молодой участник экспедиции. — Ощущаешь могущество человека ещё сильнее, чем на Земле.

— Да, — заметил многозначительно Варгаш, — в бесчисленных фантастических романах описывалась встреча землян с существами других миров. Пришельцы рисовались более совершенными, и от них должны были земляне получить знания, которыми сами ещё не располагают. Но пока никто из космоса на Землю не прилетел. Наоборот, мы оказались в положении высокообразованных гостей для хозяев этой планеты.

— Но где же они, — спросил Ив, — жители Венеры?

Действительно, все предпринятые разведывательные полёты не обнаруживали никаких признаков обитателей Венеры. Если бы не фильм, заснятый участниками предыдущей экспедиции, можно было подумать, что встреча с венерианцами им просто-напросто померещилась. Никто не знал, куда делись дикие существа, атаковавшие прошлый раз ракету.

8

На двенадцатый день Варгаш и Горин, находясь в очередном патрульном облёте, заметили среди зарослей рыжую гору с крутым, изрытым склоном, Она напоминала помятую шляпу, изъеденную с одного края молью. Приглядевшись, патрульные обнаружили, что здесь склон горы усеивают отверстия пещер.

Они осторожно сели у подошвы. Лишь крылатые лягушки, похожие на огромных кузнечиков, прыгали вокруг, развёртывая свои радужные перепонки.

— Заглянем в пещеру? — предложил Варгаш.

Горин кивнул.

Они выбрали самую большую.

— Пещера вырыта, — сказал Варгаш. — Видите?

На стене в мягком грунте виднелись следы пальцев. В нескольких местах стены были обложены большими необработанными камнями.

Варгаш, работавший на Земле в Службе биологической защиты, по привычке следопыта оглядел пол. На глине сохранились отпечатки ног. Ступни широкие, с растопыренными веером пальцами. На одном из следов ясно запечатлелась перепонка, соединяющая пальцы.

Патрульные заглянули ещё в несколько пещер. Все оказались пустыми.

— Где же обитатели?

Варгаш показал на истоптанный берег.

— Они ушли водой. Значит, не оставили и следов.

9

Наступил день похорон Ольсена.

Приборы, сохранившиеся в целости, рассказали, что произошло со сверхскоростной ракетой. Она шла по сложной кривой и при подлёте к Венере очутилась в стороне от места, предназначенного для посадки. Станции наведения ещё не прибыли: Ольсен обогнал их в своём ускоренном полёте. С помощью бортовой счётной машины он вычислил необходимые поправки и точно вывел ракету к холму, где должна была садиться экспедиция. Но когда он, уравновесив тормозными двигателями силу притяжения, «подвесил» корабль над холмом, ракету бросило в сторону ураганным ветром.

Ольсен, видимо, сделал самое простое и правильное: включил первую скорость, чтобы придать ракете больше устойчивости. Но тут с одной из дюз что-то приключилось, она стала работать на полную силу, повернула ракету и вонзила её носом в дно озера. Как выяснилось впоследствии, перегорела заслонка, не дослужив всего нескольких секунд до конца полёта.

Огонь в этой дюзе и видел Горин с вихрелёта. Остальные дюзы автоматически выключились, когда корабль уткнулся в грунт. Эта же продолжала время от времени давать вспышки.

От сильного, а главное, неожиданного толчка и резкого непредвиденного поворота Ольсен слетел с сиденья и ударился головой о массивную стойку с приборами. Судя по всему, у него хватило сил добраться до кресла, разложить его и улечься. Здесь он через несколько часов и умер.

Случай, тот самый случай, с которым Ольсен воевал всю свою жизнь и над которым одержал столько побед, подстерёг его в конце концов. Конечно, злосчастная заслонка будет подвергнута тщательному изучению: наверное, обнаружится какое-нибудь незначительное отступление от нормы — что-нибудь такое, что случается раз в сто лет и что почти невозможно предотвратить заранее.

Сейчас Ольсен лежал в прозрачном гробу из пластилита в самом большом зале станции.

Под облачным небом Венеры вырос целый научный городок. Здания, увенчанные куполами, то крутыми, то приплюснутыми, как перевёрнутое блюдце, соединялись переходами в виде толстых прозрачных труб. Свет венерианского дня беспрепятственно проникал во внутренние помещения: купол и стены — где полупрозрачные, где пропускающие свет, как чистое стекло, — делали окна ненужными.

А когда наступала беззвёздная венерианская ночь, городок, растянувшийся на добрый километр, светился, словно огромный фантастический фонарь. Обзорная башня, единственное высотное сооружение, возвышалась, как маяк.

В круглом зале приглушённо и скорбно звучал похоронный марш. Товарищи взяли гроб на плечи, и траурная процессия двинулась к выходу. Пройдя тамбур и надев скафандры, земляне сразу обрели вид прилётных гостей планеты — стратонавтов. Лишь Ольсен лежал в обычном земном костюме.

Процессия остановилась у грузовой ракеты, подготовленной к старту. Накануне были проведены все необходимые вычисления; после того как двигатели в заранее заданной точке прекратят работу, ракета станет вечным спутником Солнца. Орбиту выбрали с таким расчётом, чтобы летающая гробница в своём нескончаемом движении вокруг Солнца время от времени приближалась к Венере, где закончил свой

жизненный путь один из замечательнейших космонавтов, и к Земле, где он родился и во славу которой отдал жизнь.

Гроб подали краном к открытому люку. Тяжёлая крышка захлопнулась: самозавинчивающиеся болты наглухо задраили ракету. Не успел кран отойти, как взметнулись языки пламени, моторы взревели, ракета оторвалась от того, что мы на Земле зовём землёй, и устремилась вверх, в космос, к Солнцу.

— Да, печально началась эта экспедиция, — сказал Гарги, когда ракета исчезла в тускло-лиловом небе. — Гибель Ольсена. Исчезновение жителей Венеры, ради которых мы сюда прибыли.

— Нас послали, чтобы помочь обитателям этой планеты в их развитии, — сказал Коробов. — Ради этого погиб Ольсен. Ради этого мы, тридцать семь оставшихся, будем трудиться все три с половиной года нашего пребывания на Венере. Мы выполним поручение Земли.

— Все в сборе? — забеспокоился вдруг Варгаш. — Я вижу кого-то среди зарослей. Смотрите! Вон там!

На фоне далёких кустарников возникла тёмная тень, широкая, словно человек в старинном скафандре. Она двигалась. Скоро уже ясно различались гладкая голова, толстая шея, покатые могучие плечи; бросилась в глаза огромная грудная клетка — она занимала большую часть туловища; ноги были коротки для столь мощного тела.

— Житель Венеры! — торжественно произнёс Коробов.

— Он вооружён! — воскликнул Горин. — И вполне современным оружием. Смотрите!

— У него в руках электропистолет, — подтвердил Варгаш.

— Ну, — спросил Сун-лин, обращаясь к Коробову, Нгарробе и Гарги, — узнаете?

— А ведь это он! Честное слово, он! — обрадовался Нгарроба.

— Узнаю, — улыбнулся и Коробов. — Тот малый, что подобрал мой пистолет. Определённо!

— Хотел бы я знать, — заметил Гарги, — научился ли он обращаться с пистолетом? И остался ли там заряд?

— Лоо, — сказал житель Венеры.

Житель Венеры остановился. Теперь он был виден во весь рост. Высокий, чуть сутулый, обросший густой короткой шерстью, он вглядывался в людей Земли круглыми глазами без век. Электропистолет он держал в длинной опущенной лохматой руке.

Нгарроба первый шагнул навстречу.

— Остальным не двигаться, — сказал Коробов.

Лохматого пришельца всё больше и больше охватывала тревога, по мере того как расстояние между ним и Нгарробой сокращалось. Под конец он стал дрожать крупной дрожью. Но он стоял, не отступая, не делая ни шага назад, победив первобытный страх!

В шлемах последней конструкции можно было разговаривать вслух на близких расстояниях. Ольсен придумал эту штуку на случай, если радио почему-либо выйдет из строя. Это аварийное устройство сейчас очень пригодилось. Нгарроба надавил подбородком пластинку в нижней части шлема и услышал тяжёлое дыхание существа, стоящего против него.

Тогда он просто и спокойно перешагнул отделявшее их расстояние и взял пришельца за руку.

Тот схватил руку Нгарробы, сжал («Ну и сила!» — подумал Нгарроба) и тут же отпустил.

Нгарроба заговорил. Поток ласковых непонятных слов произвёл сильное впечатление: человек — да, это был человек Венеры! — отпрянул назад, потом стал напряжённо вслушиваться. Несколько раз провёл могучей рукой по лбу, и кожа на лбу собралась в складки.

Нгарроба продолжал говорить. Конечно, не слова, а интонации должны были произвести впечатление. Но кто мог знать, соответствуют ли модуляции человеческого голоса совсем иным звукам языка другой планеты!

Изваяние ожило. Большой рот, почти пасть, широко открылся. Внутри шевелился маленький язычок.

— Лоо, — сказал житель Венеры и замолчал.

— Кулу, — произнёс он после паузы.

Он словно выдавливал из себя слова. Но то были слова. Нгарроба сразу понял.

Голос звучал резко и чуть протяжно. Юноша стоял теперь свободно и смело.

Нгарроба помедлил и положил руку на волосатое плечо. Тёплая кровь струилась под шерстевым покровом. Брат с чужой планеты стоял перед Нгарробой.

— Идём! — сказал Нгарроба, показав жестом значение своих слов.

И тот без боязни, напротив, с какой-то жадной готовностью шагнул за Нгарробой.

Так двигались они, очень разные и в чём-то схожие: оба рослые, сильные, смелые. Если в прошлом веке один великий народ Земли указал другим народам своей планеты путь освобождения и развития, то теперь объединённый народ Земли протянет руку населению иной планеты.

— Нас снова тридцать восемь, — заметил Сун-лин.

— Поднять флаг! — распорядился Коробов.

Флаг Земли, приспущенный в память Ольсена, медленно пополз вверх по шпилью обзорной башни. Станция на Венере вступала в строй. Ветер развернул красное сверкающее полотнище — символ свободы, разума, неустанного торжествующего движения вперёд.

И Лоо, не нашедший своих сородичей у Больших пещер, покинутый ими, смотрел вместе с землянами на алое шёлковое пламя, трепетавшее под низким сумеречным небом Венеры.

КОРАБЛЬ ЛЕТИТ

Фотоплатат А. Костромичева.

Читатель! Ты только что «возвратился» на Землю с Венеры. Ты окончил чтение научно-фантастического рассказа о межпланетном путешествии...

Чем объяснить, что мы любим научную фантастику? Вероятно, тем, что научно-фантастическая книга — порождение нетерпеливой мечты, нетерпеливого желания знать. Это попытка угадывать то, чего наука ещё не выяснила до конца; проникать в области, для нас ещё недостижимые.

С тех самых пор, как человек понял, что блестящие точки на небе — это другие солнца и другие планеты, он вот уже несколько столетий непрерывно мечтает добраться до них. Из этого стремления к недостижимому рождались и рождаются книги о фантастических путешествиях.

И вот теперь всё переменялось. Ведь ты же знаешь, что настоящий, невыдуманный космический корабль стартовал с Земли. Он ушёл в полёт без человека, но всё в нём устроено так, чтобы человек, первый путешественник космоса, мог лететь.

Весь мир удивляется: как быстро, с какой космической скоростью штурмует небо советская наука, советский народ! От первого искусственного спутника до первого космическо-

го корабля нас отделяет меньше чем четыре года! А ведь космический этот корабль вылетел уже для того, чтобы проверить надёжность всех приборов, всех защитных устройств, всех механизмов, назначение которых — обеспечить безопасность человеку в космическом полёте. Значит, наступит время, когда космический корабль полетит с человеком? Да. Наступит. Вероятно, этот срок ближе любого срока, придуманного в научно-фантастическом романе.

Ещё недавно, в «эру первого спутника», маленького (теперь он нам кажется маленьким!) кругленького «бип-бипа», пожилые люди говорили: «Мы-то не доживём, а ребята наши доживут до космических полётов».

Потом, после первого лунника, стали говорить: «Ребята как раз успеют вырасти, и кто-то из них станет первым космическим путешественником».

А теперь, когда прошёл испытания на круговой орбите первый космический корабль, думается: «Да полно, успеют ли ребята подрасти? Не раньше ли всё случится?»

...Приборы первого космического корабля работали хорошо, и это не фантастика, ЭТО УЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ.

В. САПАРИН

Исчезновение Лоо

НАУЧНО ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки П. Кирпичева.

Первые люди на Венере! Вы, вероятно, читали, ребята, рассказ В. Сапарина «Возвращение круглоголовых» — он был напечатан в 6 и 7-м номерах нашего журнала за этот год. Помните, как учёные, прилетевшие с Земли на Венеру, встречаются с обитателями этой планеты. Люди Венеры, коу, находятся ещё на первобытной ступени развития. Они враждебно относятся к таинственным пришельцам. И только один из них, юноша Лоо, тянется к людям. В конце концов он приходит к ним и остаётся на построенной землянами научной станции. О том, что случилось дальше, вы прочитаете в новом рассказе того же автора — «Исчезновение Лоо».

1

Молнии сверкали по всему горизонту. Под порывами ветра башня упруго гнулась, а потом, словно маятник, возвращалась в прежнее положение.

— Не сломается, — заметил Варгаш, угадав мысли Гарина. — Её испытывали ураганом на Земле. Пластилит — самый прочный материал из всех тех, которые пока известны в солнечной системе.

Башня продолжала туго раскачиваться. Горин понимал, что, если бы она не качалась, она давно сломалась бы.

Могучие, как канаты, струи воды били в прозрачные стены обзорной площадки. Гигантские молнии впивались в почву вокруг станции, нигде, однако, не приближаясь к ней ближе чем на километр.

— Ну что ж, — вздохнул Горин, — отводное кольцо действует. Но я, собственно, подумал об обитателях Венеры. Каково им-то во время такого столпотворения?

— Сидят себе в пещерах и слушают сказки, — засмеялся Варгаш. — Ведь они абсолютно непромокаемы. Их шерсть не пробыёт никакой дождь. А тавтолоны, наверное, просто счастливы в такую погоду. Квакают себе от радости, как лягушки. Вы забываете, что здешние существа, разумные и неразумные, находятся в обычной, своей, родной им среде.

— Люди каменного века тоже находились в привычной им среде. Однако она не казалась им очень уж уютной. Иначе человек не придумал бы всей этой техники.

— Можно спросить Лоо, — сказал Варгаш, — что ему больше нравится.

— Он редко выходит наружу и почти никогда не делает этого в одиночку, хотя Коробов сказал, чтобы его выпускали в любой момент, когда ему вздумается покинуть станцию. Похоже, он привязался к нам.

— Или ему некуда идти.

— К сожалению, он так мало рассказал о себе! Конечно, двадцать восемь слов — небогатый запас.

— А, вот и наш герой.

При свете молнии оба увидели высокого юношу, покрытого густой шерстью, на коротких ногах с перепонками между пальцами.

Он сделал несколько свободных шагов, но упёрся в прозрачную стену. Юноша остановился почти машинально. У него начали уже вырабатываться рефлексy, связанные с передвижением внутри станции.

— Хотел бы я знать, о чём он думает, — заметил Горин. — Может быть, о своих соплеменниках? Куда они исчезли?

Юноша обернулся, сделал шаг назад, схватил Варгаша за руку и, поднимая свободную лапу вверх, выкрикнул:

— X-p!

— Новое слово? — обрадовался Горин.

— Никак не могу привыкнуть к его манере, — проворчал Варгаш, потирая руку. — Схватит, как клещами...

— У вас блок-универсал был включён? — заволновался Горин.

— Да. Я нажал кнопку, как только он вошёл.

— Ну, тогда мы поймали что-то новое.

— Знаете, — Варгаш пожал плечами, — мне иногда кажется, что он знает гораздо больше слов, чем мы думаем. Лоо просто неразговорчив. Ему нужна конкретная обстановка. На отвлечённые темы он беседовать не мастер.

Лоо, услышав своё имя, обернулся.

— Лоо, — отрывисто произнёс он, ткнув себя в выпуклую грудь.

— Вартш! — добавил он, указывая на Варгаша.

Имя Горина он произносил в два приёма: Го-ри!

— И-дём, — сказал он затем довольно отчётливо. Он запомнил это слово. Нгарроба произнёс его при первой встрече, когда звал Лоо к землянам. — Хр-р-р... — произнёс он снова и замолк.

— Смышлёный парнишка, — откликнулся Варгаш. — Всё запомнил.

Дождь тем временем стал ослабевать. Последняя молния с треском развернула свой ослепительный клубок, и вдруг всё стихло. Только на горизонте, полыхали зарницы.

— Как здесь всё сразу, — покачал головой Варгаш.

— Меня интересует другое: надолго ли? Мы разбросали по планете столько автоматических станций, а настоящей метеослужбы всё ещё нет.

Небо светлело. На нём появились светло-розовые пятна, а общий фон становился нежно-сиреневым.

— Взгляните, — сказал вдруг Горин, — вон туда.

Плоский берег венерианского озера, голый, лишённый растительности, покрылся мелкими круглыми куполами, словно кожа пупырышками. Купола медленно росли. В ложбине между холмами, где скопилась жидкая грязь, вздувались и лопались большие пузыри, разбрасывая густые брызги. Купола на берегу тоже трескались, но медленно, как нарыв, образуя маленькие кратеры.

— Хочется высунуться в форточку, — простонал Горин.

— К сожалению, нельзя, — Варгаш сочувственно кивнул. — Но звуки включить можно.

Он тронул пальцами тумблер.

Тотчас же в пространство под куполом ворвались звуки планеты. Горину даже показалось, что он ощущает дыхание ветра на своём лице. Шорох, шелест, журчание скатывающихся последних струек воды. И на этом общем фоне с разных сторон слышалось то умиротворённое, то самодовольно-восторженное: «Хр-р-р...», «Хр-р...», «Хр-р-р...» Точно бесчисленное стадо бегемотов выражало свои чувства.

— А ведь это пузыри, — спохватился Варгаш. — Почва, мать сыра земля, перенасыщенная водой, нахватавшаяся воздуха, изъявляет своё удовольствие.

— Не это ли имел в виду Лoo? Он, наверное, знал, что дождь скоро кончится.

— Патрульным приготовиться к выходу! — раздался голос из репродуктора.

— Пошли, — сказал Варгаш. — Нам в патруль.
— И-дём, — произнёс Лоо.
— Ого, он хочет с нами. Возьмём его?
— Ну что ж, не в первый раз.

2

— Сто восьмой луч, сектор шестнадцатый, — сказал Варгаш. — Сплошной лес. — Он ткнул пальцем в карту.

— В лесу они вряд ли прячутся. Коробов считает, что строение их тела более приспособлено к передвижению в воде.

Варгаш промолчал. На его жизни опровергалось столько гипотез, что он взял себе за правило не спешить с выводами. Тем более тут, на Венере.

Он повёл вихрелёт по сто восьмому лучу.

Внизу простёрся широкий залив. Среди бутонов и полураспустившихся цветов гигантской лилии кое-где торчали маленькие головы тавтолонов, иногда из воды высовывалась спина животного, похожая на аэростат. Один тавтолон выбрался на сушу. Широкое книзу и сужающееся кверху тело напоминало отдалённо кувшин. Тавтолон водил по сторонам головой, неправдоподобно маленькой, качающейся на тонкой шее, как бутон на стебле. На вихрелёт он не обратил никакого внимания, как, впрочем, и его собратья.

— Привыкли, — заметил Горин. — Как вы считаете, можно, их приручить?

— Томсон из Шестой экспедиции пытался. Тавтолон прокусил ему скафандр.

— Ну, одна попытка ни о чём не говорит. Представляете себе: стада многотонных красоток и наш Лоо на вибролёте в качестве пастуха? Ведь рано или поздно придётся переменить охотничий образ жизни и его сородичам.

— Надо сначала найти их.

Скоро кончилось озеро с плоскими берегами и окружающими его болотистыми равнинами. Внизу потянулся густой, непроходимый лес.

— Венерианская тайга, — Горин не спускал глаз с макушек деревьев. — Как сплошная ткань.

— Вот наша метка, — сказал Варгаш и показал на длинную розовую полосу в сизо-лиловой чаще. За розовой меткой шёл всё тот же лес, только, пожалуй, ещё более густой.

— Собственно, такие участки можно бы и не осматривать, — заметил Горин. — Не представляю существа, которое могло бы здесь пройти.

Но тут Лоо схватил его за руку и показал вниз.

— Коу, — произнёс он возбуждённо.

— Коу — значит люди, — встрепенулся Горин.

Варгаш развернул машину.

— Не вижу, — признался Горин. — Может быть, Лоо почудилось?

Варгаш опустил машину ещё ниже. Теперь она шла над самыми колючими верхушками.

В чаще появился небольшой просвет. Здесь рухнул растительный гигант и образовал брешь, которую тайга не успела затянуть.

— Коу, — повторил Лоо и показал вниз.

— Подежурим над этой полянкой, — сказал Варгаш. — Включите бинокль!

Тридцатикратный бинокль отбросил на экран отображение близкой, словно отстоящей на вытянутую руку, поверхности планеты. На мягкой почве, усыпанной пожелтевшими колючками и шипами, отпечатался след, напоминающий ступню человека.

— След ребёнка!

— Коу, — настойчиво повторил Лоо. — Коу-бу!

— Бу — значит лес. Лесные люди? Он не первый раз произносит эти слова. Может быть, это пигмеи?

След не напоминал широкую ступню Лоо. Взамен растопыренных веером пальцев с перепонками между ними на почве отпечаталась маленькая узкая ступня с прямыми, почти параллельными пальцами. Только один палец торчал резко вбок.

— Возьмите на себя управление, — сказал Варгаш. — А я спущусь. — Он откинул люк в полу и дёрнул ручку. На тонком, едва различимом глазом тресе сиденье пошло вниз.

— Тут много следов! — слышался его голос в телефон. — И все маленькие.

Некоторое время слышались звуки возни.

— Послушайте, Горин, — снова закричал Варгаш, — я поймал одну за хвост! Не знаю, то это или нет. Тащу, но боюсь, что хвост оторвётся.

Варгаш возился довольно долго, потом крикнул:

— Спустите мне что-нибудь, чтобы усыпить её! Это определённо зверь, и церемониться тут нечего.

Горин спустил по тросу снотворное.

— Чуть не укусила пульверизатор, — незамедлительно сообщил Варгаш. — Но зато хлебнула изрядную дозу. Кажется, готова. Можете тащить.

Горин включил механизм, втягивающий трос. Варгаш держал на коленях странное существо ярко-голубого цвета: лохматое, с голыми чёрными коленками и локтями, с ушастой головой, чёрным личиком и голым хвостом с ярким красным помпоном на конце.

Варгаш положил добычу на пол и захлопнул люк.

— Коу, — объяснил Лоо. — Бу.

В тоне его голоса чувствовалось презрение.

— Ветвь, не получившая развития, — сказал Горин. — Чего-то ей не хватало.

— Умения уверенно ходить на задних ногах.

— Ну, в здешней чаще и на четвереньках не пролезешь. Видите, она ползала на коленках и на локтях.

— Могла бы лазать по ветвям.

— А колючки? Ведь это не лес, а проволочное ограждение.

Варгаш вдруг рассмеялся.

— Лоо мог сколько угодно повторять нам свои «коу» и «бу», а мы так и не узнали бы, что он имеет в виду, если бы не поймали эту венерианскую «недообезьяну».

— Да, это маленькое чучело уничтожило целую научную гипотезу. Я полагаю, что версия о лесном племени разумных существ отныне провалилась.

— Не спешите с выводами. Конец сектора. Не возражайте против жёлтой?

Варгаш выпустил жёлтую несмываемую краску, а затем поменялся местами с Гориным. Лоо бросил жадный взгляд на клавиатуру управления.

— Ого, кажется, наш друг не прочь вести машину, — улыбнулся Варгаш.

— Вихрелёт — опасно. На вибролёте можно дать поупражняться. Как-нибудь я с ним займусь, — пообещал Горин. Он взглянул на «недообезьянку», неподвижную, словно набитую ватой.

— Как мы назовём её?

— Да так и окрестим — Коу-бу. Будет по крайней мере название, взятое прямо с языка венерианцев.

— И неверное в своей основе. Никакой это не человек.

— Так же, как наш орангутанг. Ведь орангутанг тоже значит «лесной человек».

...Вихрелёт сел у ворот с тройными шторными дверями. Загнав машину в ангар, разведчики направились к входному тамбуру.

Лоо, подставляя тело под мощные световые струи, тихо урчал. Ему нравилась противомикробная обработка.

3

— Начинаю думать, что медаль Гаусса вам присуждена по чистой ошибке, — заметил Гарги. — Оказывается, вы не умеете считать до двадцати.

Мяч перестал прыгать под куполом спортивного зала.

— Во всём виноваты счётные машины, — объяснил Сун-лин. — Люди скоро забудут, сколько будет дважды два.

— А я утверждаю, что счёт был девятнадцать-семнадцать! — запальчиво возразил Нгарроба.

— Ошибка совершена в начале нашего века, — вмешался Лыков. — Отмена судейства в спортивных играх — явно преждевременная мера. Разве можно доверять игрокам самим следить за своими промахами?

— Это сделали для развития чувства объективности, — улыбнулся Гарги. — Но эксперимент, как видите, провалился.

— Начальник! — взревел Нгарроба. — Вы здесь старший. Подтвердите, что я прав.

— Вас разыгрывают, — отмахнулся Коробов. Он работал на снарядах. — Неужели не понимаете? Им не интересно вас просто обыграть. Они хотят ещё вывести вас из себя. Это же спорт!

— Обыграть? Меня? — удивился Нгарроба. — Команда, в которой я нахожусь, не проигрывает. Чёрт с ними, с очками! Начнём сначала.

Игроки стали по местам.

Прежде чем пробили первый мяч, на площадку выбежал Лоо. Вид его говорил, что он собирается принять участие в состязании. Он ничего не понял в происходившем споре, но решил, что Нгарроба нуждается в поддержке.

Нгарроба несколько озадаченно посмотрел на неожиданного союзника.

— Ладно, — сказал Горин. — Пусть играет. Я выйду.

Противная сторона точно подала мяч: он пролетел над самой сеткой, нацеленный в пустое место. Варгаш сделал бросок, словно кидался в воду. Он ухитрился наподдать мяч кончиками пальцев и тут же упал, как кошка, на руки. Нгарроба ждал, когда ему перешлют мяч для завершающего «мёртвого» удара. Но тут раздался звук, похожий на выстрел: Лоо держал в руках то, что осталось от мяча.

— Послушай, друг, надо полегче, — сказал Лыков. Он взял из рук Лоо раздавленный мяч и отбросил в сторону. — Гляди! — Он подкинул новый мяч, осторожно поймал, подбросил ещё раз и стал наподдавать сложенными ладонями. — Понятно?

Лоо кивнул головой. Он научился этому у «небесных людей». От нетерпения он переступал с ноги на ногу.

Игра возобновилась. Лоо в азарте схватил мяч. При броске он сшиб с ног игрока своей команды. Мяч лопнул.

— Играть с этим медведем положительно невозможно, — расстроился Гарги. — Надо затребовать с Земли грузовую ракету с запасными волейбольными мячами.

— Раньше чем через три года всё равно не пришлют.

Лоо раздавил ещё шесть мячей, и Гарги сказал, что на сегодня хватит. К величайшей досаде Нгарробы, его команда оказалась в проигрыше. Лоо виновато жмурил круглые, без век глаза.

— Ладно, — смилостивился Нгарроба, хлопая своего подопечного по волосатой спине. — Не виноват же парень, что он такой сильный.

— А как, по-вашему, каким видом спорта ему лучше заниматься? — поинтересовался Коробов.

— Ему — спортом? — воскликнул Гарги.

— Вы забываете, — возразил Коробов, — что для Лоо находиться среди нас всё равно, что горному жителю спуститься в долину. Он привык к атмосфере, бедной кислородом, оттого у него такая могучая грудная клетка. Нужны упражнения, сохраняющие подвижность этих «мехов» венерианцев в земных условиях и в искусственной атмосфере станции. Иначе обратный переход к венерианской атмосфере будет представлять для них затруднения. Лоо и сейчас это даётся не просто.

— Борьба, — предложил кто-то. — Борьба требует хорошо поставленного дыхания.

— Только кто посмеет с ним бороться? Разве Нгарроба?

— Его нужно научить лучше двигаться, — сказал Гарги, — чтобы он не сшибал игроков.

— Для этого есть два способа: гимнастика и вольные игры.

— Гимнастикой его трудно уговорить заниматься. Остаются игры.

— Ладно, — сказал Гарги. — Пусть играет в волейбол. Я буду клеивать порванные мячи. Но только, чур, он играет в другой команде. Меня такая глыба может просто раздавить!

Лоо, уловив дружески-восторженный взгляд Гарги, улыбнулся ему. Он раздвинул углы широкого рта и сморщил свой короткий нос.

— Смотрите, — удивился Варгаш. — Можно подумать, что он понял.

Все сто восемь лаборантов Варгаша работали без устали. Результаты своих исследований они печатали на стандартных бланках — тонких, плотных листах бумаги, сверкающих, как накрахмаленное и подсинённое бельё. Бланки бежали по конвейеру и исчезали в магазине машины, которая обобщала полученные результаты, сравнивала с данными из других источников и печатала сводные сведения, сопровождая их таблицами и всеми логическими выводами, прямыми и косвенными. За день она выдавала два-три тома трудов, каждый из которых в прошлом веке мог бы быть приравненным к кандидатской диссертации. Конечно, к средней диссертации, но всё же требовавшей нескольких лет работы.

Время от времени раздавался тонкий писк. Это очередной электронный лаборант, выполнив задание, требовал работы.

— Нелепость какая-то, — ворчал Варгаш, поднося комок почвы в герметически запаянном сосуде к зеву автомата. — Человек, единственное разумное существо в лаборатории, должен выполнять работу подсобного рабочего.

— Если вас унижает обслуживание автоматов, — заметил Горин, забежавший к Варгашу, — я соберу машину, которая избавит вас от этой заботы. Вы будете объяснять ей, что вы хотите получить, а она будет раздавать задания лаборантам и работать без вас круглые сутки. У нас на складе сколько угодно готовых узлов, из которых можно сложить всё что хотите, а для меня такие головоломки — сущее удовольствие.

— Совсем другое дело, — согласился Варгаш. — Всё-таки стационарная лаборатория, а не полевая какая-нибудь.

— Я, собственно, ищу Лоо, — объявил Горин.

— Вчера он целый день катался на самодвижущихся дорожках в центральном коридоре. А третьего дня лазал по запасной лестнице на самый верх обзорной башни. Счастливец! Каждый день он открывает что-нибудь новое. Что он вздумал делать сегодня, я не знаю. Ко мне он не заглядывал, — ответил Варгаш на вопрос Горина.

— Коробов поручил начать с ним уроки рисования. Вернее, посмотреть, не умеет ли он изображать что-нибудь на глине или камне. После Нгарробы он больше всего благоволит к нам с вами. А Коробов хочет, чтобы общение с Лоо шло как можно естественнее.

— Попросите дежурного поискать его!

Дежурный включил пульт обзора станции. Лоо нигде не оказалось. В то же время автомат-привратник доложил, что Лоо не выходил в дверь, которой обычно пользовался, покидая станцию.

Дежурный сразу стал озабоченным.

— Не испарился же он! Правда, все опасные помещения на замке. Я полагаю, он не мог проникнуть как-нибудь к шинам высокого напряжения.

— Может быть, он отправился с кем-нибудь?

— Обычно сообщают, если берут Лоо с собой. Отсутствуют два экипажа: вихрелёт и «черепаха». Сейчас проверю.

Первым откликнулся вихрелёт: о Лоо там ничего не знали. «Черепаха» молчала, автомат, сообщающий каждые десять минут её координаты, показал её последнее местонахождение в восточном углу Большого озера. Очевидно, она находилась в погружении. Через несколько минут автомат выбросил буй для передачи очередного сообщения, и «черепаха» поймала вызов станции. На её борту Лоо тоже не было.

— Послушайте, — спохватился Горин. — А остальные машины на месте?

Дежурный нажал кнопку «ангар» и, оглядев помещение, с изумлением воскликнул:

— Нет вибролёта! самого маленького. Одноместного.

Горин почувствовал угрызение совести.

— Локатор засекает что-нибудь? — поспешно спросил он.

— В зоне чисто. Автомат-передатчик тоже молчит. По-видимому, не включён.

Охотники племени Хц наконец-то убили большую кулу. Все старались съесть как можно больше мяса. Такие удачи в последнее время стали редкостью.

Круглоголовые, судя по всему, вовсе и не думали уходить. Они пригнали с собой целое стадо небесных кулу, ревущих так, что можно оглохнуть. Потом они сделали что-то такое, от чего на голом месте выросли не то деревья, не то скелеты каких-то больших животных. Эти скелеты-деревья двигались, хотя и медленно, и сложили на ровном месте полупрозрачную гору с пещерами, в которых поселились круглоголовые. Всё, что им было нужно, круглоголовые доставали из своих небесных кулу, вспоров им брюхо. Пустые кулу, теперь уже явно мёртвые, стояли вокруг поселения круглоголовых, словно караулили его. Круглоголовые их не ели. Впрочем, у небесных кулу такая жёсткая кожа, а возможно, и мясо, что о них ломаются даже летающие жала.

Охотники, посланные Хц на разведку, вернулись очень напуганные. Небесные кулу сваливались с неба одна за другой, и их огненные хвосты делали самую мягкую почву твёрдой, как кость, а деревья зажигали. Лоо, ушедший с охотниками, куда-то пропал и с тех пор не появлялся. Хц сразу понял, что круглоголовые возвратились, чтобы отомстить стаду и захватить его места охоты. Места и правда были хорошие: вокруг много открытого пространства и большая вода рядом. Кулу водились тут, как личи в луже. А круглоголовые всё шарят вокруг. Они залезают в зверя, похожего на зелёного зума, но только гораздо крупнее, и плавают, ныряют, а когда захотят, выходят на сушу и могут продвигаться даже в самых густых зарослях. Их большой зум мечет при этом огонь и валит деревья, как траву. А ещё они могут летать и гудят во время полёта, словно гигантские жуки. И с каждым днём они забираются всё дальше и дальше от своих прозрачных пещер.

Надо уходить и отсюда. Сейчас, пока люди сыты. Хц говорил сегодня на эту тему особенно долго. Он кривлялся, по обыкновению, и с силой сжимал длинные пальцы, похожие на клешни.

Его слушали молча. Люди устали. Они видели в своём воображении огромных, толстых, жирных кулу, которых они лишились.

Когда Хц закончил, в ответ не раздалось единодушного «ха», к которому он так привык. Просто кое-кто пошевелился, некоторые переступили с ноги на ногу, а Быр, тупой и могучий великан, никогда ни над чем не задумывающийся, равнодушно почесал грудь.

Первый раз Хц ощутил, что его слова не встречают отклика. Он ещё раз оглядел всех и от растерянности сам переступил с ноги на ногу.

А стадо уже окончательно расшевелилось. Слушавшие его поглядывали по сторонам и собирались разойтись.

Хц в отчаянии поднял длинные худые руки.

— Ха! — воскликнул он так патетически, как только мог. Не без ужаса ожидал он, что вот сейчас повернутся в его сторону две-три головы с равнодушным вниманием — и всё.

К его удивлению, в ответ раздалось такое дружное «ха», какого он не мог даже вообразить. Хц выпрямился и торжественно ударил себя в грудь. Но тут он заметил, что все смотрят не на него, а поверх его головы.

Слабое жужжанье, которое он принимал за один из тех звуков, что постоянно раздаются в лесу, усилилось. Он быстро обернулся. Низко над деревьями летел огромный жук, а внутри него, в просвечивающем насквозь теле, виднелся силуэт коу.

Круглоголовые захватили их врасплох! Хц открыл рот, чтобы отдать распоряжение, но замер на месте.

Жук повис в воздухе над поляной. Прозрачные, почти невидимые крылья неутомимо вибрировали, Внутри яйцеподобного туловища, хорошо различимый, сидел Лоо, радостный, счастливый, разинувший в улыбке рот до ушей...

— Лоо! — воскликнул Быр.

— Лоо! — повторили с восхищением другие.

И Хц показалось, что почва под его ногами колеблется.

Никто не смотрел на Хц. Головы на толстых шеях, словно выходящих из покатых плеч, повернулись в сторону Лоо, чудесным образом державшегося в воздухе. Клапаны ноздрей у людей были откинута, как всегда в минуты крайнего возбуждения. Двое-трое тихо взвизгивали.

Лоо, насладившись произведённым впечатлением, опустился так низко, что до него можно было дотянуться рукой. Люди расступились, жук, который нёс в своём теле Лоо, коснулся брюхом бурой, усыпанной обломками ветвей почвы.

Затем с жуком что-то произошло. Его туловище раскололось, верхняя часть разошлась на две половинки, они откинулись и висели по краям. Жужжание прекратилось, стали видны на миг крылья, медленно взмахивающие за спиной, потом они сложились и исчезли.

Лоо встал с сиденья и стоял теперь открытый по пояс. Все окончательно забыли про Хц.

Лоо, к всеобщему удивлению, произнёс целую речь.

— Небесные коу, — сказал он и показал в небо. Потом ткнул себя ладонью в грудь и с убеждением добавил: — Небесный Лоо.

— Ха! — воскликнули все в восторге и ужасе.

Никто не сомневался в его словах. Он действительно спустился с неба. Значит, он побывал там, у небесных коу.

— Небесные коу, — повторил Лоо и махнул рукой в сторону, где остались пещеры стада. Он ещё раз отчётливо выговорил: — Небесные коу! — Потом с большим усилием добавил: — Много кулу. Большие кулу. Хорошие пещеры. — Тут он сделал паузу. Потом подумал и решил, что сказал достаточно.

Он махнул ещё раз рукой, сел в кресло, сделал небольшое усилие, словно хотел сдвинуться с места. Тотчас же прозрачные створки кабины вибролёта захлопнулись, за спиной Лоо развернулись лёгкие прозрачные крылья, вибролёт стал подниматься в воздух. Едва он поднялся до верхушек деревьев, как полетел вниз. Лоо не мог, конечно, понять, что это результат того, что он вдруг увидел Хц и ему захотелось посмотреть на старого вождя вблизи. Аппарат, управляемый биотоками, возникающими в организме при одном появлении

желаний, имеет свои неудобства. Инстинктивно, увидя совсем близко поверхность планеты, Лоо мысленно отпрянул, и вибролёт тотчас же взмыл кверху.

Хц, видя летящее на него сверху тело, со страху упал на колени, и ладони его коснулись скользкой, упругой, немнущейся травы.

— Ха! — раздался из всех глоток крик ужаса.

Встать на четвереньки на глазах у всех! Хц тотчас же вскочил. Ноги его дрожали. Теперь все смотрели на него, но это было совсем не то внимание, которого он так жаждал. Закон требовал неукоснительного изгнания человека, опустившегося на четвереньки. Сам Хц внушал всегда, что это правило не должно знать исключений. Закон, введённый когда-то для того, чтобы заставить людей резче стряхнуть с себя звериное прошлое, уже давно превратился в обычай, но соблюдался тем более строго.

Пока Хц топтался на месте, машина Лоо продолжала парить низко над поляной. Она жужжала так настойчиво, что люди перевели, наконец, свои взгляды на него. Лоо жестами показал, что Хц может присоединиться к остальным. Лоо сам однажды нарушил закон, правда никто не видел его тогда. Потом он понял, что совершённое им не так уж страшно. Он не хотел подвергать Хц наказанию, которого избежал сам.

Хц сделал неуверенный шаг к людям. Не потому, что он признал право Лоо приказывать. Ему стало страшно остаться одному. Человек не может существовать один. Изгнание из стада означает смерть.

Лоо поднялся над деревьями и медленно полетел. Он даже не оглядывался. И так велик был авторитет прилетевшего с неба Лоо, что люди подчинились. Разрозненной толпой они следовали за Лоо, пробираясь в редких зарослях.

Хц брёл позади, склонив узкую голову с низким скошенным лбом, с тупым затылком, покрытым блестящей, мстами потёртой шерстью. Он стал рядовым, более того, самым жалким членом стада.

6

— Вина отчасти на мне, — сказал Горин. — Прошу дать мне возможность найти Лоо.

— Лоо на этой планете — дома, — пожал плечами Лыков. — Особенно беспокоиться нечего.

— Не уверен, — возразил Сун-лин. — Одному тут нелегко. Я думаю, он потому и пришёл к нам, что отбилсЯ от остальных.

— Опасность ещё и в другом, — сказал Нгарроба. — Представьте себе ощущения Лоо. Он летит! Радость дикаря и необузданность желаний могут утянуть его неизвестно куда.

— Или он падает в заросли неподалёку от станции, — мрачно заключил Гарги. — Лоо не владеет своими чувствами, как мы. Вибролёт не для первобытных существ.

— Мне кажется, — снова возразил Сун-лин, — что будь на месте Лоо нервный земной человек прошлого века, тот скорее свалился бы. Вибролёт последнего образца, как ни парадоксально, лучше всего приспособлен для людей XXI века на Земле и каменного века на Венере. У Лоо замедленные реакции и верные инстинкты. Это то, что нужно. Заменяет наше владение собой.

— И всё же это первый его самостоятельный полёт со всеми вытекающими отсюда последствиями, — сказал Нгарроба.

— Я повторяю свою просьбу, — напомнил Горин.

— Ну что ж, — сказал Коробов, — было бы жестоко отказывать вам в этом. Но только вы не должны действовать в одиночку.

— Я согласен отправиться в паре с Гориным, — объявил Варгаш.

7

Сверху могло показаться, что в траве запуталась пчела. Брюшко, золотистое, с тёмными внутренностями, блестело на солнце, тонкие прозрачные крылышки смялись о жёсткие стебли.

Но то, что казалось травой, представляло собой гигантские колючие заросли матово-сизого цвета. Пчела же была потерпевшим аварию вибролётом.

— Никак не подберёшься, — в сердцах сказал Горин.

Варгаш, работавший следопытом в Службе биологической защиты на Земле, бывавший в разных переделках, не тратил слов на выражение эмоций, он просто пошёл в новый круг.

— Видите кольцо? — коротко сообщил он Горину. — В нём шанс.

В тыльной части вибролёта, чуть выше того места, откуда выходят крылья, имелось кольцо, соединённое с остовом летательного аппарата. За это кольцо подвешивали вибролёт при транспортировке или хранении в ангаре. Обычно прячущееся в углублении, сейчас оно от толчка стало почти вертикально, и можно было надеяться зацепиться за него крючком.

«Черепаша», прожигая ход в зарослях, сможет прийти сюда только через неделю. Опуститься человеку тут просто некуда. Отовсюду торчали острые и длинные шипы и колючки. Одного прокола в скафандр достаточно, чтобы в него ринулись полчища микробов. Путешественников окружали как бы тысячи бактериологических шприцев.

— Другого шанса нет. Попытаемся!

Горин достал лесу, из тех, что на Земле применяются для ловли тунцов, и подвязал грузило с крючком.

В то время как Варгаш старался удержать вихрелёт над застрявшей в зарослях машиной, Горин движениями рыбака то опускал, то поднимал руку с намотанным на неё шнуром.

Раза два крючок зацеплялся за шипы и, как ни дёргал Горин лесу, не хотел освобождаться. Приходилось обрезать её, подвязывать новую снасть и начинать сначала.

— Хватит ли лесы? — засомневался Горин. Но тут же воскликнул: — Ага, попалась!

Крючок задел кольцо. Теперь следовало не ослаблять лесу.

— Попробуйте, — сказал Горин, — только потихоньку.

Варгаш стал поднимать аппарат вертикально. Горин через люк в днище наблюдал. Леса, привязанная к стойке, натя-

нулась так, что превратилась в идеальную геометрическую линию. Сейчас она со звоном лопнет!

«Пчела» внизу даже не пошевелилась. Должно быть, она крепко застряла в растительном клубке, вцепившись в него зубами и когтями. Особенно страшны были загнутые шипы растения, напоминающего толстого удава, лениво переползающего от ствола к стволу.

Тогда Варгаш повёл машину в сторону, потом в другую — старый приём рыболова, у которого леса зацепилась за корягу. При каком-то из этих манёвров вибролёт внизу дрогнул.

— Есть! — закричал Горин.

Но дело не пошло так просто. Груз, повисший на лесе, выдирался короткими толчками и снова застревал — иногда, казалось, ещё основательнее, чем прежде. Горин и Варгаш действовали терпеливо и настойчиво.

Вот уже вся спина механического насекомого показалась над верхушками деревьев. Только «лапки» — нижняя часть — удерживались невидимыми сверху зацепами.

— Осторожнее! — предостерёг Горин. — Лоо может вывалиться прямо на колючки.

Но тут леса, упруго натянутая, подпрыгнула, как это случается, когда крупная рыба сходит с крючка. Горин, смотревший в люк под ногами, увидел, что леса не оборвалась и крючок цел, более того — по-прежнему крепко держит кольцо. Но само кольцо вместе с двумя-тремя «хребтинами», к которым оно было прикреплено, выдернулось из обмякшей оболочки вибролёта.

Человек Венеры, сидевший внутри яйцеподобного прозрачного туловища, выпал лицом вниз и застрял в ветвях двух переплетённых друг с другом деревьев, прошитых толстым швом колючей лианы.

— Ниже! Как можно ниже! — крикнул Горин.

Варгаш остановил аппарат, только когда примятые и пригнутые ветви с визгом стали царапать обшивку. Горин поспешно захлопнул люк. Жёсткие, колючие ветви вползали внутрь вибролёта и уже шарили там, словно выискивая возможность укусить путешественников за ногу.

Теперь человек Венеры различался хорошо. Мохнатая сутулая спина, бугры мускулов, обозначенных слишком жёстко, словно застывших. Одна рука держала сломанную ветвь и прижимала её к телу. Другая свободно свешивалась. Большие ступни с перепонками между пальцев казались чужими и нелепыми здесь, в лесном океане.

— Бедный Лоо! — сказал Горин.

— Он мёртв! — глухо произнёс Варгаш.

От волнения он слишком сильно нажал клавиш на пульте. Возникший вихрь привёл в движение ветви, и туловище, в которое они вцепились, перевернулось.

— Ой! — невольно воскликнул Горин.

На него глядело мёртвое лицо, морщинистое, исхудалое и вытянутое.

— Это не Лоо, — вымолвил потрясённый Горин.

8

— Один взгляд на этот труп говорит, что перед нами не рядовой представитель населения Венеры. Как хотите, а этот старик с грубыми чертами лица и скошенным лбом представляется мне мыслителем, — сказал Сун-лин, разглядывая фото.

— Ваш мыслитель мог убить Лоо, — мрачно заметил Гарги.

Нгарроба нетерпеливо двинулся с места.

Коробов остановил его жестом.

— Предположим, — сказал он, — что мыслитель действительно захватил вибролёт силой. Тогда, если авария произошла вскоре же, Лоо, живой или мёртвый, должен находиться где-то поблизости. Очень важно и другое: Лоо встретился с сородичами.

Коробов подошёл к табло с фотокартой территории планеты, простирающейся вокруг станции.

— Они должны выйти к воде, — сказал он, вычерчивая световым карандашом большую стрелу. — Но наступает ночь. Они могут уйти в темноте. Искать нужно безотлагательно. Все патрули — в этот район!

В ночном мраке чужая планета казалась особенно дикой и полной загадок. Светящееся облачное небо придавало картине иллюзорность. Внизу мелькали какие-то огоньки: одни двигались без всякой системы, другие оставались на месте. Изредка показывались другие огни, менявшие свой цвет, словно светофор.

— Может быть, нам сигнализируют? — высказал предположение Горин.

— Или сообщают о нашем передвижении, — возразил Варгаш. — Что на экране?

— Слишком много источников инфракрасного света. Картина искажается. Мы где-то на границе леса и воды.

Большой светящийся шар поднялся снизу и поплыл навстречу вихрелёту.

— Смотрите не столкнитесь! — предостерег Горин. — Кто знает, что это за штука.

Сверкающий шар тёмно-синего цвета, словно притягиваемый летательным аппаратом, приближался сбоку.

— Оглянитесь, — прошептал Горин.

Ещё три шара, переливающихся цветами от серебристо-зелёного до ярко-фиолетового, подходили к вихрелёту сзади.

— Не нравятся мне эти ёлочные игрушки, — пробурчал Варгаш.

Он протянул руку к клавишам. Но один из шаров уже коснулся летательного аппарата. Вибролёт качнулся, стал боком, и Варгаш с ужасом почувствовал, что руки его немеют. Горин увидел голубую ленту, вылетевшую из шара, прежде чем он лопнул.

— Это шаровые молнии! — крикнул он. — Или ещё что-то...

Вибролёт крутился на одном месте, будто муха с оторванным крылом. Ещё несколько шаров, словно влекомые любопытством, направились к нему. Их сверкающая поверхность холодно переливалась.

— Ходу! — закричал Горин. — Хоть вверх ногами!

Но Варгаш не мог пошевелить одеревеневшими пальцами. Обозлившись, он ударил по клавиатуре пульта локтём.

Включилось сразу несколько сопел, сильные потоки воздуха забили из вихрелёта, под влиянием какой-то неуравновешенной силы он закувыркался, как бумажный змей, выпущенный из рук. Шары отступили в сторону, но затем снова стали приближаться.

Варгаш хотел крикнуть Горину, чтобы тот переключил на себя аварийное управление, но язык не повиновался ему.

Горин уже сам понял, что должен действовать, но удобный момент был упущен. Автоматические застёжки замкнули его тело в несколько обхватов. Сидя в кувыркающемся кресле, как бы привязанный к нему, Горин испытывал головокружение. Он потерял ориентацию, и протянутые в темноте руки не могли найти переключатель. Шаря лихорадочно ногой, он нащупал педаль аварийного выброса и нажал её. Тотчас же кресло, в котором он сидел, выскользнуло из тела вибролёта и понеслось к сверкающей мелкими огоньками поверхности планеты.

Парашют раскрывался постепенно, так что Горин не ощутил толчка, а почувствовал только усиливающееся давление кресла. В стороне и чуть ниже болталось кресло Варгаша, оно безостановочно крутилось.

Какие-то обломки летели со свистом вниз. Один проскочил совсем неподалёку, другой задел край парашютного купола. К счастью, их успело отнести в сторону, когда следующий, самый большой обломок с рёвом промчался мимо.

Когда ноги Горина коснулись почвы, наверху всё уже было кончено. Он обнаружил, что по колено стоит в болоте. Неподалёку шлёпнулся в воду Варгаш.

Они погасили купола, вынули из-под сидений ранцы с НЗ и побрели, осторожно ступая по вязкому болоту. Проекторы на их шлемах освещали воду, из которой то тут, то там торчали растения, сейчас казавшиеся совсем фантастически.

Когда они приблизились к какому-то кусту, похожему на клубок шерсти, клубок вдруг распался, а нитки, составлявшие его, поплыли по воде, делая резкие зигзагообразные движения и сверкая зелёными точками.

Хотя нижняя часть скафандров изготавливалась из пластических материалов особой прочности и могла соперничать в этом смысле с бронёй, в которую заковывали себя средневековые рыцари, ощущения путников были не из самых приятных.

По радио они уже сообщили о том, что с ними случилось. Каждые десять минут они передавали сведения о себе. Разговоры, которые они вели друг с другом, фиксировались на паутинных нитях магнитной записи. Если с ними что-нибудь случится, товарищи будут всё знать.

Они шлёпали по болоту, проваливаясь местами по пояс. Иногда попадались ямы, в которых путники не могли нащупать дна.

— Может быть, позовём помощь?

— В воде ждть рискованно. Кто гарантирует, что какой-нибудь любопытный не подстерегает нас?

— Достаточно существа с острыми клешнями, — согласился Горин. — Вроде того гигантского жука, которого обнаружили, когда искали Ольсена.

— Яма. Осторожнее! — крикнул Варгаш.

Тотчас же вода перед ним вскипела, и на поверхность вынырнул круто уходящий вверх хребет, заканчивающийся тонкой шеей с маленькой головкой на конце. Рассекая воду, животное поплыло прочь.

— Ах, чёрт! — выругался Варгаш. — Эта тварь меня напугала. Самое смешное, что эти гиганты — отчаянные трусы.

— Нгарроба утверждает, что если тавтолон находится на суше и вы его спугнёте, он в девяти случаях из десяти бросается к воде, а спугнутый в воде, устремляется к берегу. Не проверить ли его теорию?

— Вы предлагаете последовать за этим животным?

— Вот именно.

— Поплыли.

Скафандры держали их на поверхности. Прожекторы, укрепленные на шлемах, бросали длинные полосы света. Они выхватывали из сумрака листья гигантской лилии, лежащие на воде, и бутоны, чуть приподнятые над её поверхностью. Один из бутонов, засеребрившийся в электрическом свете, вдруг задвигался, и из воды показалась утолщающаяся книзу шея.

— Опять тавтолон! — воскликнул Горин. — Или это тот же самый?

Тавтолон, вытянув шею, как это делает лошадь, плывущая в воде, и поматывая маленькой головкой, устремился прочь.

— Послушайте, — спросил Варгаш, — вам не кажется, что он переменял направление? Куда, по-вашему, мы должны сейчас плыть?

— Вон на ту бочку или бревно, которое там болтается на воде.

— Уж во всяком случае это не бочка.

Действительно, предмет, издали похожий на бочку, при приближении к нему утратил это сходство. Теперь он напоминал скорее шляпку гигантского гриба, плавающую на воде.

Но когда Варгаш, подплывая вплотную, хотел хлопнуть гриб ладонью, как это делают пловцы, достигшие финиша, «гриб» вдруг метнулся в сторону и, бурля воду, исчез, оставив расходящиеся круги.

— Это был жук! — воскликнул Варгаш. — Тот самый, чьих клешней мы должны опасаться.

— Куда же плыть? Нам нужен берег.

Слабы свет возник вдруг далеко впереди. Он осветил дерево, ветви, закрученные штопором; жёлтые огоньки пробежали по ним — и всё погасло.

— Костёр?!

Через минуту свет снова появился, но уже в другом месте.

— Он движется?

При следующей вспышке дерево переместилось ещё дальше.

— Не может же дерево шагать по берегу...

— Значит, двигаемся мы!

— Нас несёт течением.

В следующее мгновение где-то далеко, у самого горизонта, вспыхнула и затрепетала зарница. В неясном её свете блеснула вода. Наступила темнота.

Венерианская ночь со светящимися, точно флуоресцирующими облаками хуже самой тёмной земной ночи. Небо сливалось с отражавшей его водой. Возникал какой-то слепящий туман. Наконец слева от себя пловцы увидели остров с одиноким деревом.

Они взяли курс на него. Вскоре он выплыл из темноты, похожий в свете прожекторов на фантастический корабль.

— Видите, мелькают какие-то тени?

— Одна похожа на тавтолону.

— Эти животные не умеют разводить костров.

— Посветите получше!

При свете фонарей неясные блики, бегающие по стволу и ветвям одинокого дерева, померкли. Но зато ясно вырисовывалась огромная туша тавтолону. Он наполовину вылез из воды. Вытянутая шея лежала на песке, словно животное спало.

— Видите? — возбуждённо сказал Варгаш, хватая Горина за руку, когда оба достигли твёрдого песчаного дна и встали рядом.

— Вижу. Это дротик! А вот и второй...

Из туловища тавтолону торчало несколько тонких, похожих на камышины палок.

— Значит, спугнутый и раненный, он пришёл сюда умирать.

— Выходит, версия Нгарробы подтвердилась.

— Тавтолоны нумерованные. Не берусь судить категорически.

— А где тени? Те, что двигались?

— Посмотрите-ка внимательнее.

Горин взглянул на силуэт тавтолона, вырисовывающийся на фоне мерцающего света, и ему показалось, что животное шевелится.

— Это от костра. Обман зрения.

Оба разведчика вышли на берег. У подножия одинокого дерева тлел потухавший костёр. Язычки пламени бегали по сложенным поленьям, иногда какое-нибудь из них вспыхивало, и тогда всё дерево освещалось на короткий миг от подножия до макушки.

Варгаш подошёл к костру и вдруг бесцеремонно засунул руку в перчатке в самое пекло. Горин не успел ничего вымолвить, а следопыт размахивал перед его носом пылающей головнёй.

— Никакой это не костёр! — объявил он. — Возьмите в руку.

Горин осторожно коснулся пальцами головёшки и не ощутил тепла. Тогда он смелее схватил пылающее полено.

Оно светилось холодным фосфорическим светом. Даже сейчас, держа кусок дерева в руках, Горин с трудом убеждал себя, что полено не горит. Он размахнулся и бросил его в сторону. Полено полетело, вращаясь и, как показалось обоим, разбрасывая искры. Тотчас же раздался крик и всплеск воды, затем всё стихло.

— Гм, — пробормотал озадаченный Варгаш. — Такое впечатление, что на острове не только тени.

Они стали обследовать островок. Пустой пляжик, небольшой холм, на нём дерево, под ним фосфоресцирующие венерианские гнилушки.

— И всё-таки это костёр! — торжествующе воскликнул Варгаш. — Смотрите!

Он рылся в груди светящихся кусков дерева, блики бегали по всему его телу. Его малиновый скафандр словно тоже приобрёл способность светиться и пылал в темноте, как факел.

— Обломки не от этого дерева, — резюмировал Варгаш. — Никакой другой растительности на острове нет. Значит...

Хриплый крик прервал его слова.

— Вас зовут, — произнёс вдруг Горин.

Звук повторился, и Варгашу тоже показалось, что он похож на что-то вроде:

— Ва-а-а-ртш!

— Лоо! — закричал Горин. — Лоо!

Он надавил подбородком клапан в шлеме, включающий микрофон для разговора вслух.

— Лоо! — повторил он.

В ответ послышался только слабый шелест ветра в ветвях дерева.

Потом плеснула вода у берега. Оба быстро повернулись в ту сторону. Овальное опрокинутое блюдо плыло, отталкиваясь лапами, как вёслами, и блестя мокрой спиной.

— Опять этот жук...

— Он, оказывается, и кричит.

— И к тому же знает ваше имя.

Слабый свет озарил путешественников сзади. Голубые блики забегали по рукавам скафандров.

Обернувшись, они увидели Лоо, стоявшего позади них с головёшками в руках.

— Лоо! Чёрт! — крикнул Варгаш.

— Вот так жук! — Горин принялся трясти Лоо за руку.

Лоо в свете ламп от шлемов землян лучился самой чистой радостью. Он отбросил ненужные сейчас головёшки.

— Где ты прятался? Почему не вышел сразу? Кто похитил вибролёт?

— Где люди, которые убили кулу?

Вопросы сыпались до тех пор, пока спрашивающие не сообразили, что Лоо с его запасом слов всё равно не в состоянии ни понять, ни ответить им.

Первым опомнился Варгаш.

— Нет. Так нельзя. Давайте по порядку. Где ты был?

Лоо показал на озеро и произнёс слово, означающее «вода».

— Так. Понятно. Что ты там делал?

— Глядел, — ответил Лоо.

— На кого?

— Ты, — пояснил Лоо и ткнул Варгаша рукой в грудь. — Ты, — Лоо показал на Горина.

— Он не сразу узнал нас, — догадался Горин. — Наши прожекторы оставляют человека в тени. Пока мы не осветили себя головёшками, когда стали рыться в костре, Лоо не мог узнать нас.

— Хорошо. А кто устроил костёр?

Варгаш подвёл Лоо к светившимся гнилушкам и показал на них рукой.

— Лоо, — ответил юноша. Он гордо выпрямился. Чувствовалось, что он очень доволен.

— Зачем? — допытывался Варгаш.

Но Лоо только улыбался.

Оба с сожалением посмотрели на юношу.

— Вибролёт? — спросил Варгаш. — Ж-ж... — И он зажужжал, замахав руками, словно крыльями.

Лицо Лоо стало жёстким.

— Хц, — сказал он с оттенком негодования.

— Что значит «хц»?

— Может быть, «украл»? Он первый раз произносит это слово.

— Вряд ли в их языке есть такое понятие. Скорее, «взял» или «отнял».

— Хц, — повторил Лоо. И вдруг сморщил лицо, стал приседать и размахивать руками. Потом выпрямился, гордо уставился в небо и так забарабанил кулаком по грудной клетке, что она чуть не загнула.

Что-то знакомое промелькнуло в сморщенном лице Лоо.

— Узнаёте? Он представляет того типа, чей труп мы нашли в вибролёте, — сообразил Горин. — Значит, Хц — имя.

— Но каким образом вибролёт очутился у него?

Оба выжидающе смотрели на Лоо.

Юноша начал топтаться на месте, вминая в рыхлый песок свои ступни с перепонками. Он сам хотел бы сейчас рассказать всё.

В его голове пронеслись картины недавних событий. Поход в зарослях. Он кружит над лесом, в то время как люди пробираются вниз. Потом привал на какой-то странной поляне: её покрывала трава красного цвета. Хц рвал траву, подносил людям к носу, те, оттопырив клапаны, жадно вдыхали. Постепенно они приходили в возбуждённое состояние, начали ссориться. Лоо пытался уговорить людей покинуть нехорошее место. Он хотел скорее вывести их к воде. Но его попросту отпихивали, если он оказывался у спорящих на дороге.

Хц повелительным жестом, словно он был по-прежнему вождём, приказал Лоо показать ему летающее яйцо. И Лоо, на которого вдруг напало необъяснимое легкомыслие, с какой-то непонятной торопливостью подчинился. Он помог Хц усестись в кресле и нажал рукой рычаг «Внимание» — единственный рычаг, которым Лоо умел пользоваться. В следующий момент Хц вместе с аппаратом поднялся в воздух. Лоо запомнил его торжествующую и испуганную гримасу. Хц, наверное, сам не понял, как это произошло.

Потом Лоо почувствовал, что грудь его словно наливается чем-то тёплым и бурлящим. Он шагнул вперёд, оттолкнул оказавшегося поблизости Быра и стал возбуждённо выкрикивать. Что кричал, он потом не мог вспомнить. Очнулся на траве. Ветер обдувал его лицо. Люди с зевотой поднимались на ноги, мрачные, вялые, недовольные. Когда ветер донёс запах травы, Лоо почувствовал, что он сейчас вывернется наизнанку. Вероятно, нечто подобное ощутили и другие, потому что многие захлопнули клапаны ноздрей, и все дружно пошли за Лоо, когда он повёл их прочь.

Но, сделав несколько шагов, Лоо с ужасом убедился, что не знает, куда идти. Сверху он видел воду — она блестела далеко за лесом. Сейчас, в зарослях, найти правильное направление он не мог. Летающее же яйцо исчезло вместе с коварным Хц.

— Хц, — повторил Лоо и переступил с ноги на ногу. Он сделал неуклюжий жест, долженствующий означать полёт, — простой взмах рукой.

— Это мы знаем, — разочарованно произнёс Варгаш. — Итак, всё, что мы выяснили, — обернулся он к Горину, — имя похитителя. Может быть, когда-нибудь мы поймём, что случилось.

— Для чего костёр? — снова задал вопрос Горин. Он потрогал ногой куски дерева, и они вспыхнули так натурально, что ему захотелось отдёрнуть ногу.

Лоо понял вопрос.

— Вартш, — ответил он. — Го-ри.

— А ведь он устроил эту иллюминацию для нас! — воскликнул Горин. — Но как он сообразил, что мы неподалёку?

— Лоо понимал, конечно, что мы будем его разыскивать. Он знал, что мы ищем его сородичей.

— Знаете, это уже большая сообразительность!

Юноша молча переводил взгляд с Варгаша на Горина. Лицо Лоо изображало внимание и стремление понять, о чём идёт речь. Вместе с тем чувствовалось, что содержание беседы ускользало от него. Лоо понимал только, что разговор касался его. Он растерян и застенчиво улыбался.

— Коу? — настойчиво спросил Горин. — Коу? Как «много» по-здешнему? Ведь «х-хи», да? Коу — х-хи! Х-хи — коу!

Лоо отступил на шаг. Потом показал на воду.

Горин и Варгаш осветили поверхность озера прожекторами. Мелкая рябь появлялась и исчезала вместе с лёгкими порывами ветра. В прибрежной полосе раскачивались тростники.

Лоо подошёл к туше тавтолона, с усилием выдернул один дротик и, опустив его остриё в воду, поболтал. Затем он высоко взмахнул рукой и нанёс сильный удар по воде; ост-

рый сплюснутый наконечник дротика пришёлся плашмя к его поверхности. Раздался звонкий звук, почти музыкальный, но такой резкий, что у Варгаша и Горина, несмотря на наушники в шлемах, зазвенело в ушах. Лоо ударил ещё дважды таким же образом.

Ветер стих. Тростинки, торчавшие из воды, вдруг зашевелились, словно невидимая рыба расталкивала их. Потом они стали расти. И вот из воды стали показываться мокрые, сверкающие в лучах прожектора головы, как две капли воды похожие на голову Лоо.

— Древки от дротиков служат им для дыхания! — воскликнул Горин.

Высунув головы, соплеменники Лоо уставились на Варгаша и Горина круглыми недоверчивыми глазами.

Варгаш и Горин повернулись так, что свет от их прожекторов перекрещивался на фигуре Лоо. В белом свете прожекторов, сверкающий, точно отлитый из серебра, стоял не застенчивый, робкий юноша, каким видели Лоо Горин и Варгаш минуту назад, а вождь — спокойный, властный, сознающий свою силу.

Но что сделают его подопечные в следующий момент? Нырнут снова в воду или пустят в ход свои дротики?

Лоо повернул голову, и, словно волна прошла по озеру, все головы повернулись туда, куда глядел Лоо. Он протянул руку к Варгашу и Горину, и те догадались осветить своими фонарями друг друга.

— Небесные коу! — произнёс Лоо торжественно и не запинаясь. — Небесные коу!

Он сделал паузу. Лоо чувствовал себя уверенно, как Хц в период своего господства.

— Лоо, — сказал Лоо и ткнул себя в грудь. — Коу! — произнёс он веско. Он продолжал показывать одной рукой на Варгаша и Горина, а другую простёр в сторону озера и замерших в волнении слушателей. — Коу, — повторил он настойчиво. И добавил: — Небесные коу!

Выступление Лоо не походило на многословные представления старого Хц.

Сородичи Лоо слушали внимательно. Все ждали, что будет дальше. Лоо не знал, что ещё говорить. Но тут его выручил Быр.

Быру наскучило слушать слова. Мало раздумывающий, поступающий под влиянием порыва, он решительно двинулся к Лоо, разрезая грудью воду с таким шумом, словно не выходил из озера, а бросался в него. Шум разрушил общее оцепенение, охватившее стадо, люди зашевелились, двое-трое испуганно нырнули в воду. Но вслед за тем, подчиняясь стадному инстинкту, и другие потянулись за Быром. Они выходили из воды, отряхиваясь всем телом так, что брызги летели с густой шерсти в разные стороны, и сбивались в кучу, сжимая толстыми, мускулистыми руками дротики.

Никто не приблизился к Варгашу и Горину. Так стояли они двумя группами. Толпа венерианцев и два пришельца с Земли.

В воздухе раздалось тонкое комариное пение.

Варгаш и Горин не повернули головы. Они отлично знали звук вибролёта на большом удалении. Кто-то шёл им на помощь. В шлемофонах прозвучал сигнал вызова. Коробов, находившийся в первом вибролёте, сообщил, что следом за ним летят и другие, но что он боится, не спугнут ли они венерианцев.

Небо вдруг посветлело. Венерианское небо, не отличающееся постоянством, подготовило очередной сюрприз. Течения и вихри, что постоянно разыгрываются в толстом облачном слое, окутывающем планету, образуют иногда что-то вроде окошка, и тогда на поверхности планеты наступает резкое посветление, словно электромеханик в театре включил несколько дополнительных софитов.

Рассвет, давно подкрадывавшийся, вдруг прорвался через такое окошко и осветил дневным бледным, точно процеженным через густое сито, рассеянным светом одинокий островок. Тотчас же погас костёр у подножия дерева, на песке теперь лежали мёртвые деревяшки. Тускло заблестела вода. А звук в небе усилился, вибролёт пел торжествующе и счастливо, как птица на Земле.

Лоо встрепенулся.

Вот тот момент, которого он так ждал, когда старый Мбаэ с покривлённой спиной (его придавила синяя глина в пещере) вывел людей к озеру, ориентируясь на запах воды, он чуял его своими огромными ноздрями сквозь дали зарослей.

Лоо надеялся всё время на небесных коу. Увидев рухнувшее дерево Ночной Огонь, он приказал собрать обломки: пригодятся, чтобы дать знать о себе небесным коу. Увидев воду, Лоо так обрадовался, что, не устраивая отдыха, кинулся в неё. За ним последовало всё стадо. Лоо и его сородичи не любили леса. В воде они чувствовали себя свободнее и увереннее. Течение понесло их, отдаляя всё больше от берега. Они плыли, а обломки дерева в их руках светились разноцветными огоньками.

Вдруг кто-то заметил кулу. Высунув из воды маленькую головку на гибкой шее, она плыла к острову.

Тотчас же, без всякой команды, несколько охотников нырнули и поплыли под водой, стремясь подойти к острову с обратной стороны. Остальные развернулись в цепь и, изогнув её дугой, начали охватывать плывущую кулу с тыла. Загонщики шумели, кричали торжествуя «ха!», били по воде обломками Ночного Огня. Обломки описывали короткие сверкающие дуги, отражающиеся в воде.

Раза два кулу пыталась вырваться из облавы, но огни устремлялись ей наперерез. Тогда она решительно направилась к острову.

Охотники уже сидели в засаде. Быр руководил ими. Каким-то чутьём он умел определять момент, когда выгоднее всего наносить удар кулу. Вот и теперь, едва кулу вышла на мелкое место и показалась почти вся из воды, в тот миг, когда она не могла ни плыть, ни скакать, что делает её особенно опасной, Быр выбежал навстречу ей и с очень близкого расстояния первым бросил своё летающее жало прямо под её передние лапы. От волнения и оттого, что схватка происходила в сумерках, многие охотники промахнулись. Однако жало, брошенное Быром, сразило кулу. Это было редчайшей удачей. Случалось, что и днём кулу уходила от охотников, унося в своей толстой коже до десяти жал.

Обломки Ночного Огня сложили в одном месте. Переливающиеся холодным пламенем, они освещали весь остров и сражённую кулу.

Все беспрекословно слушались Лоо. Он велел захватить Ночной Огонь, и тот помог в охоте на кулу. Он приказал сложить Большой Ночной Огонь, и опять все увидели, что это хорошо. Но когда Лоо заявил, что скоро прилетят небесные коу, люди всполошились. Фигура старого Хц, потрясающего длинными руками, предостерегающего, грозного, жила в их воображении. Их мозг не мог переварить столько событий за короткое время.

Поэтому, когда на озере показался яркий свет, все бросились в воду.

Лоо полез в воду вместе со всеми. Но он всё время поглядывал из-за куста. Когда ему показалось, что он узнал Варгаша, он окликнул его.

И вот все стоят в нескольких шагах от небесных коу.

При общем молчании Коробов посадил свой вибролёт на песчаном холме. Люди Лоо уже видели летающее яйцо и, провозжая его взглядами, продолжали ждать.

Коробов знал около тридцати слов из языка существ, стоявших против него, но решил применить всего три. Случайно он выбрал почти те же самые, что вымолвил уже Лоо. И повторение одних и тех же слов руководителями двух человеческих коллективов с разных планет придавало происходящему характер своеобразного устного договора.

— Коу, — сказал Коробов и показал на себя. — Коу, — повторил он и протянул руку к венерианцам, десятками глаз следившим за каждым его жестом. — Лоо. — Он указал на Лоо. — Ко-ро-бов, — произнёс он и указал на себя. Он хотел сказать «друзья» или «братья», но ему не доставало слова, которое могло бы иметь подобный смысл.

А небо ещё больше посветлело, и в нём ясно слышался разноголосый шум нескольких вихрелётов. Машины мчались к островку, окружённому серо-лиловой водой, обгоняя друг друга и заливаясь на разные голоса. Вызванные по сигналу «тревога», обитатели станции спешили на первое свидание с жителями Венеры.

Венерианцы повернули головы к небу, но продолжали молчать.

Тогда Коробов понял, что и ему нужно сделать паузу. То, что видят сейчас эти волосатые существа с круглыми без век, звериными глазами, с жадно оттопыренными клапанами носа и ушей, со ступнями, похожими на ласты животных, то, что они воспринимают сейчас, гораздо больше того, что он смог бы передать им словами их языка, даже если бы владел полным их запасом.

Вихрелёты один за другим шумно, поднимая клубы песка, садились на тесный остров. Из них выбегали люди в скафандрах, окрашенных в разные цвета. Рассветные сумерки смягчали краски, и фантастическая картина казалась нарисованной нежной пастелью.

Одним из первых на песок соскочил огромный широкоплечий Нгарроба. Думая, что все церемонии закончены, или просто забыв про них, он, обрадованный встречей с Лоо, бросился прямо к нему и сжал его в своих объятиях. Землянин, какой-нибудь нежный Гарги, тут же и погиб бы, вероятно, как шутил впоследствии сам индеец, но для Лоо стальные обручи африканца соответствовали самое большее лёгкому похлопыванию по плечу.

Счастливый, прекрасно настроенный, Нгарроба бросился жать руку Быру, стоявшему впереди остальных.

Коробов радостно рассмеялся. Нгарроба нашёл то слово, которого не хватало Коробову, а заодно и способ его передачи.

Быр, ослабившись так, что рот раскрылся до ушей, действуя тоже скорее импульсивно, чем разумом, стиснул в ответ руку Нгарробе.

Это был самый опасный момент в жизни африканца, как признался он впоследствии.

«Я почувствовал, как кости у меня хрустят, — говорил он, — я напряг изо всей силы пальцы, чтобы они не оказались раздавленными в лепёшку. Природа, отправляя этих ребят в долгий путь развития, снабдила их таким запасом сил и здоровья, что можно только позавидовать».

Нгарроба побледнел, что стало заметно даже сквозь прозрачный шлем. С большим трудом он удерживался, чтобы не скорчиться и не упасть на колени. Когда жим его страшного друга ослаб, Нгарроба собрался с силой и что было мочи двинул Быра по плечу. Рука Нгарробы отлетела, точно от кожаной боксёрской груши. Быр снова ослабил. Африканец закрыл глаза, ожидая ответного удара, от которого он отлетит метров на двадцать. Но Быр, видимо, не сообразил дать такой ответ. Он только зажмурился, как кошка, у которой почесали за ухом. Тогда Нгарроба дал ему ещё два тумака, после чего оба почувствовали, что стали друзьями.

Эта сцена сняла все остатки напряжённости. Неподвижные, словно скованные, фигуры венерианцев зашевелились.

— Ха, — произнесли несколько хриплых резких голосов.

Лоо поднял кверху дротик, и все замолкли.

Он протянул дротик Коробову, и тот взял его.

— Ха! — воскликнули единодушно венерианцы.

— По-видимому, что-то вроде посвящения в охотники, — сказал Сун-лин. — Вас как бы принимают в члены этого племени.

Быр уже протягивал свой дротик древком, покрытым грубыми зарубками, Нгарробе.

— Ха! — снова воскликнуло стадо.

— Дело подвигается вперёд, — заметил Гарги. — Отношения устанавливаются.

— Кто дежурный на станции? — спросил Коробов.

— Ив.

— Пусть передаёт на Землю.

— Репортаж идёт, — сообщил Гарги.

С островка на станцию, а со станции на Землю летели сигналы. На далёкой родной планете люди, затаив дыхание, следили на телеэкранах за тем, как первые венерианцы вручали их посланцам символ дружбы — свои дротики. Оружие, которому никогда не суждено будет отныне быть обращённым против человека.

— Лоо! — воскликнул Нгарроба. — Чёрт! Иди, я тебя ещё раз обниму. Ты всё-таки молодец! Решил задачу, над которой мы так долго бились!

Лоо наморщил нос.

— И-дём, — сказал он отчётливо.

И все рассмеялись.

В. САПАРИН

ПЫЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

1

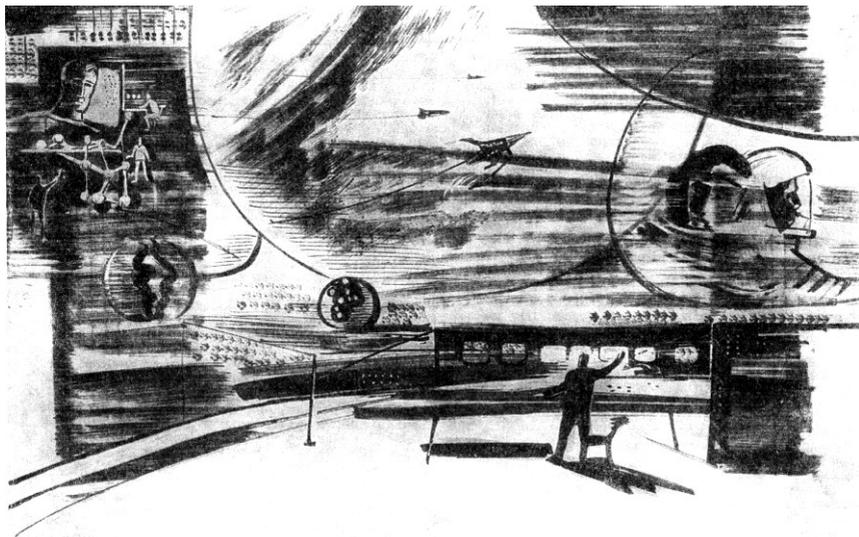
Планета жила своей жизнью. Люди работали, писали стихи, забивали голы на футбольном поле, слушали музыку, ходили и ездили в гости, воздушные лайнеры переносили тысячи пассажиров через океаны и материки, а на трассе Земля—Луна в назначенный час отходили ракеты... Казалось, ничто не изменилось, но в сознании каждого, где бы он ни находился, в самой глубине билось ощущение необычайного. И разговор, на какую бы тему ни зашёл, невольно касался того, что всех интересовало.

Пассажиры одного из трансокеанских лайнеров узнали о начале события по табло в салоне: голубая линия маршрута, радовавшая глаз геометрической прямизной, вдруг изогнулась, и звёздочка, обозначающая местоположение корабля, поползла по кривой.

В окнах виднелась всё та же высотная, почти чёрная синь. Только солнце, задёрнутое невидимым фильтром, жёлтое и плоско-круглое, словно блин, передвинулось и торчало теперь не сбоку, а сзади. Земля внизу была затянута облаками.

— Теперь уж ни одна душа не проникнет в зону, — произнёс седовласый пассажир. Он ни к кому прямо не обращался. — Только автоматы увидят, как это выглядит.

— Мы с вами тоже, — быстро откликнулся молодой человек с открытым взглядом, сидевший напротив. — Если захотим!

— Да, конечно, — согласился седовласый, искоса взглянув на собеседника. Что-то в лице юноши заинтересовало его. Пассажир решил продолжить разговор. — Это верно:

мы можем видеть, что происходит на Венере, или на дне Тихого океана, или в кратере вулкана, не вставая с кресла. Наши глаза разбросаны по всей солнечной системе. Но вам не кажется, что одно дело — смотреть почти осязаемое, объёмное, в натуральных красках изображение, представлять себя среди стада разъярённых слонов, слышать их дыхание и шелест ветра от их движения и совсем другое дело — подвергаться настоящей опасности, рисковать быть раздавленным или поддетым клыком, вдыхать пыль, поднимаемую стадом, пыль приключения? Ведь вулкан, на вид самый настоящий, мечущий пылающие бомбы, совершенно безопасен. Метеориты, нацеленные в вашу голову, когда вы будто бы стоите под открытым небом на Луне, бесплотны. Сознайтесь: вам хотелось бы самому побывать хоть раз на месте действительного происшествия?

— Один раз со мной это случилось. — Юноша вдруг посерьёзней. Он не замечал лёгкой иронии собеседника. — И, знаете, без этого приключения мне чего-то очень не доставало бы. Вы правы: настоящее приключение, хотя бы одно, должно быть в жизни каждого. Я даже думаю, что характер людей прошлого века — я имею в виду тех, кто создавал общество, в котором мы все теперь живём, — складывался таким волевым и напористым именно потому, что на пути к осознанной цели их подстерегали многие приключения. Ведь даже прокладка дороги в тайге требовала в ту пору подчас самого настоящего героизма.

— А в наше время? — лукаво прищурил глаз его собеседник.

— Сами знаете, — вздохнул юноша. — Контроль безопасности трясётся за благополучие каждого из нас от рождения и до глубокой старости. Приключения теперь...

— Исключены? Или почти исключены? А вам не кажется, что приключение сейчас происходит с целой планетой? И всё население нашей Земли переживает его, потому что оно касается всех. Что-то я не слыхал, чтобы раньше бывали происшествия такого масштаба!

— О, конечно! Но я имел в виду приключения, так сказать, личного плана.

— Личного? — собеседник юноши задумался. — Ну, так вот, представьте себе, я переживаю сейчас, да, да, в этот самый момент, сильнейшее приключение моей жизни. А в ней, знаете, многое бывало.

Юноша невольно обвёл взглядом салон. Люди спокойно сидели в креслах: кто читал, кто смотрел в экран блок-универсала, кто поглядывал в окно.

Собеседник чуть насмешливо поглядел на юношу.

— Я — один из авторов математической завесы. Не понимаете? Ну, той самой, что заставила только что свернуть с курса наш лайнер.

— Математической?...

— Ну да, состоящей из цифр. Попросту говоря, наши счётно-решающие машины сообщают штурманам-автоматам цифры, поправки к курсу, — пассажир говорил сейчас деловито, — и самолёты обходят запретный район кратчайшими удобными путями. Весь сложный транспортный механизм планеты продолжает бесперебойно действовать. Это гораздо выгоднее магнитной завесы или электрической, которые предлагались для этой цели. Те ведь просто образуют непроходимый забор для самолётов, воздействуя на их приборы управления.

— А если... — юноша замялся. Он не знал, как лучше спросить. — Если какой-нибудь... Если какая-нибудь цифра...

Седовласый пассажир понимающе кивнул.

— Наш институт дал слово Контролю безопасности, что система абсолютно надёжная. А я руководитель института. Значит, моё слово и моя совесть подвергаются сейчас такому испытанию, что стой я на поверхности Луны и сыпсья на меня самые настоящие метеориты, мне было бы гораздо легче. Вот почему я называю это приключением. Ведь что главное в настоящем приключении? Не погоня за острыми ощущениями, а испытание духа прежде всего. И это остаётся самым существенным и в тех случаях, когда человек подвергается особой опасности и когда от него требуются и сила, и выносливость, и физическая закалка. В ваши годы я не представлял себе так отчётливо этой общности.

Юноше показалось, что лицо его собеседника вдруг изменилось. Подбородок очертился твёрже, западины щёк стали заметнее, точно на них упала тень, все черты выглядели жёстче.

— Идём на посадку, — объявил автомат, — на запасный аэродром «Новая Зеландия Третья». По новому, временному расписанию отсюда можно проехать...

2

Как всегда в последнее время, Костя и Оля встретились на берегу моря.

Мальчишки, игравшие на пляже, подняли страшный крик. Одни бегали по гальке в игрушечных скафандрах, другие, голые, бросались в воду и лихо плыли, держа в руках дробтики, — видимо охотясь на воображаемого зверя.

— Играют в экспедицию на Венере, — сказала Оля. — Вон тот, загорелый, наверное, Лоо. А этот, в голубом скафандре, конечно, изображает Нгарробу.

— Чего ж ты хочешь! Следующие поколения мальчишек будут играть в перемещение планет, или в поворот земного шара, или...

Оля взглянула на Костю. Каменная беседка, в которой они сидели, напоминала о прочности, незыблемости и даже вечности.

— Всё-таки это очень рискованно, — сказала она. — Опыт с целой планетой! С человечеством в конце концов.

— Ты и права и не права, — возразил Костя. — Опыт действительно грандиозный, — он положил руку на тёплый от солнечных лучей парапет. — Климат Земли зависит от многих факторов. От характера её поверхности — тут человек кое-что изменил, сместив горы, соединив материки, оросив пустыни. От морских течений и воздушных потоков — и тут человек вмешался и внёс свои коррективы. Есть и такой существенный фактор — наклон земной оси к орбите. Раньше он считался неизменным и как бы выбрасывался из расчётов. Но вот оказывается, что теперь и это нам под силу. Ты же знаешь главное: по заданию Планового бюро сотни научных учреждений разработали комплексный план создания благо-

приятных природных условий на всей Земле. Зона, особо благоприятная для жизни, будет постепенно расширяться, пока она не охватит всю планету. План будет осуществляться в течение десятков лет. В него включается и изменение наклона земной оси.

— Но ведь если растают льды, — покачала головой Оля, — произойдёт тысяча катастроф.

— Ничего не произойдёт. Вот тут-то ты и ошибаешься. Нынешнюю сенсацию заметят только астрономы и вообще учёные, а не мы с тобой. — Костя рассмеялся. — Речь идёт сегодня о смещении земной оси на ничтожную величину. Только тончайшие приборы уловят разницу. Ведь это всё лишь опыт. Хотя и с целой планетой.

— Мне не совсем ясно одно, — сказала девушка. — Почему именно сейчас поставлен опыт? Есть в этом какая-нибудь особая необходимость?

— Когда-нибудь же надо начинать. Не начинать — значит никогда не свершить. Человечество созрело для таких задач. Если хочешь знать, — добавил он, — нынешний опыт нужен для развития науки. Теоретическая мысль человечества в этой области подошла уже к такой ступени, что требуется конкретный опыт, иначе она не может развиваться дальше. Теория и практика человеческая здесь сошлись. Таковы масштабы деятельности человека сегодня — вот и всё.

Они помолчали с минуту. Потом перешли к своим личным делам.

— Ну, а как твоя картина? — спросила она другим тоном.

— Это оказалось труднее, чем я думал. Знаешь, чего мне не хватало до сих пор? Зрелости. Обыкновенной человеческой зрелости. Я почему-то думал, что личный героизм присущ лишь прошлой эпохе, когда боролись за то, чем мы сейчас обладаем. Сегодня, когда я летел к тебе, я встретил одного человека, просто попутчика... И вот в случайном разговоре нечаянно он раскрыл передо мной целый мир приключений, присущих современному человеку в его повседневной жизни. Не только в космосе, но и на Земле тоже силы человеческие — нравственные и физические — проходят большие

испытания. И я понял, что в моей картине недоставало главного. Раньше мне всё представлялось очень ясно. Даже, пожалуй, слишком. Спокойная, как солнечный восход, картина: тайга, трасса, прорубленная среди заросших соснами сопки, уставшая машина и полный ещё не растраченных сил молодой тракторист. Простой парнишка, протянувший руки к струе воды, которую льёт из кувшина девушка... Получалось простое счастье двоих, извечно существующее и никогда не умирающее, чистое, как солнечный луч. Но ведь мои герои не просто он и она, и их время не равнозначно всяким другим временам. В юноше и девушке там, в тайге, заключено будущее человечества. Значит, наше сегодня. Более того, и наше завтра тоже. Именно это-то и делает простого юношу и простую девушку, рядовых людей своей эпохи, героями! Но вот этой нити к нам, к нашим сегодняшним делам я и не сумел показать.

Он даже поник головой.

— Так хочется изобразить то легендарное время, ту героическую эпоху, когда день за днём строилось коммунистическое общество, — продолжал он тихо.

— Ты очень разбрасываешься, — с суровой заботой произнесла девушка. — Вместо того чтобы заняться чем-нибудь устремлённо, меняешь профессию за профессией! Восемь месяцев работал в группе по проектированию планетного двигателя, а сейчас, когда начался эксперимент, разъезжаешь по всей планете. Наверняка ищешь новое «интересное занятие».

— То моё дело уже завершено. Теперь я должен на некоторое время отойти в сторону. Разъезжаю же я не зря. Хочется посмотреть ещё раз на планету, окинуть взглядом объект, над которым прodelывается такой опыт. В некотором роде с моим, пусть и маленьким, участием. И, конечно, я ищу нового приложения своих сил. Тут ты права. Академик Нестеров говорит, что настоящим художником может стать только человек, перепробовавший своими руками всяких человеческих дел, много испытывавший в жизни. Чтобы отдать людям, надо иметь, — говорит он.

— А что ещё говорит академик Нестеров?

Костя откинулся на спинку скамьи.

— Он говорит, что прописную истину наших дней — «каждый может стать Ломоносовым или Леонардо да Винчи» — нужно понимать глубоко, в историческом развитии. Что он имеет в виду? Гениальные одиночки, одновременно учёные и художники, люди многих направлений творческой мысли, долгое время служили исполинскими маяками в развитии науки и культуры. Потом люди решили, что время Ломоносовых прошло. Наука, одна какая-нибудь отрасль её требовала всей жизни человека, и этого было ещё мало. Науки стали дробиться, и всё равно человеческой жизни не хватало: учёный уходил, не свершив много из того, на что был способен. Ему просто недоставало времени: часов в сутках и самих суток. В то же время нарождались новые науки, они быстро развивались, и требовалось охватить их взглядом не только глубоким, но и достаточно широким. Некоторые склонны были видеть в этом противоречии кризис человеческого ума. Но ум человека разрешил это противоречие. — Костя остановился, оглядел горы на берегу, башню в форме километровой иглы на самой высокой вершине, окружённой снегом, станцию релейной связи, перевёл взгляд на мальчишек на берегу и в раздумье продолжал: — Человек придумал машины, которые так же в несчётное число раз усиливают возможности человеческого мышления, как электронные микроскопы и радиотелескопы обостряют наше зрение. Работоспособность человека неизмеримо увеличилась. А ведь работоспособность — это девяносто девять процентов гениальности, так по крайней мере всегда утверждали сами гении, — засмеялся он. — Конечно, тот один, сотый, процент играет огромную роль. Но ведь в распоряжении любого исследователя сегодня вся наука человечества в доступной и удобной для пользования форме и все лучшие умы, гении современности, которые либо придут ему быстро на помощь, либо разовьют его идеи на самом высоком уровне, если он сам не в состоянии это сделать. Ты понимаешь, что коллективная мысль, организация совместного творчества людей в масштабе целой планеты и полный простор для творчества всех людей в самых разных областях и делают каждого из нас подобным Ломоносову или

Леонардо да Винчи. Мы как бы часть коллективного гения, все — и самые великие и самые скромные. Каждый может, а значит, и обязан развивать все свои способности! И у нас на всё хватает времени. Извини за эту маленькую лекцию. Я, наверное, слишком долго думал над этим последнее время. И должен был высказаться. Вот почему, — добавил он, — у многих не одна профессия, не говоря уже о смежных специальностях. Даже тот, кто почти целиком отдаётся одной большой страсти, обыкновенно хоть крохотную частицу души оставляет ещё какому-нибудь маленькому увлечению. И я вовсе не мечусь, я пробую себя. Пробую во всех областях, к которым у меня появляется интерес. В прошлом случалось, что люди обнаруживали у себя таланты на склоне лет. Сейчас, как ты знаешь, это рассматривается как серьёзная вина самого человека.

— Ты так увлечён прошлым...

— Это помогает мне лучше понять настоящее.

Девушка помолчала.

— У Леонардо да Винчи, помнится, были и другие увлечения, — сказала она вдруг.

— Да, он увлекался очень многим. Воздухоплаванием, например. Потом... что ты смеёшься?

— Ничего.

Теперь она смотрела на Костю лукаво, совсем как та девушка на эскизе его картины, что помогала умыться трактористу, и как та, что столько веков улыбалась на картине самого Леонардо.

Костя посмотрел на Олю.

— Я дурак! — произнёс он убеждённо. — Конечно, выражаясь языком прошлого, — добавил он, пытаясь ещё шутить.

В его глазах отразилось чувство глубокого страха: несколько мгновений он смотрел на девушку, словно боялся, что её сейчас отнимут у него. Губы его шевелились, но он не мог вымолвить ни слова.

— Нет, просто мальчишка, — возразила Оля. Она была пронизательнее, чем он, хотя он и больше знал.

Она провела рукой по его волосам.

— Ты даже такой же растрёпанный, как те мальчишки, что играют в экспедицию на Венере.

Эти слова вдруг напомнили им о другой, более близкой планете, той, на которой они жили.

— А вдруг что-нибудь произойдёт не так? Смотри! — Девушка схватила Костю за руку. — Вода прежде доходила только до того камня, а сейчас он мокрый. Море перемещается...

Юноша внимательно посмотрел на камень. Интерес, удивление, потом лёгкое сожаление промелькнули на его лице. Он рассмеялся.

— Это прилив. Не волнуйся — там всё рассчитали.

3

— Внимание, — сказал голос. На командном пункте стало тихо. Никто из сидевших не тронулся с места. Современный человек не стоит у пульта, управляя могучими силами, которые ему подвластны; исполнительная машина — математика, воплощённая в электронике, осуществит сейчас замысел, над которым люди работали много лет. Просто наступило молчание.

Лёгкий балкон, на котором сидели люди, опоясывал зал — пол его представлял собой экран объёмного изображения. Казалось, они парят в воздухе над страной лилипутов. Впрочем, населения здесь не было. Человеческая нога не ступала, да и не могла ступить на эти вершины и скользкие склоны. Горную страну выкопали из-под слоя льда толщиной в два, а где и в три километра, прорубив в нём каньон с отвесными стенами. На дне каньона длиной в добрую полусотню километров сверкали, выглядывая из тени, пики, а пониже темнели хребты, похожие на чёрных гусениц. В следующий момент создалось впечатление, что балкон поплыл: присутствующие как бы пронесли над ледяным каньоном к тому месту, где он начинался. Здесь во льду был вырублен круг, в центре его располагалась широкая, похожая на заклёпку, загнанную глубоко в тело планеты, рыжая, словно ржавая, гора. На склоне горы темнело овальное пятно.

Пятно вдруг засветилось. Казалось, там, внутри горы, кто-то раздувает пламя. Крупные искры вылетали из отверстия и проскакивали на несколько километров по ледяному ущелью, расширяющемуся к противоположному концу.

— Скальные обломки, — сказал кто-то.

Послышался лёгкий шум — грохот, приглушённый в тысячу раз. Потом гора вздрогнула. На худом лице Манташёва заиграл желвак. Вот он, миг, которого так ждали! Архимед тысячелетия назад сказал: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю». Человечество нашло, наконец, силу, способную сделать это, опираясь на самую планету. Реактивный двигатель, встроенный в тело материка около полюса, сдвинет земную ось.

Гора словно выстрелила. Из жерла на её склоне выметнулся длинный огненный язык. Он занял почти половину каньона, потом стал вытягиваться. Словно желая избавить наблюдателей от жара бушующего пламени, ущелье отодвинулось и стало теперь видно во всю свою длину. Огненный язык всё вытягивался и вышел за пределы ущелья. Его конец лизал воздух уже над поверхностью земли.

— Ну что ж, форсунка заработала, — с удовлетворением произнёс Забелин. — С точностью до секунды.

— Что скажет Земля? — возразил Манташёв. Желвак на его щеке продолжал шевелиться, как бы в такт каким-то невысказанным мыслям.

— Сто раз прикидывали!

— На счётных машинах. И на модели. А на планете ни разу.

— В конце концов опыт может быть приостановлен. Достаточно произнести слово «стоп». Контроль безопасности не дал бы согласия на производство эксперимента, если бы всё не было сто раз подстраховано.

Ледяная броня возле ущелья таяла. Потоки воды хлынули в каньон. Клубы пара закрыли картину: в глубине волнующейся белой завесы лишь изредка появлялись и исчезали розовые пятна.

Забелин включил инфракрасный экран. Язык пламени стоял ровно, почти не шевелясь.

— Процесс идёт нормально, — сказал он.

Все умолкли.

Стрелки на циферблатах, кривые на экранах осциллографов докладывали, что всё идёт как надо. Никто не смотрел на них; они фиксировали данные для истории. Если бы что-нибудь отклонилось от нормы, — автоматический контролёр немедленно доложил бы. За всеми приборами, кроме того, следил особый сверхприбор, который поднял бы шум, если бы что-нибудь с чем-то не сходилось.

Вынужденное бездействие казалось невыносимо томительным. Столько напряжённой работы в течение многих лет было вложено в подготовку этого момента — и вот они сидят и смотрят картину на экране на положении простых зрителей.

— Да, — сказал Забелин, чтобы нарушить молчание. — Когда-то наш предок грелся у костра, поворачиваясь к огню стынувшим боком. А сегодня мы берёмся за земную ось и собираемся повернуть матушку Землю к Солнцу той её стороной, которая, по нашему мнению, больше нуждается в тепле.

Манташёв молчал. Конечно, замысел грандиозен. Ответственность, которую взяли на себя авторы проекта, и смелость человечества стоили одна другой.

Шли минуты и часы...

— Ну, вот и всё, — почти разочарованно произнёс один из собравшихся, откидываясь в кресле. — Вот так и будем сидеть пять суток.

Но тут один из приборов неожиданно произнёс, отчётливо выговаривая каждое слово:

— Материк сдвинулся с места!

Можно было и не глядеть на другие приборы, на разные голоса подавшие сигналы тревоги. Даже простой глаз видел, что гора, изрыгающая пламенный язык, медленно уходит вместе с каньоном и ледяным плато из поля зрения.

— Верните её! — крикнул кто-то, не выдержав.

Манташёв тронул рукоятку. Гора остановилась. Потом двинулась назад и заняла прежнее место.

— Нет, не на экране, а в действительности, — потребовал тот же голос. В нём прозвучали нервные нотки.

— Мы можем только выключить двигатель, — спокойно сказал Забелин.

Манташёв взглянул на красный зрачок на пульте.

— Доложите обстановку, — потребовал он, склонившись к микрофону под зрачком.

Особый сверхприбор, наблюдающий за работой всех прочих приборов, обобщающий их показания и делающий логические выводы, тотчас же сообщил:

— Оторвался кусок материка и движется под влиянием силы отдачи двигателя.

— Решение?

— Нет данных. Нужны измерения оторвавшейся части.

— Выключить двигатель мы можем, — всё ещё спокойно сказал Забелин. — Но вопрос: стоит ли?

— Ответ мы должны получить быстро, — озабоченно произнёс Манташёв. — Иначе... — он умолк.

4

Зрелищу нельзя было отказать в красоте. Чуть подсвеченная изнутри модель планеты с нежно-голубыми океанами и золотистыми материками вращалась в такт с ходом суток. Вокруг макушки Земли ползали жуки — то зелёные, то красные, меняя цвет при подходе к черте. Многие жуки, даже не приближаясь к запретной линии, заранее изменяли курс.

— Вы, собственно, зачем сюда явились? — спросил Свиридов. — Ваша математическая завеса действует как надо.

Седовласый человек с нервным лицом выглядел смущённым.

— А если какой-нибудь тупой автомат? — озабоченно произнёс он.

— В тупости автоматов их сила, — возразил Свиридов. — Они не знают неповиновения.

— Но какая-нибудь отказавшая деталь...

— В аварийных устройствах все детали повышенной надёжности. Наиболее ответственные дублируются. Вы позабыли азы Контроля безопасности? Я не узнаю вас. Что с вами?

Чернов вздохнул.

— Сам не знаю. Мне всё кажется, что может произойти какой-нибудь нелепый случай. Один самолёт с неисправной антенной, и...

— Самолёты с неисправными антеннами не выпускаются в рейс. У них не запускаются моторы. Вы же знаете. Если в оборудовании хоть малейшая неисправность, стартовый автомат не срабатывает.

— Неисправности могут появиться в полёте!

— Тогда срабатывает посадочный автомат. И это вы тоже знаете.

— А если...

— Хватит ваших «если», — рассердился Свиридов. — Для чего, по-вашему, мы сидим здесь? Чтобы обезопасить эти «если» и чтобы вы были спокойны. Вы и Контроль безопасности.

— Но один случай всегда может выпасть... Я должен допустить его просто как математик...

— Теория вероятностей на вашей стороне. На нашей стороне — техника, — Свиридов кивнул на стеклянную стену, за которой стояли две аварийные машины в полной готовности к вылету. — Восемь аварийно-спасательных станций подкарауливают этот ваш математический случай. Вы успокоились, дорогой друг? Вам нужно просто отдохнуть...

— Можно я посижу с вами? Сам не знаю, что со мной. Всего несколько часов назад я был совершенно спокоен. А сейчас...

— Ладно, — Свиридов повернулся во вращающемся кресле. — Устраивайтесь на диване. В конце концов мы с вами обеспечиваем вспомогательные операции. На главном направлении наступаем не мы. Вы ведь слышали, опыт идёт совсем не так, как ожидали.

— Да, Антарктида сдвинулась. — Чернов уселся на диване. Глаза его машинально следили за цветными жуками на табло.

— Совет заседает непрерывно, — сказал Свиридов. — Собственно, сейчас нельзя даже просто прекратить экспери-

мент. Раньше считалось, что его могут приостановить в любой момент, а оказалось, что нет.

— А как же расчёты?

— Риск есть в любом опыте. Иначе это не опыт. До каких-то явлений наши цифры ещё не дошли. Все считали, что Антарктида выдержит. Какую-то слабинку в глубине недоглядели — примесь в породе, изменение в расположении кристаллов, мало ли что. Какой-то брак в работе природы. Ведь материк вовсе не монолитный, а сила приложена к Земле истинно космическая. Материк треснул, и кусок его там, где находится двигатель, пришёл в движение. Теперь трудно сказать, что лучше: оставить оторвавшийся кусок Антарктиды там, где он есть, остановив опыт, или перегнуть в такое место, где его влияние на размещение массы Земли будет наименьшим. Вы знаете, сейчас планету взвешивают очень скрупулёзно — приборы могут заметить чуть ли не ваши шаги по Земле. Представляете, какую приборы подняли панику! Счётные машины пересчитывают всё заново. Но им нужны точные сведения об оторвавшемся куске материка.

— Роботы их дадут.

— Готовых автоматов для такой именно работы нет.

— Их надо изготовить.

— Боюсь, что просто не успеть.

Резкий звонок прервал разговор.

Свиридов поднял глаза к табло.

Два рубиновых жука пересекали красную линию.

Звонок умолк и тут же затрещал снова.

Ещё два жука в другом месте словно шилом проткнули красную нить.

Звонок зазвенел в третий раз. Ещё одна пара жуков решительно и прямо нацелилась на линию обороны.

Чернов приподнялся с места.

— Станция «Шесть»? — послышался голос начальника спасательной службы.

— Машины на старте! — откликнулся Свиридов. — Готовность к вылету — одна секунда.

— Обождите, — сказал Ван Гульден. — Это машины «Скорой помощи» пошли на задание. Что случилось? Ничего.

Вернее, слишком многое... В общем через семь минут и к вам придут учёные, отдайте им машины. Ничего не поделаешь; только машины «Скорой помощи» снабжены устройством, позволяющим проникать за математическую завесу. Учёные полетят к месту действия. Да, им необходимо там побывать. Самим. Продолжайте нести дежурство, — добавил он. — Получите запасную машину со станции «Восемь».

— Ну, — воскликнул Свиридов, поворачиваясь в кресле. — Вот случай, которого даже вы не сумели придумать! Кажется, сегодня работы хватит!

5

Машина шла на высоте двенадцати километров. Три слоя облаков отделяли наблюдателей от Земли.

— Видишь, меньше, чем на командном пункте, — пожаловался Манташёв.

Действительно, после эффектного ощущения полёта над Южным полюсом, которое создавали видеоустройства командного пункта, когда людям казалось, что они парят в воздухе и могут переноситься в мгновение ока в любое место, реальный полёт выглядел скучным. За окнами пустота. Табло в кабине самолёта напоминало картину в рамке, повешенную на стенку.

— Как странно получилось! — подумал вслух Забелин. — Казалось, всё абсолютно взвешено.

— Процент неведомого всегда велик там, где что-нибудь делается впервые, — возразил Манташёв. — Вы думаете, первому полёту человека в космос не предшествовали опыты без людей? Их было столько, сколько требовалось, чтобы получить достаточную уверенность, хотя риск всё же оставался... То, что мы делаем, тоже опыт. Не на модели уже, как было до сих пор, а прямо на Земле. И, наверное, потребуется ещё не один такой опыт, пока операция в окончательном виде не предстанет как абсолютно надёжная. Ведь какая сила прикладывается! Земля ничего подобного ещё не знала...

— Раз Контроль безопасности разрешил наш полёт в зону, значит он считает положение достаточно серьёзным.

— Он, как и все мы, считает, что немногие могут и даже должны рисковать в интересах миллионов. Кроме того, он исходит из принципа: человек не должен уступать без боя обстоятельствам. В этом залог безопасности людей; в том, чтобы они были сильные и смелые.

Он взглянул на табло.

— Повторим для ясности условия задачи. Выключить двигатель мы можем в любой момент. Здесь нет никакой проблемы. И если бы двигатель оставался на месте, а не кочевал вместе с оторвавшимся куском Антарктиды, никаких осложнений не произошло бы. Сейчас, выключив двигатель, мы не восстанавливаем статус-кво. Значит, возникает необходимость иметь возможность включить двигатель после остановки. То есть это уже не вулкан, а мотор, который мы включаем, выключаем и снова включаем, что раньше не предусматривалось. И возможности тут...

Он взглянул на Забелина.

— Я уже докладывал, — пожал тот плечами. — Двигатель не рассчитан на повторное включение. Он активно работает восемь часов в сутки. Мощность его за этот срок меняется. Наибольшая — когда реактивная отдача действует прямо в сторону поворота Земли. Остальные шестнадцать часов идёт тихое горение, но с очень высокой температурой. Земля делает оборот, и двигатель снова начинает извергать мощную струю раскалённых газов. Это переключение нами не управляется. Просто горючее заложено перемежающимися слоями: активный слой, слой поддержания реакции. Это сделано именно потому, что включать его заново очень трудно. Камера должна охлаждаться месяца полтора. Только потом туда смогут проникнуть автоматы, чтобы установить новый запал и подвести провода на место тех, что сгорели. Там всё накалено. Ведь это на самом деле вулкан, только в тысячи раз более сильный, чем настоящий. Заглушить его мы можем легко, впрыснув в жерло вещество, останавливающее реакцию. Ракеты стоят наготове.

Манташёв покачал головой.

— С точки зрения механики самое неприятное, если возникнут биения. Ведь сошедший с места кусок материка

нарушил равновесие земного шара. Он превратился в эксцентрик. В конце концов всё, конечно, снова уравнивается, но чтобы это произошло, придётся, может быть, подвинуться на какие-то метры, а то и километры и другим материкам.

— Пожалуй, лучше всего было бы вернуть оторвавшийся кусок на прежнее место.

— Каким образом? Ваша форсунка ведь работает только в одном направлении.

Машину тряхнуло. Забелин больно стукнулся плечом о стенку кабины.

— Восходящие токи, — пояснил кто-то. — Уж очень разогрело макушку планеты.

Солнце на миг заглянуло в кабину, осветило взволнованные, напряжённые лица.

Тысячи людей в разных местах планеты думали, вычисляли, искали решение. Заседание Совета учёных шло непрерывно. Никого, кроме председателя, в зале, разумеется, не было. Он обязан был в таких случаях сидеть на своём месте за столом президиума, вернее — за пультом диспетчера. На больших экранах, составляющих стены, можно было видеть учёных, занятых в своих лабораториях, у анализирующих машин, в глубинных шахтах, врезанных в тело планеты, в астрономических обсерваториях. Летевшие в самолёте тоже занимали один из экранов. Находясь на месте события, они должны были представить не только данные приборов, взятых ими с собой вместо роботов, но и свои мысли для принятия решения.

Машину тряхнуло снова. На этот раз гораздо сильнее.

— Придётся взять выше, — сказал Забелин.

— А я предлагаю — ниже.

Манташёв говорил спокойно.

— Это безумие!

— Это необходимость.

Манташёв не изменил тона.

— Поясните по крайней мере!

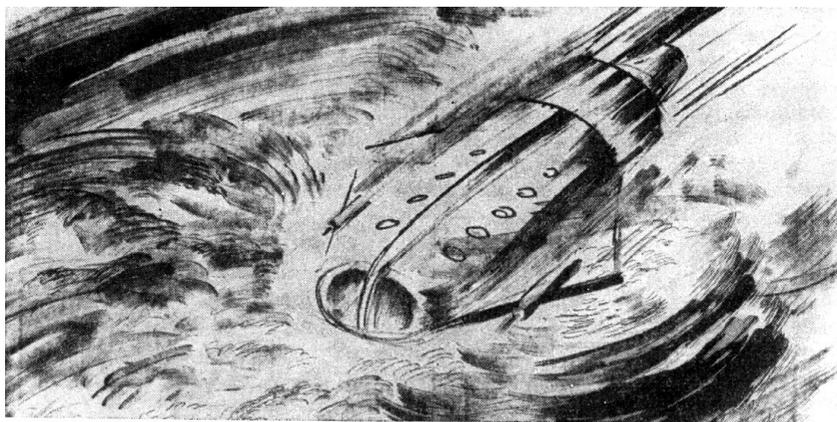
— Да что тут пояснять. — Манташёв говорил медленно, словно лениво. — Три пары самолётов с учёными на борту исследуют оторвавшийся кусок материка во всех направле-

ниях, кроме центра. Центр предоставлен нам. В этом вся загвоздка. В конце концов здесь наш двигатель. Словом, мы должны спуститься ниже летающих автоматов и всё прощупать непосредственно.

— Ну что ж, — Забелин думал не больше секунды. — Нам дано право решать.

Он продиктовал приказание.

Автоматы не удивляются и ничем не выражают своего отношения к тому, что слышат. С точки зрения электронного мозга приказание было безрассудным. Но люди всегда в чём-то существенно отличаются от своих технических созданий. Они позволяют себе даже не совсем логичные действия. Машина круто пошла вниз. Её трясло и подбрасывало, словно на ухабах. Солнце исчезло. Лохматые полосы косо потянулись за иллюминатором. Потом забрезжил бледный свет. Затем опять серая стена возникла за окнами. Но свет, сменивший её, имел уже розовый оттенок.

Когда машина пробила нижний слой облаков, её отбросило в сторону. Клубы пара заволкли всё вокруг. Создалось впечатление, что самолёт снова вошёл в тучи. Среди багрового тумана мелькнул огненный язык и исчез.

Плотные клубы пара залепили окна.

— Ничего не видно, — вздохнула прибористка.

— А тут нечего смотреть, — возразил Манташёв. — Надо измерять. Мы находимся в зоне, в которой не летают даже роботы.

На экране в салоне и правда, как на картине, всё казалось миниатюрным и неопасным. Однако когда машина пошла поперёк огненного ущелья, порывом горячего воздуха её вознесло так, что она вылетела в нижний слой облаков.

— Пойдём вдоль каньона, — сказал Манташёв. — Поперечный разрез взять не удаётся.

Пройдя вдоль ущелья во всю его длину, самолёт сделал несколько параллельных галсов. Чем дальше от пламени, тем спокойнее шла машина. Последний галс она проделала почти нормально.

— Теперь перекинемся на ту сторону.

Манташёв всматривался в электрифицированную карту. Густые брови под широким лбом шевелились. Желвак на щеке опять заходил.

— Дайте-ка все данные о рельефе, — потребовал он у прибористки, — того района, где мы сейчас побывали. И о мощности льдов... Маловато, — сказал он разочарованно, взглянув на диаграммы. — Но, может быть, по ту сторону лучше. Не знаю, — обратился он к Забелину, — как будет обстоять дело с чисто инженерной стороны, я не берусь судить, но одно предложение я, кажется, сделаю. Только надо сначала обследовать зону по ту сторону пропасти.

— Скажите сейчас, — потребовал Забелин. — Как вам не совестно!

— Хорошо! — он схватил Забелина за руку. — Если наклон рельефа с той стороны ущелья достаточно...

Он не успел кончить. Машина, не сумев пересечь ущелье, скользнула вниз и, словно с горки, покатилась к пылающему языку, который занимал теперь весь экран, не вмещался в рамки.

«Вверх!» — хотел крикнуть Забелин, но тут же сообразил, что автоматы и сами это сделают, если это только возможно.

«Если эти дурацкие автоматы выбросят нас на парашютах, мы сгорим, — пронеслось в голове. — Они ведь не

понимают, что выброс в этих условиях несёт гибель. Срабатывают, как... как автоматы!»

— Отставить аварийный выброс! — крикнул он как можно громче.

6

— Номер шесть — приготовиться!

Чернов вскочил с места.

— Это вас не касается, — остановил его холодно Свиридов. — Вы здесь на правах гостя.

Губы Чернова шевелились. Он не замечал этого.

— Номер шесть... — повторял он как заклинание. — К вылету, к вылету...

— Номер шесть — к вылету, — слышалась, наконец, спокойная команда автомата. — Номер четыре — приготовиться!

Свиридов не успел ничего сделать.

Чернов, не рассуждая, не думая, потеряв власть над собой, бросился прямо к машине сквозь стеклянную перегородку. Стена исчезла, прежде чем он сделал шаг к ней. Дверца машины откинулась, словно внутри кто-то уже ждал его. Она захлопнулась, едва он вскочил в широкий зев; машина, получившая за эту неполную секунду все необходимые данные, без разбега взвилась в воздух. Если бы не автоматические захваты, мягко и крепко взявшие в свои объятия Чернова, он отлетел бы в угол. По аварийному вызову машина вылетает не так, как в патрулирование. Спинка кресла давила и давила на Чернова — даже пуля, если бы могла чувствовать, испытывала бы, вероятно, меньше ощущений, потому что, вылетев из дула, она мчится по инерции. Машина не прекращала разгона ни на мгновение, а когда это мгновение, наконец, наступило, Чернов почувствовал замирание сердца: машина падала вниз.

Он увидел скалы в клубах пара. В следующий момент Чернов уже стоял на узкой площадке рядом с повреждённой машиной испытателей. Он выскочил в скафандре, лёгком и охлаждаемом изнутри.

Чего ему здесь не хватало, так это инфракрасного видения. В клубках пара он вообще ничего не видел. По ногам выше колен била вода. В спину дул ветер. Сверху падал дождь не дождь — плотная липкая морось залепила шлем. Крик его, усиленный микрофоном, никто не услышал.

Вдруг что-то с размаху ударило его в лоб. Не будь он защищён упругим прозрачным шлемом, он не уцелел бы. Чернов упал, вода тотчас же с жадностью набросилась на него и поволокла по ледяному уступу, в сторону каньона. Там тысячи градусов температуры и сверхвысокие скорости пламенного языка.

Чернов с трудом приподнялся. Ветер и пар снова обрушились на него. Он хотел уцепиться за крутой борт машины, к которой его прибило, но руки соскальзывали. Где-то в носовой части должно быть аварийное кольцо. Раза два его чуть не затянуло под машину. Кольцо убиралось в корпус с такой точной подгонкой, что не оставалось даже маленькой щели. В досаде Чернов пнул ногой в корпус машины, и тотчас же что-то стукнуло его по ноге. Нечаянно удар пришёлся рядом с кольцом, и оно откинулось.

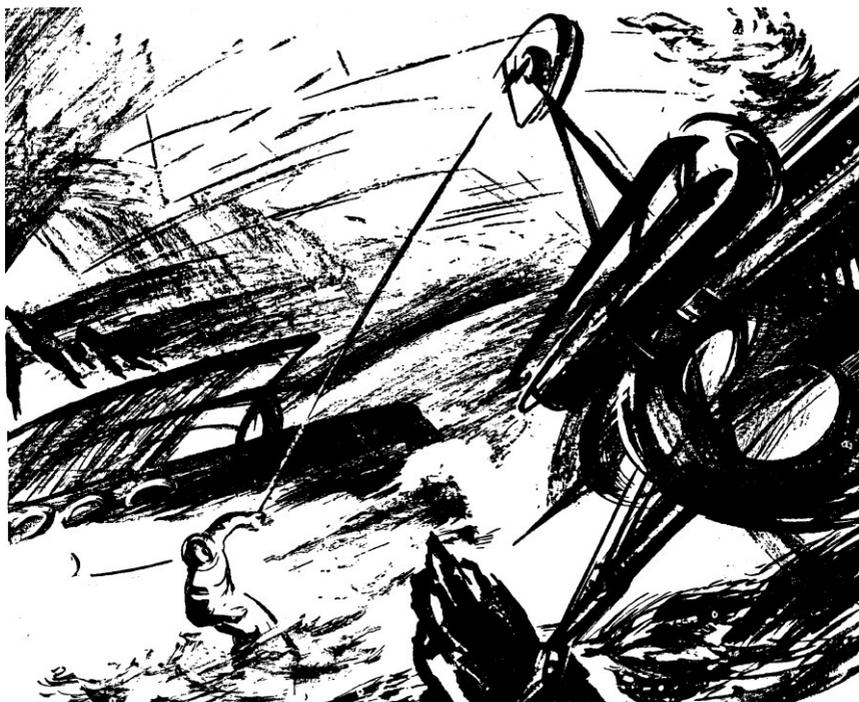
Нагнувшись, он вцепился в кольцо обеими руками. На миг Чернов показался себе сказочным силачом Ильёй Муромцем: весь корпус машины повернулся, когда он потянул за кольцо. Но тут же корпус двинулся и потащил его за собой.

Продолжать держаться за кольцо значило только одно: идти к верной гибели. Зато выпустить кольцо — наверняка потерять машину. Счастливые случайности не выпадают дважды.

Чернов держал кольцо, тянувшее его в туман и мрак, и, сосредоточив всю свою волю, громко и отчётливо отдавал приказания спасательной машине. Она должна быть где-то рядом, если её не сорвало в пропасть. Но вдруг прервётся связь или аппарат не расслышит, не поймёт его?

— Трос! — приказывал Чернов. — Спасательный трос! На мой голос. — Он не мог указать в тумане другого ориентира. — Скорее!

«Бросаю», — равнодушно ответила машина.

Чернов пригнулся. Крюк ударился в металлический корпус прямо над его головой.

Чернов подхватил крюк и накинул его на кольцо.

— Тяни! — крикнул он.

Хватаясь за тонкую плетёную нить руками, Чернов дошёл до своей машины. Он ухитрился залезть внутрь; там было почти по пояс воды.

— Вперёд! — скомандовал он.

Перегруженная машина не двинулась с места.

— Вверх, — сказал Чернов. — Вертикально.

Словно перекормленный гусь, машина тяжело, с шумом и плеском оторвалась от воды. Она гудела и трепетала от напряжения, вися на одном месте. Трос, соединяющий её с другой машиной, мягко прогнулся. Не дожидаясь, пока самолёт разлетится вдребезги, Чернов открыл донные люки, и вода устремилась через отверстия наружу.

По мере того как вес машины уменьшался, она держалась в воздухе всё увереннее, наконец трос натянулся, и вот наступил момент, когда груз стронулся с места.

Чернов повёл самолёт низко, так, чтобы тяжёлое тело, которое он тянул на буксире, плыло в воде, стекавшей в ущелье. Поднять в воздух потерпевшую аварию машину он не решался. Так он вёл её, как сома на удочке, пока не выволок на сухой лёд.

Здесь он решил сделать передышку. Но едва он посадил свой самолёт, как тотчас же рядом с ним, разбрасывая брызги льда, села другая спасательная машина. Оттуда вылез Свиридов, чрезвычайно разъярённый, и велел Чернову занять место пассажира. Сам он, быстро прицепив к пострадавшей машине второй трос, сел в переднее кресло.

Командуя сразу двумя машинами-тягачами, Свиридов ловко и уверенно завершил спасательную операцию. Через несколько секунд после прибытия на станцию пострадавших уже развозили по санаториям.

Когда заботы первой необходимости остались позади, Свиридов обернулся к Чернову.

— Послушайте, — сказал он свирепо, — вам нужно лечить нервы. Чего это вы бросились в спасательную операцию? Вы что, знаете это дело лучше других? Или не было на месте никого, кроме вас?

Чернов провёл рукой по лбу.

— Я совсем не подумал, — смутился он. — Я так живо представлял себе всё время, что может случиться с самолётом, если он окажется по ту сторону завесы, что когда слышался...

— С таким воображением, как у вас, — прервал его Свиридов, — нечего являться на спасательную станцию. Зачем вы пришли?

— Но я человек...

— Именно поэтому! Я бы не пошёл в спасательную службу, если бы знал, что не гожусь для этого. Вам надо было ехать в санаторий и ждать, когда всё кончится.

— Это было бы мучение! — вырвалось у Чернова.

— Мучались бы вы один, — непримиримо возразил Свиридов. — Без всякой опасности для других.

— Но ведь я помог...

— Вы, — безжалостно объявил Свиридов, — чуть было не погубили экипаж потерпевшего аварию самолёта и самого себя заодно. Неумелые действия хуже, чем... Что, я должен цитировать басни? А раз вы начали, я не мог уже ничего сделать. Пришлось вызывать спасательную машину с другой станции. Чистейшая случайность, что никто не погиб!

Лицо Чернова искривилось.

— Вы вправе думать обо мне что угодно, — прошептал он. — Я спасовал... Не выдержал...

— Чепуха! — Свиридов говорил грубым голосом. — Вы действовали молодцом! Как настоящий парень!.. Но глупо. А в нашем деле этого не полагается. Вот и всё.

Он хлопнул Чернова со всего размаха между лопатками:

— Неразумный поступок в наш разумный век! Говорят, в прошлом к таким вещам относились снисходительнее. Но, понимаете, если мы не можем преодолеть все наши слабости, то мы по крайней мере обязаны их знать. И стараться не подводить других.

— Спасибо, — сказал Чернов. — Я действительно вёл себя глупо.

— Я сам виноват, — возразил Свиридов. — Надо было отправить вас обратно, когда вы явились на спасательную станцию. Пожалел... У вас был такой замученный вид. Я поступил неправильно. И на вас сейчас зря обрушился. Сам во всём виноват, и самую главную глупость сделал я. Ладно! Хватит...

7

Манташёв нарушил неременное условия работы участников любой ответственной экспедиции. Он обязан был думать вслух, чтобы каждая его мысль записывалась секретарём-автоматом. Его мысли принадлежали не ему, и он не имел права таить ход пусть даже неясных ещё своих размышлений. Но никто не сказал ни слова по этому поводу. Зани-

маться моральной стороной дела сейчас просто не оставалось времени.

Аппараты записали последние слова Манташёва. Машины произвели анализ измерений, сделанных с борта самолёта. Члены Совета обменялись мнениями.

— Ясно одно, — сказал академик Матвеев. — Манташёв думал о льдах, вернее — об их таянье, о скорости этого процесса. Почему иначе его интересовал рельеф местности? Он рассматривал всю тектоническую картину как гигантскую снеготаялку.

— Что может дать интенсивное таяние льда? — продолжил мысль главный гляциолог планеты. — Массы льда испарятся и рассеются в атмосфере. Если произвести этот процесс в достаточном масштабе, то вес того куска, что оторвался, заметно уменьшится...

— Зато климат планеты... — возразил главный климатолог Земли, — может измениться... В какой степени? Дайте исходные цифры, и я скажу.

— Цифры мы дадим, — вмешался руководитель инженерной группы. — Если вы хотите получить как можно больше льда и побыстрее, мы наколем с помощью взрывчатки этакой ледяной щёбёнки. Скаты местности идут как раз в сторону ущелья. Значит, ледяные глыбы сами потекут навстречу огню. По сделанным нами расчётам можно будет...

Он назвал цифры. Тотчас же стали рассчитывать изменение массы оторвавшегося куска Антарктиды. Эти данные положили в основу определения взаимодействия «каменного плота» с упругой подстилкой. Ещё одна группа исследователей выяснила роль, которую сыграет тяговое усилие искусственного вулкана, приложенное к этому плоту с учётом постепенного изменения его веса. Возникали всё новые вопросы — на них искали ответа другие группы специалистов-учёных.

Прошло два часа. За это время поступило столько данных, что, если бы вздумали собрать их вместе, получилась бы целая полка толстенных томов. Но эти данные были проанализированы, обобщены машинами и доложены в виде нескольких конечных логических выводов. Ознакомившись с

ними, председательствующий потребовал всеобщего внимания.

— Пришла пора, — сказал он, — вынести решение. — Он сделал паузу. — Прежде чем принять его, прошу ответить в свете самых новых данных на один последний вопрос: как скоро может быть двигатель включён после остановки и на сколько часов работы останется в нём горючего, если его выключить через двадцать одну минуту?

Инженер, заменяющий Забелина, тотчас же сообщил, что гора-форсунка прочна и непоколебима, а горение идёт строго по графику. Общее время действия, таким образом, составит ожидаемые пять суток. Если остановить процесс сейчас, неизрасходованного топлива останется на 32 часа работы двигателя. Для создания сколько-нибудь значительных новых запасов горючего потребуется год. Когда можно снова включить двигатель? Для восстановления запального устройства при современной технике достаточно суток. Но проникнуть внутрь сопла после остановки двигателя даже автоматы смогут не раньше чем через месяц.

— Там всё раскалено, — сказал он. — Огнестойкая футеровка, которую мы положили слоем в двадцать пять метров, почти вся обгорела. Я боюсь, что через несколько часов вообще может начаться неостанавливаемый процесс. Мы просто не сможем выключить этот вулкан. Он будет действовать, пока не израсходует всё горючее.

Наступила короткая пауза.

С экранов Зала Совета люди, оторвавшиеся на миг от напряжённого труда, смотрели друг на друга.

И тут академик Бобров, главный холодильный «бог», на глазах у всех хлопнул себя по лбу и сказал:

— А Манташёв-то молодец! Теперь я понял его мысль... Знаете, о чём он думал? Об охлаждении вулкана. Да, да! Он думал не о «сжигании» льдов, не о превращении их в пар с помощью пламени вулкана, а об охлаждении его жерла после выключения. Понимаете? Выключить двигатель, а льды вокруг раскрошить и подтолкнуть по естественным скатам местности, завалить ими жерло, испарить в конце концов горы льда, но охладить гору-форсунку. Тепло для образова-

ния пара будет отниматься от раскалённых пород. Скажите мне, сколько льда максимально вы сможете записать в глотку вулкана, и я скажу вам, когда роботы смогут проникнуть туда, чтобы восстановить запалы.

Голоса загудели, и тут же восстановилась тишина. Участники Совета наклонились над письменными столами, протянули руки к пультам вычислительных машин, извлекали из электронной памяти автоматов формулы и коэффициенты, работали в полную силу человеческого ума.

Через пятнадцать минут стало известно, что, если сгребать лёд в вулкан с окружающей территории с помощью направленных взрывов, на охлаждение потребуется всего шесть суток.

За пять минут до полудня председательствующий отдал распоряжение:

— Приостановить действие реактивного двигателя «Земля» в двенадцать ноль-ноль.

8

— Они сражались до последней минуты. Это был настоящий бой. Манташёв пришёл в себя только на третий день. На смену вылетели другие. Спасатели выхватывали из потока людей, находившихся на волосок от гибели. Некоторых спасали дважды. Одна девушка...

— Девушка?

Оля подняла глаза. Цветок ромашки в её руке светился, как солнце с белыми лучами. Она pokrutila плотный стебель.

— Да. Свиридов вытащил её из разбитой машины. А потом разбился сам. Всех подобрали. Девушка даже не подозревала, что дважды попадала в аварию. Она потеряла сознание от духоты, когда подлетали к вулкану. Нарушилась герметичность скафандра. В самом тяжёлом состоянии Свиридов.

Костя остановился. Потом добавил:

— В физическом. А в моральном — Манташёв.

— Ведь он придумал этот способ охлаждения!

— Да, но на четыре часа задержалось выключение двигателя планеты. Операция, в которой дорога каждая секунда. По его вине.

— Он же не хотел. Просто...

— В том-то и дело. Просто! Он не подумал, что его мысли в такой момент принадлежат не ему. Вернее, забыл. Конечно, привычка мышления чисто механическая: учёные обычно не спешат с выводами, пока не проверят их. Но ведь мозг, его работу тоже надо направлять. Он очень переживает. Свиридову легче. Он герой. Сотни людей ломают голову, как вернуть ему полную работоспособность.

— А Манташёв?

— Его убеждают, что всё в общем обошлось. Стараются смягчить... Но он не может сам простить себе. Он считает, что не было бы последних самых опасных полётов, если бы решение выключить двигатель состоялось на четыре часа раньше. И не случилось бы аварии с машиной Свиридова.

— А авария с планетой?

— С планетой? Никакой аварии не было.

— Позволь, — удивлённо спросила Оля. — А все эти меры? Экстренные заседания учёных? Полёты в опасную зону?

— Сейчас всё окончательно выяснилось. Это было условие, поставленное Контролем безопасности. Так называемая «лупа риска». Они договорились — Плановое бюро и Контроль безопасности, — что опыт ставится в безопасных масштабах, абсолютно безопасных, но возможные вредные последствия эксперимента преувеличивались в сто раз. Условно. Поэтому и работали так напряжённо учёные, и люди вылетали, и спасатели действовали. Своего рода боевые учения. Иначе Контроль безопасности не давал согласия на производство опыта.

— И люди шли на риск?

— Ведь это первый опыт в истории Земли! Иначе просто нельзя. Без серьёзной подготовки нечего и думать о таких вещах. В конце концов Контроль безопасности, который так трясётся за здоровье каждого из нас, вовсе не думает воспи-

тывать из людей трусов. Наоборот. Речь ведь идёт и о подготовке людей. А без риска нет даже спорта.

— Но тогда Манташёв...

— Ничего не меняется. Не выдержал испытания... Он это прекрасно понимает. Вообще в мужестве никому нельзя было отказать, — подытожил Костя. — Все, кого коснулось, оказались на высоте. Но кое-кому не хватило некоторых других качеств. В этом тоже заключался опыт.

— Скажи, — спросила девушка, — а ты хотел бы очутиться на месте Свиридова?

Костя очень долго не отвечал.

— Свиридов — герой, — сказал он наконец. — Ему можно позавидовать. Такое приключение... Кому же не хотелось бы! Но если хочешь знать, самый главный герой не он.

— Кто же герой?

— Дерзость, — сказал Костя. — Я облетел сегодня пол-Земли. И всюду видел памятники человеческому дерзанию. Обелиск в честь первого спутника Земли. Стометровые фигуры молодых преобразователей Сибири — кажется, что облака плывут прямо из рук юноши и девушки, а сопки шумят у их ног исполинским прибором. Бронзовый листок календаря на Волге, русской реке, на крутом откосе — золотые цифры, первые годы коммунизма — в память о завершении полного преобразования огромного бассейна — от моря до моря. А города, построенные так, как об этом мечтали столетиями! Преображённые материки, рудники на дне океана, пассажирская станция «Москва–Луна». А первое постоянное поселение людей на Венере! Ведь этот городок, заброшенный на планету, бегущую вокруг Солнца по своей орбите, живущую своими законами, трижды приходилось переносить с места на место. Первый раз его чуть не уничтожило извержение вулкана. И дважды ещё потом люди спасались от землетрясений. Это ли не смелость! А какая дерзновеннейшая идея — ухватиться за земную ось и покачать немного всю планету!

— Сейчас там к главному соплу пробурили боковой ход — вспомогательное сопло, — продолжал Костя, — и этот кусок тела планеты, оторвавшаяся часть Антарктиды, движется по сложной кривой. Но он не станет на прежнее место.

О, человеку ничего не стоит поставить его назад! Но не обязательно сохранять Антарктиду такой, какой она была. Нечего ей оставаться сплошным мёрзлым скально-ледяным континентом. Его, видимо, со временем растащат немного по кусочкам, раздвинут несколько — существует такая фантастическая, как говорили в старину, идея.

— А ось? А земная ось?

— Да, она сошла со своего места. И сдвиг, ничтожный сдвиг в тысячные доли градуса, останется. А ведь это, в сущности, и есть победа! Приборы, разбросанные по всем меридианам и широтам, констатируют изменения, близко совпадающие с расчётными. Зона наиболее благоприятных природных условий на нашей планете уже частично расширилась. Выходит, опыт удался! Это значит, что человек может управлять положением планеты в пространстве. Значит, со временем он сможет поставить её под любым углом к орбите. Конечно, сначала будут долго изучать все последствия сегодняшнего поворота оси, сравнивать с расчётами, составлять новые, ещё более точные прогнозы. Затем будут изменять её положение постепенно — может быть, на один градус в десять, а то и в двадцать или тридцать лет, так же постепенно переделывая и всю поверхность Земли, пока планета не станет такой, какой её хочет видеть человек.

Оля провела рукой по его волосам.

— Ты так возбуждён... — Она посмотрела на него с восхищением.

— Я только теперь поняла, — сказала она, — что значат эти тысячные доли градуса. Это власть над планетой — не над отдельными её частями вроде пустынь и тундры, а над планетой целиком. Огромная власть! Я понимаю тебя...

— Знаешь, я был в Зале Совета учёных. Эти люди, тысячи людей, напряжённо мыслящих, обдумывающих и обсуждающих дерзкий эксперимент, в то время как миллионы следят за ходом дела и готовы прийти на помощь, эта коллективная мысль, эта коллективная дерзость, дерзость человечества — у меня мурашки пробежали по спине. Почему никто не напишет картины, где бы всё это было передано?

Оля оглядела луг и реку. Круги пошли по воде. Рыба схватила стрекозу.

— Да, а как твоя картина?

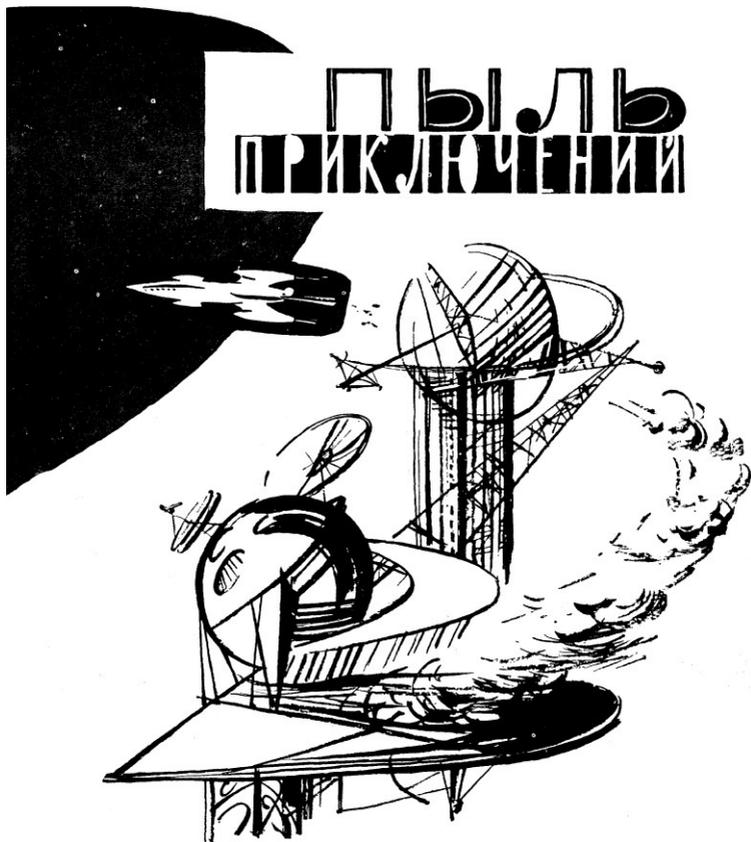
— Только не смейся. Я пишу заново. Нет, всё остаётся. Вернее, почти всё. И просека. И тёплый луч. И живая вода. Люди — такие же простые. Но что-то не то. Неуловимое. Я поймал его наконец. — Костя счастливо засмеялся. — Для этого потребовалось три года.

Оля протянула ему руку. Он прижал её к щеке.

Солнечное тепло его лица, зелень луга, сверкание воды... Небо с голубыми объятиями. Где это было? Не там ли, на картине Кости?

— Как ты назовёшь картину?

— Созидатели.

Первая вахта

1

Сигнал раздался ровно в восемь утра. Загудел зуммер, зажёгся красный огонёк. На табло появилось всего несколько цифр. Откуда пришёл зов о помощи — цифры не сообщали. Только номер и дата, автоматически зафиксированная блок-универсалом: восемь часов вечера. Очевидно, поясное время. Значит...

Сергей подошёл к глобусу и отсчитал меридианы. Как раз на противоположной стороне земного шара. Он провёл пальцем по тонкой линии и вызвал Карибский центр здоровья.

— Мы приняли сигнал, — ответили ему. — Это здесь, близко.

Сергей уже не мог спокойно сидеть на месте. Его воображение рисовало картины того, что могло произойти. Что-то случилось внезапно — пострадавший не успел сказать ни слова. Путник в горах упал в пропасть? Дерево, гнившее десятилетиями, рухнуло и придавило случайного прохожего? Кто-то неосторожный забрёл в болото и гибнет сейчас в трясине? Теряя сознание, несчастный сумел только коснуться кнопки тревоги в своём блок-универсале. Он был один.

Один ли? По универсальной системе ретрансляции сигнал в течение доли секунды дошёл до всех станций здоровья земного шара. Теперь там, на островах Карибского моря, ищут того, кто подал зов о спасении. Блок-универсал будет посылать сигналы, пока его не засекут и не прилетят на помощь.

Сергей спохватывается. Пока он тут дал волю своему воображению, всемирная картотека здоровья уже отстучала всем центрам службы основные данные о потерпевшем. Сергей берёт бланк, выпавший из щели пюпитра.

«Очень редкий случай болезни сердца, — читает он. — Осложнена аномалией в развитии блуждающего нерва и волокон симпатической нервной системы». Далее — подробное описание болезни и, наконец, вывод: неизлечима. Операция,

связанная с заменой нервных волокон, существующими средствами хирургии пока невозможна.

Сергей сочувственно качает головой. Сейчас, когда инфекционные заболевания ликвидированы, и люди даже простуживаются редко, подобные случаи особенно обидны. Чем можно помочь человеку в таком положении? Очевидно, у него отказало сердце. И всё же Сергей запрашивает дополнительные сведения. Может быть, какой-нибудь намёк на спасение! Ему очень жаль этого неизвестного. Зовут его Ансельмо. Возраст — девятнадцать лет! Живёт на Кубе. Сергей пытается представить его себе. Тонкий хрупкий юноша с мягким подбородком? Или черноглазый живой малый, которому приходится всё-время напоминать, чтобы он двигался потише и не размахивал руками? А может быть, сидящий в кресле прирождённый инвалид, на минуту оставленный без призора?

Это первая вахта Сергея Воронова, дежурного по связи Сибирского центра здоровья. Должность как будто и не самая главная, но стажёр чувствует себя на посту Человечества. Он должен незамедлительно что-то предпринять. Сергей читает дополнительные сведения об Ансельмо: рост, вес, телосложение, даже общее физическое развитие — всё самое обычное, кроме этой проклятой редкостной аномалии.

Тысячам людей делают в крайних случаях замену сердца протезом. Это Сергей знает. Но, как видно, не в таких особо сложных случаях.

А в таких? В дополнительных сведениях он наталкивается на перечень имён. Это специалисты, которые могут что-то сказать по этому поводу. Четыре фамилии. Среди них — Козырев. Из Новосибирского института хирургии. Ну да, их Козырев! Его нужно сейчас же поставить в известность.

Сергей вызывает Ивана Павловича. У того круги под глазами. Крайне утомлённый вид. Сергей вспоминает, что Козырев сегодня должен ехать в санаторий.

— Да, я знаю Ансельмо, — говорит Козырев. Он оживляется. — Если бы он прожил ещё год! Мы спасли бы его. Четыре человека в разных странах ищут способ исцеления

именно в таких случаях. Но пока безрезультатно. Что сообщают оттуда?

— Сердце остановится через два-три часа, — сообщают с места события. — Обострение болезни возникло внезапно. Больной лежал и читал книгу. Она выпала из рук. Решили, что он заснул. Но тут пришёл сигнал... Он почувствовал себя плохо и успел нажать кнопку. Перевозить Ансельмо нельзя. Всё, что допустимо, это осторожно поднять его и положить на операционный стол.

— Я посоветуюсь с коллегами, — озабоченно говорит Козырев. Выражение его лица не сулит ничего хорошего. Он поспешно отключается.

Сейчас, пока везут по воздуху операционную, Козырев будет разговаривать с Варшавой, Алжиром и Гаваной. Сергей сообщает об этом в Карибский центр. Тем временем на месте происшествия уже оборудовали нормальный пост связи. Задача Сергея — обеспечивать связь между Сибирским центром здоровья и той точкой на Кубе, где произошёл несчастный случай. Это непросто в таком деле.

Сергей включает левый экран. Он видит невысокие горы, скорее холмы, покрытые зеленью. Неподалёку в лучах заходящего солнца поблёскивает озеро. Человек с подушкой под головой лежит в плетёном шезлонге под большим деревом в саду. Он выглядит моложе, чем представлял себе Сергей. Чёткий профиль лица, на котором застыла какая-то детская растерянность.

Три человека в светлых комбинезонах хлопочут около больного. Они расставили с десятков приборов на движущихся подножках. Не подходя близко, чтобы не тревожить больного, приборы делают измерения с расстояния, меняют места, поворачивают к нему свои хоботы. Данные их наблюдений идут и в Гавану, и в Варшаву, и в Алжир. По всем звеньям Службы здоровья, включившимся в спасательную операцию. Издали приборы похожи на толпу любопытных. Вот среди приборов происходит какое-то оживление, нечто похожее внешне на суету. Видимо, кто-то затребовал дополнительные сведения.

В темнеющем воздухе показывается сооружение, похожее на огромный полупрозрачный колпак. Его осторожно опускают на площадку рядом с верандой. Вспыхивает сильный, но не слепящий, рассеянный свет. Итак, будут производить операцию: другого выхода нет, приходится рисковать.

Сергей может видеть внутренность операционной со всей её технической оснасткой. Стандартный стол — перемещающийся в пространстве как угодно, чтобы дать самый удобный доступ хирургу. Хирургический робот — машина с четырьмя руками, со сверкающими инструментами, автоматически поступающими из магазинов. Двадцать пар автоматических глаз, призванных следить за тем, как осуществляется программа операции, и передавать поправки исполнительным органам. Но нет её, этой программы, которую нужно вложить в машину. Не продумал ещё такую сложную, почти невозможную операцию во всех её тонкостях человек.

И великолепную многорукую и многоглазую машину убирают. Люди откатывают её в сторону, чтобы она не мешала.

Взамен вводят обыкновенного робота — с двумя руками; робот-копир, аппарат без соображения: всё, что он может, — это с помощью радиоволн повторять движения человека, находящегося далеко, но зато уже делает это робот абсолютно точно.

Значит, операцию будет производить человек. Кто же? Сергей слышит спокойный голос Ивана Павловича. Юноша включает правый экран. Иван Павлович уже у себя, в Новосибирском институте, в операционной.

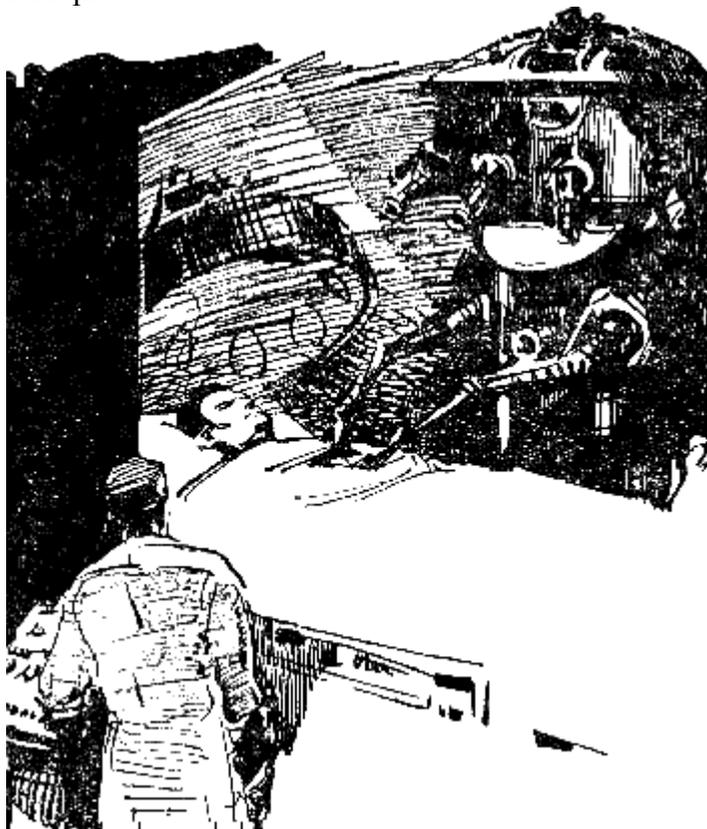
Значит, операцию поручили производить ему. Сергей удивлён. Ему кажется, что в мире что-то происходит не так. Есть много соображений «против». Он, Сергей, не поручал бы операцию Козыреву. Это слишком рискованно во многих отношениях. Козырев сегодня просто не в состоянии довести дело до конца. Но сейчас Сергею некогда размышлять.

— Пароль — жизнь! — слышит он команду оперирующего.

Сергей протягивает руку к пульту.

— Пароль — жизнь! — повторяет он.

В океане радиоволн, омывающих планету, океане, где есть свои приливы и отливы, бури и штили, по этому сигналу освобождаются сейчас самые надёжные каналы. Каждый импульс, означающий движение руки хирурга, будет дублироваться на разных частотах, чтобы не произошло ошибки в движении ножа, в металлической руке робота там, на берегу тихого озера.

Сергей включает все пять каналов. Они как бы невидимыми нитями свяжут руку хирурга с руками автомата так, что те будут работать в одном ритме. Стажёр манипулирует ручьятками на пульте, пока все пять стрелок не останавливаются на заветной черте.

— Готово! — говорит он.

С Кубы ему отвечают:

— Сигналы нормальные.

Сергей может наблюдать за ходом операции. Правда, это будет похоже на немое кино. О чём переговаривается Козырев с помощниками по ту сторону океана, Сергей не услышит. Он не должен отвлекаться от своих прямых обязанностей — следить за работой телемеханических и прочих многочисленных устройств. А Козырев, наоборот, должен забыть о технике, он должен думать только об операции. Так распределены между ними заботы.

Сергей окидывает взглядом аппаратуру: у него как будто всё в порядке.

На экране слева он видит Ансельмо, уже усыпленного, лежащего на операционном столе.

На экране справа — Козырев. В лёгком рабочем комбинезоне, таком же, как у людей около Ансельмо, но в отличие от них — без маски и без перчаток, длиннорукий, чуть сутулый, с узким лицом, он стоит, словно раздумывая.

Подюжины роботов окружают пустой операционный стол, выражая всем своим видом полную готовность выполнить любое приказание хирурга.

Козырев что-то сказал.

В ту же секунду оперируемый появился на столе Козырева. Сергей — сын своего века, однако он невольно переводит взгляд на левый экран, словно ожидая, что Ансельмо перенесётся с Кубы в Новосибирский институт. Но нет, на левом экране юноша с закрытыми глазами по-прежнему лежит на операционном столе, и робот склонился над ним, занеся нож. По другую сторону оперируемого — оба местных хирурга неотступно следят за роботом. На правом экране такой же юноша лежал перед Козыревым, держащим скальпель. Это модель, объёмное изображение оперируемого со всеми внутренними органами и тканями.

Операция началась.

Козырев прикасался скальпелем к тканям, иллюзорным, существующим только как изображение, и они рассекались, словно были частью тела человека. Он отдавал неслышимые Сергею распоряжения, и два ассистента, находящиеся за три-

девять земель (Сергей видел их на левом экране), оттягивали ткани, зажимали сосуды, клали тампоны.

Роботы, окружавшие Козырева, не помогали оперировать. Они обслуживали самого Козырева. Один то и дело вытирал пот со лба хирурга. Другой время от времени подносил стакан с крепким чаем, и Козырев делал жадный глоток. Два робота подавали инструменты. Два ещё держались, видимо, в запасе.

Козырев работал, стиснув зубы. Иногда он делал паузы. Иногда отдыхал. Чувствовалось, что ему очень тяжело работать.

Сергей, с напряжением следил за Козыревым. Ведь он резал, в сущности, пустоту! Как легко ошибиться! Сергей, правда, знал, что нож хирурга не просто режет воздух, а испытывает сопротивление, в точности такое же, как если бы проникал в настоящие ткани. Его создаёт магнитное поле специально для того, чтобы хирург чувствовал себя в привычных условиях.

Он, Сергей, для того и сидит тут, чтобы техническая аппаратура работала исправно. Но эта искусственная плотность, отражаемая стрелками на циферблатах, как-то не внушала сейчас Сергею особого доверия.

«Почему всё-таки он оперирует? — ещё раз подумал Сергей. — Ведь Козырев болен...»

Как раз в этот момент Козырев выронил скальпель.

Сергей вздрогнул, увидев, что скальпель воткнулся остриём в находящееся перед Козыревым изображение тела юноши. Нож упал в раскрытую для операции полость, пронзил какие-то ткани, — может быть, задел нервы. Он застрял, утопившись более чем наполовину.

С большим трудом Сергей заставил себя повернуть голову влево. Он взглянул и вытер пот, обильно выступивший на лбу. Машина, копирующая малейшее мановение руки Козырева, не повторила последнего его движения. Робот не мог уронить инструмент. Инструменты не подавались ему, как Козыреву, а автоматически поступали из магазина и замыкались в металлической руке на автоматический же замок. Тут

машина показала своё преимущество перед человеком с его нервами и способностью волноваться.

Один из роботов поспешно подал Козыреву новый инструмент.

Операция продолжалась.

Козырев вдруг остановился. Несколько секунд размышлял. Что-то сказал. Опять помолчал. Затем произнёс одно слово.

Тотчас же тело юноши на столе перед ним стало полупрозрачным. Сохранялись даже цвета тканей, они стали только более блёклыми.

На левом экране ничего подобного не происходило. Просто одна из камер на стене операционной повернулась объективом к телу юноши.

Перед Козыревым находился уже не двойник Ансельмо, а человек с прозрачным телом. «Явное преимущество заочной операции», — заметил себе Сергей. Наклонившись, Козырев вглядывался в просвечивающие, словно цветное стекло, ткани. Видно, он на что-то решался.

Сергей видел, что губы Козырева шевелятся.

От стены отделился длинный рычаг с прозрачным диском. Козырев рассматривал вскрытую полость сквозь линзу. Затем решительно протянул руку и чуть тронул одну из рукояток на ободке линзы.

Сергей понимал, что наступил, может быть, самый решающий момент операции. Козырев рассматривает операционное поле под большим увеличением, а манипулятор уменьшал любое движение руки хирурга во много раз. Тонкий рычажок с микроскопическим ножом протянулся к телу юноши на столе перед Козыревым. Робот там, за несколько меридианов, повторяет почти неуловимое движение ножа с величайшей точностью.

Сергей слышал своё бьющееся сердце. Потом он вдруг подумал, что, в сущности, не так всё страшно. Ведь Козырев может применить магнитную защиту. Сделать так, что инструмент не пойдёт дальше дозволенного, даже если рука хирурга будет готова совершить ошибку. Магнитное поле при желании можно отрегулировать так, что оно не пустит нож в

ткани, запретные для него. Ещё одно преимущество оперирования на «призраке»!

Но Сергей тут же сообразил, что самое трудное вовсе не в технике оперирования. Разумеется, управлять движением ножа Козырев может как угодно точно. Но он должен знать, куда направить нож. В сущности, эту задачу он и решает сейчас. Ведь до сих пор никто такой операции не делал.

Козырев снова остановился. На этот раз он раздумывал минут пять. На левом экране Сергей видел людей около Ансельмо, в волнении они сошлись вместе, широкая спина робота загораживала картину. Что-то произошло!

«Ведь терять нечего, — мучился Сергей, ёрзая в кресле. — Ну же... Действуй!»

И вдруг Сергея словно обожгло. Он подумал, что если сейчас, в отчаянном цейтноте, когда каждая секунда уносит с собой, может быть, последний шанс на спасение, Козырев второпях сделает неверный шаг, а спустя время, анализируя операцию, поймёт это, — каково ему будет тогда?

Хирургическая операция впервые предстала перед юношей не просто как искусство, которым можно залюбоваться и которое доставляет наслаждение, а как следующие одно за другим решения ума и сердца, ответственность которых человек в полной мере сознаёт в течение всего времени работы. Машина ничего этого не знает. Она не переживает неудачи. У неё нет чувства вины. И если вы попытаетесь её ошибку вынести на её собственный суд, она ни в чём не признает себя виноватой. Она обладает способностями, которые вложили в неё создатели её. Хорошо машинам.

Козырев что-то сделал. Совсем неуловимое. Потом отошёл в сторону и опустился, почти упал в кресло, которое поспешно пододвинул один из роботов. Робот суетился, как секундант около боксёра, в изнеможении добравшегося до своего угла. Козырев закрыл лицо руками.

Больной лежал на операционном столе безжизненный. Вдруг он исчез.

Сергей перевёл взгляд налево. Два человека в светлых комбинезонах стояли около тела юноши в неподвижных позах.

— Отключайте запасные каналы, — услышал Сергей голос с Кубы.

— Как операция?! — воскликнул он.

— Люди сделали что могли, — ответил с того конца земного шара диспетчер Карибского центра. — Теперь работают машины.

Сергей видел людей и двух роботов — того, четверорукую пустили в ход. Эту часть операции, очевидно, лучше выполнят автоматы. Работа подошла к тому этапу, где начинаются уже проложенные рельсы.

— Значит, Ансельмо спасён?

— Ничего не известно, — ответил диспетчер. — Когда поставят протез и включат его, станет ясно, будет ли он жить.

Робот что-то делал четырьмя руками. Методичные движения, сверкание инструментов. Машина, она не волнуется.

Козырев встал и принялся ходить из угла в угол.

Сергей подключился к линии, связывающей Козырева с людьми на Кубе. Но там тишина.

— Включаем! — раздался вдруг голос.

Громко зазвучал метроном.

Козырев мог включить экран и наблюдать. Он не сделал этого. Просто остановился и чуть наклонил голову. Звуки метронома стали глуше. На них наложились новые звуки, неритмичные, неровные по тону. Это билось сердце Ансельмо.

Козырев сел в кресло и продолжал слушать. Звуки менялись в тонах. Разобраться в этих тонкостях Сергей уже не мог. Он следил за выражением лица Козырева.

Тот сидел, подавшись, вперёд, положив ладони на колени, весь внимание.

Вдруг тень светлой улыбки прошла по его лицу.

Сергею показалось, что вздохнули сразу на всех континентах. Ведь, конечно, и в Гаване, и в Варшаве, и в Алжире, и в десятке других пунктов слушали вместе с Козыревым.

Козырев подождал ещё с полминуты и, повернув рычаг связи, сказал в микрофон Сергею:

— Прибавьте напряжение.

— Так, — сказал Козырев. — Хорошо.

...Где-то там, на противоположном конце земного шара, созданное людьми сердце бьётся в нормальном ритме, которого не знало больное сердце Ансельмо. Ему не просто продолжи существование. Он будет жить новой, настоящей человеческой жизнью. Он сможет получить всё, чего был лишён из-за того, что родился обделённым природой.

Сергей готов ликовать на весь мир. Но тут он вспоминает историю с Козыревым, и настроение его падает. Конечно, он ещё молод и некоторые критерии жизни только вырабатывает. Но, на его взгляд, Гавана, Варшава и Алжир могли бы и не взваливать тяжесть ответственности именно на Козырева. Этот упавший скальпель стоит до сих пор перед глазами Сергея. И Козырев, с какой бы точки зрения ни взглянуть, имел полное основание... Хотя, впрочем, что значат все основания и права в таких случаях?! Он, Сергей, на месте Козырева поступил бы так же. Но что он, Сергей, должен сделать сейчас на месте Сергея?

Он вызывает Варшаву. На экране появляется худощавый человек с большой залысиной. Сергей узнаёт знакомого по фото хирурга Консовского.

— Я видел только что операцию, — говорил Сергей. И задаёт вопрос прямо в лоб: — Скажите, почему поручили делать её Козыреву?

Брови Консовского чуть-чуть поднимаются.

— Козырев был необходим сегодня...

— А если бы?

— Что если бы? — спокойно переспросил хирург.

— С Козыревым случилось что-нибудь?

Консовский секунду разглядывает юношу.

— Вы что, не знали, что Ансельмо оперировал не один Козырев? — удивляется он. — Вы недавно работаете в Службе здоровья?

И затем терпеливо поясняет:

— Изображение Ансельмо передавалось в Гавану, Варшаву и Алжир. И мы работали вместе с Козыревым. Он больше нас продвинулся в теоретической разработке задачи, он первоклассный хирург и поэтому делал самое трудное. Но когда нужно было, мы подменяли Козырева, а последние пять

минут перед самым решающим ходом работали без него. Козыреву необходимо было дать отдохнуть и собраться с мыслями. И те хирурги, что находились непосредственно у Ансельмо, тоже принимали участие в работе. Вообще такую операцию не в состоянии осуществить один человек! Ведь мы, в сущности, решали научную проблему...

Теперь, наконец, Сергей начинает понимать, что означали паузы в работе Козырева. Операция шла непрерывно! И если бы случилось что-нибудь с Козыревым, его тут же подменили бы. Служба здоровья сделала всё, что можно, чтобы спасти Ансельмо.

Но что она сделала для Козырева?

2

Ответ на этот вопрос мог дать только Савостьянов, руководитель Сибирского центра здоровья.

К нему и направился Сергей, закончив вахту.

— Я не понимаю, — горячо заговорил Сергей. — Раньше были доноры, которые жертвовали кровь для спасения других. Наука ушла вперёд, и заменитель крови изготавливается искусственно. Сегодня Козырев отдал часть своей жизни Ансельмо. И люди согласились с этим! Ведь веем отлично известно, что у Козырева сердечная болезнь. Состояние его, может быть, даже более безнадёжное, чем было у Ансельмо. Он проводит в санатории две недели каждого месяца. Но разве это выход? Где серьёзная, настоящая забота о Козыреве? Как об Ансельмо! Неужели нельзя было избавить Козырева от такого тяжёлого испытания?

Савостьянов задумывается.

— Как об Ансельмо... А вы знаете, в чём заключалась ошибка с Ансельмо? — спрашивает он.

Сергей удивлён. Ему казалось, что с Ансельмо всё обошлось исключительно удачно.

— Там была ошибка?

— Да. — Савостьянов говорит твёрдо. Глаза его смотрят прямо в глаза Сергея. — Козырев хотел выиграть время, чтобы найти способ исцеления Ансельмо. И он прописал Ансельмо абсолютный покой. Ансельмо сказали: не двигайся, не

волнуйся, не думай ни о чём. Ему определили жизнь без всяких стимулов. И сердце его ослабело! В этом и заключалась ошибка. Будь у Ансельмо цель в жизни, какая-то определённая задача, посильная для него, — я убеждён: он прожил бы ещё год без операции.

Очевидно, удивление не сходило с лица Сергея.

— Вы сомневаетесь? — спросил Савостьянов и продолжал: — Что такое жизнь? — Савостьянов положил руку на плечо Сергея. — Для кибернетической машины — постепенное изнашивание её частей. Биологическая жизнь — обмен, питание клеток... А жизнь человека? — Савостьянов отнял руку, сжал пальцы в кулак. — Всё её богатое содержание! Прежде всего человеку нужно счастье работы. И у него должна быть цель! Такая цель, что ради неё можно рисковать или даже жертвовать жизнью... Козырев потому и занялся новыми областями хирургии, связанными с деятельностью сердца, что хотел смягчить участь больных, считающихся, подобно ему, безнадежными. В этом для него смысл жизни, главный её стимул. Продлить Козыреву жизнь — пусть даже в биологическом смысле — можно, только не выключая его из жизни общечеловеческой. Вот почему я высказался за то, чтобы он участвовал в сегодняшней операции. Конечно, я наблюдал с помощью приборов за Козыревым во время операции не менее пристально, чем он за состоянием Ансельмо. И роботы дежурили, чтобы сразу прийти на помощь Козыреву, прежде чем кто-либо из людей успел бы перешагнуть порог операционной.

Открытия свалились на Сергея одно за другим. Оказывается, Козырев для Савостьянова своего рода Ансельмо. И Савостьянов борется за жизнь Козырева своим методом.

— А риск всё-таки оставался? — тихо спросил Сергей.

— Оставался, — признал Савостьянов. — Но, — он пожал плечами, — что ж поделаешь. Другого выхода, в сущности, ведь и не было. Козырев, как вы сами понимаете, знал, что он больше других может сделать для спасения Ансельмо. Представляете, с каким сознанием жил бы он, если бы операция без его участия окончилась неудачно. Вы могли бы со спокойной совестью обречь человека на это?

— А если бы операция прошла неудачно при его участии?

— Сегодня многое было поставлено на карту, — сказал Савостьянов. Он на минуту задумался. Сергей заметил, что рука его чуть вздрагивает. Да, сегодня, кажется, многим пришлось поволноваться. — Но я не жалею о жизни. И, между прочим, продолжительность жизни людей на нашей планете увеличивается от года к году. Десятки различных и всем известных факторов способствуют этому. Вы не найдёте среди них только одного — ничегонеделанья.

— Мы не машины... Словом, я не обещаю вам жизнь без забот. Ну, что, вы не раздумали работать в Службе здоровья?

— Нет, — твёрдо ответил Сергей. — Мне начинает нравиться.

«Хорошо машинам, — вспомнил он, — Нет, людям интереснее...»

Виктор САПАРИН, главный редактор журнала «Вокруг Света», давно работает в жанре научной фантастики. Он автор ряда книг. Несколько лет назад вышли его книги «Новая планета» и «Удивительное путешествие». Им написаны рассказы, объединённые в сборник «Однорогая жирафа». Сейчас он работает над новой книгой. Небольшой отрывок из неё мы печатаем.

В. САПАРИН

Возвращение

Рис. Е. МЕДВЕДЕВА

Голубая планета решительно и спокойно вошла в круг иллюминатора. Дом! Родная планета!

«Что знает о ней Лоо, густолохматый, с большой грудной клеткой, широкими ступнями с перепонками между пальцев?» — подумал Коробов.

Земля...

За головной ракетой к ней летели и остальные пассажирские корабли. Шестеро обитателей Венеры — гости земная — находились сейчас вместе с Лоо на борту. А где-то сзади, в межпланетном пространстве, уже с большими интервалами мчались по кривым орбитам грузовые ракеты, часть которых будет садиться на Луне, а те, что с более мощными тормозными двигателями, — на Азиатском, Африканском и Австралийском космодромах.

Шар в окне уже не шар, он Земля.

Корабль вступил в зону земных связей, и Коробов заказал информационную сводку главных событий за три с половиной года. Конечно, они получали время от времени сообщения там, на Венере (теперь это уже там), но ему захотелось повторить всё заново.

— «Венера-9» вступила в контакт с венерианцами, — послушно заговорил автомат-референт.

На экране показался городок полупрозрачных зданий, а затем сцена встречи землян с венерианцами. Значит, подобные события относят уже к земным новостям. Впрочем, теперь передают о делах человека во всей солнечной системе. Так и есть! Новости с Марса: открыта постоянная научная станция на Марсе — по примеру «Венеры-9». Потом пошли дела «чисто земные»: Якутский рудник-автомат вошёл в строй. Скважина-шахта, пробуриваемая к центру Земли, прошла одну треть земного радиуса. А вот ещё один проект, поистине грандиозный. Двенадцать институтов, занимающихся климатом, гляциологией, геофизикой, океановедением, небесной механикой и другими важными и интересными делами, пришли к выводу, что если попробовать изменить наклон земной оси к орбите, то на планете создадутся несравненно более благоприятные природные условия. Де-

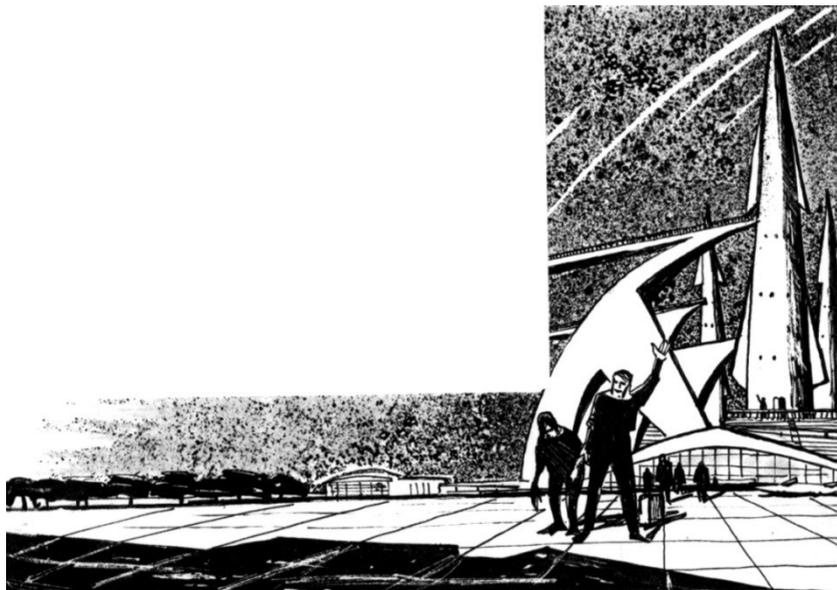
вать других институтов разработали технику поворота земной оси: вблизи Южного полюса в массиве Антарктиды соорудили глубокое жерло, своего рода сопло, начинили его горючим и запустили реактивный всепланетный двигатель. Земную ось после нескольких суток работы сместили на ничтожную долю градуса. Это только прикидка. Сейчас скрупулёзно и детально изучают последствия опыта: пока они заметны главным образом для астрономов — им пришлось изменить в справочниках координаты всех звёзд...

— Приготовиться, — бесстрастно произнёс автомат. — Посадка.

Медленно, не быстрее чем лифт, корабль подходил к просторному, в крупных шашках из огнеупорного бетона космодрому. Клубы пыли (откуда она всё-таки берётся, ведь наверняка бетонное поле накануне скребли и мыли!), тихий толчок, тишина. Разбрызгиватели снимают пыль. В окно видно, что в километре стоят люди, можно различить цветы, развеваются флаги. Открытые машины мчатся к кораблю.

Коробов притягивает к себе Лоо.

— Земля, — говорит он в ответ на пыливый взгляд юноши. — Земля!

В. САПАРИН
*Научно-
фантастический
рассказ*

Рисунки Н. ГРИШИНА

ЛУННАЯ РАПСОДИЯ

Везувий был на ремонте. Это сообщил словоохотливый гид, который, слегка прихрамывая, вёл группу туристов по обзорной площадке, вырубленной в скалах. Можно было подумать, что он обрадовался собеседникам, так он накинудся на нас со своими разговорами.

Он рассказывал о самых элементарных вещах с таким важным видом, точно мы были школьниками, а он впервые

раскрывал перед нами ухищрения человечества в области вулканологии. Так, он счёл нужным объяснить нам, что вулканы используются вместе с глубинными скважинами для постоянного наблюдения за всякой чертовщиной, происходящей в недрах Земли, и что они представляют собой одно из звеньев системы предупреждения о назревающих землетрясениях. Что порой извержения вызывают нарочно — по особому расписанию. А для предупреждения землетрясений применяются глубинные взрывы. Вулканы поэтому приходится содержать в порядке, расчищать кратер от застывшей лавы и накопившегося пепла.

Время от времени наш гид хрипло кашлял, а когда приходилось подниматься в гору, кряхтел.

Одним словом, он возбудил во мне антипатию. Тем более странную, что был-то он всего-навсего машиной, роботом.

Кто-то задал вопрос, почему он хромает.

В задачу говорящего чучела в дни его молодости входило шествовать на своих шарнирных ногах в пятидесяти шагах впереди человека, приближающегося к вулкану, и сигнализировать о внезапных и опасных изменениях обстановки. Однажды поток лавы, лившийся по склону кратера, дал боковую струю. Ручеёк кинулся прямо на вулканологов. Робот успел подать сигнал тревоги. Вся энергия его батарей ушла в тот миг на спасательный сигнал, а когда долю секунды спустя, подчиняясь двигательным импульсам, он отдёргнул ногу, было уже поздно. Лава обожгла ему ступню.

Робот потерял подвижность, и его хотели выбросить на свалку. Но кому-то из туристского бюро пришло в голову, что выдавшего виды «вулканолога» можно использовать в качестве отличного гида. Эти мальчишки из экскурсионных бюро развлекаются тем, что стараются придавать своим справочным машинам самый разный облик. Бывшему работяге «приделали» кашель и кряхтение, начинили его всякими сведениями и научили рассказывать свою историю, копируя какого-то знаменитого актёра. Фокус удался. В любой группе туристов кто-нибудь обязательно спрашивал гида, отчего он

хромает. Реле срабатывало, и туристы становились свидетелями небольшого спектакля.

Старик разыграл его сегодня как по нотам. Он демонстрировал, как он шёл, как предупредил об опасности, как пытался вытащить ногу из вязкой лавы и как не смог этого сделать.

Несмотря на то, что история носила чуть сентиментальный привкус, я уже иными глазами смотрел теперь на эту старую рухлядь, похожую на средневекового рыцаря с бронированной кирасой на груди, круглыми шарнирами на месте коленных чашек и покоробленной ступнёй, на которой сохранились цвета побежалости от страшного ожога.

Пока ходячий патефон вещал о Везувии, я думал о Наташе. С волнением оглядывал я место её работы.

Мы стояли на площадке у обрыва. Внизу нежно голубело море. Наверху виднелся вулкан. Туча пепла и сажи вилась над его куполом. Десяток дождевальных машин окроплял её сверху, чтобы пепел не разносило ветром. Из кратера вылетали обломки скал, кучи пепла и пемзы, слышалось громкое ворчание, словно невидимый огромный зверь рылся там внутри, отбрасывая комья лапами. Смоченный пепел оседал на склонах и сползал грязными потоками. Картина, в общем, создавалась неприглядная. Но ремонт — всегда ремонт, даже если дело касается вулкана.

Старик поведал ещё несколько историй из жизни вулканологов. Я почувствовал, что ещё один такой рассказ — и я начну подумывать, не сменить ли профессию. Я стал понимать, чем привлекает Наташу тектоника. Но мне не хотелось думать, что Наташа сидит сейчас в жерле вулкана и какой-нибудь усовершенствованной кочергой соскребаёт шлак со стенок.

— Где работают ремонтники? — спросил я.

— В круглом здании, — выдал ответ гид.

Я вздохнул с облегчением. Здание находилось дальше от вулкана, чем туристская обзорная площадка.

Оно напоминало гриб на высокой ножке; куполообразная толстенная крыша могла, вероятно, защитить ремонтников от любых вулканических бомб.

— Да здравствует телеуправление! — возликовал я.

Полкилометра по узкой асфальтированной дорожке — и я в доме ремонтников.

В центре маленького полукруглого зала находилось небольшое возвышение с пультом в виде подковы. За пультом сидел высокий сухощавый человек с энергичным лицом. Мне показалось, что на тёмных щеках вулканолога поблёскивает загар от глубинного тепла планеты. Он смотрел на табло, отдавал короткие распоряжения. С полдюжины ассистентов, сидящих за столами или стоящих у приборов, назначение которых я не мог угадать, подавали в ответ короткие реплики.

Табло изображало вулкан, каким он выглядит, если смотреть на него снаружи, и одновременно показывало тектоническую «печку» в разрезе. Приглядевшись, я понял, что передо мной не схема, а телевизионное изображение настоящего, «живого» вулкана, передаваемое несколькими камерами.

— Среднюю полость, — сказал бригадир ремонтников, — в южном направлении.

И вулкан на табло словно повернули вокруг оси, показав среднюю полость.

— Грот Чернецова, — произнёс человек с тёмным лицом. И в жерле вулкана вдруг возникла опухоль. Осветился подземный зал, примыкающий к главному ходу лавы.

В жерле работало что-то вроде гигантской шарошки, похожей на те смешные штуки, которыми оснащались старинные бормашины. Шарошка крутилась на конце гибкого шланга, действиями которого, как я догадался, управлял человек с вулканическим загаром.

«Хирургическая операция, — подумал я. — Пломбируют зуб крокодилу».

Я оказался недалёк от истины.

— Асбобетон, — скомандовал главный «хирург».

Один из ассистентов, маленький, чёрненький, со стриженной под машинку головой, стал делать какие-то расчёты на машине, управляя своей группой механизмов.

На экране появилась вторая гибкая механическая рука: вместо шарошки у неё была металлическая пятерня, похожая

на ковш экскаватора. Она несла ком асбобетона. Ком за комом — и грот Чернецова перестал существовать.

Один из ассистентов оглянулся и увидел меня.

— Мне Наташу, — прошептал я, готовый провалиться сквозь землю.

— Наташу? — он рассеянно поглядел по сторонам. Но я и сам видел, что в зале сидит только одна девушка и она не Наташа.

— Наташа на Талиабу, — сказал он наконец. И тут же забыл обо мне.

— Продувание, — распорядился главный ремонтник.

Юноша, с которым я только что разговаривал, взял в руки какую-то грушу. Столб пепла вырвался из кратера.

Осторожно, на цыпочках, я выбрался из зала.

Но как это похоже на Наташу! Ни весточки, ни слова. Уехала на Талиабу, а я ищу её у Везувия. Где он, этот Талиабу?

Проходя по коридору, я увидел раскрытую дверь. В узкой комнате-кабине сидел молодой человек и с помощью самого обыкновенного паяльника ставил на место клемму. Одного взгляда на панели для меня было достаточно, чтобы понять, что передо мной дежурный техник, который обеспечивает бесперебойное телеуправление всеми этими металлическими руками, шарящими в глотке вулкана.

— Где находится Талиабу? — обратился я к технику.

Он повернулся в кресле.

— На Тихом океане. Вы тоже туда?

— А что там? Ремонт?

— Как, вы не знаете? — техник удивился. — Ага... вы не тектоник, — догадался он. — Так там нарушитель объявился.

Должно быть, мой взгляд напоминал бараний.

— Непонятно? На дне океана забил самодетельный вулкан. Представляете, какая сенсация! Незапрограммированное выступление стихийных сил природы. Кто свободен — все туда.

— А что могут сделать тектоники, если на дне?

— Тектоники-то! Они полезут хоть к центру Земли. Что им несколько километров обыкновенной морской воды!

Техник-весельчак, видимо, не прочь был ещё поболтать со мной, но я извинился и сказал, что очень тороплюсь.

— Я так и знал, — сказал он. — Вы, наверное, по скафандрам?

— Нет, — пробормотал я. — Одно личное дело...

Я представил себе Наташу в скафандре, подплывающую среди свежесваренных рыб к kloкочущему вулкану, и мне захотелось поскорее на Талиабу.

...Робот-справочник вёл новую группу туристов. Как раз кто-то задал вопрос, почему он хромает, и ветеран тектонической службы приготовился к обстоятельному рассказу. Но я грубо вмешался. Задыхаясь от быстрой ходьбы, я воскликнул:

— Как проехать на Талиабу?

— Талиабу? — это слово сразу переключило его внимание. Казалось, он забыл о своих слушателях. — От Джакарты ходят туристские вертолёты.

Он даже закричал как-то особенно, точно жалел, что не может лететь тотчас же вместе со мной к месту такого удивительного происшествия.

Если бы машины могли испытывать чувства, этот робот, наверное, и на самом деле предпочёл бы лезть в пар и пламя, вместо того чтобы рассказывать в пятнадцатый раз за сегодняшний день азбучные истины о тектонике и одни и те же байки из жизни вулканологов.

— Я ишу Наташу, — сказал я и тут же спохватился: «Что ему Наташа? Разве что есть вулкан под таким названием! Тогда он начнёт сыпать справочные данные».

Едва услышав слово «Наташа», старикан преобразился. Он тихо захихикал, потом стал в позу, как если бы держал гитару под плащом, и, задрвав голову кверху, запел дребезжащим голосом сентиментальный старинный романс. Там упоминались «луна», «он», «она» и шесть раз повторялось слово «любовь».

Туристы оторопели. Некоторые заулыбались, думая, что романсы входят в программу.

«Проницательный старик! — чуть не воскликнул я — Здорово меня поддел!»

Но, как инженер, я быстро понял секрет его догадливости. Робот в дни своего славного прошлого немало походил с молодыми вулканологами и, надо думать, наслышался и навидался всяких шуток и сценок, всё это записывалось в кристаллах его памяти, а сейчас сработал какой-нибудь всё ещё действующий ассоциативный контакт и включил запись.

— Любовь вечна, — сказал мне робот на прощание. — Иди ищи, не теряй времени...

Я не стал вспоминать, Шекспир это или другой автор и в каком переводе, — с помощью блока-универсала связался с ближайшим транспортным агентством. Справочная машина в несколько секунд рассчитала для меня самый лучший маршрут к Джакарте.

...Джакарта встретила меня зноем, шелестом пальмовых листьев и плеском океанского прибоя у новой многокилометровой набережной. Первый же пассажирский вертолёт понёс меня к Талиабу.

Вокруг мелькали летательные аппараты — от многоместных вибролётов с несколькими парами быстро машущих прозрачных крыльев, гудящих на низкой басовитой ноте, до маленьких вихрелётов, проносящихся с таким воем, что не происходи дело в просторах океана, никто бы не примирился с таким шумом.

Глубокое разочарование овладело мною, когда внизу показался вулкан. Впрочем, никакого вулкана я, собственно, не увидел. Всё так же от горизонта к горизонту бежали волны. Лишь в одном месте с поверхности моря поднимался пар или дым, да изредка из глубины выплывали и лопались, разбрасывая брызги, большие пузыри. Слишком глубоко под водой спрятался «нарушитель».

Туристам предоставлялось наблюдать телепередачу с океанского дна.

Я смотрел на экран во все глаза. Где-то тут должна находиться Наташа. Временами экран заволакивала серая мгла, озаряемая отсветами пламени. Но когда течение относило муть в сторону, на заднем плане вырисовывалось нечто

похожее на высывающийся из дна кончик огромного огурца (да простят мне вулканологи подобное сравнение!) с какими-то западинами и выступами, похожими на бородавки. Потом облако грязи вылетало из кратера и окутывало склоны. В полосатой мути виднелись силуэты подводных кораблей, которые вели наблюдение. Одни из них стояли на месте, словно привязанные, другие как-то суматошно двигались, всё время меняя позиции. Мощные прожекторы поливали гору струями света. Картина в целом оставалась расплывчатой, с нечёткими контурами и беспрестанной сменой света и мрака.

Я оторвал взгляд от экрана и посмотрел в окно. Три исследовательских судна дрейфовали вокруг того места, где с поверхности моря поднимались клубы пара и дыма.

Совершенно неожиданно я вдруг потребовал, чтобы меня срочно, немедленно соединили с начальником экспедиции.

На экране возникло худощавое лицо. Седые брови, голубые глаза. Начальник экспедиции посмотрел на меня взглядом человека, оторванного от поглощавшего его внимание дела. Вероятно, я представлялся ему нереальным видением, туманом, заслонившим что-то важное.

— Где Наташа? — выпалил я, прежде чем начальник успел опомниться.

В голубых глазах начальника, рассеянно взиравших на мою физиономию, мелькнула вдруг искра интереса. Он взглянул на меня изучающе. На какую-то секунду он забыл о волнующем опыте, который поставила природа на дне Тихого океана.

— Наташа на Луне, — сказал он спокойно и тут же исчез с экрана.

Собственно, особых причин для того, чтобы немедленно разыскивать Наташу, у меня не было. Если не считать одной, о которой «знал» только старик робот. К тому же для полёта на Луну у меня не оставалось времени.

Через два дня я должен вернуться в свою лабораторию. У меня было всего два свободных дня, и я хотел встретиться с Наташей. Если говорить откровенно, то для решительного объяснения.

Но природа развила вулканическую деятельность на Земле и на Луне в самое неудобное для меня время.

Я бестолково метался по планете: из Новосибирска поехал к Везувию, оттуда к Талиабу, а теперь, сидя на набережной в Джакарте, издали любовался Луной, которая светила в вечернем небе. Конечно, не я первый гляжу на Луну с такой тоской. Судя по произведениям поэтов и старинным романсам, у меня было немало предшественников. Но мой интерес к спутнику Земли сегодня имел более конкретный характер.

Внезапно мой блок-универсал просигналил, что кто-то хочет со мной срочно поговорить. Я нажал кнопку.

На экране, к моему удивлению, появился робот-вулканолог из окрестностей Везувия. Он внимательно вглядывался, словно желая убедиться, что это я.

— Вы ищете Наташу? — он закашлялся. — Сегодня банкет будет... По случаю установления новой линии межпланетной телесвязи. Во Владивостоке. Там и Наташа должна быть. Вулканологов с Луны приглашали. Их на Луне трое. А девушка всего одна.

Он поморгал глазами: дескать, сам соображай, кого пригласят связисты.

— Пойдите, — прошептал я в некотором смутении, — ведь не могла же Наташа из-за какого-то там банкета бросить...

Но робот уже отключился.

Я просидел минут пять, соображая, что всё это может значить. Очевидно, начальник экспедиции на Талиабу, которого я так бесцеремонно оторвал от его занятий, поручил кому-нибудь связаться с другими вулканологическими организациями и сообщить, что один из туристов по какому-то личному делу разыскивает Наташу. Что это за дело, вулканолог, судя по выражению его лица, догадался сразу. Мой ровесник из группы ремонтников, закончив продувание кратера Везувия, тоже занялся проблемой: я и Наташа.

Поскольку путь к зданию ремонтников шёл через туристскую площадку, где хозяйничал гид, вулканологи «расспросили» робота. На слово «Наташа» он сработал: воспроиз-

вёл наш разговор и обрисовал мой облик, который он запечатлел запоминающим зрительным устройством, сохранившимся у него ещё с той поры, когда он был «впереди шагающим».

Хорошо, что я нечаянно сказал ему тогда про Наташу! После рассказа робота меня без всякого труда мог опознать тот техник-весельчак, которого я спрашивал, где находится Талиабу, и он поручил разыскать меня в срочном порядке тому же роботу-гиду. Слова техника робот и повторил мне.

Так я попал на банкет.

Очутись на моём месте человек прошлого, он подумал бы, конечно, что имеет дело с привидениями. Даже я чувствовал себя сначала как-то не в своей тарелке.

Теперь все учёные заседания и театральные просмотры, за редкими исключениями, осуществляются таким образом, что в самом зале находятся только немногие участники обсуждения. Многомиллионный митинг можно организовать на нашей планете в течение нескольких минут. Часто мы даже забываем, что, в сущности, находимся в разных местах, когда горячо спорим о чём-либо на таких встречах или конференциях. И всё же ваш собеседник не может налить лимонада из бутылки, которую он держит в руках, в ваш стакан.

Возможно, что именно по этой причине никто до сих пор не устраивал заочных банкетов. Тот, в котором я принял участие, был первым экспериментом.

Банкет устроили по случаю установления видеосвязи в системе Земля-Луна-Марс. Правда, пока Марс периодически выключался, когда он и Земля располагались так, что Солнце оказывалось между ними. Солнце не пропускало радиоволн, а обходная линия ещё не вступила в действие: радиотрансляционную станцию на Венере только ещё проектировали. Но сегодня линия действовала отлично.

Посредине банкетного зала тянулся длинный, разделённый на три отсека стол. Первый отсек находился здесь, на Земле, другой — на Луне, в ресторане космопорта, а третий — на Марсе, в одном из помещений постоянно действующей научной станции. Однако определить, где проходят границы отсеков, не было никакой возможности. Вокруг сто-

ла сгруппировались гости, вошедшие, как мне показалось, в один общий зал через три одинаковые двери.

За столом началась непринуждённая беседа. Каждый мог обмениваться репликами со знакомыми по другую сторону стола или в противоположном его конце. Отличить «живого» человека от «привидения» не сумели бы, вероятно, сами организаторы банкета.

— Советую попробовать, — сказал мой сосед, показывая на нечто светло-розовое, украшенное белыми узорами, лежащее на блюде перед ним. Я подумал, что сейчас он попросит меня передать блюдо дальше — своим друзьям на Луну, и в растерянности соображал, как же я, сумею пригласить «лунатиков» отведать окорок. Но организаторы банкета решили эту проблему просто: во всех отсеках стола ассортимент блюд повторялся.

Особо внимательно я оглядывал лунный отсек. Там я насчитал семь женщин, но ни одна даже отдалённо не походила на Наташу. Может быть, опоздала? Мне оставалось только ждать.

После того как первые тосты были произнесены, собрание стало приобретать всё более непринуждённый характер. Многие отходили от стола и разгуливали по залу или, объединившись в небольшие группы, беседовали с бокалами в руках.

Я тоже решил пройтись, так сказать, по разным планетам. Оказалось, что в любую зону — марсианскую или лунную — можно проходить беспрепятственно, и скоро общество основательно перемешалось.

Тут со мной и начали происходить недоразумения. Сначала на меня чуть не налетели двое каких-то чудаков. Увлечённые спором или разговором, они шагали, не замечая меня, и я не успел отойти. В следующее мгновение двое спорщиков прошли сквозь меня, или скорее я процедился сквозь них. На какой-то миг мир вокруг меня закрыла радужная плёнка, а затем я увидел, что те двое продолжают идти дальше, даже не заметив «столкновения». Оба оказались с другой планеты.

В следующий момент какой-то толстяк двинулся на меня спиной. Я уже не стал сторониться. Внушительный толчок в плечо заставил меня признать в нём землянина.

Задумавшись, я вдруг обнаружил, что очутился посредине стола. Из моего живота торчал рыбий хвост, а сам я по пояс был погружён в огромное блюдо. Машинально я схватился за блюдо руками и поймал воздух. Я сообразил, что залез не в свою зону, и поспешил выбраться из изображения стола.

Потом я два раза ловил рукой воздух, прежде чем сумел взять настоящее яблоко из вазы.

— Видите ли, — сказал распорядитель, к которому я обратился с предложением сделать посуду неодинаковой в разных секторах, чтобы легче было ориентироваться, — сегодняшней вечер не просто встреча друзей с разных планет, но и своеобразное развлечение. Трюки входят в программу.

Празднество было ещё в полном разгаре, когда я направился к выходу. Входов, как я уже говорил, было три. На миг у меня возникла дикая мысль, что если я перепутаю двери и выйду через лунный вход, то окажусь на Луне! Не помню, в какой я находился зоне, когда вдруг заметил знакомый тонкий силуэт и светлые волосы, зачёсанные на затылке кверху.

Наташа стояла в уголке зала и разговаривала с долговязым юношей, у которого был страшно смущённый вид.

Я поспешил к ним и, только протянув руку, вспомнил, что никакого рукопожатия быть не может: современная техника ещё не дошла до этого. Поэтому сильно вздрогнул, когда ощутил тепло пальчиков Наташи, их нежное прикосновение. Долговязый парень смотрел на меня внимательно.

— Ты?! — слова застряли у меня в горле.

— Я пришла сюда специально ради тебя, — сказала Наташа. — Ну, что ты смотришь на меня так, словно я сейчас растаю? Познакомься! Борис Кедров. Очень способный вулканолог.

Я с готовностью протянул руку очень способному вулканологу. После такой рекомендации Наташи он уже не казался мне неуклюжим: парень с отличной спортивной фигурой и к тому же очень скромно держится.

Я взглянул ему в лицо. Он застенчиво улыбнулся.

— Он же на Луне, — сказала Наташа. Похоже, ситуация её забавляла.

— Приятно познакомиться, — сказал я застенчивому вулканологу. — Знаешь что? — обратился я к Наташе. — Вселенная слишком огромна. Может быть, пойдём в парк? Здесь чудесный парк.

— До свидания, Борис. — Наташа бросила на вулканолога лучистый взгляд. Вулканолог покраснел. — Мы поговорим обо всём завтра.

Мы вышли.

Я не знал, что сказать. Ветви каштанов с белеющими люстрами цветов протягивались навстречу из полутьмы. На звёздном небе низко висела Луна, где находился несчастный вулканолог. Впрочем, несчастный ли? Эти застенчивые долговязые парни очень опасны.

— Как ты узнала, что я тут? — задаю я вопрос, который меньше всего меня сейчас занимал.

— Ты взбудоражил весь вулканический мир, — смеётся Наташа, и носик её морщится. — Чуть было не затмил извержение Талиабу.

Я с ужасом думаю: какого обо мне теперь мнения Наташины вулканологи? Конечно, я поразил их своей чудовищной невоспитанностью! Бедная Наташа...

— Но мне сказали, что ты на Луне, — я всё время говорю не то, что хочу сказать.

— Ты думаешь, я одна Наташа в вулканологии?

Я останавливаюсь и хлопаю себя по лбу. Только сейчас я соображаю, что справлялся всё время о Наташе, называя её просто по имени.

Наташа не сердится. Наоборот, она чем-то даже довольна. Она поправляет свою причёску. Мне неведомо больше выяснять третьестепенные вопросы.

— Наташа... — восклицаю я в отчаянии.

С Луны, почти касающейся лапчатой ветви сосны, некто смотрит на нас, застенчиво моргая ресницами.

— Я люблю тебя! — кричу я на весь мир.

Мы стоим на краю обрыва. Внизу промелькнул огонёк — проехало что-то по нижнему шоссе. В небе прочертила след падающая звезда. Больше ничего нет. Марс смотрит на нас — красноватая сияющая точка на синем фоне. Смотрит и не видит. «Марсиане» резвятся сейчас в банкетном зале.

Мы идём по аллее.

Я стараюсь не оглядываться на Луну, где сидит в бронированном каземате долговязый вулканолог, вернувшийся, наверное, в свою лабораторию.

Я чувствую себя эгоистом. В то же время радость заливает мне грудь.

— А он ничего, этот Борис, — говорю я.

— Ничего? — возмущается Наташа. — Отличный товарищ!

— А ты не собираешься... на Луну?

— Завтра, — сообщает Наташа, — завтра вылетаю.

— Опасная работа?

— Видишь ли. Тебе я должна сказать всё! На Луне, сам понимаешь, нет таких устройств, какие ты видел у Везувия. Всё приходится делать самим. Мне предстоит спуститься в кратер.

— Лава? Температура?

— Там — газы. Скафандры, разумеется, самой совершенной конструкции. И лёгкость передвижения тоже в мою пользу. Но много неизведанного.

— А Борис?

— Он дублёр: будет дежурить наверху. Дублёр придёт на помощь, разумеется, если успеет. Но спуск совершается поодиночке. Там иначе нельзя.

«Борис, конечно, надёжный парень. Но что он может при такой технике? думаю я. — Неуютно на Луне. Отсталый участок».

— А ты, — спрашивает вдруг Наташа с беспокойством. — Этот ваш эксперимент?

Я смеюсь. Наш эксперимент! Мы просто запишем некоторые токи человеческого мозга, возникающие при крайних напряжениях в организме, при резкой перемене условий, например при неожиданной аварии. Исследование пригодится для тренировки тех, кто будет изучать другие планеты. Мы разрабатывали аппаратуру для записи и напросились испытать её впервые на нас. Никто из испытываемых не знает, что именно произойдёт с ним. «Потерпевших», конечно, будут спасать по всем правилам современной техники.

— Ты всё-таки поосторожнее, — говорит она.

Я смеюсь. Потом целую её.

— Знаешь, что я придумал? Возьми с собой на Луну робота. Ну, гида с Везувия. Испытанный телохранитель! Хромает немножко, но ведь на Луне притяжение гораздо меньше.

— Даже лучше, что хромает, — говорит Наташа. — Он-то уж не увлечётся прыжками... Как же про него все забыли?! Списали в гиды — и из памяти вон. Ведь сейчас таких телохранителей уже не выпускают, — добавляет она. — На Земле давно обходятся без них. На Луне, конечно, другое дело...

— Ему даже не нужен лунный скафандр, — горячо подхватываю я. — Чуть что не так, он сразу просигнализирует.

— По вулканам он полазил, — соглашается Наташа. — Лучшего не сделают и через месяц даже по специальному заказу.

Я очень рад. Этому металлическому Дон-Кихоту на старости лет будет, наконец, подходящая работёнка: почище, чем на Галиабу.

Луна поднялась и светит во весь свой диск.

Я с надеждой гляжу на Луну.

Впрочем, судя по произведениям поэтов, у меня были предшественники.

На восьмом километре

Гордон захлопнул дверцу кабины и вопросительно взглянул на Кашкина. Широкое лицо того расплылось ещё шире.

«Валяй», — говорила его улыбка.

Гордон повернул ключ стартера. Взвыли моторы, и вихрелёт, поднимая огромные клубы пыли, оторвался от земли.

Они откинулись в своих сиденьях друг против друга, как в гондоле фуникулёра. Вихрелёт шёл по крутой наклонной линии, нацеленной на мачту, установленную где-то у вершины восьмитысячника. Далёкие белые зубцы были отчётливо видны в обзорное окно на фоне столь же далёкого голубого неба.

— Поехали, — с удовольствием произнёс Кашкин.

Гордон промолчал.

Но Кашкин не мог молчать.

— Месяц испытаний — и в книжке ещё один зачёт. На восемь километров ближе к Луне. Не правда ли, напоминает настольную игру «Вверх-вниз»? Попадёшь на несчастливую клеточку — и начинай сначала, а то и другую профессию выбирай.

Гордон пожал плечами.

«Раз это необходимо, то о чём говорить», — перевёл Кашкин. Он вздохнул.

Гордон уставился в окно с таким каменным, упрямым выражением, что не могло оставаться сомнений: он-то все испытания выдержит, сколько их там ни будет.

В окне проплывали горные хребты, похожие на сросшихся и окаменелых ящеров. Между ними зеленели долины, на пологом склоне паслись овцы мирный и очень земной пейзаж.

На высоте пяти километров задул ветер: машину стало раскачивать. Вихрелёт шёл по прямой линии вдоль невидимого радиолуча, иногда повисая над пропастью, а иногда приближаясь к обледенелому выступу горы. На одном участ-

ке они попали в метель. Всё вокруг заволокло, белые сумерки перешли в ночь; в кабине зажглась лампочка.

Потом сразу посветлело. Ещё минута — и солнце во-рвалось в кабину. Даже на лице Гордона заиграла улыбка, а впрочем, такое впечатление мог создать просто солнечный блик.

В окне проносились острые, в чёрных трещинах скалы, белые нависающие карнизы, почти вертикальные склоны, спадающие застывшим занавесом. Снег лежал на гранях, повёрнутых под разными углами к небу. Сверкающий на солнце и в ярких голубых лоскутах там, где падала тень.

— Тут полно мест, куда даже в наши дни не ступала нога человека, — с удовольствием произнёс Кашкин. — Неудивительно: забраться в такие дебри потруднее, чем взойти на вершину по уже проложенным тропам.

Станция вынырнула из-за очень крутого ската — даже не отвесного, а с отрицательным углом. Если соскользнёшь с такого ската, будешь лететь, как в пустоте. Кто не выдерживал постоянного соседства с опасностью за время практики, мог рассчитывать съездить на Луну только по туристской путёвке.

Вихрелёт чуть наклонился, а может быть, так только показалось путешественникам: они увидели что-то вроде ко-со приколоченной полки, примыкающей к почти вертикальной стене. В длину площадка не превышала трёх четвертей километра, а ширина её колебалась от пятидесяти до ста метров. Вдоль наружного края стояли высокие столбы, между которыми была натянута сетка с крупными ячейками.

Кашкин удивился:

— Что, они здесь в футбол играют, что ли?

Но территория станции меньше всего напоминала футбольное поле. Неровная, во вмятинах, усыпанная обломками скал, она неприятно наклонялась к внешнему краю.

По всему участку кто-то щедрой рукой разбросал будки с приборами, зеркала на массивных тумбах, ловушки космических частиц и фантастической формы сооружения, о назначении которых сразу трудно было догадаться.

— Решили, видимо, испытать нашу работоспособность, — снова заметил Кашкин. — Скучать не будем!

Гордон опять промолчал.

«Ну и держи свои впечатления про себя», — подумал Кашкин и радостно заорал:

— Приготовиться к посадке! С прибытием на Луну! Пассажирам надеть скафандры!

Гордон покосился на Кашкина, но протянул руку к пакету в багажной сетке.

Вихрелёт подошёл к мачте на краю площадки и, подняв снежную метель, осторожно сел.

Гордон и Кашкин надели скафандры. С таким же расположением застёжек и карманов, как у лунных, с такими же прочнейшими прозрачными шлемами.

Распахнув дверцу кабины, Кашкин вышел на порог, постоял секунду и прыгнул в снег. Он почувствовал, что у него словно развернулись крылья. Мягкий скафандр раздулся, как аэростат, и Кашкин пролетел метра на полтора дальше, чем рассчитывал. Не Луна, конечно, но считаться с поправочным коэффициентом при любом физическом усилии отныне придётся.

Гордон приземлился рядом, и они зашагали к станции.

Когда они вышли на возвышение, Кашкин огляделся и подумал, что защитную сетку не мешало бы поднять на метр, а то и на два. Если задует ветер, к тому же под гору, недолго и перелететь наподобие волейбольного мяча.

«Наверное, всё рассчитано, — успокоил он себя. — На самой, небось, грани. Риск, конечно, есть. Без риска вся затея ничего не стоит».

Ему вдруг стало весело. Захотелось побежать, слепить снежок и бросить в Гордона. Тот продвигался осторожно, словно на каждом шагу его подстерегала ядовитая змея или другая неведомая опасность.

Конечно, получить травму здесь проще простого. И вихрелёт отвезёт тебя вниз, а на Луну полетит кто-то другой, потому что в твоей зачётной книжке в графе «Практика на высокогорной станции» появится прочерк. Осторожность тут вроде дисциплины, по которой ставят баллы.

Помещение станции было вырублено в теле горы. Над входом нависал толстый козырёк. На Луне такие козырьки прикрывали от метеоритов; здесь, вероятно, защищали от скатывающихся сверху камней.

На стук кулаком в дверь никто не отозвался.

Кашкин принялся раскручивать штурвал рядом с дверью. Массивная плита на невидимых шарнирах стала медленно отходить.

«Чего они прячутся? — подумал Кашкин. — Могли бы и встретить».

Шлюзовая камера свободно вмещала двух человек. Наружная дверь закрылась, послышалось слабое шипение — скафандры стали «худеть», открылась вторая, внутренняя, дверь. Вошедшие очутились в комнате с закруглёнными углами. По стенам располагались шкафчики, циферблаты, краны, тьма всякого оборудования. В одном из углов возвышалось бюро с раскрытым журналом дежурств и высокой тумбой с вращающимся сиденьем. Салон. Рабочий кабинет. И одновременно — столовая. Посредине комнаты стоял обеденный стол, накрытый на четверых и окружённый четырьмя креслами.

— Ребята! — закричал Кашкин, отстегнув шлем. — Смена пришла. Где вы там?

Ответа не было.

Пока Гордон методически, по всем правилам освобождался от скафандра, Кашкин успел заглянуть в спальню, лабораторию, камбуз. Открыл дверь туалета и неизвестно зачем пустил воду из крана над раковиной.

Растерянная улыбка поползла по его лицу.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Они ещё не перешли на «ты». Кашкин счёл момент подходящим.

Гордон подошёл к бюро. Он увидел на раскрытой странице дневника дежурств готовую запись о сдаче и приёме станции. Она была помечена сегодняшним числом: оставалось поставить подписи.

Из камбуза доносился аппетитный запах обеда.

— А может быть, — произнёс неуверенно Кашкин, — может быть, это входит в программу испытаний?

Среди практикантов ходили слухи, что для каждой пары стажёров подготавливался специальный сюрприз, чтобы посмотреть, как кандидаты в «лунатики» станут себя вести в неожиданной ситуации.

— Нужно допросить протоколиста, — быстро сообразил Гордон.

Он подошёл к неширокому раструбу, выступающему из стены, щёлкнул тумблерами «вопросы» и «ответы».

— Где Горышев и Дубровский? — громко спросил он.

«Горышев отправился ко всем чертям, — ответил протоколист. — Дубровский последовал за ним», — добавила машина после паузы.

— Что за чертовщина? — вытаращил глаза Кашкин. — Машина спятила!

— Когда ушли Горышев и Дубровский? — спокойно задал вопрос Гордон. Он говорил почти таким же ровным голосом, каким отвечала машина.

«Горышев — в 13:20. Дубровский — спустя десять минут».

Кашкин посмотрел на часы.

— За двадцать минут до нашего прибытия! Значит, они там, снаружи... Как же мы проглядели?

Он шагнул к входной двери.

Дверь не поддавалась. Кашкин сильнее дёрнул рукоятку. Тогда дверь произнесла:

«Застегнуть скафандр!»

Кашкин досадливо крикнул.

Тут все вещи связаны сигнализацией — скафандры, дверь, протоколист, и, конечно, промах Кашкина уже зафиксирован где-нибудь на магнитной нити и войдёт в обобщённую сводку его ошибок. Впрочем, пока это учёба, тренировка, первый день... Эти милые автоматы научат Кашкина необходимой автоматичности. Не в том ли смысл всей практики на станции — в конечном и, надо надеяться, суммарном балле?

— На площадке никого не было, — сказал Гордон. — Я внимательно оглядел её с вихрелёта.

Кашкин стоял посреди комнаты в скафандре, который он так и не успел снять.

— Надо послушать запись их разговоров, — сообразил он наконец. — Самых последних.

«Неплохая идея», — отразилось на лице Гордона. Разыскав счётчик времени, он стал крутить диски.

— Ставлю на 13:17.

Машина весело заговорила голосом Горышева:

«Ну я пошёл встречать этих чертей. А тебе ни пуха, ни пера!»

«Пошёл ко всем чертям!» — Дубровский произнёс традиционную фразу почти без всякого выражения.

«Советую отладить юмор!»

«Хватит», — ворчливый голос человека, занятого работой.

Звук закрывающейся двери.

— Так, — вмешался Кашкин. — Черти — мы. Горышев пошёл нас встречать. А что делал Дубровский?

— Тсс... — Гордон предостерегающе поднял руку.

Шорохи. Вдох. Тонкий пронзительный свист. Стук упавшего предмета. Быстрые шаги. Чмоканье двери.

— Теперь пойдёт пауза до нашего прихода.

— Есть запись наружной обстановки? — спросил Гордон протоколиста.

— Второй канал неисправен.

Гордон пощёлкал тумблером «Второй канал».

— Действительно. Итак, подведём итоги. Что можно считать установленным? Горышев пошёл нас встречать. Дубровский чинил неисправный наружный канал, чтобы сдать станцию в порядке. Горышев о чём-то не подозревал. Дубровский побежал предупредить его об этом, а может быть, и нас. Неизвестное «что-то» предположительно связано с загадочным свистом.

— Логично. Если только... если только всё это не розыгрыш! Давай обобщем как следует помещения станции.

Может быть, мальчики сидят где-нибудь в стенном шкафу. И посмеиваются над нами.

— Проверим на всякий случай.

Они обследовали заново каждую пядь. Заглядывали под кровати, под стол и кресла, открывали двери и дверки, не исключая шкафчика дежурной аптечки.

— Всё, — сказал Кашкин, отряхивая пыль с коленей. — Если они не превратились в мышей, их здесь нет. Значит, они прячутся снаружи. Надевай скафандр.

Выйдя на площадку, они увидели, что от двери станции по свежевыпавшему снегу тянутся две пары следов, которые прежде не привлекли их внимания. Следы шли в направлении, противоположном тому, откуда прибыли Кашкин и Гордон после высадки с вихрелёта.

— Выходит, Горышев встречал не нас. Значит, черти не мы! — воскликнул Кашкин. — Кто же... Что за чёрт!

Они прошли всего несколько десятков шагов по следам. Дальше следы обрывались. Вокруг лежали снежные заструги, чистые и нетронутые.

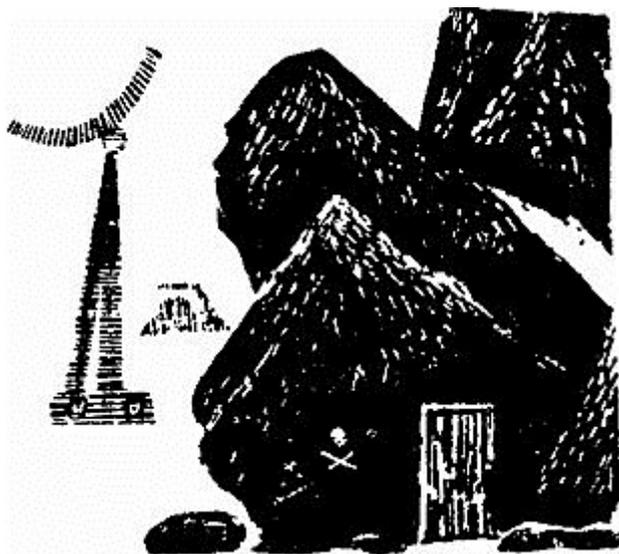
Кашкин невольно поднял глаза к небу.

— Не улетели же они? Какие черти могли их унести?

Небеса не дали ответа.

Тогда Кашкин огляделся по сторонам. Он увидел на скалистой стене, к которой примыкала площадка, изображение черепа и скрещённых костей. Рядом со знаком, предупреждающим об опасности, намалёванным прямо на скале, виднелась грубо сколоченная дверь. Очевидно, она прикрывала нишу или вход в небольшую пещеру.

— Трансформаторная будка? Склад?

— В описании станции ничего не говорится на этот счёт, — твёрдо сказал Гордон.

— Ты, наверное, выучил его наизусть, — позавидовал Кашкин. — Значит, хибару соорудили Горышев и Дубровский.

— И не сообщили на Землю?

— А надо докладывать о таких пустяках?

— В еженедельной сводке. Ты не читал инструкции?

— Я полагал, что успею почитать её здесь. Так, может быть, они там и сидят? Соорудили эту штуку, чтобы нас озадачить, и нарочно не сообщали!

— А следы?

— Разберёмся после. Какой-нибудь трюк... От этих мальчиков всего можно ждать.

Подойдя к двери, они обнаружили висящий на ней странный предмет. Кашкин потрогал металлическую скобу, соединённую с коротким цилиндром.

— А это ещё что за знак?

— Это не знак, а замок.

— Из какого музея?

— Сами сделали.

— Выходит, там их нет. Но для чего мог им понадобиться замок?

— Запирать.

— Что и от кого?

— Я не удивлюсь, если это «что-то» или этот «кто-то» свистит.

Кашкин заинтригованно хмыкнул.

— Что говорит по этому поводу инструкция?

— По инструкции мы обязаны сообщать обо всём необычном на Землю. Но связь будет только в шесть утра. Так устроен передатчик.

— Игра в Луну? Значит, до утра они могут морочить нам голову! Самое лучшее — сделать вид, что ничего не произошло. Им надоест — и они вылезут сами.

— Я предлагаю. — Гордон нахмурился. — Первое — не разлучаться, ходить вдвоём, как в патруле. Второе — разыскать ключи, выяснить, что за дверью.

— Ты встревожен?

— Мы не знаем, что тут происходит.

— Где может быть ключ? — Кашкин посмотрел да стены. — Раньше их вешали на гвоздь. Я читал в каком-то романе. Но здесь нет гвоздей.

— Их держали ещё в ящиках письменного стола.

— Спросим протоколиста. Для чего-то он существует. Слушай, друг. Кашкин обернулся к воспринимающему приказания раструбу. — Ты слышишь?

«Слышу», — ответила машина.

— Не знаешь, где ключ?

«Нет».

— Вообще о ключе Горышев и Дубровский при тебе разговаривали?

«Нет».

— А о чём они разговаривали?

«О разном».

— Толковый ответ. А о чём больше всего в последнее время?

«О „снежном человеке“».

— Это ещё что за зверь?

«Человекообразная обезьяна», — сообщил протоколист.

— Ну и что они говорили?

«Горышев говорил, что он встретил «снежного человека».

— Чёрт возьми! — оживился Кашкин. Он вопросительно посмотрел на Гордона.

— Чепуха, — сказал Гордон. — Старая легенда. Обезьяна, если она и существовала, вымерла лет двести назад. Никто её не видел. Из учёных.

— Воспроизведи разговор, — потребовал Кашкин у протоколиста. — Самый первый. О «снежном человеке».

«Это продолжение разговора, — сообщил протоколист. — Начала я не слышал. Разговор начался на территории, а наружный канал... — протоколист запнулся, — пошаливал. Воспроизвожу запись».

«Хватит мистификаций, — послышался голос Дубровского. — Сначала ты выдумал, что нашёл куст земляники в

снегу, а я, как дурак, бегал его смотреть. Потом ты сказал, что у тебя болят зубы каждый раз перед тем, как падают лавины, и я пытался построить теорию с ультразвуками. Теперь ты фантазируешь насчёт «снежного человека».

«Почему фантазирую?»

«Ты очень несерьёзный человек. Я даже не знаю, что о тебе думать».

«А что ты думаешь об этих фотографиях?»

— Фотографии! — воскликнул Кашкин. — Горышев показал фотографии?

«Да, — подтвердила машина. — Шесть фото».

— Где фотографии?

Кашкин подпрыгнул от нетерпения.

«В ящике бюро».

Даже Гордон не выдержал. Он подошёл к бюро и стал выдвигать один ящик за другим. Очень скоро он положил на стол шесть снимков.

С небольшими изменениями в ракурсе они изображали одно и то же существо, походившее не то на обезьяну, не то на дикого человека. Низкий лоб с выдающимися надбровными дугами, неразвитый нос, покатые плечи, длинные узловатые руки и короткие, как у медведя, ноги. «Снежный человек» стоял, прислонившись спиной к скале, чуть наклонясь вперёд, повернув голову. Глаза едва различались под нависшими волосами.

— Да... Красавец! — восхитился Кашкин. — Но какова сенсация! — пришёл он в ещё больший восторг. — Вот это, я понимаю, открытие!

— Почему они о нём умалчивали? — в недоумении произнёс Гордон. — Не понимаю... Почему, — спросил он протоколиста, — сообщение о «снежном человеке» не передали на Землю?

«Горышев сказал, чтобы сообщение передал Дубровский. Дубровский говорил, чтобы передавал сообщение Горышев».

— Нелепый спор, — удивился Гордон. — Почему Горышев хотел, чтобы передавал Дубровский?

«Потому что Дубровский в эти дни был старшим сме-
ны».

— А почему Дубровский считал, что сообщить о «снежном человеке» должен Горышев?

«Потому что Горышев сделал открытие».

Кашкин вдруг свистнул.

— А что, если их утащили «снежные люди»?

— Какие ещё «снежные люди»? — рассердился Гордон. — На снимках одна и та же обезьяна.

— Но не могла же эта обезьяна существовать в одиночку! Их, может быть, целое стадо. Дубровский чинил наружный канал, включил его на какую-то секунду, услышал свист жоака и бросился на выручку Горышева. Они утащили и его.

— Не оставив следов на снегу?

— Может быть, они прыгают метров на двадцать сразу?

— С такими ногами не прыгнешь!

— Тогда могли бросить аркан или ещё что-нибудь. И втянуть прямо на скалы. Уж, наверное, «снежные люди» — отличные скалолазы.

— Гм... — Гордон заколебался. — Ты, я смотрю, фантазёр.

— Теперь понятно, почему они сделали замок, — продолжал возбуждённо Кашкин. — Простой засов обезьяна легко откроет. Замок — против «снежного человека». Но что они прячут на складе? Ну-ка, — обернулся он к протоколисту, — можешь ответить на такой вопрос: что на складе, понимаешь, там, в пещере, снаружи, под замком?

«Снежный человек», — ответил протоколист.

— Вот это номер... — озадаченно прошептал Кашкин. — Были бы мы хороши, если бы нашли ключ и открыли дверь. Так вот что означает череп с костями! Напоминание об осторожности.

— Надо взять сверло, — сказал Гордон, — и фонарик.

...Осмотрев внимательно дверь, они убедились, что в толстых досках кто-то уже пробурил с десятков отверстий.

— Для воздуха, — сообразил Кашкин. — А замок — чтобы сородичи не выручили.

Он прильнул к одной из дырок.

Гордон пристроился к соседнему отверстию.

Луч фонарика упёрся в стену пещеры.

Оба вздрогнули. Прямо против них, прижавшись к стене, стояло существо, которое они только что рассматривали на снимках.

«Снежный человек» стоял в позе напряжённой неподвижности. Крупными ноздрями, обращёнными вперёд, он, видимо, втягивал воздух. Ростом он превышал человека.

— Осторожнее... — прошептал Кашкин. — Видишь, в лапище камень! Запустит в глаз...

Оба затаили дыхание. Ни звука не доносилось и из пещеры. «Снежный человек» замер.

Гордон переместил фонарик, приложил к другому отверстию. Луч ударил в скошенный лоб, сверкнули в бурых космах точки зрачков.

Что-то знакомое показалось Кашкину в этом взгляде.

— А ну-ка пошумим! — предложил он вдруг.

И принялся барабанить в дверь рукояткой сверла.

Обезьяна даже не шевельнулась.

— Сдохла? Мумия? Труп?

Кашкин уже снимал замок.

— Бугафория, — бросил он. — Не требуется никакого ключа.

Он распахнул дверь. У стены всё в той же позе, в точности повторяющей изображение на фото, стояло чудовище, ещё более страшное при дневном свете.

Кашкин подошёл к «снежному человеку» и взял его за подбородок.

— Камень, — сказал он. — А глаза — из застёжек от комбинезона.

Теперь и Гордон мог убедиться, что из стены выступал горельеф.

— Сработано грубо, но впечатляет, — произнёс Кашкин. Он отступил на шаг. — Конечно, люди дотошные найдут разные отступления в анатомии. Но ведь как живой!

— Грандиозная мистификация, — нахмурился Гордон.

Они обернулись и посмотрели на заснеженную площадку, где обрывались следы.

— Был миг, — признался Гордон, — когда я подумал, что, может быть, они заперты здесь, в пещере. Ты с твоими фантазиями подействовал и на моё воображение. Какой-то конфликт со «снежным человеком» мог кончиться тем, что они оказались бы внутри, а он снаружи: защёлкнуть замок обезьяне ничего не стоит.

— Они увидели бы нас в дырку и подняли шум.

— Про дырки я не знал.

— Где же всё-таки ребята?

Тихо. Безветренно. Снежинка, слетевшая с кручи, сверкая на солнце, легла на белую пелену.

Впервые чувство тревоги словно пронзило Кашкина. Опасности не бутафорские, а самые настоящие окружали живущих на восьмом километре к Луне.

— Мы не приблизились к решению загадки ни на шаг, — огорчённо резюмировал Кашкин.

И тут же хлопнул себя по лбу. Удар, правда, пришёлся по пластиковому шлему.

— Мы дураки, — убеждённо сказал он. — Самые настоящие остолопы. Мы не подумали о ветре.

— При чём здесь ветер? — удивился Гордон.

— Несчастье! — воскликнул Кашкин. — Произошло несчастье. Их унесло ветром!

— Ну знаешь...

Но Кашкин уже шагал к месту, где обрывались следы.

— Местность идёт под уклон. Видишь? Порыв ветра — и их нет.

— Я скорее поверю, что они провалились сквозь землю, — сказал Гордон.

Он попробовал сделать несколько шагов в направлении, куда вели следы. Снег был неглубокий, едва больше, чем по щиколотку, грунт под ним твёрдый.

— Здесь не провалишься. Ни ямы, ни канавы.

— Я же говорю: их подхватил порыв ветра.

— В ветер я не верю, — возразил Гордон. — Мы прилетели — был полный штиль. Но давай посмотрим.

До ограды шла снежная целина. Дальше сквозь редкие ячейки сетки виднелся склон, прямо уходящий вниз. Шагах в пятнадцати начинался уже обрыв. На снегу ни царапины.

— Если они перелетели через ограду, — неуверенно сказал Кашкин, — то их пронесло прямо туда...

Он вздрогнул.

— Ты куда?

Кашкин, цепляясь за проволочные узлы, лез на сетчатую стену.

«Выходить за границы территории станции категорически запрещено», глухим твёрдым голосом произнёс ближайший столб.

— Интересно, что сказал этот столб, — пробурчал зло Кашкин, — когда Горышев и Дубровский пролетели тут по воздуху. Всё предусмотрено, а людей нет!

Кашкин продолжал висеть на сетке, не обращая внимания на предупреждающие возгласы столба. Наконец он слез.

— Ничего не видно.

— Поговорить ещё раз с протоколистом? — в раздумье произнёс Гордон.

— Эта машина только сбила нас с толку! — Кашкин говорил с досадой: — Не понимает юмора, не знает студенческих поговорок — представляю, как она изобразит наше поведение. В её изложении мы будем выглядеть полными идиотами. Я — во всяком случае. Ты, конечно, ей больше импорнируешь.

— Ты зря злишься! Машина ни в чём не виновата. Горышев специально мистифицировал Дубровского. И уж если он поверил в «снежного человека», чего ты хочешь от машины! Главная беда в том, что неизвестно, о чём спрашивать протолиста. Нужны новые данные, тогда появятся и новые вопросы. Знаешь что? Посмотрим показания всех приборов за час до нашего прибытия!

— Вдруг зафиксировали землетрясение?

— Я бы не исключил и землетрясения.

Они ещё раз оглядели площадку, сверкающую голубизной под безоблачным небом. Будки и будочки, приборы, стоящие открыто, и ни одного следа возле них.

— Сегодня их не осматривали, — заметил Кашкин.

— По расписанию это должны делать мы. Их проверяют раз в два дня. Регистрационные устройства — внутри станции.

Поделив ленты с графиками, они уселись за стол и, сдвинув в сторону тарелки, погрузились в изучение материалов.

— Землетрясения не было, — констатировал Кашкин. — Не считая двух, эпицентры которых находились в четырёх и в шести тысячах километров отсюда.

— В солнечной радиации особенного ничего не происходило, — бормотал Гордон. — Космические лучи — в норме.

Они смотрели всё подряд.

Ещё шуршание лент, нечленораздельные восклицания. И вдруг...

— Вот! — воскликнул Кашкин. — Я говорил.

Он поднёс к глазам Гордона голубоватую ленту. Гордон взглянул на зубец, в который уткнулся палец Кашкина.

— Что это?

— Ветер. Видишь — почти прямая линия? Штиль. И вдруг — острый всплеск. Затем затухающие зигзаги. И снова штиль — ровная линия. По времени... по времени... сходится! 13 часов 34 минуты. Сильный порыв ветра! Что?

— Сильный? — Гордон взял из рук Кашкина ленту. — Где тут масштаб? Ну знаешь, таким порывом двух взрослых мужчин не поднимешь в воздух.

— Ты забыл про скафандры! Они же настоящие аэростаты. Ты знаешь: чем сильнее ветер, тем плотнее становится воздух. И вот наступает момент, когда...

— Срабатывают клапаны, — холодно закончил Гордон. — Подъёмная сила скафандров постоянна. Специально устроено, чтобы походило на постоянную разницу в весе на Луне.

Но Кашкина не так легко было заставить отказаться от мысли, если она его захватила.

— Тут ничего не стоит упасть и стукнуться, — сказал он. — Ударился клапаном о камень — и пожалуйста: клапан вышел из строя.

— У обоих сразу?

Кашкин задумался не больше чем на секунду.

— У одного. Дубровский вспомнил про неисправный клапан в скафандре Горышева и побежал за ним. Только схватил его, тут вдруг задул ветер и перенёс обоих через сетку.

Кашкин так ясно представил себе картину, что вскочил с кресла.

— Надо взять трос и обследовать провал. Плевать на то, что скажет по этому поводу бетонный столб.

Он сделал шаг к двери.

«Скафандр», — равнодушно заметила дверь.

Кашкин остановился и стал оглядывать себя.

Гордон махнул рукой.

— Версия отпадает, — устало сказал он. — Дверь не выпустит человека в неисправном скафандре. Если в скафандре что-то не в порядке, он сам просигнализирует об этом.

Кашкин медленно вернулся на своё место.

Гордон молчал на этот раз очень долго. Он напоминал шахматиста, ищущего ответ на сложный ход противника.

— Секрет, наверное, самый простой, — сказал он наконец. — Тебе не кажется, что Дубровский и Горышев просто не могли никуда исчезнуть с территории станции? Вихрелёт исключается. На скальную стену не забраться даже альпинистам. Через забор не перелетишь. До сих пор мы разбирали варианты того, как они покинули территорию станции. Теперь предположим, что они здесь.

— Как же ты объяснишь следы?

— Следы могут не иметь никакого отношения к исчезновению Горышева и Дубровского.

— Новая версия?!

— Просто я более критически оцениваю факты. Следы могут быть старыми.

— Снег свежий.

— А ты знаешь, как здесь падает снег? Здесь ветры дуют под всеми углами. Старые следы могли оказаться в зоне случайного затишья.

— Но ведь не можем же мы обследовать всю территорию сантиметр за сантиметром, переворачивая каждый камень, наподобие того, как обыскивали эти комнаты? Нам не хватило бы и двух недель.

— Разумеется. Если до шести утра ничего не придумаем, сообщим на Землю, вызовем людей. Но что делать сейчас? У тебя есть идея? Пусть самая фантастическая!

— Увы, — уныло сказал Кашкин, — моя фантазия иссякла.

— У меня тоже нет никакой гипотезы, — сознался Гордон. — Ну давай подумаем, — предложил он. И погрузился в размышления.

Но Кашкин не мог долго оставаться наедине с собой. Он стал думать вслух:

— Интересно, как выглядят эти парни? — Он побряхтел. — Очень разные люди, судя по тому, что мы о них успели узнать. Горышев может выдумать любую ерунду. Дубровский — мужик серьёзный. Если берётся за что-нибудь, то уж это дело: исправление канала наружной связи, исследование... Что он исследовал, когда Горышев принялся морочить ему голову своим «снежным человеком»? Не помнишь?

— Что-то связанное с ультразвуком. Кажется, способы предупреждения о лавинах.

Кашкин оживился.

— Послушай, — обратился он к протоколисту, — здесь бывают лавины?

— В горах-то? — удивился Гордон. — Где же им ещё быть?

— Я не тебя спрашиваю. На территории станции лавины бывают? Ну, шевели своими клетками! Что-то ты долго соображаешь!

«Лавиноопасен западный участок», — ответил протоколист.

— Лавины сильные?

«Слабые. Большие лавины минуют станцию».

— Ты думаешь... — просветлел Гордон.

— Вот именно. Мы шли от Горышева, а надо было идти от Дубровского. Ну-ка, машина! Дубровский конструировал прибор для прогнозирования лавин?

«Да», — ответил протоколист.

— Где прибор?

«Установлен на территории станции».

— Где именно?

«На западном участке».

— В каком месте?

«Дубровский нанёс на карту».

— Где карта?

«В нижнем ящике бюро».

— Гениальная машина! Беру назад все критические замечания. Нашёл карту? — обратился он к Гордону.

Тот рылся в ящике бюро.

— Вот она, — Гордон расстелил карту на столе. — Западный участок — там, куда вели следы.

— А место, где установлен прибор, помечено?

— Сейчас... Тут много всяких пометок. Ага, есть надпись: «Лавиноскоп».

— Отлично! — Кашкин сидел в кресле, скрестив руки на груди, и не глядел на карту. — Теперь нанеси на карту следы до того места, где они обрываются. Нанёс?

— Примерно так.

— Приложи линейку, — в голосе Кашкина звучали торжествующие ноты. — Проведи линию от конца следов к точке с надписью: «Лавиноскоп». Провал? Вот на этой линии и надо их искать.

— Прибора нет, — сообщил Гордон. Он держал в руках карту и сличал её с местностью. — Может быть, Дубровский передвинул его, — добавил он с сомнением.

— Рельеф на карте показан?

— Нет, это план.

— Можешь определить место, где должен находиться лавиноскоп?

— Видишь чёрный камень, выступающий из снега? Правее, метров десять.

— Туда и возьмём прицел.

Они двигались по белому полю, тыча лопатами в снег. Поверхность снега оставалась ровной, но грунт под ногами понемногу понижался. Они словно входили в реку. Вот уже по колено.

Гордон издал восклицание и провалился по пояс.

— Тут яма.

— Начнём прокладывать траншею.

Снег был лёгкий и сыпучий. Он плохо держался на лопатах.

Через полчаса они выдохлись.

— Передышка пять минут, — объявил Кашкин.

Гордон опёрся на лопату.

— Расскажи, как тебе рисуется картина?

— Проще простого, — ответил Кашкин. — В этом отношении ты оказался прав. Дубровский мудрил над прибором, улавливающим наступление лавин. Что-то должно предшествовать падению лавины. Какие-то процессы внутри нас, помимо накопления самой массы снега. Ведь лавины обрушиваются и при полном безветрии. Что-то подготавливает их к тому, что они срываются от хлопка в ладоши. Видимо, я неспециалист, только предполагаю, — это связано как-то с ультразвуками или может быть обнаружено с помощью ультразвука. Когда Горышев пошутил, что у него ноют зубы перед падением лавины. Дубровский допустил, что так могло быть на самом деле. Его прибор работает с ультразвуками, а перевести их на слышимый звук ничего не стоит. Свист это и есть сигнал о том, что лавина вот-вот обрушится. Свист ничего не говорит о времени, когда это произойдёт. Связь между Дубровским и Горышевым не действовала — наружный канал вышел из строя. Работала только связь с приборами. Она осуществляется по особым каналам. Дубровский услышал свист и побежал предупредить Горышева. Лавина настигла их где-то вот тут. Засыпала следы, их обоих и прибор. Лавина небольшая, может быть, слабый отросток — поэтому на общем виде местности она особенно не отразилась. Мы ведь не знаем, как выглядит эта местность по-настоящему. Вернее, как она выглядела вчера. Здесь всё меняется каждый день. Есть и косвенное подтверждение — воздушная волна от лавины зафиксирована ветромером.

— В твоём рассуждении, — сказал Гордон, берясь за лопату, — есть одна логическая неувязка. Зачем Горышев пошёл в направлении, прямо противоположном тому, где находится посадочная площадка вихрелёта? Ведь черти, которых он пошёл встречать, мы, а не «снежные люди».

— Не берусь объяснить. Оставим какие-то разгадки до встречи.

Они покопали ещё минут двадцать. Снег вокруг лежал уже на уровне плеч. Казалось, они уходили больше в глубину, чем продвигались вперед.

— Мы можем провести траншею мимо, — не выдержал Гордон. — Ведь они не ходят по линейке. У них наверняка тут тропы, по которым они шагают от будки к будке.

— Я думаю, в экстренном случае они должны были побежать по прямой.

Лопата Кашкина уткнулась во что-то тугое и твёрдое.

Он отбросил лопату и опустил на колени. Из снега торчала ребристая подошва с каблуком в форме подковы.

Человек лежал вдоль направления траншеи, и им пришлось изрядно повозиться, пока они отрыли его. Последней освободили от снега голову. Тут только человек зашевелился. Он сел. Сквозь шлем, облепленный снегом, различались квадратное лицо, твёрдый подбородок, голубые глаза. Человек провёл рукавицей по поверхности шлема, оставив прозрачную полосу. Затем рывком сел.

— Дубровский, — представился он. — Горышева откопали?

— Где его засыпало?

— У лавиноскопа. Сейчас покажу.

Дубровский поднялся на ноги. Широкоплечий, баскетбольного роста.

— Сколько осталось кислорода? — поинтересовался Гордон.

Дубровский взглянул на счётчик на рукаве.

— На двадцать девять минут.

— А у Горышева?

— Не больше. Запас ограничивают, чтобы приучить к экономии и к постоянному контролю за дыханием.

Гордон и Кашкин переглянулись.

— Мы не успеем. За час мы прошли меньше половины расстояния до лавиноскопа.

Дубровский взглянул на лопату.

— Чем вы копаете?

— Всем, что нашли на станции.

— В сарае снегомёт.

Кашкин побежал к складу.

— Из-за этого дурацкого «снежного человека», — рассердился Гордон, — мы не осмотрели склада. Игра могла кончиться очень плохо...

Он вспомнил про череп с костями, и ему захотелось выругаться.

Дубровский сделал несколько движений руками и окончательно пришёл в себя.

Кашкин притащил снегомёт, по виду напоминающий плуг. Дубровский направил остриё в сторону торцевой стенки траншеи, сжал рукоятки. Тотчас снежные вихри забили в стороны, снегомёт двинулся вперёд, вонзаясь в нетронутый пласт. Дубровский шёл ровным шагом, положив руки на рукоятки, и, покручивая ими, управлял механизмом.

С каждым шагом ход углублялся.

— Тут ложбина, — пояснил Дубровский. — Скаты играют роль звукоулавливателя. Я поставил лавиноскоп в самом глубоком месте.

Горышев не лежал, а сидел под трёхметровым пластом снега. Он зашевелился сразу же, едва получил возможность двигаться. Рядом в раскопанном снегу торчала головка лавиноскопа, шестигранная, похожая на большую гайку.

— Кислород? — спросил Гордон.

— На красной черте.

Гордон и Кашкин подхватили Горышева под руки. Невысокого роста, смуглый, с выражением нетерпения на лице, он двигал руками и ногами, словно хотел согреться. Они побежали к станции. Дубровский еле поспевал с лопатами и снегомётом на плече.

Вдруг Горышев остановился.

— Зубы, — сказал он.

— Что с зубами? — спросил Гордон.

— Ноют.

Дубровский поморщился.

— Опять начинается... Ещё не отдышался, а уже...

— Смотрите! — воскликнул Кашкин.

С дальнего склона покати́лась белая струйка.

Дубровский бросил в снег лопаты и «плуг» и побежал к лавиноскопу.

Придя на станцию, Гордон и Кашкин помогли Горышеву снять скафандр и усадили его за стол.

Вскоре появился Дубровский.

— Зафиксировал, — объявил он с порога. У Дубровского был довольный вид.

— Еды, — попросил Горышев. — Я так проголодался, пока возился под снегом.

— А я не двигался, — сказал Дубровский, расстёгивая скафандр. — Даже спал.

— Выдержка, — удивился Кашкин.

— Экономия кислорода, — объяснил Дубровский.

Разогреть обед было делом минуты.

— Я вижу, спячка благотворно сказывается на аппетите, — заметил Горышев, глядя, как Дубровский отправляет в рот кусок за куском. — Теперь я понимаю, почему медведи весной голодные.

— При чём здесь медведи? — Дубровский пожал квадратными плечами. — Медведь спит всю зиму. И существует за счёт накопленных запасов жира.

— Да, я забыл вам представить своего напарника, — сказал трагическим тоном Горышев. — Должен предупредить: этот юноша не понимает юмора.

— Не люблю глупых шуток, — подтвердил Дубровский.

— Например, про зубы.

— С зубами я был не прав, — серьёзно сказал Дубровский. — Охотно приношу извинения. Последний случай очень убедительный.

— Ну вот! — жалобно воскликнул Горышев. — А с зубами я как раз пошутил.

— У него не отличишь, — с огорчением произнёс Дубровский, — когда он говорит серьёзно, а когда паясничает.

— В первый раз зубы у меня действительно болели, — пояснил Горышев. — Но это оттого, что я пил ледяную воду. Про лавину я сболтнул просто так. А она вдруг возьми и свалилась.

Гордон решил прервать перепалку.

— Как вы очутились у лавиноскопа? — спросил он.

— Глупость, — усмехнулся Горышев. — У меня заныли зубы. Честное слово! — предупредил он реплику Дубровского. — И я подумал... Ну, понимаете, Дубровский со своим серьёзным отношением ко всему на свете может хоть кого сбить с толку. В общем я... мне пришло в голову... Вдруг и правда зубы имеют отношение к лавинам? Смешная мысль, конечно. Я отлично понимаю. Ну, я пошёл к лавиноскопу поглядеть, что он показывает. Тут лавина меня и накрыла.

— Ну хорошо, а «снежный человек»? — спросил Гордон, откидываясь в кресле.

Они покончили с обедом. На столе стояла ваза с фруктами.

— Попробуйте каждый день общаться с человеком, у которого нет чувства юмора, — горячо заговорил Горышев. — Я в шутку сказал, что в снегу расцвела земляника. Он поверил. Я сострил про ноющие зубы, он стал писать диссертацию. Тогда с досады я выдумал историю со «снежным человеком».

Он взял яблоко и принялся грызть его.

Дубровский встал из-за стола и, не проронив ни слова, взялся за дело, от которого оторвался три часа назад. Он поднял с пола отвёртку и, придвинув кресло к панели, принялся искать повреждение в блоке наружного канала.

Гордон изучающе глядел на Горышева.

— Жаль, — сказал он после паузы, — что вам не придётся работать на Луне.

Подвижное лицо того выразило удивление.

— Почему?

— А вы смогли бы вдвоём с Дубровским дежурить год?

— Нет, — вырвалось у Горышева. — И я заявляю самоотвод, — сказал он более спокойно. — Ведь пары можно подбирать в разных комбинациях, разъяснил он. — И есть станции, где дежурят по шесть человек.

— И на каждое место — три кандидата! — воскликнул Кашкин. — Кажется, я начинаю понимать, для чего нас сюда присылают!

Горышев улыбнулся.

— Если вы имеете в виду совместимость характеров, — протянул он, то... в конце концов чувство юмора...

Гордон резко остановил его.

— Я тоже не лишён чувства юмора, — заявил он. — Но с вами я не стал бы дежурить.

Кашкин после небольшого раздумья присоединился.

— Я, пожалуй, тоже. Хотя характер у меня лёгкий. Даже с налётом легкомыслия.

Горышев испытующе поглядел на друзей.

— Три человека — три несовместимости, — подытожил Гордон.

— Достаточно, чтобы вылететь из кандидатов, — резюмировал Кашкин.

— Вы шутите? — воскликнул Горышев.

Он вдруг повеселел.

— Люблю парней с юмором.

Гордон сказал Кашкину, как если бы Горышева не было:

— Тебе не кажется, что его следует оставить на Земле из чисто научных соображений? Ведь это же просто феномен. Я не так уж сильно разбираюсь в лавинах, ультразвуках и симпатической нервной системе, но что все эти совпадения не случайны, совершенно очевидно.

— Ещё бы! — немедленно откликнулся Кашкин. — Три попадания из трёх возможных! Какой прибор даст на первых порах такую стопроцентную точность! Приклеить миниатюрные датчики — и, пожалуйста, готовый лавиноскоп. Что там Дубровский с его опытами!

— Готово, — сказал Дубровский, захлопывая дверцу панели. — Так какой опыт собирается поставить на себе Горышев?

— Чудо! — воскликнул Горышев. — Свершилось! Вы свидетели. Дубровский произнёс первую остроу. За месяц. А может быть, первую в жизни. Занесём в протокол.

— Почему остроу? — удивился Дубровский. — Я говорю серьёзно.

— О боги! Есть отчего зануть зубам, — простонал Горышев. С видом мученика он замотал головой.

— Что, следует ждать лавины? — осведомился Кашкин.

И тут же послышался свист. Затем донёлся шум, как от далёкого поезда, и звук удара.

— Наружный канал действует, — удовлетворённо сказал Дубровский. — Лавиноскоп сработал.

— Горышев тоже, — в тон ему заметил Кашкин.

— Горышев среагировал раньше, — уточнил Гордон. — Так и занесём в протокол.

Что-то в тоне Гордона насторожило Горышева. Тот был слишком серьёзен.

— Вы этого не сделаете?

Горышев с тревогой и надеждой смотрел на Кашкина и Гордона.

— Почему же? — сухо сказал Гордон. — Мы обязаны эти сделать. Наука не может проходить мимо таких фактов.

— В конце концов, это не по-товарищески, — лицо Горышева искривилось.

— А вы можете судить, что такое по-товарищески, а что нет? — сказал Гордон. — Вы даже не заметили, что сейчас происходит товарищеский суд. Ваши товарищи, ваши коллеги выносят своё суждение о вас. Двое уже проголосовали «против».

У Горышева сделалось удивлённое лицо.

— По отношению к кому я поступил не по-товарищески?

— К Дубровскому.

— Я?! — Горышев широко раскрыл глаза. — Я полез смотреть лавиноскоп только для того, чтобы обрадовать его. И меня засыпало лавиной. Не откопай вы меня в последний момент, не было бы кого судить сейчас.

— Это разные вещи, — сказал Гордон. — Я имею в виду историю со «снежным человеком».

Горышев всё ещё ничего не понимал:

— Обыкновенный розыгрыш. Занятие скульптурой — моё увлечение. Я потратил неделю: мне хотелось произвести полный эффект. Он всё сорвал, сказав, чтобы я сам сообщил на Землю о своей находке.

— А вы представляете, — холодно произнёс Гордон, — хотя бы сейчас представляете, что произошло бы, если бы Дубровский радировал о вашем «снежном человеке»? Над кем смеялся бы весь мир?

— Есть границы розыгрыша, — подтвердил Кашкин. — Одно дело в студенческой компании, другое — на всю планету. Тут юмор уже кончается. Название другое.

Горышев в растерянности смял салфетку.

— Мы, совершенно очевидно, по-разному понимаем, что такое юмор, — заметил Гордон.

— Ну что ж, всё прояснилось, — сказал Кашкин. Ему не терпелось закончить неприятный разговор. — Остаётся расписаться в книге дежурств.

— А я? — завопил Горышев. — А как же я? Это ваша... шутка?! Вы...

— Обыкновенный розыгрыш, — жёстко произнёс Гордон. — Так, кажется, вы называете подобные шутки. Теперь вы ощутили, что это такое? — Но тут же сжалился: — Ладно, насчёт зубов мы действительно пошутили... Но если говорить серьёзно, то у вас, по-моему, только один шанс.

Горышев с надеждой посмотрел на Гордона.

— Дубровский, — сказал тот.

— Да, уж такого кроткого парня поискать во всей вселенной, — кивнул Кашкин.

— Провожать не нужно, — сказал Дубровский. — И так потеряно много времени.

Он щёлкнул тумблером. На стене засветился экран.

— Вот, можете глядеть.

Две фигуры на экране медленно двигались к вихрелёту. Одна, высокая, шагала спокойно, другая, маленькая, подскакивала и размахивала руками.

— Шутки шутками, — засмеялся вдруг Гордон, — но самое смешное будет, если между зубами и лавинами и на самом деле обнаружится связь. В принципе исключить этого нельзя. Но первое, самое серьёзное испытание выдержал ты, — сказал он другим тоном. — Если бы не ты, не твоя догадка и энергия, Дубровский и Горышев лежали бы под снегом. С тобой не пропадёшь!

Вихрелёт поднялся над площадкой и исчез из виду.

— Интересно, — подумал Кашкин вслух, — что будет с нами через месяц? — И ответил: — Я, наверное, стану более сдержанным. Обзаведусь методичностью. Ты, наоборот, прихватишь от меня избыток легкомыслия.

На лице Гордона появилось знакомое Кашкину выражение каменного упрямства: «Я свой характер так просто менять не собираюсь».

Кашкин вздохнул.

— Один протоколист останется, каким он был, — продолжал он рассуждать. — А ведь мог бы набраться качеств от каждого практиканта. Вот бы стал занятным собеседником. Было бы с кем коротать часы.

— Протоколист должен оставаться протоколистом, — возразил Гордон. — Он протоколирует, и на этом его функции кончаются. Его записи психологи проанализируют потом с помощью других машин. Здесь испытываются, а точнее сказать, притираются характеры людей. Машина не должна участвовать в игре.

— А ты разговорился, — обрадовался Кашкин. — В первый час ты не вымолвил и десяти слов.

— Просто я собираюсь обходиться без слов там, где это можно. Если слово не содержит информации, зачем оно? Слова служат для передачи мыслей.

— А разве любые слова, произносимые человеком, не содержат информацию?

— Вопрос — о чём?

— Мало ли о чём. О чём угодно. О чувствах человека, о его настроении.

— И даже о его характере, — усмехнулся Гордон. — Например, о болтливости. Такую информацию достаточно получить один раз. В дальнейшем она уже не нужна.

— Кроме необходимости обмениваться мыслями, у человека бывает и потребность делиться чувствами! — простонал Кашкин.

— Для этого слов нужно совсем немного. Одно-два. Остальные обычно не несут уже ничего нового.

— Но ведь человек не информационная машина! — воскликнул Кашкин. — Я говорю о чисто человеческих потребностях.

— Люди разные, — пожал плечами Гордон. — Одному нужно одно, другому другое.

Начался первый спор.

«Ну, кажется, мне работы хватит», — мог бы подумать протоколист, если бы машина могла думать.

ПАРИ

Научно-фантастический рассказ

— Ну вот, — сказал Карамышев, — я предостерегал! — Он нервно тряхнул головой. Седые волосы удали на лоб. — Вы представляете по крайней мере, где он?

— Контрольные пункты опознавали машину каждые двести километров, — спокойно ответил Павленко. — Исчез он где-то на последних двух сотнях. Он почти выиграл пари. Хотя вы и отказались с ним спорить! Вертолёты его не нашли. Самое главное: он не взял свой блок-универсал.

— Легкомыслие! Как на это пошли?

Инженер пожал плечами.

— Вы психолог и должны его понять. Иначе вся затея ничего не стоила бы: пропадало бы ощущение подлинности.

— Как психолог я и возражал! — Карамышев возбуждённо шагнул вперёд, но низкий парапет вовремя напомнил ему, что не следует подходить ближе к краю круглой площадки, если не хочешь стукнуться лбом о стенку прозрачного купола...

Вокруг лежала бескрайняя тундра. Широкая бледно-оранжевая полоса удивительной прямизны прочерчивала её словно след фантастического снаряда. Машины выплывали из-за горизонта и убегали за горизонт. Казалось, бесконечные ленты конвейера несли все эти цистерны, длинные и толстые, словно дирижабли, на колёсах и на воздушных подушках, фургоны, огромные как дома, горы тюков на платформах, укрытые прозрачной плёнкой, яхты, поставленные на трайле-

ры, тысячи, нет, миллионы самодвижущихся экипажей, обслуживающих человечество.

Собеседники спустились к подножию придорожной башни, с верхней площадки которой разглядывали Заполярную Кольцевую. Она всё так же неутолимо несла через тундру бесчисленные экипажи, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Река, поглотившая Реброва.

Они уселись в открытый кабриолет. Тот, описав короткую дугу, вышел на шоссе, но не окунулся в поток машин, а покатиł вдоль самой кромки.

— Дорожка для туристов, — пояснил инженер. — Разрешается плестись до шестидесяти; там, где пейзаж особенно живописный, даже до сорока. Вполне старомодное «трюх-трюх», не правда ли?

Уже в соседнем ряду машины шли со скоростью не меньше ста пятидесяти. Следующий ряд продёргивался, словно нитка в ткани. Дальше — мелькание длинных и коротких пятен, полосы, цветные чёртики в глазах. В последнем ряду машины-пули летели бесконечной трассирующей очередью.

Карамышев вытер лоб. У него закружилась голова.

— Я первый раз здесь, — признался он.

— Не только вы, — засмеялся Павленко. — Сюда приезжают, — на его румянном лице появилось такое выражение, будто он всё это создал, — экскурсии инженеров со всего света. Если кружится голова, смотрите направо.

Но Карамышев не мог отвести взгляд от лавины, мчавшейся и обгонявшей их, как если бы они стояли на месте. Лавина неслась бесшумно, как Ниагарский водопад в старинных немых фильмах. Лишь воздух, сминаемый массой устремившегося вперёд металла, со свистом разлетался в стороны.

— Абсолютная прямая, — Павленко не терпелось сообщить пусть самые элементарные сведения. — И заметьте: почти всё время по суше. Из Евразии в Америку по дамбе и мостам. На судах-паромах только через Атлантический океан и на коротком сравнительно участке. Сверхскоростная магистраль.

Карамышев сидел нахмурившись. Казалось, он не слушал.

— Простите, но меня интересуют некоторые, совсем не технические детали, — остановил он инженера. — Что произойдёт, если на дорогу, допустим, забредёт олень?

Он испытующе взглянул на молодого спутника.

— Смотрите, заяц! — сказал тот.

Между мелкими кочками, смешно подбрасывая зад, неторопливо пробирался пушистый зверёк.

Тундра жила своей жизнью. Лемминги, удивительно похожие на увеличенные ожившие вербные «барашки», возились у своих норок. Парили ястребы, для которых кольцевая дорога, вероятно, казалась чем-то вроде бурной реки. Около водопадов тоже ведь живут звери. Животные привыкают к любой обстановке, если их не трогать.

— Заяц... — раздумчиво произнёс Карамышев. — Да, но Ребров мог полезть в самую гущу. В этот бурлящий котёл металлических струй. Его должно было туда потянуть.

— Возможно, и полез, — охотно согласился Павленко. Он оскалил белые зубы. — А вам разве не хочется?

— Гм... — Карамышев отодвинулся от борта. Инженер усмехнулся.

— Оленя не пропустит электрический забор, — спокойно заметил Павленко. — За оленя можете не беспокоиться.

— Вы не ответили на главное, — в голосе Карамышева послышалась настойчивость. — «Психология» оленя и меры для его безопасности мне понятны. Но Реброву не нужно пересекать электрический забор. Изобретатели этой дороги не предусматривали Реброва. Представьте: Ребров не сдержался, что тогда?

— Да ничего! Вы можете пешком пересечь шоссе, и с вами ничего не случится. Этот поток как змея: все звенья тормозятся одновременно. Я не хочу повторять избитых вещей, — в конце концов вы, неинженер, тоже отлично понимаете, что, если бы люди продолжали управлять своими бегущими, плавающими и летающими созданиями, как в старину, скоро людей на Земле едва хватило бы для одной только профессии — водителя. Решалась огромной важности принципиальная проблема. И вот перед вами самый современный вариант комплексного решения: здесь всё так слито, что образует единый, автоматически и безотказно действующий механизм. Недаром же по такому принципу сейчас проектируется целая сеть глобальных дорог... Так вот, — инже-

нер показал на тугую струю металла и пластмассы, бьющую словно под огромным давлением прямо к горизонту, — уверяю вас: эта дорога не знает столкновений. Поэтому я и рекомендовал её Реброву. Он задумал проехать по самой современной магистрали в автомобиле с рулевым управлением, хотел нагляднее ощутить дистанцию времени. Отлично придумано для писателя.

Карамышев внезапно перебил инженера:

— Остановите машину!

— Пожалуйста. Стоп! — скомандовал Павленко.

Кабриолет выехал на обочину и остановился.

— Опыт не удался, — объявил психолог. — Машину нельзя остановить на шоссе?

— Абсурдные приказания она не выполняет. Но попробуем. Не съезжай с шоссе. Остановка! — приказал он.

Кабриолет плавно замедлил ход и остановился. Машины объезжали его.

— Я хочу знать, что с ним произошло после? — сказал Карамышев.

— После чего?

— После того, как у него сломалась машина. Ведь не может что-то неподвижное долго торчать на шоссе. Здесь всё должно двигаться.

— Это и есть ваш эксперимент? Впрочем, вот ответ.

По обочине быстро катил кран на мягких шинах. Поравнявшись с кабриолетом, он схватил экипаж мягкими лапами и перенёс его вместе с седоками на обочину. После этого осведомился:

— Нужен ремонт? Хотите пересесть на другую машину? Куда доставить эту?

— Благодарю вас, всё в порядке, — сказал Карамышев. Ему захотелось приподнять шляпу. — Поедем, мы напрасно беспокоим этого... джентльмена. Где же всё-таки произошло столкновение?

Инженер удивлённо взглянул на спутника.

— Я же вам говорил... Полная гарантия!..

Психолог поморщился.

— Как вы не понимаете! Произошло столкновение совсем другого рода. Неужели вы думаете, — добавил он в сердцах, — что можно надеть старомодный пиджак, вместо блок-универсала сунуть в карман авторучку — и, пожалуйста, отправляйтесь в прошлое...

— А что, — заинтересовался инженер, — этот барьер времени, или психологический барьер, или как там он называется, он действительно существует или это просто?..

— Выдумка незадачливых психологов вроде меня, — с горечью закончил Карамышев. — Ваше прекраснородушие просто убивает меня. Ну, попробуйте хотя бы на миг вообразить, что вы сели в автомобиль. Представьте! Нервы в постоянном напряжении. Необходимо следить за тысячью вещей и быстро соображать, откуда грозит опасность. Стукнул о кузов камень — вы останавливаете машину: не с мотором ли что? Пошёл дождь — надо убавить скорость: плохо видно, да и скользкие шины ещё не изобретены. Торможение — целое искусство: нужно молниеносно в уме рассчитать расстояние, пробег, силу, прикладываемую к тормозным колодкам, и быстро и точно среагировать. А провести машину в городской сутолоке, никого не задев! Понимаете, то были рефлексы, выработанные веком. Когда нужда в них отпала, человек утратил дорожные навыки. Наше время выработало другие рефлексы. Совсем другие. Мы с вами, не задумываясь, шагаем в раздвижную дверь, зная, что она сама распахнётся и не ушибёт человека. Никто не вытирает ноги при входе в дом и не чистит обувь — всё делает «чистильщик», пока вы переступаете порог. Но вы остановитесь, если ваш блок-универсал просигнализирует, что человек, к которому вы идёте, занят, творит — думает над чем-то серьёзным и просит его не беспокоить. Вы оставите «визитную карточку» в его блок-универсале, и блок сам пошлёт вам вызов, как только его владелец освободится. Тысячи мелочей складываются в психологию обыденного поведения. Изменились какие-то чёрточки, нами часто даже не замечаемые: одна, другая, со-тая, — иной стала и такая важная особенность, как общая система постоянного внимания к внешней обстановке.

Понимаете, современная дорожная автоматика выполняет то, что когда-то было привычными рефлексами человеческого тела и мозга, вместо ваших ста электронных приборов работала автоматика той кибернетической машины, очень сложной и особо регулируемой, какой является в известной мере человеческий организм. На неё опирался человек, ориентируясь в обстановке и принимая быстрые решения. У Реброва современная автоматика ничем не заменена. Он беззащитен.

Вот почему я считал и считаю, что человек нашего времени не сумеет благополучно проехать по Кольцу, управляя машиной вручную. Неизбежно психологическое столкновение. Вот почему я отказался от пари с Ребровым. К сожалению, это его не остановило.

Постепенно пейзаж менялся. Появились кустики. Сначала робкие, одиночные, затем всё более густые, похожие на сильно увеличенные кочки. Равнина становилась чуть всхолмлённой, а далеко в стороне показались настоящие горы, правда, сглаженные, обточенные ветром. Кривые берёзки собирались в рощицы.

Дорога всё так же неумолимо прямо шла к горизонту, и, сжимая воздух, по ней неслись, словно в сумасшедшей гонке, тысячи машин. Карамышев ловил себя на том, что ему хотелось нажать на акселератор и очертя голову мчаться, обгоняя соседей. Но в их машине, к счастью, не было педалей.

Кабриолет вдруг сбавил ход. Они въехали на виадук; внизу замелькали рельсы — несколько параллельных линий. Справа виднелась станция. К ней вели дугообразные ответвления от шоссе, у начала которых стояли столбы-регулирующие, сигнализирующие машинам, что здесь поворот к станции.

— Отпадает, — сказал Павленко, взглянув на спутника, порывисто приподнявшегося на сиденье. — Если бы он свернул к станции, он дал бы о себе знать.

— Вы правы, — со вздохом ответил Карамышев и снова задумался. — Вы утверждаете, что современная машина не может наехать на другую? — вдруг спросил он.

— Абсолютно. Скорость впереди идущей машины увеличивается автоматически... При обгоне вступают в действие свои железные правила. В общем, врезаться в другую машину автоматы вам не позволят.

— Нам? А Реброву?

— Реброву? — переспросил озадаченно инженер. Его бодрый тон экскурсовода разом сник. — Вы хотите сказать...

— Ребров может налететь на любую машину беспрепятственно? — безжалостно повторил вопрос Карамышев.

Но Павленко уже оправился.

— Если бы случилось что-либо подобное, мы давно бы знали о происшествии.

— И всё-таки оно случилось. То самое столкновение, которое было неизбежно.

Карамышев откинулся на спинку сиденья.

— Слушайте, — он положил руку на плечо инженера. — Произошло что-то нам неизвестное. Где? В самом конце пути? Когда? В то время, когда Ребров сильно утомился. Дорожное происшествие, вероятнее всего, могло случиться там, где пейзаж особенно однообразный.

Павленко слушал очень внимательно.

— Тогда перед нами самые подходящие километры, — сказал он. — Позади однообразная тундра, которая тянулась сотни километров и вполне могла усыпить Реброва. Недостаёт только чего-то внезапно поражающего воображение...

— Смотрите! — перебил его Карамышев.

Кабриолет выехал на обочину и замер.

На лужайке, окружённой низкорослыми деревьями, происходило нечто странное. Чёрный блестящий лимузин то двигался рывками вперёд, то подавал назад, то описывал почти полный круг.

— Это его машина! — воскликнул Павленко.

Они вышли из кабриолета и стали спускаться по некрутому откосу. Лимузин на лужайке продолжал выделять па своего странного танца.

— Привет! — закричал Павленко и помахал рукой. — Не устроить ли перерыв?

Ответа не было. Лимузин развернулся так, что заскрипели колёса, и ринулся прямо на Павленко. Тот едва успел отскочить в сторону. Автомобиль врезался в кусты, но тотчас отпрянул назад и чуть было не сшиб Карамышева.

— Там никого нет! — закричал Карамышев.

Действительно, автомобиль был пуст.

— Отойдём в сторону, — инженер потянул Карамышева за рукав. И вовремя. Лимузин, этакий гроб на колёсах, прошуршал по траве рядом с ними.

— Слеп! — невольно крикнул Карамышев.

— Скорее взбесился, — заметил инженер. — Давайте укроемся в кустах. А то этот псих нас задавит.

Они отошли за кусты на краю лужайки и, придерживая руками ветви, стали наблюдать за «психом». В действиях его обнаруживалась некоторая закономерность. Он довольно лихо катил по открытому месту, но, едва упёршись в кусты, отлетал словно ошпаренный.

— Кустобоязнь, — сказал Павленко, — так я определил бы заболевание.

— Но это случай не медицинский.

— Но и не инженерный. Машины не страдают расстройством нервной системы. Скорее это по вашей части.

— Смотрите, он вырвался!

Чёрный лимузин нашёл просвет в кустах, окаймляющих лужайку, и устремился туда. Он двигался по зелёному коридору, словно пьяный. Тыкался в кусты, вытаскивал нос из зарослей и неправильными зигзагами пробирался к выходу.

Он прошёл рядом с Павленко и Карамышевым, и те могли рассмотреть исцарапанный кузов, помятое крыло и треснутое переднее стекло.

Автомобиль сделал ещё несколько порывистых движений и выбрался, наконец, из рощицы.

— Здесь он стал более опасным, — забеспокоился инженер.

— Нам нельзя выходить на открытое место.

Осторожно, словно выслеживая крупного зверя, они пробрались к опушке.

Автомобиль крутил «мордой», словно прицеливаясь, куда бы ткнуться. Он тыкался вправо, влево, отходил назад, делал лёгкий поворот, устремлялся в новом направлении, но, пройдя метров двадцать, возвращался, чтобы тотчас снова броситься вперёд.

— Что он ищет? — прошептал Карамышев.

Но, кажется, автомобиль нашёл, что искал.

Он подкатил к началу откоса, ведущего к шоссе, и, словно убедившись, что перед ним желанная цель, принялся взбираться по травянистому склону.

— Можно подумать, что он ищет себе подобных, — сказал Карамышев. Нелепое сравнение, но он напоминает животное, отбившееся от стада.

— К тому же увечное, — добавил инженер. — Двигается так, словно у него парализовано сухожилие.

Едва взобравшись наверх и ступив на ровную дорожку, чёрный автомобиль остановился. Он больше не двигался, не метался, не дёргался — вообще не шевелился. Стоял как вкопанный.

— Сломался?

Инженер не ответил.

Машины, бегущие по шоссе, обходили автомобиль.

— Не кажется ли вам, что он повторяет опыт, который проделывали вы? — спросил инженер. — Инсценирует вынужденную остановку. Продолжение вам известно...

— То вы сравнивали автомобиль с животным. Теперь вы рассматриваете его как экспериментатора.

— Да не его же, — поморщился инженер. — Неужели вам не ясно, что производится сигнализация! Ребров старается привлечь внимание к этому месту.

— Но, честное слово, я ничего не слышал о дрессированных автомобилях. — Карамышев растерянно провёл рукой по лбу. — В моё время, как вы выражаетесь, ничего подобного не было.

— Кажется, я начинаю догадываться, — сказал инженер. — И если я прав, Ребров где-то неподалёку. Может быть, в соседнем леске. И, что особенно важно, — ему нужна по-

мощь. Иначе зачем было устраивать весь спектакль! Необходимо найти место, где он покинул машину.

Однако задача оказалась не такой простой. Следы от колёс на лужайке напоминали запутанный клубок леса после неудачного заброса спиннинга.

Они обследовали один за другим помятые кусты и, к удивлению, обнаружили, что кольцо деревьев вокруг лужайки нигде не разорвано. Автомобиль вошёл и вышел по одному и тому же коридорчику, ведущему от шоссе. Только вкатился он прямо — старые колеи шли ровно, как рельсы, а выбирался, как уже видели Карамышев и Павленко, «хватаясь за стенки».

— Это произошло здесь, — сказал Павленко, стоя в центре площадки. — Здесь Ребров покинул автомобиль.

Тщетно вглядывались они в помятую траву. Автомобиль так заездил лужайку, точно ставил специальной целью сгладить следы человека.

Карамышев начал было осматривать ближайшие кусты, но инженер спохватился.

— Так ищут грибы...

Он достал блок-универсал.

— Самый надёжный метод — прочёсывание.

Очень коротко и деловито он информировал о положении дел и вызвал помощь.

Тем временем на шоссе прибыл кран, взял автомобиль тремя парами захватов и осторожно переставил на обочину.

— Сейчас он осведомляется, не нужно ли что-нибудь, — улыбнулся Карамышев, вспоминая встречу с краном-джентльменом. — Он ведь не сообразит, что на сиденьях никого нет?

— Что-то разговор затянулся, — удивился Павленко. — Можно подумать, что автомобиль отвечает или передаёт какое-то поручение. Хотя... Знаете, мы с вами... впрочем, вы-то ни при чём, а я порядочный олух! Нам надо было не прятаться от автомобиля, а вступить с ним, так сказать, в контакт.

— Он стремился к контакту, — пробурчал Карамышев. — Но, согласитесь, понимал его слишком механически.

— Да он и не мог бы ощутить, пока не сшиб. Ведь у него нет локаторов. Но вот когда он остановился на шоссе...

— Тогда вы ещё не представляли, что с ним можно разговаривать.

— Вы правы. Мысль пришла мне в голову только сейчас.

— Смотрите, разговор окончился. Мне показалось или на самом деле кран кивнул в знак того, что понял?

— Вы рано начали шутить. Сейчас уже я начинаю беспокоиться о Реброве. Мы его нашли, он жив, но...

— Что но? — снова встревожился психолог. — Только я уверовал в вашу технику, как вы...

— Во всяком случае, он в сознании, — поспешил заверить Павленко.

Послышался гул, и вертолёт опустился на лужайку.

— Ребров находится примерно в километре отсюда, — сказал мужчина в спортивной куртке, спрыгнув на траву. За ним из кабины спустились ещё четверо. — В двадцати или тридцати шагах от высокого дерева с раздвоенной вершиной. Ну, здесь высоких деревьев, кажется, не так уж много!

— Зато половина их с раздвоенными вершинами, — заметил один из его помощников, оглядывая местность.

— Ничего. Откладываем перпендикуляр от шоссе. Те три дерева берём в первую очередь. Пошли!

Он двинулся быстрым спортивным шагом. Карамышев и Павленко едва поспевали за начальником команды; он шёл в середине развернувшейся фронтом пятёрки. Карамышев хотел спросить, что же случилось с Ребровым, но начальник спасательной команды проскользнул меж деревьев, словно уж в траве, и исчез из виду.

Когда они догнали его, тот осматривал местность около дерева с раздвоенной вершиной.

— Что с Ребровым? — спросил Карамышев.

— Психическая травма. И с ногой что-то.

— Крикнем, — предложил Карамышев. — Ведь мы не можем с ним связаться иначе.

— Реб-ров! — закричали они по команде.

— Меня удерживало только то соображение, что надо мной будут смеяться. — Ребров лежал в кровати, вытянув забинтованную ногу. Он похудел за последние дни. Но глаза его блестели. — Ну и упрямство тоже. Уж кольцо-то докручу, думал я. Хотелось испытать, сколько смогу выдержать.

Он перевёл дух и улыбнулся.

Видимо, он ждал этой беседы.

За окном простиралась трасса. Она пересекала город, но никто не касался её бледно-оранжевой поверхности. Видимый кусок её, ограниченный рамкой окна и контурами городских зданий, сохранял в своём облике непреклонную прямизну.

— Ошибка заключалась в том, что я выбрал Кольцо, — продолжал писатель. — Я думал о километрах, о том, что пройду вокруг света, но не учёл, что трасса абсолютно прямая.

Психолог и инженер переглянулись.

— Конечно же, на ней нечего делать машине с рулевым управлением! Павленко сокрушённо покачал головой. — Нелепая ошибка! Мы забыли, — обернулся он к Карамышеву, — просто упустили из виду! Действительно, вот что значит психология мышления человека наших дней... Очко в вашу пользу, но и очко против вас! Вы-то должны были скорее это понять. Руль связан с дорогой!

Он бросил взгляд в окно, на трассу, которую не видел Ребров. По ней мчались машины без водителей.

Ребров усмехнулся.

— Открытий было сделано много. Вы представляете: ни одного поворота, никакой, в сущности, работы рулём. Я просто должен был держать баранку. Час, другой, третий... Вот уж работа для автомата! На четвёртый час мне захотелось кричать и ругаться. На пятый — бросить всё! — Ребров приподнялся в кровати.

— Лежите, — потребовал Карамышев.

— Я пожалел автоматы, которые нас обслуживают: если бы они могли ощущать, как мы, какие ограниченные впечатления были бы у них! Отправляясь в путешествие, я жаждал

уймы новых впечатлений, а на самом деле перерезал почти все нити связи с миром. Я чувствовал себя механизмом.

Ребров замолчал. На его худом лице появилась гримаса отвращения.

— Вы не представляете разницы в том, как ездите вы и как ехал я. Сев в машину, вы совершенно свободны в своих мыслях и действиях. Можете любоваться пейзажем, читать книгу, разговаривать с друзьями. Вы всегда пассажиры. Машина не выйдет за пределы шоссе, сама сделает повороты, доставит вас, куда ей было сказано, и лишь тогда напомнит о себе словами: «Вы прибыли». Я же как проклятый упирался взглядом в идущую впереди машину.

Я перешёл на дорожку, где скорость допускается не ниже ста пятидесяти. А потом на ту, где двести пятьдесят. Я старался выжать из автомобиля всё, на что он способен. Это была отличная машина для своего времени. Как новичок, я держался на почтительном расстоянии от впереди идущей машины, но гонку не ослаблял. Поток словно захватил меня и нёс с собой. Я боролся с желанием закрыть глаза, чтобы не смотреть на бесконечную полосу шоссе, которая бежала навстречу мне с тупой неумолимостью. Потом я боролся с утомлением, с опасностью заснуть.

Отдыхал я прямо на природе, отыскав подходящий поворот с шоссе. Спал в лимузине, питался захваченными с собой продуктами, осуществляя свою идею иметь в пути минимум контактов с сегодня. Я ведь ожидал, что автомобиль станет для меня машиной времени. Что такое настоящий отдых, я понял, когда паром перевозил меня через Атлантический океан. Я всё время спал в кабине. А потом снова: шоссе, шоссе, шоссе. И всё прямо, прямо, прямо. Идеальная трасса для гонок. Только, я думаю, ни один шофёр прошлого не участвовал в таких гонках. Ведь это были гонки с автоматами. Есть жёсткая логика в том, что на такой дороге хозяева — автоматы. Мои действия страдали отсутствием логики. Я это остро ощутил. Я пересидел за своей неподвижной баранкой. Наступил момент, когда я почувствовал, что сойду с ума или натворю бед, если немедленно не сверну с шоссе. Поворот к железнодорожной станции я проскочил, следующего до-

ждаться не смог. К счастью, откос был пологим, и я, почти не раздумывая, повернул баранку вправо.

Ребров приподнял голову. Но тут же опустил её на подушку. Пальцы его рук, лежащих поверх одеяла, зашевелились.

— О, какое я ощутил блаженство! Автомобиль прыгал на кочках, а мне хотелось петь. Наконец меня подбросило на сиденье, я услышал «крак» и остановил машину. Я вылез и, не интересуясь тем, что с автомобилем, зашагал по лужайке, потом по лесу, я разминал затёкшие руки, мне захотелось бежать, я побежал, с удовольствием чувствуя работу мускулов, и... тут на меня словно обрушилась скала, я упал и потерял сознание. Понимаете, переход из одного нервного состояния в другое был таким резким, что организм, мой слабый человеческий организм, не выдержал. Когда я очнулся, я обнаружил, что у меня повреждена нога. Когда, где я её ушиб, я не помнил: возможно, когда падал.

Оживление на лице Реброва сменилось выражением раздумья.

— Я натворил массу нелепостей. Смотрите: я сел за баранку специально, чтобы отправиться на несколько десятков лет назад, и из этого ничего не вышло. Но как только я выпрыгнул из автомобиля, я очутился в прошлом. У меня не было блок-универсала, и я не мог сообщить о себе. В каком-то километре клокотала ультрасовременная жизнь, но я не мог преодолеть этот километр. Я мог запросто погибнуть, потому что лимузин закатился в рощу и с воздуха его никто не заметил бы.

Он сделал паузу.

— И тут я вспомнил про браслеты.

— Браслеты? — переспросил Карамышев. Он вспомнил, что, когда они несли Реброва к шоссе, на его запястьях и на лодыжке он видел плоские растяжные кольца, словно покрытые чешуёй.

— Когда я выбирал автомобиль, — пояснил Ребров, — на складе оказались биобраслеты: мне сказали, что такие штуки делали для космических кораблей. Представьте: авария, корабль не подчиняется автоматике, что-то случилось с

пилотом, он не в состоянии подойти к пульту — и вот управляет на расстоянии с помощью биотоков. Потом от таких систем отказались, их заменили машинами, управляемыми голосом. Молодому инженеру, который хозяйничал на складе старья, захотелось испытать эту штуку в деле. Он предложил подключить её к управлению автомобилем. Я не возражал, потому что вещи относились приблизительно к одному времени. И вот забавная игрушка, как я про неё думал, меня выручила. Я включил браслеты. Автомобиль завёлся сразу, но что-то, по-видимому, сломалось в передаче, потому что он не во всём точно подчинялся управлению. Первое, что следовало сделать, — вывести автомобиль на середину лужайки. Тогда его легко заметили бы спасатели. Но осуществить манёвр оказалось делом трудным; из-за поломки сразу включалась вторая скорость, и, прежде чем я успевал что-либо сообразить, машина врезалась в кусты. В конце концов я устал и едва не потерял сознание. Потом я понял, что если автомобиль будет ездить от куста до куста, пересекая лужайку, то ещё скорее обратит на себя внимание. Правда, тогда мне придётся всё время работать, гоняя машину, словно шар на бильярдном столе. Не надо думать, что телеуправление по принципу биотоков освобождает человека от всяких усилий. Нервное напряжение почти такое же, а может быть, даже и больше, чем когда на самом деле крутишь баранку.

Я гонял машину примерно ещё час, а потом сделал перерыв. И в это время, как нарочно, пролетел вертолёт. Конечно, разглядеть меня в зелени было невозможно. Тут впервые я понял, что меня вообще могут не найти.

Ребров наморщил лоб.

— Надо было искать выход. Я вспомнил, что въехал на лужайку через зелёный коридор. Передо мной предстала задача — провести автомобиль по коридору и выгнать на шоссе. Обратная связь позволяла мне ощущать, когда автомобиль наткнулся на препятствия. Но я работал как бы с завязанными глазами. Я не видел ни машины, ни поляны, ни прохода среди зарослей. Автомобиль двигался как-то судорожно — я это тоже ощущал, — видимо, из-за неисправности в механиз-

ме. Но я увлёкся «игрой». Это было гораздо интереснее, чем просто гонять автомобиль взад-вперёд по лужайке.

К своему удивлению, я довольно быстро вывел машину из коридора.

— Да, это заняло не больше трёх минут, — сказал Павленко.

— Вот что значит практика в любом деле, — улыбнулся Ребров. — Сейчас я с удовольствием вспоминаю о всех перипетиях, но тогда изрядно переволновался. Я понимал, что, выводя фигуру в дамки, я не могу позволить себе неправильного шага, и действовал осмотрительно; вытащив автомобиль из зарослей, я стал прощупывать пространство в разных направлениях, причём орудовал методически, без импровизаций.

— Мы видели движения автомобиля, — заметил Карамышев. — Они нам показались почти разумными.

— Благодарю. Осторожно я повёл автомобиль вверх по насыпи и остановил сразу же, как только обратная связь проинформировала, что под колёсами полотно дороги.

— Я стал догадываться о чём-то подобном вашим браслетам, — сказал Павленко. — Но сообразил слишком поздно. Однако о чём и как вы беседовали с подъёмным краном?

— Совсем смешная штука. — Ребров рассмеялся. — Отправляясь в поездку, я выучил азбуку Морзе. Так просто, для вживания в образ. А тут решил созорничать. Конечно, меня всё равно нашли бы, раз автомобиль выведен на шоссе. Но я решил поговорить с краном на языке точек и тире. Попросту я «стучал» тормозной педалью: она отчаянно скрипит. Кран оказался молодчагой: ничего не понял, но записал неизвестный язык и воспроизвёл всё в точности на ремонтно-диспетчерском пункте. Там запросили кодировщиков, и те сразу ответили, а чем дело. Отстукивал морзянку я уже почти в бессознательном состоянии, возможно, в знаках что-то и напутал. Но всё-таки моя «телеграмма» облегчила поиски...

Наступила пауза.

Комнату с окном во всю стену заливал ровный рассеянный свет. Матово поблёскивали пластмассовые кресла, спинка кровати, столик. Серебряная ложка светилась в стакане.

— Итак? — нарушил молчание Карамышев. — В конечном счёте я был всё же прав. Ваша поездка оказалась бесполезной. Переутомление, повреждённая нога, риск — и всё зря!

— Нет, — возразил Ребров. Резким движением он приподнялся в постели и остался сидеть. Теперь и он видел трассу — матовую полосу, по которой, не уменьшая скорости, пролетали цветные пятна. — Не впустую. То, за чем я ехал, я получил. Я понял ощущение человека за рулём.

— Позвольте, но вы только что говорили, что с самого начала была совершена ошибка. Кольцо...

— После, после того, как я съехал с Кольца! — нетерпеливо перебил Ребров. — После того, как я вылез из автомобиля. Да, управлять автомобилем — напряжённая, нервная, трудная, утомительная работа. Да, да, да! — Он рубил воздух ладонью. — Но это и удовольствие! — Ребров улыбнулся воспоминанию. — Я почувствовал это знаете когда? Когда гонял автомобиль по лужайке и выводил его из лабиринта. Не менее увлекательно, чем гонки телеуправляемых ракет. Поверьте: настоящий спорт! Но главное совсем в другом. Вспомните: работа, которую вы выполняете, особенно если она связана с неожиданным и неизведанным и требует от вас напряжения и собранности, даёт вам огромное удовлетворение. А ведь так было, когда шофёр вёл автомобиль и решал сотни задач в час. В этом именно и заключается секрет работы за рулём. И так будет и через пятьсот и через тысячу лет, что там ни изобретёт техника. Человек всегда найдёт себе такую работу. Простая штука.

Ребров откинулся на подушки, минуту помолчал.

— Когда я ехал по шоссе, — заговорил он спокойнее, — я попытался вообразить, что это я везу грузы. Нужные грузы. Я представил себя шофёром. Интереснейшие возникли ощущения. Понимаете: представление о грузопотоках, которое типично для наших диспетчеров, перебрасывающих массы грузов с помощью управляющих машин, в те времена в в какой-то степени, безусловно, было присуще каждому шофёру. Его общественная функция была очень наглядна. Шофёр ведь не просто покоритель пространства. Человек подвозит бетон

к месту укладки, сбрасывает камень, чтобы перегородить реку, доставляет зерно из-под комбайна на элеватор — он участвует в производственном процессе. Его рабочее место — в кабине, а зона его деятельности — это сотни и тысячи километров. Вот это рабочее состояние шофёра, его привычку мыслить большими масштабами вы не раскрыли в том нашем разговоре, упрекнул он психолога, — когда рассказывали, что чувствует человек за рулём. Вы говорили о чём угодно, только не об этом.

— Я сосредоточил внимание на определённой стороне, — возразил Карамышев.

— Да, на привычках и навыках, помню. Ну что я могу сказать? В быту, разумеется, происходят быстрые изменения. И будут происходить. И Заполярная Кольцевая когда-нибудь станет анахронизмом. Люди придумают что-нибудь ещё. Может быть, на других технических принципах. Но связь времён не прервётся, а наоборот, всё новые нити будут протягиваться в нашем сознании из настоящего в прошлое, и нам всё виднее будут нити, которые идут из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее. Человек будет всё лучше познавать себя и более полно представлять историю человечества. Я о многом раздумывал тут, пока лежал. И мне хочется написать повесть о молодых ребятах, моих сверстниках, крутивших баранку вручную. Мне кажется, я в состоянии оценить их выше, чем, может быть, думали они о себе сами. Ну, а что касается всего прочего... Приятно знать, что ты выдержал испытание.

— Если бы вы выиграли то пари, — беспокожно задвигался в кресле Павленко, — проехали ещё каких-нибудь полторы сотни километров, вы бы очень многого не узнали! То есть вы проиграли бы...

— А, честно говоря, если бы не Карамышев, — засмеялся Ребров, — я бы не поехал. Он был так убеждён в невозможности поездки — со своей точки зрения психолога, — что это только раззадорило меня... — Он взглянул на Карамышева. — Вот вам ещё одна психологическая загадка!

Научно-фантастический рассказ

Капельки сверкали на солнце: грибной дождь. Даже в городе он производит впечатление чего-то радостного, внезапно налетевшего в изменчивый мир природы. Здания в смягчённой конфигурации, глядящиеся по-новому в бегущей сетке стеклянных нитей, словно ожили, впитывают влагу, слизывают каждую капельку.

От дождя не хочется даже прятаться. Правда, мокнуть тоже неинтересно. Особенно сидя за столом. И тут нас ожидал сюрприз.

Не было ни навеса, ни прозрачной крыши, невидимой для глаза, — ничего. Но светлый косой дождь не ронял ни капли на круглые разноцветные столики, расставленные на пластиковом полу. Дождь как-то улетучивался в трёх-четырёх метрах над нашими головами — наверное, какое-нибудь силовое поле распростёрло защитительную длань. Из-

вестно, что работники сферы обслуживания любят удивлять чем-нибудь неожиданным.

В остальном, впрочем, избранное нами кафе на веранде двадцать четвёртого этажа мало чем отличалось от обычной «двухминутки». Стандартное меню из ста блюд, которые подают свежееизготовленными через две минуты после получения заказа. И, как заведено неведомо когда, несколько блюд «фирменных», которые можно получить только здесь и более нигде.

Не помню, кто первый придумал так, что мы собирались каждый раз в новом месте. Во всяком случае, не я. Мне больше по душе облюбованные уголки, где тебя как бы ждёт стул, на спинку которого ты уже откидывался.

Я не гурман и заказал самую обыкновенную яичницу-глазунью, известную человечеству с давних времён и, как я полагаю, способную послужить ему ещё века. Стандартизация быта имеет свои преимущества: я помнил индексы своих любимых снедей в унифицированных меню так же прочно, как многозначный номер моего блок-универсала. Некоторый консерватизм в быту, очевидно, вообще мне свойствен. Я, например, уже десять лет не меняю типа знаменитых «разовых» пляжных туфель — к ним так привык, что их не ощущаю.

Колзин же не упустил, естественно, случая испытать фантазию художников-кулинаров. С любопытством ребёнка он набрал трёхзначный номер и нетерпеливо стал поглядывать на середину стола, откуда в такт музыке, почти торжественно-церемониально вылезали уже тарелки, вилки и всё прочее, что предшествует появлению блюд, подобно тому, как во время корриды кавалькада пикадоров и шествие бандерильерос предвворяют выход главного персонажа — матадора.

Что касается Вундеркинда, любящего поражать окружающих неожиданностью, а если ему удавалось, то и нелепостью своих поступков, то на этот раз он, к моему удивлению, ограничился тривиальным бифштексом. Вероятно, он был просто элементарно голоден.

Голубев заказал жареную картошку с арбузом, мочёные яблоки и ещё что-то столь же изысканное. Чего-то не оказалось в меню, но он, нажав клавишу «не срочно», выразил согласие подождать минут десять-пятнадцать, пока это «что-то» доставят из ближайшего ресторана.

В наших традиционных встречах, вошло в привычку разыгрывать друг друга. Чем это нас увлекло? Психологические неожиданности, игра с разгадыванием ходов противника, своеобразный спорт, самодеятельный театр, умственное развлечение. Колзин, самый большой среди нас знаток мелких деталей истории, сказал однажды, что в старину, бывало, подобным образом на досуге коллективно решали кроссворды.

Сейчас, раскладывая ножи и вилки, он произнёс:

— Типичная забегаловка двадцать первого века.

— Как ты сказал? — поинтересовался Вундеркинд.

— Забегаловка.

— Угу, — мотнул тот головой, словно понял.

Возможно, розыгрыш уже начался, но кто из них кого разыгрывал или они оба дурачили нас с Голубевым, оставалось пока неясным. Всякой игре предшествует какой-то разбег, первые, ещё не определившиеся шаги. Началом мог служить самый обыкновенный разговор.

— Ну, это уже пижонство, — проворчал Колзин, разглядывая тарелку нежно-голубого цвета, напоминающую очертаниями лист водяной лилии. Тарелки в этом заведении были под цвет столиков, но только более светлых тонов.

— Как ты сказал? — переспросил Вундеркинд.

— Я сказал: пижонство, — чуть сердито повторил Колзин. Он считал себя человеком большого вкуса.

— Ага, — понимающе кивнул Вундеркинд.

— А ведь было время... — заговорил Голубев. Он имел обыкновение сообщать общеизвестные вещи с видом человека, излагающего бог весть какую мысль. — Было время, когда люди сами готовили себе еду и даже не представляли, что...

— Верно, — с важным видом подтвердил Вундеркинд. — Было. Жили в пещерах и прямо на костре...

— Да нет же, — возразил Голубев. — Я говорю о другом. Ну вот к примеру. Ещё сто лет назад чуть не в каждой квартире была кухня с плитой и холодильником. В холодильнике держали продукты, а...

— В каждой квартире был ресторан?

Удивление Вундеркинда, похоже, не было наигранным.

— Со всеми подсобными устройствами? Организовать столько ресторанов! — покачал он головой.

Невежество Вундеркинда в некоторых вопросах было просто поразительным. Иногда он даже щеголял им, полагая, что человек, чьей игрой на скрипке заслушивается полпланеты, может и даже должен проявлять свою необычность не только в музыке. Благодаря столь своеобразному пониманию оригинальности Вундеркинд представлял собой трудный орешек в той игре, которую мы вели в застольных беседах. Не так-то просто было раскусить, когда он всерьёз чего-то не знал, а когда прикидывался неким чудачком.

Во всяком случае, Голубев клюнул на крючок, если то был крючок.

— Никто их не организовывал, эти домашние рестораны, — начал он объяснять. — Наоборот, скорее, можно сказать, что организовывали дело так, что в них с течением времени отпадала необходимость. — Вундеркинд изобразил недоверчивость на своём лице. — Это исторически... Ну не всегда же умели хранить продукты свежими сколько угодно времени, а высокочастотные печи, жарящие вам бифштекс с сохранением всех питательных свойств мяса за несколько секунд, ещё... — Он растерянно посмотрел на Вундеркинда, на лице которого читалось тупое непонимание. — И автоматизация не достигла... Потом сама организация общества...

Я всегда считал Вундеркинда артистом по части мимики. Я не хочу несколько умалять его достоинств скрипача-виртуоза. Но он мог бы сниматься в фильмах, особенно в комических. Может быть, я ещё как-нибудь подобью его на подобную авантюру. Сейчас он так мучительно морщил лоб, словно слушал пришельца из инозвёздного мира.

На Голубева стало просто жалко глядеть.

— Вообще, еда для человека, отдельного человека, представляла целую проблему, пока... — пытался он ещё что-то втолковывать упавшим голосом, в котором уже чувствовались нотки отчаяния.

Но тут вмешался Колзин.

— Мы не в лектории. — Он поморщился. Колзин терпеть не мог, когда при нём излагается всем известное. — Вот еда, — он показал на яичницу, появившуюся, как Афродита из пены, в благоухании свежего горячего масла, на сверкающей, как солнце, сковородке. — Решим эту проблему. На современном уровне.

Ему не терпелось узнать, что за выигрыш окажется в лотерее под № 103.

Я забрал яичницу. Вундеркинду ещё раньше подали бифштекс. Голубев принялся за свою жареную картошку. Коронное блюдо явилось последним — гречневая каша с напиханными туда маленькими овальными штучками, которые я принял сначала за сливы, но оказались они чем-то вроде ма-

леньких котлет. Колзин выглядел несколько разочарованным. Но не ожидал же он, что ему подадут хобот слона или соловьиные языки!

— Если обратиться к литературе, — заметил я, поглощая свою глазунью, отлично приготовленную, к слову сказать, — то нетрудно заметить, что раньше в романах и повестях гораздо больше внимания уделяли еде — во всех сложностях её приготовления, подачи и поглощения, — чем теперь. Сейчас об этом пишут главным образом в научных трудах, а в художественной литературе...

Но Колзин, клевавший свою кашу с мини-котлетками с видом воробья, набредшего на что-то незнакомое, не дал мне закончить мысль. Он почему-то считал, что в разговоре о старой литературе ведущая роль должна принадлежать ему, и до смешного ревниво относился к проявлению всякой посторонней инициативы в этом вопросе. (Глядя на этого, вероятно, самого, в сущности, серьёзного, среди нас человека, я иногда ловил себя на мысли, что многие люди, должно быть, долго ещё будут сохранять некоторую детскость в душе, несмотря на всю приобретаемую с годами и веками мудрость.)

— Старая литература... — многозначительно сказал он и даже поднял палец. — А знаете ли вы, каким представляла себе эта литература мир, в котором мы с вами живём? Не вся, конечно. А та её ветвь, которая называется фантастикой.

Мы молчали. Мяч, если прибегать к спортивной терминологии, повёл Колзин. Теперь надо было ждать, где он начнёт свой розыгрыш.

— Так вот, — Колзин усмехнулся. — Наш мир — это мир роботов.

— Кого? — не моргнув глазом, задал вопрос Вундеркинд.

— Кого или чего — это тоже вопрос. Но, в общем, роботов. На каждого человека по несколько штук.

— А что такое роботы?

— Такие искусственные человеки.

— А зачем? Разве мало населения без них?

— Они должны были обслуживать настоящих людей.

— Как обслуживать?

Вундеркинд мог задавать вопросы без конца, и притом с самым невинным видом.

— Ну, работать на фабриках и заводах. Подавать нам с вами еду. Готовить её. Содержать в порядке жилища. Быть прислугой, если вам понятно, что это такое.

— Кто писал такие романы?

— Фантасты. Не все, правда, но довольно многие. А в некоторых романах людям вообще не предоставлялось никакого дела. Можете вообразить?

Вундеркинд с минуту изображал на своей физиономии размышление.

— Эти авторы жили в рабовладельческом обществе? — осведомился он.

И, не дожидаясь ответа, вывел своё заключение:

— Инерция мышления. Конечно, будущее они могли представлять себе только по собственному подобию, как библейский бог. А чтобы рабы не восставали, они придумывали искусственных рабов. Ограниченность фантазии.

— Искусственные тоже восставали, — заметил Колзин. — Иногда. Но фантасты, о которых я говорю, писали в прошлом веке.

По правилам игры подлинные истории могли приводиться вперемежку с вымыслом. Очки засчитывались и в том случае, когда вымысел слушали с открытым ртом и когда правду принимали за выдумку. Можно было делать вид, что чепуху слушаешь всерьёз, а потом выложить доказательства того, что лишь играл роль. Тогда, естественно, разыгранным считался тот, кто пытался тебя разыграть. Самым сбивающим с толку приёмом было хорошо разыгранное недоверие к абсолютно верным фактам. Несчастный, кто принимался доказывать свою правоту всерьёз, получал впоследствии минус за то, что не сообразил, что с ним просто шутили.

Из нас четверых, как я полагал, только я, кроме, разумеется, Колзина, кое-что смыслил в фантастической литературе. Вундеркинд, наверное, и правда не имел о ней никакого представления. Голубев с его трезвым умом и профессией конструктора автоматических заводов вообще не любил отрываться от реальной действительности. Услышав о роботах, заполняющих толпами заводские цехи, он только фыркнул. О такой чепухе он не мог разговаривать даже в шутку.

— О роботах действительно писали фантасты, и в сравнительно не такие уж давние времена, — сказал я. Надо было как-то двигать дальше мяч, введённый в игру Колзиным. — Тогда не все догадывались, что будут квартиры без пыли, а каждый входящий в помещение будет подвергаться мгновенной и незаметной для него чистке одежды и обуви. Ну и прочее всё. Мы забываем, что жизнь развивается очень быстро. Да представляете ли вы, — я обвёл компанию взглядом, — что сто лет назад не существовало даже в помине камуфляжей, кречантов, добриков, свистелей, — я назвал ещё десятка два домашних животных и огородных растений, столь же популярных.

— А коровы были? — поинтересовался Вундеркинд. — И огурцы?

— Так не пойдёт, — заметил Колзин. — Надо назвать что-нибудь одно.

— Так всё дело в числе, — возразил я. Я-то знал, сколько же было вложено труда в эту новую флору и фауну!

— Мы не на уроке биологии. Кто помнит, когда какой вид вывели.

— Камуфлоны существовали ещё в Древнем Египте, — сказал Вундеркинд. — Овцы — другое дело. Их изобрели сорок восемь лет назад.

Они просто смеялись надо мной. Я ощутил себя в положении Голубева и искренне посочувствовал ему. Кажется, я не заработал сегодня ни одного очка. Больше всего, конечно, набрал их этот чёртов Вундеркинд. Но спорт есть спорт!

Мне предстояло совершить новую попытку. Увы, я не смог найти новую тему и опять упёрся в сто лет, отделяющие нас, сидящих за столиком заурядного кафе, от минувших времён, и опять не выпутался из тенёт своей биологии.

— Сто лет назад, — сообщил я слушателям, ждущим очередного хода с моей стороны, — человечество всерьёз занимала проблема чистоты воздуха и воды на нашей планете. Некоторые даже предсказывали, что цивилизация, вступив в противоречие с природой, погубит и себя и природу.

— Фантасты? — осведомился Вундеркинд.

— Ну, фантасты погубили нашу планету множество раз, — засмеялся Колзин. — Различными способами.

— Кто избавил её от бед?

— Люди. Проблемы действительно возникали серьёзные. Не только эта, но и другие. Решались они в ходе социального прогресса. Поработать, правда, тут пришлось основательно. Ничего не скажешь.

— И это фантасты тоже как-то пытались выразить?

— Тут что-то не очень, — сказал Колзин. — То есть смотря к какому периоду относить и о каких писателях говорить. Со временем, разумеется, всё больше и больше стало появляться произведений, показывающих неограниченные

созидательные возможности людей и перспективы их осуществления. И людей-борцов, и людей-творцов.

— Гм, — вмешался в разговор Голубев. — Если там есть вещи на реальной основе, то, пожалуй, стоит что-нибудь и почитать.

Колзин завладел разговором, и у меня с моей темой ничего не вышло. Это тоже был один из приёмов — перехват инициативы. Не успеешь раскрыть рот, как разговор продолжает другой, а у тебя увели мяч, и ты лишаешься возможности бить по воротам — следовательно, получать очки.

В то же время разговор принял серьёзный характер. А коль так, то мне захотелось по-деловому его и закончить. В конце концов мы собирались вовсе не для того, чтобы только острить и перебрасываться шуточками. Меня обеспокоило, что Вундеркинд и Голубев могли получить из нашего разговора неполное и, следовательно, неверное представление о фантастической литературе. А как все поклонники жанра, я старался привлечь новых приверженцев.

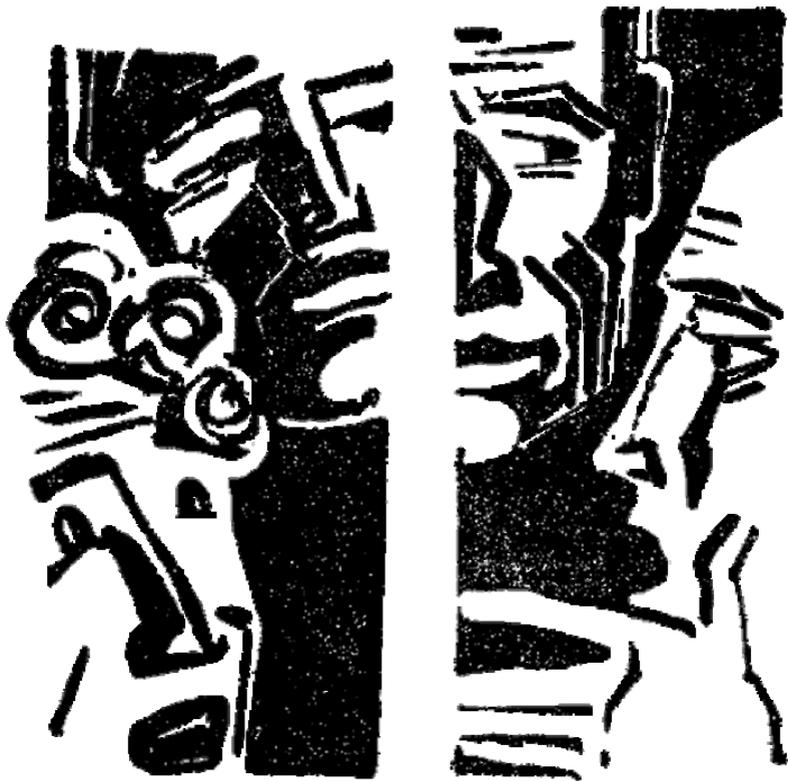
— Видите ли, — начал я, — в фантастике работали и работают отличные писатели. Некоторые вошли даже в хрестоматии. Я могу назвать из любимых своих авторов таких, например, как...

Я начал перечислять, но меня заглушил дружный хохот...

Вундеркинд и Голубев принялись наперебой пересказывать содержание произведений названных мною литераторов. Вдобавок у нас обнаружили некоторые общие симпатии. Генерально разыгранным оказался я.

Дождь кончился. Солнце, висевшее низко, теперь совсем закатилось за горизонт. На город спустились сумерки.

Над нашим столиком возникло мягкое сияние из ничего. Просто так — из воздуха. Над остальными столиками, которые теперь были уже почти все заняты, тоже висели как бы абажуры света. Люди оживлённо разговаривали, не спеша разделяваясь со своими бифштексами из барбазона и котлетами из маракона и божественной гардели.

Я подошёл к парапету и взглянул на город. Начинали светиться окна, всюду воздушные башни, лёгкие пирамиды, гигантские листы, тонкие и раскрытые как ладони, тёмная сейчас зелень на всех этажах...

Каким будет город завтра? Через сто лет? Ведь жизнь не стоит ни минуты. Ещё вчера, исторически вчера, Колзин едва ли не хвастливо говорил, что прогресс совсем не затронул его способа творить. Бумага и карандаш — вот всё, что нужно физику-теоретику для его работы. Бумага может измениться, карандаш стать другим, но главный инструмент — Колзин хлопал себя по лбу — остаётся таким же. А сегодня десяток машин подхватывает идеи семидесятилетнего Колзина, они мгновенно развивают их, просчитывают варианты, обнаруживают ошибки, выдают результаты, которые избавляют Колзина от утомительнейшей работы по проверке самого себя, — словом, усиливают мощь его мозга во много раз. И

Колзин успевает за полгода сделать то, на что прежде не хватило бы ему жизни. Легко предсказать, что сила мозга человека будет возрастать с каждой из тех новых машин, которые сейчас, может быть, только изобретаются кем-то.

Звёзды выступили на потемневшем небе. Одни мерцали, не сдвигаясь с места, рисуя знакомый облик созвездий. Другие роились, прочерчивали небо в разных направлениях. «Как они там не запутываются, — подумал я, — все эти космические корабли и спутники».

«Когда-нибудь, — пришло мне вдруг в голову, — подвижных звёзд будет больше, чем неподвижных. Ведь последних всего три тысячи, видимых простым глазом. Вот бы взглянуть на такое небо!»

«Вообще, — подумал я снова, — неплохо бы посмотреть хоть одним глазом в завтрашний день. Интересно, что там ни говори! О чём будут спорить, думать люди через сто лет?»

Ян Разливинский

Забывтый Полдень

Двенадцать идей

Виктора Сапарина

Мир Полдня братьев Стругацких известен всем любителям фантастики. Но мало кто знает, что в те же годы возник ещё один мир, удивительно похожий на этот, — но был быстро забыт, и забыт несправедливо.

Повесть временных лет

В советское время, когда пресса была красной, а не жёлтой, её не особенно интересовало, как живут и чем занимаются известные писатели. А что говорить о литераторах второго эшелона? Поэтому и о жизни Виктора Сапарина, писавшего в 40-60-е годы, мы знаем очень немного. Знаем, что родился в 1905 году Москве, городе, с которым оказалась, связана вся жизнь. С 1926 года работал в газетах и журналах. Писал корреспонденции, очерки, фельетоны. Не чурался юмористики и даже выпустил сборник рассказов «Сбежавший карандаш». Когда началась Великая Отечественная война, был призван в армию. Согласитесь, под такой биографией могли бы подписаться многие сотни журналистов той поры.

Отличия начались после войны, в 1946 году, когда на страницах журнала «Знание — сила» один за другим стали появляться рассказы Виктора Сапарина: «Секрет рыболова», «Испытание», «Железное сердце».

Родился новый писатель-фантаст.

46-й оказался урожайным на скудной ниве тогдашней фантастики: кроме Сапарина дебютировали Георгий Гуревич и Вадим Охотников. Родились на общем болотистом поле «ближнего прицела», там, где разрешалось заглядывать в будущее лишь на шаг вперёд, — и избави вас господь на два...

Но как же развела их судьба потом! Охотников так и застрял на этом поле, топчась на тесной свалке автоматических тракторов, угольных комбайнов и подземоходов. Сейчас только знатоки истории НФ могут припомнить его повести и многочисленные рассказы «на грани фантастики» — их прекратили переиздавать сразу же после смерти автора. А вот Гуревич сумел вырваться через флажки. Начав с искусственного дождевания и быстрорастущих тополей, он написал повесть «Мы — из Солнечной системы» — настоящую энциклопедию фантастических идей, став, в конце концов, признанным классиком советской фантастики.

А что же третий дебютант? Ему судьба уготовила место где-то между Охотниковым и Гуревичем. Первые десять лет — работа в жёстком русле «ближнего прицела». Герои сталкиваются с чем-то, что оказывается а) неким явлением природы, которое нужно поставить на службы советскому народу; б) новым изобретением, которое в скором времени будет верой и правдой служить советскому народу. Закалившись в борьбе с ретроградами, карьеристами и просто недальновидными гражданами (а иногда и одолев одного-двух шпионов), герои к концу рассказа-повести-романа обязательно побеждали, внедряли, запускали. Если позволял объём, находилась немного места и для личной жизни с поцелуем в финальных строках. Ещё, если действие разворачивалось в западной стране, полагалось, чтобы изобретение делало прогрессивный, но наивный учёный, а отбирали изобретение глупые, но сильные капиталисты. С небольшими вариациями этот способ успешно использовали десятки авторов — от известных до ныне забытых — но Сапарин никогда не писал памфлетов. Шпионы в ранних рассказах Сапарина, правда, пару раз мелькнули, не без греха, а вот, скажем любовные переживания — за ненадобностью — на страницы не попали. И о спорных дисциплинах, вроде телекинеза, телепатии, путешествиях во времени и прочем аналогичном, тоже не писал. Он словно доказывал: я пишу только о том, в чём разбираюсь. Только о том, что осуществимо.

Время действия сапаринских рассказов той поры — сегодняшней день или, в крайнем случае, завтрашний. И герои

решают, в общем-то, совсем не фантастические задачи: как добыть побольше руды для страны, разрушенной войной, как быстрее и дешевле строить дома. Фантазия Сапарина настолько приземлена, что в ином случае не сразу и поймёшь — а в чём же она заключается? Вот молодые учёные находят записи расстрелянного беляками геолога — и благодаря им открывают циркониевые место рождения на Дальнем Востоке («Однорогая жирафа»). Мы, знающие об Алагминском месторождении и крупных запасах циркония в Аяно-Майском районе Хабаровского края, эту историю воспринимаем как обычный рассказ — на самом же деле ко времени написания никакие месторождения ещё не были найдены. Или другой рассказ — «Испытание». Что с того, что в нём фигурирует катер с реактивным двигателем? На каждом шагу такое судно, конечно, не встретишь, но и в диковинки не запишешь — все рекорды скорости давно ставятся именно на ракетных катерах. Но в 1946 году об этом можно было только мечтать.

Написал — и невольно усмехнулся. Вот именно, что только об этом: сегодня найдут, завтра построят. Только и надо, что поставить пару реле, добавить рычагов, приладить некую радиосхемку и «будет людям счастье, счастье на века». Так считали многие, Так считал и Сапарин — и внёс свою заметную лепту в формирование фантастики «ближнего прицела», десять лет даже не пытаюсь выйти за очерченные пределы. Его охотно печатали, одна за другой выходили книжки, реплики критиков были благожелательны.

...В ту же воду

И вдруг — пауза в два года — накануне и в год выхода «Туманности Андромеды». Никакой фантастики.

...Стало уже общим местом говорить о том, что «Туманность Андромеды» положила-де конец эпохе «ближнего прицела», оказала влияние на формирование новой школы, открыла дорогу новым именам. Всё так. Но было и ещё что-то. Не прикладное, но очень важное — и это что-то ясно увидел Сапарин, которому вроде бы было уютно на обжитом пятачке. «Туманность Андромеды», как ураган, смела туман с бо-

лота «ближнего прицела», открыла взору мир невероятно далёкого будущего — но который оказался, вопреки прогнозам критиков, намного нужнее читателю, чем мир «самоходных тракторов».

Был ли кризис? Не знаю. Может, и нет. Но вопрос выбора, наверняка, стоял. Можно ведь было продолжать писать о понятном и нужном, идти по проторённой колее — и печатали бы: ведь печатали же до 80-х годов Немцова с его чудо-аппаратами, ведь переиздавали же из года в год все возможные «полярные мечты» Казанцева! Но Сапарин сделал свой выбор. В 1958-м они буквально вломились в литературу; г. Альтов («Икар и Дедал»), А. Днепров («Суэма», «Крабы идут по острову»), А. и Б. Стругацкие («Извне»), В. Журавлёва («Сквозь время»), те, кто определил, каким будет лицо фантастики в 60-х. И вместе с ними, заново, шагнул в реку фантастики Виктор Сапарин.

Время действия его новых рассказов сразу же отодвинулось на много лет вперёд, в коммунистическое будущее. Его герои, ещё вчера корпевшие над всевозможными механическими реле и фотоэлементами, полетели к планетам, взялись оживлять давно вымерших животных, начали строить кругосветные дороги... Вчера они электричеством отогревали землю в скромных заполярных садиках, а сегодня уже пытались сдвинуть саму земную ось!

К читателям словно бы вышел совсем другой автор. Техника? Да, она по-прежнему занимала в рассказах определённое место. Но теперь на передний план выходил уже человек — как творец этой техники.

В те годы появились такие добротные рассказы, как «Суд над Танталусом» (несколько позже вошедший в ставшую классической «Библиотеку современной фантастики»), «Пыль приключений», «Последний пилот». Была напечатана венерианская трилогия («Небесная Кулу», «Возвращение круглоголовых», «Исчезновение Лоо»), органично вошедшая в созданный Сапариним мир будущего — и в то же время оставшаяся отличным образчиком космических приключений в духе Берроуза или Ли Бреккет (хотя ни у кого не повернулся язык назвать это космической оперой).

Даже идя этим путём, Сапарин мог бы добиться многого: был создан цельный мир, были найдены герои, переходившие из рассказа в рассказ. Но...

«Писатель-фантаст не может не затрагивать в своём творчестве социальных проблем...» Это было сказано в 1962 году. Сказано тогда, когда уже была разрешена практически любая фантазия техническая, но за фантастику социального наполнения били — и били в кровь. А тут — «не может не затрагивать»...

И вот что интересно — он ведь не просто высказался. Он и на самом деле в последующих своих рассказах попытался развить именно это направление. «На восьмом километре», «Пари», «Разговор в кафе» — это ведь рассказы уже не столько о машинах будущего, сколько о человеке будущего. Это были попытки представить себе психологию тех, кто будет жить в XXII веке.

Назревал третий этап в работе, явно назревал. Должна была появиться ещё одна книга о Полдне — его, сапаринском, Полдне. Та, где главными должны были стать люди.

Не случилось.

В 1970 году Сапарина не стало.

Два мира — две судьбы

Этот «политический» заголовок лучше всего характеризует ситуацию с двумя Полднями.

Два мира, два Полдня создавались в одно время. Первый рассказ сапаринского цикла («Небесная Кулу») появился в 1958 году, «Белый конус Алаида», позже вошедший, как глава, в «Полдень» — в 1959-м. Сборник «Суд над Танталусом» и «Возвращение. Полдень XXII век» вышли одновременно в 1962 году, и даже были равны по объёму. Словно два спортсмена, стартовавшие секунда в секунду.

Сходство книг не только хронологическое или структурное («Суд над Танталусом» — сборник связанных друг с другом рассказов, «Возвращение» — повесть в рассказах). Время действия и там и там — коммунистическое будущее, XXI и XXII века. Герои Стругацких охотятся на гигантского кальмара, герои Сапарина пытаются отыскать гигантского

морского змея. У Стругацких ведётся речь об освоении Венеры, у Сапарина к Венере отправляются первые экспедиции землян. Генетики «Полдня» выращивают супер-коров, генетики «Суда» пытаются воскресить мамонта. И там и там люди заняты преобразованием природы и научной работой. Совпадают даже некоторые технические детали: скажем, Всемирное справочное бюро Сапарина очень похоже на Информаторий братьев Стругацких, их птерокары собраны по тем же чертежам, что и вибролеты Сапарина. А, к примеру, кухонные комбайны из «Полдня» («Скатерть-самобранка») перекочевали позже в «Пари» Сапарина.

Общего, действительно, очень много. Но почему же один Полдень оказался забыт, а второй жив по сию пору? Дело в литературном таланте? И в нём отчасти тоже, хотя рассказы Сапарина написаны добротнo — в отличие от многих скороспелых поделок той поры.

Тогда — в антураже? И в этом, пожалуй. Уйдя от автоматизированных электростанций, катеров с реактивными двигателями и прочих «фантастических» чудес ожидаемого завтра, Сапарин продолжал верить в РЕАЛЬНУЮ технику, исходил из её возможностей, поэтому даже в самых смелых рассказах вы не найдёте того, что считалось малонаучным. Освоение космоса? Да, но в пределах ближайших планет. Путешествие в параллельный мир? Нет, потому что существование оногo не доказано. Сапарин оставался близким к реальности, старался быть точным, описывая предполагаемый облик будущего — но в этом, как ни парадоксально, скрывался ещё один секрет забвения... Ведь, в отличие от сапаринского, мир Полдня Стругацких не был, стиснут техническими ограничениями, его герои могли запрыгнуть на борт стартующего звездолёта, как на подножку отходящей электрички. Потребуйся по ходу сюжета Машина Времени — она появилась бы легко (впрочем, и Машина оказалась лишней — в «Попытке к бегству» Саул переносится из военной поры в будущее просто так, без каких либо подсобных средств, и это оправдано логикой произведения). Такой вольности Сапарин себе позволить, увы, не мог. И оттого, когда сравниваешь два Полдня, создаётся впечатление, что действие одного происходит на

продутой ветрами необъятной равнине, а герои второго собрались в тесноватой долине. Но дело не только в этом. А в чём же тогда ещё? Подсказку я нашёл в давней статье Кирилла Андреева, где в ряду прочих рецензировался и только что вышедший «Полдень» Стругацких: авторы дали картину чудесного, светлого мира, где жить и работать чертовски весело и интересно. Андреев когда-то сказал то, что вертелось на языке сейчас: весело и интересно.

Полдень Стругацких пронизан светом. Этому свету нет аналогов в настоящем. Только оглядываясь назад, я таким вижу своё детство: вечное тёплое солнце, много счастья в маленьком сердце, все люди добры, а каждый новый день приносит новые открытия.

Да, мир Сапарина тоже светел и добр. Но это мир, в котором хозяева — зрелые, умудрённые опытом люди, такие же, как и сам Сапарин. Они так же пытливы, так же талантливы, они так же готовы идти на риск, как и герои Стругацких, — однако в них не чувствуется азарта молодости. Они живут в далёком — даже по отношению к нашему времени — будущем, но, кажется, что прекрасно помнят и войну и послевоенную разруху: а оттого находятся в непрекращающейся работе: потому что так надо, надо, надо. Не для себя — для страны. Будущее Сапарин угадал намного точнее — технически, разумеется. Но мир Стругацких оказался ближе своей моральной, эмоциональной составляющей. Его герои, какими бы фантастическими делами они ни занимались, оставались «парнями из нашего города» — простыми, весёлыми, азартными. Не учителями, не наставниками, а друзьями.

Возможно, в реальном будущем будет больше таких людей, как у Сапарина. Но если бы мне дали возможность выбрать, в каком мире жить, то я бы выбрал...

Вот именно. Явно или подсознательно, читатели той поры тоже верно... Читатели сделали выбор, ИСТОРИЯ подтвердила его. Но... мы знаем, что история не всегда справедлива и забвение накрывает не всегда заслуженно. Сапаринский Полдень не должен быть забытым — как не должен оказаться забытым и сам Виктор Сапарин.

Двенадцать

В 60-е годы г. Альтов опубликовал несколько статей о судьбе фантастических идей, высказанных Гербертом Уэллсом, Александром Беляевым и Жюлем Верном. Я продолжаю этот ряд: хотя Сапарина и не отнесёшь к звёздам такого ранга, в его произведениях также немало интересных технических и научных идей. Это и закономерно, ведь, участвуя в создании новой фантастики, он в то же время прочно опирался на традиции «ближнего прицела», который, прежде всего, ценил «железо».

Сапарин выпустил пять сборников фантастики, три десятка рассказов, две повести (по меркам нынешней «конвейерной» фантастики, когда в год может выпекаться по три романа, — неоправданно мало). В них обнаружилось более 90 научных и технических идей, находившихся на момент написания — в разряде фантастических. Согласитесь, интересно проследить, как меняются пристрастия автора, как акцент смещается от идей сугубо технических к идеям научным. Как точен, наконец, был в своих предвидениях писатель.

Для этой статьи я отобрал лишь двенадцать идей — но и этого достаточно, чтобы показать круг тем и оценить прогностический дар Виктора Сапарина.

1.

Источник: «Исчезновение инженера Боброва» (1948 г.).

Идея: охранное устройство сличает человека с фотографией и, если портрет совпадает с оригиналом, пропускает.

Из текста:

«...После разговора с вами по телефону, я раскрыл «Огонёк», увидел там вашу статью и под заголовком ваш портрет в овале — этот журнал практикует такие вещи. Я вырезал портрет и дал привратнику, как вы его назвали, чтобы он пропустил вас беспрепятственно на дачу. Мне хотелось проверить работу этого механизма.

— Но как же он...

— Действует? Он просто сличил ваше изображение с фотографией. Нужно совпадение определённого количества точек. Снимок был удачный, и он вас узнал. Он и сам умеет

фотографировать. Когда я вернусь на дачу, я получу карточки всех лиц, которые там побывали в моё отсутствие. Только не визитные, а фотографические. И вашу карточку тоже. Я надеюсь, вы разрешите мне оставить её себе на память?

— Но для этого я должна была позировать перед объективом аппарата?

— Вы это и делали.

— Когда же?

— Когда нажимали кнопку у калитки. Чтобы надавить на кнопку, нужно стать прямо против объектива. А, нажимая кнопку, вы приводите аппарат в действие».

Судьба идеи. Эффектно, но не эффективно. Для нормальной работы такого механического привратника нужно иметь фотографии всех «званных гостей», — а нужно ли это? Другое дело — закрытое учреждение, вход в которое строго ограничен. Но и в этом случае обмануть механического (именно механического) привратника будет довольно легко: поднеси к объективу нужную фотографию — и он пропустит безо всякого.

Спустя пять лет Брэдбери («451 градус по Фаренгейту») опишет замок, открывающийся при прикосновении пальца хозяина, — и это будет более точное предвидение принципа работы многих будущих электронных сторожей. Но в целом идея — использовать для защиты не людей, а специальные приспособления — оказалась верна. Правда, сегодня электронные сторожа не ловятся на фотографии: они проверяют сетчатку глаза, отпечатки пальцев, сличают голос и т. д.

2.

Источник: «Исчезновение инженера Боброва» (1948 г.).

Идея: автоматизированный дом. Например, буфет открывается при приближении руки к дверце.

Из текста:

«Эти тщательно упрятанные в стены механизмы, раскрывающие перед ней двери, зажигающие свет во всех тёмных углах, едва она к ним приближалась, эти невидимые слуги, молча и непрерывно обслуживающие её, угадывающие её

желания, создавали впечатление присутствия почти одушевлённых существ».

Судьба идеи. Сбылось, и, как это не раз бывало с ранними фантазиями Сапарина, на более качественном уровне. Действующие модели «умного» дома время от времени появляются в разных странах. Дом поднимет тревогу, если в нём окажется посторонний, разогреет обед, включит отопление или кондиционер, запишет без вас фильм и т.д. Подробно описывать всё, на что способен такой дом, вряд ли стоит, поскольку усовершенствование компьютеризированного дома продолжается постоянно. Вот, скажем, японцы создали лампочку, которая, перегорев, посылает на мобильник хозяина «предсмертное сообщение» — и тот, возвращаясь, домой, может заехать в магазин за новой. Мудрёно? А что мы скажем через лет десять?

Сейчас обустройство «умного дома» — вопрос не техники, а денег: при наличии соответствующих средств вы можете оборудовать его хоть сейчас...

3.

Источник: «Исчезновение инженера Боброва» (1948 г.).

Идея: «автоводитель».

Из текста:

«Чтобы автомобиль шёл сам по шоссе, достаточно на асфальте прочертить белую линию. Фотоглаз, соединённый с механизмами управления, поведёт машину вдоль черты. Можно не рисовать черты, а проложить в полотне дороги металлические линии-провода, тогда вместо фотоглаза машину поведёт радиолокатор. Локатор же и фотоглаз остановят автомобиль у светофора или перед любым препятствием и даже заставят совершить объезд — в определённых, конечно, пределах. Автоводитель — очень гибкий механизм. Переключением соответствующего рычажка можно лишить машину способности, самостоятельно объезжать препятствия — она будет просто останавливаться перед ними. Один шофёр сможет вести колонну в десять или двадцать нагруженных автомобилей. Он возьмётся за руль го-

ловной машины, а все остальные будут повторять её эволюции».

Судьба идеи. Сбылось. С современной точки зрения идея выглядит даже не то чтобы простой, а даже примитивной: описанную машину могут изготовить и в школьном кружке радиолюбителей. Но вот переделывать миллионы машин? Перекапывать тысячи километров автострад? Многочисленные удачные изобретения новых средств передвижения, окончившиеся лишь опытными образцами, наглядно подтверждают мысль, что есть отрасли, где признаётся только эволюция, но никак не революция. Автомобилестроение — как раз из таких. Поэтому в реальности изменения не происходят в одночасье, как полагали многие советские фантасты той поры (появится электромобиль — и сразу же будет поставлен на поток!), а накапливаются. Зачем перекапывать дороги, если можно научить машину видеть? Зачем громоздкие механические усовершенствования, когда есть компактные электронные устройства? Современный навигатор, возможно, и не сумеет без помощи водителя провести машину по людным улицам, но зато поможет шофёру выбрать из двадцати параметров движения, покажет шесть параметров технического состояния автомобиля, отреагирует на более чем сорок возможных ошибок и неисправностей автомобиля. Кроме того, он поможет рассчитать время вашего прибытия в желаемый пункт назначения и предложит оптимальную скорость движения, напомнит о необходимости замены свечей, воздушного, топливного фильтров, масла в КПП, в двигателе и др. Предупредит о возможности гололёда, о критическом уровне топлива, о неисправностях в работе двигателя, о перегреве двигателя, об ошибках в работе бортовых систем, об опасном бортовом напряжении, о превышении порога заданной скорости, а ещё позволит задать оптимальную температуру включения и выключения вентилятора системы охлаждения для предупреждения перегрева двигателя в жаркую погоду... Похоже на рекламу? Да это и есть реклама: почти дословно списал с брошюрки одного — и не самого суперсовременного — бортового навигатора.

Источник: «Новая планета» (1949 г.).

Идея: действия человека обретают такой масштабный характер, что изменения в облике планеты можно наблюдать из космоса.

Из текста:

«Ты только представь себе. На планете, которую марсиане и жители Венеры разглядывают в свои телескопы и фотографируют, может быть, уже не одну сотню лет, появляется вдруг неизвестно откуда новое озеро. На марсианских картах Земли его никогда не было. «Узбекское море», называем мы это искусственное водохранилище. Оно создано руками советских людей, чтобы изменить природу Земли так, как ею нам нужно. Марсиане назовут его, конечно, по-своему и скрупулёзно отметят на своих картах Земли. Марсианские учёные начнут высказывать разные предположения о причинах появления озера. Пойдут споры. А в это время на хорошо изученной ими поверхности планеты обнаруживается ещё одна новость: в телескопы видны какие-то слабые линии. Эти линии с каждым годом делаются всё заметнее. Огромная территория заштриховывается зелёными чёрточками, словно нанесёнными рукой какого-то космического гиганта. Для нас это лесные полосы, изменяющие природу степей. А для марсиан это предмет новых споров и толков.

Наш космический полёт был первым. Будут ещё полёты. Всё дальше и дальше. Человек побывает и на Марсе и на Венере. Что он там увидит, нам трудно даже сказать. Но что касается меня, то самой интересной из планет я считаю Землю. Особенно с тех пор, как деятельность человека на ней приобрела космические масштабы. Я имею в виду то преобразование земли, которое осуществляется советскими людьми. Оно началось на шестой части планеты, и разливается всё шире».

Судьба идеи. Не знаю, как насчёт лесополос, а вот, скажем, огни городов из космоса невооружённым глазом можно увидеть. А уж вооружённым — рассмотреть и то, во что одеты люди, гуляющие по вечерним улицам этих самых городов.

Сама идея не так нова, как кажется. Ещё в дореволюционной научно-популярной литературе выдвигались предложения выложить в степи или пустыне гигантские фигуры, которые могли бы увидеть обитатели других планет. С таким проектом выступил, к примеру, Циолковский. Сапарин лишь придал изменениям прикладной характер (не ради эфемерной связи с инопланетянами, а ради реального улучшения жизни) и добавил социальный подтекст: изменения, вносимые в облик планеты не кем-нибудь, а именно советским человеком...

Гораздо интереснее разбросанные по тексту детальки, в которых случайно угадались некоторые события реального будущего.

Так, действие рассказа косвенно можно отнести к концу 60-х — середине 70-х годов (герой вспоминает, что был уже взрослым в 48-м году, а ко времени действия рассказа у него самого взрослый племянник, космонавт) — то есть примерно угадано время реальных полётов к Луне. По Сапарину первый полёт в космос состоится сразу к Луне с облётом спутника, на борту ракеты будут три космонавта. Тут типичная для того времени профанация темы освоения космоса: всё и сразу — никаких тебе пробных полётов, никаких спутников. В таком ключе В. Обручев написал «Полёт по планетам», г. Мартынов — «Звездоплывателей» и т. д. — список авторов и названий займёт всю страницу. Но то, что экипаж будет состоять из трёх космонавтов и первоначально посадки на Луну не будет — тут догадка оказалась верной.

Кстати, космодром у Сапарина размещается в малолюдных местах (в то время как другие фантасты помещали ракетодромы кто в самом городе, кто — за городом), а посадка после первого полёта совершится в Заволжье.

И ещё одно «кстати» на космическую тему. В рассказе «Суд над Танталусом» все ракеты, прибывающие из космоса, обрабатываются в специальной службе безопасности (до Сапарина об этой процедуре никто из фантастов не писал: прилетели — и сразу жать руки встречающим). Правда, сейчас тщательную стерилизацию проходят только аппараты, улетающие к Марсу, — чтобы ненароком не занести на красную планету земные бактерии. Но нет сомнения, что в будущем, с развитием космонавтики, такой контроль только усилится.

5.

Источник: «Оранжевый заяц» (1949 г.).

Идея: механический заяц для перевозки донесений, инструментов, аптечки и прочего.

Из текста:

«Этот заяц, — усмехнулся Николай Степанович, — бежит туда, куда ведёт его курсоуказатель. А это, — Николай Степанович указал на какой-то рычажок, — магнитный ориентир: нажмёте кнопку, и заяц будет стремиться ко всем железным и стальным предметам, например к трактору или экскаватору, просто к лопате, воткнутой в землю. Этот милый зверёк, которого не надо кормить и дрессировать, может доставить донесение, инструменты, любую мелкую посылку. Он бежит быстрее обыкновенного зайца и прыгает в три раза лучше, причём всегда, как кошка, падает на ноги».

Судьба идеи. Образчик идеи, тип которых я бы назвал «литературно-техническими». На бумаге они выглядят убедительными, но едва попытаешься перенести их в реальный мир — точно следуя инструкциям автора, — тут же убеждаешься, насколько они несостоятельны. Вот и с этим «зайцем»: читаешь и прекрасно понимаешь, что это просто игрушка, а не полезная вещь, поскольку чисто механический принцип — абсолютно тупиковый путь для создания подобных механизмов. В реальности «заяц» мог бы двигаться лишь по твёрдой поверхности, незначительное время и в строго заданном направлении — какая же польза от такого помощника? В начале 80-х мне в руки попала переводная книжка «Как самому сделать робота». Там не было и речи о механических реле, всё осуществлялось на доступном — но уже электронном — уровне, и всё равно автор, подчёркивал, что предлагает собрать просто забавную игрушку для дома. А здесь: помощник, от которого в иной момент может зависеть человеческая жизнь... Глупость, чушь!

То есть вроде бы абсолютно бесперспективная идея — и я собирался отнести её в разряд ошибочных предсказаний. Но когда для очистки совести решил покопаться в литературе, оказалось, что в наше время эта «глупая идея» разрабатыва-

ется, хотя уже на новом уровне. Так, в 2004 году Питер Едон из Канады изобрёл багаж-собаку, который послушно следует за человеком. Не то? Хорошо, вот совсем свежая — 2006 года — разработка, правда, не «заяц», а «собака». Необычного робота-пса создала машиностроительная компания Boston Dynamics по заказу американских военных. По своим размерам BigDog действительно сопоставим с крупной собакой — чуть больше метра в длину и семьдесят сантиметров в высоту. Машина оснащена двухтактным одноцилиндровым бензиновым двигателем, который приводит в действие гидравлическую систему. Пока что BigDog ходит и бегаёт с максимальной скоростью 5,3 км/час. Он преодолевает 35-градусные наклоны и способен нести на спине до 55 килограммов полезного груза. За передвижение и равновесие робота отвечает бортовой компьютер, который контролирует сервомоторы ног и «общается» с кучей разнообразных датчиков, включающих в себя лазерный гироскоп и систему стереовидения. Другие сенсоры следят за «состоянием здоровья» машины: давлением в гидравлике, температурой, зарядом батарей и так далее. Разработчики надеются, что в недалёком будущем солдаты будут совершать марш-броски налегке — в сопровождении верных собак-роботов, несущих всю поклажу.

6.

Источник: «Тайна чёрной крыши» (1949 г.).

Идея: крыша как гелиоустановка.

Из текста: *«Поднявшись за хозяином по крутой деревянной лесенке, я очутился под металлической крышей, пронизанной множеством трубочек, что напомнило мне радиатор автомобиля. — Мне не нужно вам объяснять сказал инженер, — что чёрная матовая поверхность крыши поглощает почти все солнечные лучи, которые падают на неё, а металл — хороший проводник тепла. Как техник вы всё это хорошо знаете. В трубочках, проложенных под крышей, циркулирует жидкость, которая кипит при 23 градусах и в отличие от эфира, кипящего при 35 градусах, совершенно безопасна в обращении. Она быстро превращается в пар. Крыша всё время обращена к солнцу, а её поверхность перпенди-*

кулярна к его лучам. Следовательно, нагрев получается очень сильный.

— Так вот зачем нужно вращение дачи и изменение ската крыши», — сообразил я».

Судьба идеи: Фантастика? Да, и довольно-таки типичная для тех лет (рассказы А. Адамова «Оазис солнца», О. Палея «Река в пустыне», повести В. Немцова «Осколок Солнца», Н. Томана «Исчезновение Дмитрия Астрова» и т.д.). Кстати, и на Западе в тот период тоже писали о солнечных батареях — скажем, Р. Хайнлайн в 1940 г.

На протяжении последующих десятилетий солнечная энергетика присутствовала в экономике стран — но в столь незначительных объёмах, что говорить о каком-то её промышленном, массовом использовании не представлялось возможным. Однако энергетический кризис и экологические проблемы подвигли правительства многих стран пересмотреть отношение к «дарам с неба». Скажем, в 2002 году британское правительство выделило 20 млн. фунтов стерлингов на развитие в стране солнечной энергетике. В США к 2017 году практически каждый житель Калифорнии будет пользоваться солнечной энергией. А в Германии использование солнечной энергии в 2004 году уже составило 35% от общего расхода электроэнергии.

Как образец современного использования сапаринской идеи можно назвать 25-этажный небоскрёб в Манчестере (Англия). Он декорирован батареями-«платками», которые производят энергию, достаточную для работы тысячи компьютеров, в местечке Санкт-Албан (Германия) построены 12 биосолярных домов, питающихся, в основном, за счёт энергии солнечных батарей. Но наиболее подходит под описание Сапарина дом, появившийся в 2000 году в пригороде Штутгарта. Он представляет собой прозрачный куб из сплошного стекла и стального каркаса. Тройное остекление и особый газ, заполняющий пространство между стёклами, а также солнечные батареи позволяют полностью обеспечивать дом электроэнергией и теплом. Излишки тепла сохраняются в особых батареях на крыше. Кстати, выключателей в доме нет, всё регулируется голосом (это уже к теме «умного дома»).

Если Сапарин мог только мечтать о фантастическом солнечном доме, то ныне элементы солнечных установок доступны любому — их реализуют десятки фирм. Всё, как и в случае с «умным домом», сводится сегодня к размеру вашего денежного счёта, а не техническим возможностям.

7.

Источник: «Волшебные ботинки» (1955 г.).

Идея: обувь, изготовленная из особых растительных организмов, не изнашивается, более того — её подошва растёт вместе с её хозяином.

Из текста: *«В нашем институте в результате нескольких лет работы выведены очень мелкие растительные организмы — эпифиты, которые живут большими колониями вроде кораллов и образуют плотную массу, прочную, лёгкую и гнущуюся, как резина, но пропускающую воздух, — листы из неё ни в чём не уступают коже, обладая при этом свойством, которого не имеет никакая кожа — они растут. Растительные организмы, из которых она состоит, быстро размножаются, а питание, как и все эпифиты, берут из воздуха. Для подошвы мы изготовили особенно быстро растущую «кожу», ведь эта часть обуви изнашивается больше. Замечу тут же, что подошва и питается лучше других частей ботинка, при ходьбе она соприкасается с землёй, тут больше сырости и минеральных веществ. Усиленное питание способствует тому, что кожа подошвы быстрее восстанавливается.*

Конечно, у растущих ботинок есть свои неудобства. Их нельзя долго хранить на складе, они будут менять свой номер. Кроме того, взрослый, купивший сапоги впору, через некоторое время обнаружит, что они стали ему велики. Поэтому в обуви для взрослых найдёт применение только подошвенная кожа. Но и это неплохо. Нам уже сказали спасибо за вечные подошвы те почтальоны, путевые обходчики и прочие люди «ходячих» профессий, которым мы раздали ботинки для пробной носки.

Иное дело детская обувь. Её можно делать целиком из растущей кожи. Мы думаем, что тут вполне разрешима за-

дача — сделать ботинки, которые можно было бы носить несколько лет подряд».

Судьба идеи: Ярчайший образчик фантастики «ближнего прицела». Интересная идея на самом деле ужасна — если была бы использована для массового производства. Представьте себе: всю жизнь проходить в одних и тех же ботинках... Бр-р!.. Такое могло прийти в голову или завзятому эксплуататору, или, напротив, ярому коммунисту... Но вряд ли стоить вешать на автора ярлык: страна только-только оправилась от последствий войны, тут не до меняющихся каждый сезон моделей — хватило бы башмаков на всех, и то хорошо...

Ну а что же с воплощением идеи в жизнь? Вечных ботинок на прилавках ещё нет, но современная технология позволяет уже сейчас изготавливать нечто похожее. Скажем, существуют самовосстанавливающиеся синтетические материалы, из которых можно было бы при желании изготавливать и подошвы. Ведутся работы и по усовершенствованию самой обуви. К примеру, фирма «Адидас» выпустила в 2004 году кроссовки со встроенным микропроцессором, который изменяет жёсткость подошвы. Так что если в ближайшее время ваши ботинки не станут вечными, у них всё равно есть шанс стать умными...

8.

Источник: «Объект 21» (1949 г.).

Идея: приливная гидростанция.

Из текста: *«Проекты приливных станций разрабатывались в нашей стране ещё до войны, — сказал Геннадий Степанович. — Но одно дело первые станции — опытного характера — и совсем другое дело широкий размах строительства в этой области. Сейчас проектируется десятка полтора крупных приливных станций в разных пунктах нашего побережья. Институт приливов ведёт систематические наблюдения приливов и отливов ещё, по крайней мере, в десяти тысячах пунктов. Это ему нужно и для общих теоретических выводов, и для выбора мест под будущие приливные станции.*

— Да, — сказал я задумчиво, — значит, и старушку Луну заставили работать на человека».

Судьба идеи: Когда рассказ писался, приливные электростанции (ПЭС) ещё оставались мечтой. Первая в СССР опытно-промышленная приливная электростанция на Кольском полуострове (Баренцево море) была пущена в 1968 году. Её мощность — 400 кВт, а среднегодовая выработка — 12 млн. кВт/ч. Примерно в то же время вступила в строй действующих и электростанция Ране во Франции.

По мнению учёных, энергия морских приливов может обеспечить до 15% современного энергопотребления. Пока же она используется не так эффективно, как хотелось бы. До «широкого размаха», о котором говорил Виктор Сапарин, ещё далековато, но шаги в этом направлении делаются. На сегодняшний день в России работает ещё и Мезенская ПЭС мощностью 11,4 ГВт на Белом море, а в проекте существует и более мощная — на 87 ГВт — Пенжинская приливная электростанция.

9.

Источник: «Объект 21» (1949 г.).

Идея: «старший бухгалтер» — аппарат, с помощью фотоэлементов различающий цифры и производящий расчёты.

Из текста: *«„Старший бухгалтер“ — так назвали мы наш аппарат — принадлежит к числу «читающих» машин. С помощью соответствующим образом подобранных фотоэлементов он прекрасно различает цифры. В него можно заложить большую ведомость, и он с быстротой, недоступной никакому другому прибору, сам складывает цифры по всем графам и по всем направлениям и печатает готовый итог в соответствующем месте. Так же быстро может он проверить, если нужно, любую ведомость, сигнализируя о малейшей ошибке. Он выполняет и многие другие операции, облегчая работу бухгалтера. И никакого шума, треска, никакой работы рук или усилий мозга человека».*

И ещё одна цитата, имеющая отношение к теме: *«Счётная фабрика — это небольшое — по размерам, но огромное по размаху работы предприятие, настоящая — «математи-*

ческая мельница». Сюда поступают длинные колонки цифр, и в сопроводительной бумаге указывается, что нужно с ними делать. Оператор закладывает пачку таблиц в магазин соответствующего аппарата, нажимает рычаг и отходит в сторону, занимаясь другими делами. Механический вычислитель берёт из магазина листок за листком «прочитывает» числа и с поистине сказочной быстротой делает необходимые вычисления. Окончательный результат печатается на бланке, после чего автомат подзывает к себе оператора звонком».

Судьба идеи: Россия 40-х годов — царство счёт и арифмометров. Кибернетика делает первые шаги на Западе, но для Страны Советов она ещё «продажная девка» и лженаука — первая положительная публикация о ней появилась лишь в 1955 году. Посему и «бухгалтеры» у Сапарина больше похожи на усовершенствованные арифмометры, чем на калькуляторы и тем более на ЭВМ. Такие идеи нагляднее всего демонстрируют несовершенство и примитивизм фантастики «ближнего прицела», когда авторы не хотели (или им не позволялось) видеть дальше разрешённых двух шагов. Вполне возможно, что Сапарин знал о работах над ЭВМ, но предпочтение отдал электромеханическим «бухгалтерам» — как более реальному претенденту на развитие. Что ж, одно время Природа тоже делала ставку на динозавров. Уже через три года после появления рассказа в СССР была создана Большая Электронная Счётная Машина, оперировавшая с 39-разрядными словами со скоростью 10 тыс. операций в секунду, а годом позже выпущен первый серийный компьютер «Стрела».

Так что, идея не сбылась? Отнюдь. Ведь в то же время велись усовершенствования и привычных устройств. Так, был выпущен электромеханический табулятор Т-5, предназначенный для работы с 80-колонными перфокартами — не «старший бухгалтер», но что-то к нему близкое. Да и по поводу вычислительных центров — «счётных фабрик» — тоже угадано верно.

Кстати. Можно сказать, что Сапарин был чересчур осторожен, но можно, что он был реалистом. Да, ЭВМ со-

вершенствовались, но должно было пройти довольно много лет, прежде чем они перестали быть экзотикой. А на земле тем временем продолжали господствовать арифмометры, арифмометры, арифмометры. Скажем, в 1969 году — Сапарин был ещё жив — в СССР их продали 300 тыс. штук, а калькуляторы, как млекопитающие, всё ещё дожидались своего звёздного часа. Так что в этом случае вывод можно сформулировать так: идея была не только осуществлена, но и успела уже устареть.

10.

Источник: «Последний извозчик» (1958 г.).

Идея: блок-универсал. Средство видеосвязи, используется также для просмотра кино, чтения книг, журналов, трансляции телепремьер, диктофон и т. д.

Из текста: *«Пассажиры, достав свои блок-универсалы, читали книги, просматривали журналы, смотрели кинофильмы. С тех пор, как Центральная библиотека, Главная журнальная экспедиция и Генеральный фильм организовали передачи для индивидуального обслуживания владельцев блок-универсалов, многое изменилось в этом мире. Всего лет пять назад на полках самолёта лежали настоящие книги, журналы — небольшая библиотечка в сотню-другую томов. Сейчас каждый носит в кармане библиотеку в десятки миллионов томов с отделом уникалов и редких рукописей — любую книгу можно посмотреть в блок-универсале, передав заказ и прождав не больше трёх минут».*

Судьба идеи: Ну, насчёт трёх минут — это как-то... Неважные что-то в будущем провайдеры. Но если серьёзно, то Сапарин одним из первых — если не первый — использовал идею универсального коммуникационного устройства. До этого писатели разграничивали функции: радиосвязь отдельно, компьютер отдельно и т. д.

А вот вывод можно и не делать — и так всё понятно: осуществлено буквально на наших глазах. Мобильные телефоны с возможностью видео- и фотосъёмки, ноутбуки позволяют осуществлять связь практически с любой точкой на планете, смотреть, читать, работать, играть и т. д.

11.

Источник: «Суд над Танталусом» (1959).

Идея: используя производительные клетки мамонта, введённые в организм слоних, получить гибрид мамонта и слона, а затем — и мамонта в чистом виде.

Из текста: *«Найдя тушу мамонта в слое вечной мерзлоты в Сибири, Нгарроба сумел оживить некоторые его клетки, в том числе производительные. Он ввёл их двадцати слонихам из африканского заповедника. Нгарроба рассчитывал, что, если эксперимент удастся, он получит помесь мамонта со слоним. Тогда во втором поколении тем же искусственным путём, используя новую порцию размороженных клеток мамонта, можно будет вывести животных, которые уже на три четверти станут мамонтами. Четвёртое потомство, если бы удалось довести опыт до конца, дало бы «чистокровных» мамонтов с ничтожной «чуждой» примесью в 1/16, с которой можно было бы и не считаться.*

Мамонтами Нгарроба предлагал населить Антарктиду, единственную часть света, где животный мир был всё ещё беден».

Судьба идеи: В то время — чистая фантастика. Сапирин впервые предложил научный подход к оживлению мамонта. До этого «попытки» были, но на уровне чуда: оттаял и ожил (В. Обручев. «Происшествие в Нескучном саду», В. Мелентьев. «33 марта»).

Ныне идея обсуждается как вполне исполнимая. Более того, якутские учёные несколько лет назад дали «добро» на вывоз в Японию останков мамонтов — клочков кожи и шерсти, сушёного мяса и костей. Японские специалисты надеются выделить фрагменты ДНК, «сшить» из них целые и на основе полученного материала клонировать мамонтов. Организаторы проекта считают, что такая работа может занять около двадцати лет, но факт остаётся фактом: попытка возродить мамонта более жизнеспособна, чем отшумевшие не столь давно разговоры о воскрешении динозавров.

12.

Источник: «Непредвиденное испытание» (1959 г.).

Идея: добавки в пластмассу сообщают ей магнитность, корпуса выдуваются по магнитным линиям, создаваемым излучателями.

Из текста: *«Из отростка трубы в середине поля стала выдуваться капля размером с двухэтажный дом. Сначала она была круглой, как футбольный мяч. Через несколько минут, расширившись, осела и походила теперь на исполинскую тыкву. Краны подошли к ней со всех сторон, нацелились своими зонтиками и ежами, затем начали отступать. Масса, выдутая в полупрозрачный пузырь, потянулась за ними. Словно растягиваемая невидимыми руками, она разлезалась во все стороны, не касаясь кранов.*

Наконец пузырь приобрёл очертания низкого здания округлой формы с куполообразной крышей и несколькими отростками по бокам. Дом-пузырь висел в воздухе. Механические ножницы отрезали его от трубы, та уползла на своих коротких ножках, и здание легло на землю.

Пластмассит, свежееизготовленный, с добавками, сообщаящими ему магнитность, принимал форму в соответствии с рисунком силовых линий, который создавали магнитные излучатели, укреплённые на кранах.

Судьба идеи. Эпоха «большой химии» не могла не отразиться в фантастике — и отразилась. Про чудесные дома и дороги из пластмассы кто только не писал! Разумеется, что «пластмассовая тема» нашла отражение и в целом ряде рассказов Сапарина («Плато Чибисова», «Хрустальная дымка» и др.).

Сапарин одним из первых в советской фантастике описал дома из пластмассы («Плато Чибисова», 1950 г.), но тогда он не показал, как они могут создаваться. Принцип был сформирован через девять лет, и идея оказалась перспективной. Позже её развил г. Альтов в Рассказе «Ослик и аксиома» и повести «Третье тысячелетие». Он пошёл дальше, предложив не создавать с помощью магнитных полей нечто с законченной формой, а «вылеплять» из магнитного порошка меняющиеся конструкции и механизмы. Нужен дом: намагни-

ченный порошок принимает форму дома; требуется машина — дом превращается в машину.

В появившемся в том же году рассказе «Суд над Танталусом» упоминаются купола из сверхпрочной самозатягивающейся пластмассы — вполне вероятно, что для венерианских куполов (а именно их изготавливают — «непредвиденном испытании») использовался такой тип материала. В реальности образцы подобного вещества уже испытываются и станут, очевидно, применяться также при создании космических аппаратов — метеоритные пробоины обшивки будут мгновенно затягиваться.

Что касается работ с использованием магнитных полей, то они всё ещё остаются фантастикой. Пока что нет даже скромных «шагающих осликов» Альтова. Впрочем, для нашего времени это уже не далёкая мечта, а «ближний прицел». И кто знает, что принесут нам завтрашние вести из лабораторий?

Бессмертие в подарок

Двенадцать — не девяносто. Можно было бы написать ещё и о дистанционно проводимых медицинских операциях, о смещении наклона земной оси, о полётах на Венеру и «ремонте» вулканов — но это уже материал не на статью, а на целую книгу. Да и сейчас мы лишь кратко, без деталей, коснулись судьбы нескольких идей — в чём-то отставших от жизни, в чём-то даже сейчас заметно опережающих её. Говорят, чем старше человек, тем он более консервативен. Но у Сапарина самые дерзкие идеи родились как раз на склоне лет. И, что характерно, чем смелее он был, тем точнее угадывал контуры будущего, контуры Полдня XXII века. Жаль только, что этот мир был предан забвению на многие годы.

...Если бы Сапарин оставил нам лишь свои рассказы — он и за это заслуживал бы уважения и памяти. Но кроме литературной работы, он много лет возглавлял редакцию «Вокруг света» — одного из популярнейших нелитературных журналов советской поры. Волей Сапарина именно нелитературный журнал и его приложение «Искатель» в 50-60-е годы дали путёвку в жизнь многим отечественным фантастам и

приключенцам (среди них Глеб Голубев, Кир Булычёв, Владимир Михайлов, Олег Куваев, Николай Коротеев и многие-многие другие). А каких зарубежных авторов печатали там?! Жорж Сименон и Габриэль Гарсиа Маркес, Жоржи Амаду и Станислав Лем, Рэй Брэдбери и Скот Фитцджеральд — десятки литературных звёзд первой величины!

И «Вокруг света», и «Искатель» были его детьми, которым он отдал большую часть времени. Поэтому, быть может, и не раскрылся до конца как писатель — но благодаря чему, скажем, я многие годы бережно храню многокрасочные и плотные, как пластиковые пластины, старые номера журнала — и не я один...

Открывая на страницах своих рассказов окно в будущее, он на страницах редактируемого журнала открывал советскому читателю окно в мир — и в него интересно выглянуть даже сейчас, когда распахнуты десятки окон и дверей.

Сапарин не верил в бессмертие. Наверное, и своим творениям он отводил определённый срок жизни и потому не стремился в отличие от В. Немцова их переиздавать, бесконечно реанимируя механических «зайцев» и «старших бухгалтеров». Он видел, что рассказы, написанные в 40-х годах, уже не помнят спустя полтора десятка лет, и реально оценивал срок жизни более поздних вещей. В чём-то он оказался прав: после кончины автора лишь пара рассказов была переиздана — и всё. Но, как это иногда бывало с «осторожными» идеями Сапарина, жизнь опровергла авторские прогнозы. Да, книги Сапарина не переиздаются, и, скажем, в серии «Классика отечественной фантастики» его не удостоили своего тома. Но сегодня благодаря сапаринским блокам-универсалам — то бишь компьютерам — в сапаринском Всемирном справочном бюро — то есть Интернете — мы можем легко отыскать большинство его рассказов. Да и идеи из них никто не торопится отдать в сапаринский же Музей Неосуществлённых Проектов. Похоже, Сапарин был неправ — бессмертие возможно. И он получил этот неожиданный подарок от своих потомков — от тех, о ком писал.

Юрий Астров

Умение смотреть вдаль

Предисловие к трёхтомнику Сапарина
(коллекционное издание)

*«Из вереска напиток
Забыв давным-давно.
А был он слаще мёда,
Пьянее, чем вино...»*

Эти строчки из шотландской баллады я вспомнил, когда мне в руки дали трёхтомник В. Сапарина. Кто его сейчас из молодых любителей фантастики знает? Кто помнит?

Между тем это был популярнейший писатель своего времени. Мало того, его одним из первых среди советских фантастов, наряду с И. Ефремовым, братьями Стругацкими и В. Савченко, начали переводить на Западе. Айзек Азимов посвятил их творчеству такие вот строки: «Если коммунистическое общество будет существовать, то благородство и доброта человека будут свободно развиваться и люди — жить в любви и согласии».

Такая оценка дорогого стоит...

Виктор Степанович Сапарин, инженер по образованию, начал свою работу в литературе, если относиться к ней журналистику, в 30-е годы прошлого века корреспондентом отдела науки газеты «Правда», а закончил главным редактором популярнейшего в своё время журнала «Вокруг света».

«Нас было четверо друзей на студенческой скамье, жаждавших познать всё. ... В ту пору мы увлекались теорией относительности Эйнштейна, разбирали схемы электронных ламп, о которых ещё не упоминалось в учебниках, и считали возвышенной наукой астрономию», — писал уже в 1964 году Виктор Степанович. Обратите внимание на эпитет! «Возвышенная наука!» «Нас очень манил космос, тогдашний, необжитый космос...».

Космосом, впрочем, писатель Сапарин занялся уже в конце 50-х, после запуска первого спутника. И это знаменательно для его творчества.

«Потом мы поняли, — вспоминает писатель, — что познать всё одному человеку не под силу, но на пути к неопостижимым целям один из трёх моих товарищей стал академиком, другой — членом-корреспондентом Академии наук, третий — писателем и литературоведом, знатоком Жюль Верна и Герберта Уэллса». (Об именах двух первых друзей можно только гадать, но в третьем явственно узнаётся Кирилл Андреев, автор «Трёх жизней Жюль Верна» и «Искателей приключений» — тоже почти забытый писатель... Слишком легко мы отбрасываем своё прошлое!). На «Три жизни...», кстати говоря, Сапарин написал объёмную рецензию, за текстом которой видна глубочайшая эрудиция, не уступавшая эрудиции автора книги.)

Но, думается, Виктор Степанович в статье «Почему и для чего», цитаты из которой приведены выше, несколько лукавит либо добросовестно заблуждается. Стать академиком или членкором не получится, если стремишься «познать всё». Ибо, как известно ещё из Козьмы Пруtkова, «специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». А С. Е. Лец выразил ту же мысль ещё более точно: специалисты скоро будут знать всё ни о чём, а эрудиты — ничего обо всём. Хороший журналист — это именно такой эрудит, пусть это звучит парадоксально.

Научная журналистика в СССР получила развитие, несравнимое с западным. «Догнать и перегнать!» — актуальный лозунг тех времён пронизывал всю общественную жизнь СССР. И это было правильно. Страна победившего пролетариата во враждебном окружении могла выстоять, только имея передовую науку. В науку — и промышленность, основанную на новейших достижениях советской науки — следовало привлекать талантливую молодёжь. Это был социальный заказ.

В. С. Сапарин был сыном своего времени. Времени тяжёлого (но не столь тяжёлого, как нам пытаются внушить),

времени страшного (но не столь страшного...), времени прекрасного.

Сапарин был хорошим, чего там — отличным журналистом. Именно при нём журнал, которым он руководил, стал популярнейшим. Именно при нём стал выходить «Искатель», в ту пору — приложение к журналу «Вокруг света», сыгравший огромную роль в популяризации фантастики в СССР.

В 1946 году В. С. Сапарин перешёл в ряды писателей, журналистики при этом не оставляя. Тогда в 1-м номере журнала «Знание — сила» был опубликован рассказ «Ультраглаз». Речь в нём шла о приборе, который при помощи излучения, сравнимого по мощи с космическими лучами, даёт на экране изображение происходящего за любой преградой: скалой, стеной... На одном из первых испытаний при помощи этого прибора была раскрыта кража (в другом варианте рассказа — предотвращён пожар).

(Заметьте: ни писателя, ни редактора совершенно не волновала проблема вторжения в частную жизнь, хотя Сапарин и упоминает в рассказе лесажевского «Хромого беса», который поднимал крыши домов и наблюдал за происходящим. Но упоминает так, мимоходом. О воздействии такого мощного излучения на организм человека автор тоже не задумывался. А о том, что как раз в это время над подобной проблемой работал профессор Ощепков, Сапарин, конечно, не знал. Ибо в шарашки допущен не был.)

А потом... потом пошло, что называется, косяком. Нет, плодовитость писателя не сравнить с нынешними авторами, штампующими по паре-тройке (а то и больше) романов в год. Но по тогдашним временам В. С. Сапарин был одним из плодовитых писателей, а уж среди фантастов, пожалуй, самым плодовитым.

И тогдашнее творчество писателя не выходило из русла советской фантастики «ближнего прицела»; Сапарин находился в одном ряду с Немцовым и Охотниковым.

Осмелюсь предположить, что Сапарину было работать даже легче. По двум причинам.

Во-первых, научная журналистика наложила свой отпечаток на его литературное творчество. Ведь если прочесть

рассказы (и пару повестей) писателя в промежутке между 1946-м и 1958-м годами, можно удостовериться: это не рассказы в полном смысле слова. Это художественные, вернее — беллетризированные очерки.

Уж к рассказам 40-х годов такое определение можно применить не сомневаясь. В первых четырёх рассказах нет ни героя, ни сюжета, даже фабула, в общем-то, простовата. Лишь в «Железном сердце» появляется какой-то сюжет. Очерковость довлеет.

А очерки Сапарина, посвящённые развитию Академии наук, её филиалам в разных концах страны и достижениям, телевидению (пока ещё экспериментальному, но регулярно ведущему передачи), автоматическим ГЭС, читаются и сейчас. Главный пафос этих публикаций: мы этого достигли! Мы это умеем! А завтра сумеем больше!

В послезавтра автор не заглядывал. Он выполнял социальный заказ. В том же очерке «Показывает Москва» телепередатчик (как и приёмники) работает при помощи диска Нипкова. Тогда уже существовал иконоскоп — электронно-лучевая трубка, но о ней даже не упоминается. Это будет послезавтра — и будет ли? Нужно добиваться реального!

Таковы и рассказы Сапарина 40-х — 50-х годов. Напоминаю: до запуска первого спутника!

Вторая причина — Сапарин искренне верил в силу науки, определяющей мировоззрение советского человека. Наука решает всё! Немцов в меру своих слабых сил боролся с мешанством, Охотников углублялся в технические вопросы (он, известный изобретатель, получил звание инженера, не имея высшего образования — бывали в те времена такие примеры) — и не интересовался психологией, у Сапарина всё выходило автоматически: выше наука — выше и мораль! Ну, а остатки подонков и всякие шпионы, тем более бывшие ээсовцы, ничего иного не заслуживают, как автоматического расстрела (рассказ «Железное сердце»). Такова была общественная атмосфера.

Вот типичный пример сапаринского рассказа: зарубежной принадлежности быстроходная яхта то и дело заходит в территориальные воды СССР. Пограничники пытаются её

поймать, а она легко оставляет их позади. Но тут вмешиваются учёные. Их судно непонятной конструкции обгоняет и останавливает шпионскую яхту. Оказывается, за испытаниями этого судна мерзавцы и следили... Секрет в ракетном двигателе («Испытание»).

Или ещё: только что построенный дом то и дело отплясывает гопака. На верхних этажах бьётся посуда, раскачиваются люстры. Землетрясение, да и только. Дело в маленьком моторчике, откачивающем воду из котлована. Резонанс! На основе этого явления конструируется оружие, сбивающее самолёты противника: те просто разваливаются в воздухе («Чудесный вибратор»).

Рассказы и повести такого плана, познавательные, порой забавные, но всегда передающие дух творчества, Сапарин писал вплоть до 1958 года.

1957-й... Год более чем знаменательный. В журнале «Техника — молодёжи» печатается, а вскоре выходит отдельным изданием «Туманность Андромеды». А осенью — первый искусственный спутник Земли!

Уже на следующий год появляются перевернувшие представление о советской фантастике «Где вы, Ильин?» В. Савченко, «Страна багровых туч» Стругацких и «Небесная кулу» Сапарина. Прицел приблизился! Мы — в космосе! В этом же году — «Последний извозчик».

Действие «Небесной кулу» происходит на Венере, планете болот, странной фауны — палеозой с мезозоем и... мыслящие существа.

«Последний извозчик» — XXI век, лётчик на лайнере находится на всякий случай. Этот случай происходит — и выясняется, что пилот даже здесь, в чрезвычайных обстоятельствах — не нужен. Но именно поэтому люди овладевают другими профессиями — второй, третьей, пятой, — чтобы не быть бездельниками. Скучно же...

В течение примерно восьми лет Сапарин разрабатывал тему будущего, не столь отдалённого, не дальше будущего века. Правда, венерианский цикл, насчитывающий уже несколько рассказов и грозивший продолжиться повестью, пришлось преждевременно завершить: наука выяснила, что

Венера, описанная Стругацкими, куда больше походит на настоящую, чем сапаринская. Но писатель продолжал творить. Его рассказы «Суд над танталусом», «Прораб Вселенной», «Чудовище подводного каньона» вошли в золотой фонд советской фантастики.

Завершает трёхтомник статья «Будущее человечества через призму фантастики», посвящённая роману Стругацких «Хищные вещи века». Казалось бы, что о ней говорить? То, что братья предсказали полвека назад, осуществилось. Частично — даже в России, избытия только не хватает. А так — одно к одному. Но немного поговорить всё же стоит.

Стругацких крыли за эту повесть в хвост и в гриву, это было с ними впервые, но не в последний раз. Статья Сапарина — вовсе не ругательная, а очень показательная для мышления убеждённого коммуниста (это хорошее слово). Он с огромным уважением относится к творчеству братьев, к их таланту. Собственно, все претензии — к отсутствию в повести марксистского классового подхода. Отсюда, по Сапарину, и все просчёты.

Это не догматизм. Это инерция мышления, уж простите за отсутствие пиетета к фантасту Сапарину. Он мог и сам убедиться, на примере собственного творчества, что догматизм — не догма (извините за невольный каламбур).

Вот что я имею в виду.

Изобретения, описанные в ранних рассказах Сапарина, как правило, либо не осуществлены по сию пору, либо просто не нужны. Автоматический снайпер на охране границы будет косить под корень хоть диверсанта (и бог с ним), хоть шпиона (а его бы допросить надо!), хоть любого зверя. Ракетный двигатель на судне сожрёт горючее в считанные минуты. Резонансный уничтожитель вражеской авиации бессмыслен, ибо есть отличные системы ПВО — с локаторами, а не звукоулавливателями. Приливные ГЭС уже есть, но по сию пору не изобретены мощные компактные аккумуляторы, без которых такие ГЭС излишни, ибо работают два раза в сутки. И не вдохновил ли браконьеров на изобретение электродочки, после которой исчезает вся речная живность, рассказ «Секрет рыболова»?

А вот универсальный блок из поздних рассказов — это же смартфон!

И тюрьмы для болезнетворных микробов существуют — не одна.

И телеконференции стали обыденностью. Ну, пока не голографические. Так это пока!

Умение заглядывать чуть дальше, чем в завтра, более важно даже в обыденном смысле слова. Сапарин им овладел слишком поздно.

Публикации

Возвращение: / Примеч. ред.; Рис. Е. Медведева. // Техника-молодёжи, 1961, № 10. – С. 13.

Возвращение круглоголовых: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. П. Кирпичёва. // Пионер, 1960, № 6. – С. 11-16; № 7. – С. 32-40.

Возвращение круглоголовых: [Рассказ] / Рис. И. Ушакова. – АВТ. Суд над Танталусом – М.: Мол. гвардия, 1962. – С. 112-142.

Исчезновение Лоо: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. П. Кирпичёва. // Пионер, 1960, № 12. – С. 17-29.

Исчезновение Лоо: [Рассказ] / Рис. И. Ушакова. – АВТ. Суд над Танталусом – М.: Мол. гвардия, 1962. – С. 143-177.

Лунная рапсодия: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. Н. Гришина. // Вокруг света, 1964, № 3. – С. 24-28.

На восьмом километре: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. С. Центомирского. // Искатель, 1966, № 1. – С. 26-47.

На восьмом километре: [Рассказ] / Рис. А. Семёнова. – СБ. Мир «Искателя» – М.: Мол. гвардия, 1973. – С. 245-269.

Небесная Кулу: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. Н. Гришина. // Вокруг света, 1958, № 6. – С. 4с. вкл., 49-57.

Небесная Кулу: [Рассказ] / Рис. Г. Дмитриева. – СБ. Дорога в сто парсеков – М.: Мол. гвардия, 1959. – С. 180-210.

Непредвиденное испытание: [Рассказ] / Рис. И. Ушакова. – АВТ. Суд над Танталусом – М.: Мол. гвардия, 1962. – С. 47-74.

Новая планета: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. Ю. Коровина. // Вокруг света, 1949, № 4. – С. 18-23.

Новая планета: [Рассказ] / Рис. В. Милашевского. – АВТ. Новая планета – М.: Мол. гвардия, 1950. – С. 3-17.

Пари: Науч. -фантаст. рассказ / Рис. Н. Гришина. // Вокруг света, 1967, № 5. – С. 6-12.

Первая вахта: [Рассказ] / Рис. И. Ушакова. – АВТ. Суд над Танталусом – М.: Мол. гвардия, 1962. – С. 209-222.

Последнее испытание: Науч.-фантаст. рассказ / Примеч. ред.; Рис. Р. Орловского. // Знание-сила, 1959, № 11. – С. 38-44, 4с. обл.

Последний извозчик: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. К. Арцеулова. // Знание-сила, 1958, № 12. – С. 34-36.

Последний извозчик: [Рассказ] / Рис. Г. Дмитриева. – СБ. Дорога в сто парсеков – М.: Мол. гвардия, 1959. – С. 122-137.

Последний пилот: [Рассказ] / Рис. И. Ушакова. – АВТ. Суд над Танталусом – М.: Мол. гвардия, 1962. – С. 30-46.

«Почему» и «для чего»: [Статья] // Вопросы литературы, 1964, № 8. – С. 76-79.

Прораб Вселенной: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. Н. Гришина. – СБ. На суше и на море – М.: Географгиз, 1961. – С. 308-335.

Прораб вселенной: [Рассказ] / Рис. И. Ушакова. – АВТ. Суд над Танталусом – М.: Мол. гвардия, 1962. – С. 75-111.

Пыль приключений: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. А. Гусева, В. Немухина. // Вокруг света, 1962, № 1. – С. 2с. вкл., 17-23; № 2. – С. 42-46.

Пыль приключений: [Рассказ] / Рис. И. Ушакова. – АВТ. Суд над Танталусом – М.: Мол. гвардия, 1962. – С. 178-208.

Разговор в кафе: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. Н. Гришина. // Искатель, 1970, № 1. – С. 59-67.

Суд над Танталусом: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. И. Ушакова. // Знание-сила, 1959, № 4. – С. 31-37.

Суд над Танталусом: [Рассказ] – СБ. Золотой лотос – М.: Мол. гвардия, 1961. – С. 177-202.

Суд над Танталусом: [Рассказ] / Рис. И. Ушакова. – АВТ. Суд над Танталусом – М.: Мол. гвардия, 1962. – С. 3-29.

Суд над Танталусом: [Рассказ] – СБ. Антология советской фантастики – М.: Мол. гвардия, 1967. – С. 213-238.

Чудовище подводного каньона: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. П. Павлинова. // Пионер, 1964, № 2. – С. 36-45; № 3. – С. 35-42.

Чудовище подводного каньона: [Рассказ] – СБ. Фантастика, 1965: Вып. 1 – М.: Мол. гвардия, 1965. – С. 5-35.

Содержание

«Почему» и «для чего».....	3
Новая планета.....	8
Чудовище подводного каньона	25
Небесная кулу	65
Суд над Танталусом	100
Последний пилот	131
Непредвиденное испытание	149
Прораб Вселенной	179
Возвращение круглоголовых.....	218
Исчезновение Лоо.....	257
Первая вахта	332
Возвращение	346
Лунная рапсодия.....	349
На восьмом километре	366
Пари.....	396
Разговор в кафе	416
Ян Разливинский. Забытый Полдень.....	428
Ю. Астров. Умение смотреть вдаль.....	453
Публикации	460